

ISSN 2076-7692



ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н.Г. Чернышевского

2012/4(45)

серия
Философия, культурология,
социология, социальная работа

Ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического
университета им. Н. Г. Чернышевского



Серия
Философия, культурология, социология,
социальная работа

2012/4 (45)

Научный журнал

Основан в 1957 г.

Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-36625

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые ими взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44-04-25,
факс: 8 (3022) 26-73-17.
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.zabvektor.ru>

Подписной индекс журнала
в ОАО «Роспечать» **33190**

Электронная версия журнала

Размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки – www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского, 2012

Редакционный совет:

И. И. Катанаев (*председатель*)

канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ

П. С. Атаманчук, д-р пед. наук, проф. (Украина);
Н. Байра, PhD (Улан-Батор, Монголия); **Ц. Батсуурь**,
д-р пед. наук, проф. (Улан-Батор, Монголия); **Н. Бэгз**,
Dr. Sc. (Улан-Батор, Монголия); **Л. Г. Гусякова**, д-р со-
циол. наук, проф. (Барнаул); **В. А. Ильин**, д-р физ.-мат.
наук, проф. (Москва); **Ли Чуаньсюн**, проф. (Харбин,
КНР); **В. В. Мазалов**, д-р физ.-мат. наук, проф. (Петро-
заводск); **И. И. Осинский**, д-р филос. наук, проф. (Улан-
Удэ); **Е. В. Пискунова**, д-р пед. наук, проф. (Санкт-
Петербург); **Ю. М. Резник**, д-р филос. наук, проф. (Мо-
сква); **В. С. Самсонов**, д-р пед. наук, проф. (Улан-Удэ);
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омск); **Чжен Шуну**,
д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); **Н. В. Языкова**,
д-р пед. наук, проф. (Москва)

Редакционная коллегия серии:

М. Б. Лига (*редактор*), д-р социол. наук, доцент;
Е. В. Артюшенкова, канд. социол. наук, доцент;
С. З. Кимова, канд. пед. наук, доцент;
Е. Ю. Захарова, канд. филос. наук, доцент;
М. И. Гомбоева, д-р культурологии, профессор;
Д. В. Сергеев, канд. культурологии, доцент

Главный редактор объединённой редакции

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Ответственный секретарь объединённой редакции:

Ю. В. Гаврилова

Uchenye zapiski

of Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky



Series
Philosophy, Cultural Studies, Sociology,
Social Work

2012/4 (45)

Scientific Journal

Founded in 1957

Bimonthly

Founder

FSBEI HPE "Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77-36625

The journal

is in the List of the leading refereed scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in
their articles; the views expressed by them do not
necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination
with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 44-04-25,
Fax: 8 (3022) 26-73-17.
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site

<http://www.zabvektor.ru>

Subscription index

of the journal in OAO "Rospechat" Catalog:
33190

The electronic version of the journal is placed
on the platform of the Russian Universal
Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State Humanitarian
Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky, 2012

Editorial Board:

I. I. Katanaev (Chairman),
Candidate of Physics and Mathematics,
associate professor, ZabSHPU Rector (Chita)

P. S. Atamanchuk, Doctor of Pedagogy, professor (Ukraine);
N. Bayra, PhD., professor (Ulan Bator, Mongolia); **Ts. Bat-
suur**, Doctor of Pedagogy, professor (Ulan Bator, Mongolia);
N. Begz, Dr.Sc., professor (Ulan Bator, Mongolia);
L. G. Guslyakova, Doctor of Sociology, professor (Barnaul);
V. A. Ilyin, Doctor of Physics and Mathematics, professor
(Moscow); **Lee Chuan-siung**, professor (Harbin, China);
V. V. Mazalov, Doctor of Physics and Mathematics, professor
(Petrozavodsk); **I. I. Osinsky**, Doctor of Philosophy, professor
(Ulan-Ude); **E. V. Piskunova**, Doctor of Pedagogy, professor
(St. Petersburg); **Yu. M. Reznik**, Doctor of Philosophy, profes-
sor (Moscow); **V. S. Samsonov**, Doctor of Pedagogy, profes-
sor (Ulan-Ude); **N. V. Chekaleva**, Doctor of Pedagogy, profes-
sor (Omsk); **Chen Shupu**, PhD., professor (Harbin, China);
N. V. Yazykova, Doctor of Pedagogy, professor (Moscow)

Series Editorial Committee:

M. B. Liga (Editor),
Doctor of Sociology, associate professor;
E. V. Artyushenkova,
Candidate of Sociology, associate professor;
S. Z. Kimova,
Candidate of Pedagogy, associate professor;
E. Yu. Zakharova,
Candidate of Philosophy, associate professor;
M. I. Gomboeva,
Doctor of Culturology, professor;
D. V. Sergeev,
Candidate of Culturology, associate professor

Editor-in-chief of the Unified Editorial Board

I. V. Erofeeva,

Doctor of Philology, associate professor

Executive Secretary of the Unified Editorial Board

Yu. V. Gavrilova

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----------|
| КУЛЬТУРОЛОГИЯ | 7 |
| <i>Алексеева Г. В.</i> Дыхание Византии в русской певческой традиции: к вопросу о семантике наименований музыкальных формул (на материале певческой азбуки-согласника БАН 32.16.18) | 7 |
| <i>Арзуманов И. А., Камедина Л. В.</i> Духовная культура и вопросы конфессиональной толерантности в трансазиатском контексте. | 13 |
| <i>Баранов В. А.</i> Культура проектирования и деятельностный подход к её изучению | 18 |
| <i>Гавриленко Т. А.</i> Натурфилософские контексты творческого феномена в сознании сторонников «чистого искусства» | 24 |
| <i>Еланцева О. П.</i> Литературно-художественный альманах Приморья: страницы истории | 33 |
| <i>Кирсанова Л. И.</i> Странничество в вещном мире (особенности поэтики И. Бродского) | 40 |
| <i>Козлов Н. И.</i> Формирование музыкального сознания в современных социо-культурологических условиях потребностей и интересов субъекта | 48 |
| | |
| СОЦИОЛОГИЯ | 59 |
| <i>Белосов К. Ю.</i> Потребительское образование в России и за рубежом | 59 |
| <i>Бояк Т. Н.</i> Село в условиях современного российского общества (на материалах Бурятии) | 67 |
| <i>Григорьев С. И., Гусякова Л. Г.</i> Социальное образование в России | 71 |
| <i>Дмитриев В. Ю.</i> Социально-экономические подходы к прогнозу уровня образованности граждан | 78 |
| <i>Дятченко Л. Я., Лебедев С. Д., Сухоруков В. В.</i> Религия и социально-технологическая культура менеджера: качественная и количественная взаимосвязь | 84 |
| <i>Зарубин В. Г.</i> Эстетика политического пространства: опыт социологической реконструкции профессиональной компетентности журналиста | 90 |
| <i>Ковалёва А. В.</i> Социальная реклама как объект социологического анализа | 96 |
| <i>Лановенко О. А.</i> Социально-экономическое положение и потребность молодёжи в специальных социальных услугах в условиях промышленного города. | 101 |
| <i>Лига М. Б., Щеткина И. А.</i> Образование как фактор модификации и трансформации социальной структуры, ценностей современного общества | 108 |
| <i>Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А.</i> Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте. | 116 |
| <i>Начкин А. И.</i> Интерпретация статистических данных о программах уровневой подготовки студентов как способ ранжирования педагогических и гуманитарных вузов. | 122 |
| <i>Немирова Н. В.</i> Методология как предмет анализа в социологии русской школы неокантианства | 130 |
| <i>Сараева Н. М.</i> Общее теоретическое представление о состоянии психики человека, проживающего в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды. | 138 |
| <i>Суворова А. В.</i> Формирование здорового образа жизни в современном обществе (на примере рекламы табака, табачных изделий и курительных принадлежностей) | 145 |
| <i>Черепанова Т. В.</i> Понятие и социокультурные факторы харизматического процесса. | 148 |

| | |
|---|------------|
| СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА. | 158 |
| <i>Копылов А. В.</i> Инновационные формы нестационарного социального обслуживания населения на примере г. Москвы | 158 |
| <i>Куряшкин А. Н.</i> Определение справедливых мер социальной поддержки для схожих групп льготных категорий | 166 |
| <i>Малофеев И. В.</i> Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы | 169 |
| <i>Петросян В. А.</i> Социальная политика, определяющая интеграцию инвалидов | 173 |
| <i>Харабет В. В.</i> Подготовка специалистов социальной работы в контексте регулирования занятости молодёжи: региональный аспект. | 176 |
| ФИЛОСОФИЯ | 182 |
| <i>Варакина М. И.</i> Формирование национальной идеи экологической культуры Китая | 182 |
| <i>Дробышевский В. С.</i> Российское право в свете синергетического подхода | 189 |
| <i>Засухина В. Н.</i> Социально-аксиологическая роль биоэтики в науке и жизни современного общества | 196 |
| <i>Захарова Е. Ю.</i> Социотурэкоцистема: содержание и механизмы управления | 205 |
| <i>Иванова Ю. В., Иванова О. В.</i> Социальная гармония в современном сетевом обществе | 211 |
| <i>Сергеев Д. В.</i> Атрибуты и характеристики культурного смысла | 218 |
| <i>Субботина Н. Д.</i> Триада «Справедливость – Зависть – Месть» как результат естественной и социальной эволюции. | 227 |

CONTENTS

| | |
|---|------------|
| CULTURAL STUDIES | 7 |
| <i>Alekseeva G. V.</i> Breath of Byzantium in the Russian Singing Tradition: the Question of the Semantics of Musical Formulas Names (Based on the Singing Alphabet-soglasnik BAN 32.16.18) | 7 |
| <i>Arzumanov I. A., Kamedina L. V.</i> Spiritual Culture and Issues of Religious Tolerance in the Trans-Asian Context | 13 |
| <i>Baranov V. A.</i> Design Culture and Activity Approach to Its Research | 18 |
| <i>Gavrilenko T. A.</i> Natural and Philosophical Contexts of the Creative Phenomenon in “Pure Art” Supporters’ Consciousness | 24 |
| <i>Elantseva O. P.</i> The Literature and Art Almanac of the Primorsky Region: Pages of History | 33 |
| <i>Kirsanova L. I.</i> Wandering in the World of Things (Features of Joseph Brodsky’ Poetics) | 40 |
| <i>Kozlov N. I.</i> The Formation of Musical Consciousness in Modern Socio-cultural Conditions of the Subject’s Needs and Interests | 48 |
| SOCIOLOGY | 59 |
| <i>Belousov K. Yu.</i> Consumer Education in Russia and Abroad | 59 |
| <i>Boyak T. N.</i> Rural Areas in Contemporary Russian Society (Buryatiya as an Example) | 67 |
| <i>Grigoryev S. I., Guslyakova L. G.</i> Social Education in Russia | 71 |
| <i>Dmitriyev V. Yu.</i> Social and Economic Approaches to Prognosticating Citizens’ Educational Level | 78 |
| <i>Dyatchenko L. Ya., Lebedev S. D., Sukhorukov V. V.</i> Religion and Socio-Technological Culture of a Manager: Qualitative and Quantitative Relationship | 84 |
| <i>Zarubin V. G.</i> Political Space Aesthetics: Experience of Sociological Reconstruction of the Journalist’s Professional Competence | 90 |
| <i>Kovalyova A. V.</i> Social Advertising as an Object of Sociological Analysis | 96 |
| <i>Lanovenko O. A.</i> Socio-economic Situation and Young People’s Need in Special Social Services in Industrial Cities | 101 |
| <i>Liga M. B., Shchetkina I. A.</i> Education as a Modification and Transformation Factor of the Social Structure and Values in Contemporary Society | 108 |
| <i>Martyanov D. S., Martyanova N. A.</i> The Phenomenon of Pirate Parties in the Russian and Global Context | 116 |
| <i>Nachkin A. I.</i> Statistical Data Interpretation of Students’ Tier Educational Programs as a Way of Ranking Pedagogical and Humanitarian Universities | 122 |
| <i>Nemirova N. V.</i> Methodology as a Subject of Analysis in the Sociology of the Russian Neo-Kantian School | 130 |
| <i>Sarayeva N. M.</i> General Theoretical Idea of Mentality Peculiar to a Person Living in Ecologically Unfriendly Environment | 138 |
| <i>Suvorova A. V.</i> Forming a Healthy Life Style in Modern Society (Illustrated by Tobacco Advertising, Tobacco Products and Smoking Accessories) | 145 |
| <i>Cherepanova T. V.</i> The Concept and Sociocultural Factors of Charismatic Process | 148 |
| SOCIAL WORK | 158 |
| <i>Kopylov A. V.</i> Innovative Forms of Ambulatory Social Services for the Population in Moscow | 158 |
| <i>Kuryashkin A. N.</i> Determination of Fair Measures for Social Support to Similar Groups of Privileged Categories | 166 |

| | |
|---|------------|
| <i>Malofeev I. V.</i> The Development of Social Services for the Population: Experience and Problems | 169 |
| <i>Petrosyan V. A.</i> Social Policy that Determines the Integration of the Disabled | 173 |
| <i>Kharabet V. V.</i> Social Work Specialists' Training in the Context of Youth Employment Regulation: a Regional Aspect | 176 |
| PHILOSOPHY | 182 |
| <i>Varakina M. I.</i> The Formation of the National Idea of Chinese Ecological Culture | 182 |
| <i>Drobyshevsky V. S.</i> Russian Law in Light of the Synergetic Approach | 189 |
| <i>Zasukhina V. N.</i> The Socio-axiological Role of Bioethics in Science and Life of Modern Society | 196 |
| <i>Zakharova E. Yu.</i> Socio-natural Ecosystem: Contents and Controlling Mechanisms | 205 |
| <i>Ivanova Yu. V., Ivanova O. V.</i> Social Harmony in Modern Network Society | 211 |
| <i>Sergeyev D. V.</i> Attributes and Characteristics of Cultural Sense | 218 |
| <i>Subbotina N. D.</i> Justice – Envy – Revenge Triad as a Result of Natural and Social Evolution . . . | 227 |

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 783.3.01
ББК Щ 313 (2Р)

Галина Васильевна Алексеева
доктор искусствоведения, профессор,
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток, Россия), e-mail: alexglas@mail.ru

Дыхание Византии в русской певческой традиции: к вопросу о семантике наименований музыкальных формул (на материале певческой азбуки-согласника БАН 32.16.18)¹

Автор показывает, как механизмы процесса адаптации византийской певческой традиции в древней Руси сегодня могут быть выявлены через терминологическую базу учебных певческих азбук. В работе на материале певческой азбуки БАН 32.16.18 продемонстрировано, что этимология названий изучаемых формул, или византийская, или русская, была изоморфна характеру распева мелодического оборота. Доказывается, что тройственный изоморфизм – этимология термина + характер распева + содержание текста – не только обеспечивал синтез элементов православной певческой традиции во всем богослужебном действе, но и давал возможность регулировать процессы обучения напевам, транслируемым устно-письменным путем, т. е. выполнял двойственную функцию. Приводятся примеры соответствия греческой и русской терминов, используемых в музыкальной традиции Древней Руси.

Ключевые слова: механизмы процесса адаптации, Византия – древняя Русь, этимология певческих терминов, тройственный изоморфизм.

Galina Vasilievna Alekseeva
Doctor of Arts, professor,
Far-Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia), e-mail: alexglas@mail.ru

Breath of Byzantium in the Russian Singing Tradition: the Question of the Semantics of Musical Formulas Names (Based on the Singing Alphabet-soglasnik BAN 32.16.18)

The author shows that today the mechanisms of adaptation of the Byzantine singing tradition in ancient Russia can be identified through the terminology database of learning vocal alphabets. On the basis of the singing alphabet BAN 32.16.18, the paper demonstrates that the etymology of the names of the studied formulas, either Byzantine or Russian, is isomorphic to the character of the melodic chant. The study proves that triple isomorphism – the etymology of the term + the nature of the chant + the text content – did not only provide a synthesis of the elements of the Orthodox tradition of singing throughout the liturgical action, but also made it possible to regulate the processes of teaching tunes, transmitted by oral and written ways, i.e. performed a dual function. The paper presents some examples of Greek and Russian terms compliance with the terms used in the musical traditions of ancient Russia.

Keywords: adaptation mechanisms, Byzantium – Ancient Rus', etymology of singing terms, triple isomorphism.

¹Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки

Адаптация византийской певческой традиции в древней Руси проходила трудным путём «приспособления» переведённых текстов к певческим моделям Византии, которые в связи с новым текстом и иным менталитетом, иными вокализационными приёмами другого языка получали новое дыхание. Вместе с тем некоторые механизмы процесса адаптации сегодня «проглядывают» через терминологическую базу учебных певческих азбук. В данной статье автор считает важным поделиться результатами исследований последних лет в этом направлении.

Терминологическое самоопределение русской певческой традиции в музыковедении в последние годы получило новый стимул в связи с расширением базы изданных рукописных источников. Вместе с тем идеи Д. Разумовского, высказанные ещё в 1867 г., о смысле «греческих» названий певческих попевок, лишь недавно получили развитие в исследованиях Т. Грачёвой и Г. Алексеевой. Последние публикации Г. Алексеевой в Москве, Финляндии, Австрии, Болгарии [1; 2; 3; 4; 11; 12] проливают свет на специфику понимания древними мастерами «метатекстов» строк знаменного напева. Каким бы современным ни было определение «метатекст» М. Г. Арановского, оно, как никакое другое, отвечает смыслу явления.

Определяющими для подобных исследований является философия и эстетика отцов церкви и методология Е. М. Верещагина. В. В. Бычков указывал, что в философии и эстетике отцов церкви относительно иконологии учитывались такие параметры образа, как познавательность, приоритетность символической передачи знаний об истине при сохранении генетической соотнесённости с первообразом, свойства «отнологического портрета» реальности в образе [5, с. 38–42]. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия, по мысли Е. М. Верещагина, опиралась на четыре приёма терминотворчества выдающихся славян: заимствование, транспозицию, калькирование и ментализацию [6]. Поскольку для всего средневекового искусства ведущим принципом мышления является изоморфизм явлений, независимо от жанра и стиля творчества, автор данной работы считает возможным перенос философских, эстетических и лингвистических оснований сравнительных исследований на музыкальную почву.

Исследования последних лет позволили вскрыть механизмы адаптации певческой традиции византийцев в древнерусском певческом наследии. Как показали материалы изучаемого автором согласника XVII в., а также другие учебные материалы русского знаменного распева, усвоение певческой традиции шло несколькими путями одновременно: этимология названия изучаемой формулы, и византийская, и русская, была изоморфна характеру распева мелодического оборота, а также «горнему» смыслу пропеваемого текста. **Этот тройственный изоморфизм: этимология термина + характер распева + содержание текста – обеспечивал синтез элементов православной певческой традиции внутри всего богослужебного действия.**

В предыдущих публикациях автора [1; 2; 3; 4; 11; 12] на материалах первого и второго гласов азбуки-согласника 32.16.18 было установлено, что греческая этимология ряда русских знаменных попевок по принципу изоморфизма влияет на характер мелодики попевки и в определённой степени «прикладывается» к «горнему» смыслу текста.

Примеры такого изоморфизма по двум гласам согласника отражены в табл. 1 и 2. Согласник показывает разводные строки с их названиями. «Горний» смысл формул проявлен в их литературном тексте; «земной» смысл, семиотический «метатекст» формулы сегодня скрыт от нас в её названии, но удивительно согласуется с мелодикой, акцентными тонами и знаками формулы. Интонационный «метатекст», или «ядро», или «радикал» формулы, формировал вариантную мелодическую строку, которая, в зависимости от размеров, корректировалась по названию: кавычка меньшая, кавычка большая и т. д.

Назову основные попевки знаменного распева, которые сегодня относительно понятны с позиций греческой и русской этимологии. Среди греческих это:

Рымза – с греческого $\rho\acute{o}\zeta\eta\mu\alpha$ – полёт стрелы.

Цагоща – $\zeta\acute{\alpha}$ и $\gamma\acute{o}\sigma$ – сильный плач.

Кизма – $\kappa\iota\sigma\acute{\sigma}\acute{\epsilon}\upsilon\varsigma$ – увенчанный плющом.

Удра – $\acute{\upsilon}\delta\rho\acute{\epsilon}\tilde{\omega}$ – черпание воды.

Лацега – $\lambda\alpha\tau\alpha\gamma\acute{\eta}$ – звуки мерного падения воды на пыль.

Рафатка – $\rho\acute{\alpha}\phi\alpha\gamma\acute{o}\varsigma$ – звуки от удара воды.

Руза – $\rho\acute{\upsilon}\sigma\iota\omicron\varsigma$ – спасающий, избавительный.

Муча – от *μῦ* – выразить стон, страдание, скорбь.

Пецега – *πέζα* – конец, край.

Таганец – *ταγῆγεύω* – предводительствовать, командовать.

Вироза (бирюза) – от греческого *φέρω* – нести, носить.

Кулизма скамейная – *κύλισις* – катание, перекачивание, круговращение.

Оксица – калька с греческого *ὄξεια* – быстро, стремительно.

Эти термины при их мелодической и текстовой реализации демонстрируют приёмы калькирования и ментализации заложенного в заимствованном понятии смысла. В каждом случае это происходит по-разному, с разной степенью точности передачи этимологии термина. Наиболее ярко это очевидно на таких оборотах, как кулизма, кизма, рымза.

В то же время ряд терминов не имеет аналогов в греческом языке и демонстрирует связь смысла древнерусского понятия с напевом и текстом. Среди них можно назвать следующие:

Рутва – от старославянского рюти – рычать.

Затинка – от затыкать, давать движение вниз.

Кичиги – кычение = кичение.

Кууздра нижняя (кудра, кундра) – кудити – порицать, хулить.

Колыбцы – от колебати.

Перегибка (керечилка) – перегибание.

Заградная – от заградити, заградное.

Корица – от воссылать неразумные молитвы, хулить.

Ины повертки – вариант поворотов мелодии.

Эти понятия в мелодике дают визуализацию русских терминов, иначе – их ментализацию. Среди русских терминов есть и термин, поясняющий визуально основные знаки нотации, входящие в состав оборота, а именно – запятые. Это термин **кавычка**, где происходит визуализация знака «запятая» – от запяти.

Результаты анализа изоморфизма этимологии термина, характера распева и содержания текста по первым двум гласам дополнены в данной работе исследованием остальных гласов, при сопоставлении с Кокизником и Фитником Б. Карастоянова, на материале тех формул остальных гласов, в которых возможно прочтение подтекстовки. Важнейшими основаниями для анализа этимологии терминов были словари старославянского и греческого языка, основополагающими среди которых были словари И. Дворецкого [7] и Э. Благовой [10].

Рукопись согласника 32.16.18 при всей своей привлекательности за счёт расположения материала по учебным квадратам, имеет недостатки. К сожалению, последовательную подтекстовку формул имеют только первый глас и часть второго. В дальнейшем подтекстовка встречается лишь sporadически. В связи с этим исследование синтеза элементов певческой традиции, вскрывающего механизмы адаптации традиции, невозможно провести на остальных гласах изолированно на одной рукописи. Именно поэтому автор данной работы счёл необходимым привлечь работы Б. Карастоянова «Попевки знаменного распева» [9] и «Фитник» [8], так как в них на материале разных формул с подтекстовкой возможен анализ тройственного изоморфизма тех же формул, которые использованы в азбуке БАН 32.16.18.

На листах 316–319 об. (см. ил.) в азбуке из Библиотеки Академии наук сохранилась подтекстовка только на следующих формулах: **дербица, патела, хелеимеоса, кололоелеос, щадра, кудри, скачек большой, большая повертка, коворотка, змеица сугубая, путик великий, царская перетка** (возможно, имелась в виду переметка). Есть на л. 316 об. название «лоперы», характеризующее фитный оборот, который пока трудно соотнести с греческим языком.



Иллюстрация. Лист 316 об. Азбуки

Поскольку в предварительных исследованиях уже было показано русское происхождение ряда из названных терминов, об-

ратим внимание только на те из них, которые имеют греческие корни в этимологии названия (см. табл. 3).

Формулы азбуки с подтекстовкой по остальным гласам согласника

| Глас, расположение в азбуке | Название и этимология | Текст, начертание, буквенная расшифровка |
|-----------------------------|---|--|
| 3 глас, Л. 316 | Дербица – δηρό βιος – долговечный [7, т. 1, с. 361] | На зе– мли а ж q gagf efga aG |
| 4 глас, Л. 316 | Патела – πᾶτέω – топтать [7, т. 2, с. 1269] | Со вы-ше-ни-ми си-ла-ми ‘ f в , j ; z e q D E dcH E fe deF E D ([8, № 30]) |
| 6 глас, Л. 316 об. | Хелеимеоса – χηλευτός, плетёный, χήλευμα – плетёное изделие [7, т. 2, с. 1773] |по-чи-ва-ю-и у в hy k ‘ f / о е q G fe fe F fe de F de dc D C [9, № 19/2] |
| 6 глас, Л. 316 об. | Кололоелеос – композита славянского слова «кололо» – колесо и греческого ἔλεεω – иметь сострадание, сочувствовать, жалеть [7, т. 1., с. 510] (см. об этом также [1, с. 126]) | Си-я– ю те бо све-те-ло ‘ f h ‘ ; r e q Fg A gf ef G fEf D C D |

«Патела», «хелеимеоса» и «кололоелеос» представляют собой очень известные, зачастую заключительные формулы песнопений, образованные от архетипов «грунка», «мережа» и «кулизма». Видимо, функция формул и вызвала необходимость выбора красочных терминов из греческой этимологии. И «хелеимеоса», и «кололоелеос» («жалобное колесо») передают круговращательный характер мелодий; «патела» утвердительным характером мотива «втаптывает» текст; «дербица» подчёркивает основательность напева.

В термине «кололоелеос» происходит заимствование внешней формы мелодического движения, которая выражена корнем «кололо», в соединении с калькированием корня «елеос». При заимствовании внешней формы мелодического движения произошла ментализация корня «кололо». Действительно, «кололо», «колесо» не является переводом греческого слова (по гречески колесо – τροχός), но является калькой понятия «κύλισις» – катание, перекатывание [7, т. 1, с. 995].

Такие сложные процессы адаптации византийской певческой традиции, безусловно, проходили на Руси. Наша работа вскрывает лишь некоторые из механизмов адаптации. Вместе с

тем на сегодняшний день становится ясно, что усвоение певческой традиции шло одновременно на нескольких уровнях перцепции: этимология названия изучаемой формулы, как византийская, так и русская, была изоморфна характеру распева мелодического оборота, а также «горнему» смыслу пропеваемого текста. **Важно подчеркнуть, что тройственный изоморфизм: этимология термина + характер распева+ содержание текста – не только обеспечивал синтез элементов православной певческой традиции во всем богослужбном действе, но и регулировал процессы обучения напевам, транслируемым устно-письменным путём.** Память византийской традиции совершенно определённо «работала» в русской певческой терминологии, обеспечивая процессы передачи певческого наследия. При этом метатекст певческой строки обеспечивал связь либо с греческой, либо с русской этимологией термина. При устной-письменной передаче традиции пения трудно представить себе иные механизмы певческого разрастания глубинной вокальной культуры на Руси. В азбуках XVII в. сохранились рудименты названий тех интонационных моделей, по которым шло обучение русских певчих выходцами из Византии.

Список литературы

1. Алексеева Г. В. Современные методологические подходы к изучению взаимодействия византийской и древнерусской певческих культур // Музыкаведение к началу века: прошлое и настоящее Российская академия музыки им. Гнесиных. М., 2007. С. 120–130.
2. Алексеева Г. В. Сакральный след греческого имени в интонации русской знаменной попевки: новые подходы в изучении вопроса адаптации певческой традиции (на материале русской певческой азбуки XVII века из Библиотеки Академии наук 32.16.18) // Коммуникации в искусстве и науке: сб. материалов конф. из цикла «Григорьевские чтения» / Московский гуманитарный университет. М., 2010. С. 69–84.
3. Алексеева Г. В. **Alekseeva Galina. Новые методологические подходы к исполнению знаменной монодии через прочтение сакрального смысла этимологии терминов // Theorie und geschichte der monodie. Festschrift für Bozhidar Karastoyanov anlässlich seines 70. Geburtstags. Wien 2011. S. 15–23.**
4. Алексеева Г. В. Семантика «имён попевок» и их музыкальное наполнение в контексте сравнительных византийско-русских исследований // Проблемы музыкальной науки: Российский научный специализированный журнал ВАК. 2011. № 1 (8). Уфа, 2011.
5. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М.: Мысль, 1992. 637 с.
6. Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М.: Индрик, 2001. 608 с.
7. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. М., 1958.
8. Карастоянов Б. П. Мелодические формулы знаменного распева в Фитнике Федора Крестьянина: рукопись 60-х гг. XVII в. // РНБ, собрание Погодина, 1925. Wien. 2005. 440 с.
9. Карастоянов Б. П. Попевки знаменного распева. По материалам певческой книги Праздники, новая истинноречная редакция. Рукопись конца XVII в. М.: ГИМ, Синодальное певческое собрание № 41. Wien. 2008. 500 с.
10. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
11. Alekseeva Galina. Earthly and Divine in the «Soglasnik» from the Russian singing ABC book of the XVII century from the Library of Academy of Science 32.16.18. THE 3RD INTERNATIONAL CONFERENCE ON ORTHODOX CHURCH MUSIC “State, Church and Nation in Orthodox Church Music” Joensuu, Finland. 8–14 June 2009. The International Society for Orthodox Church Music. 2010, 1 п. л. P. 262–287.
12. Alekseeva Galina. Mechanisms of the Byzantine culture adaptation in Russia: singing, miniature, church service / Proceedings of the 22th International Congress of Byzantine studies. Sofia, 22–27 August 2011. Volume III. Abstracts. Sofia 2011. P. 271–272.

Статья поступила в редакцию 25.02.2012 г.

Игорь Ашотович Арзуманов

доктор культурологии, профессор
Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия),
e-mail: arsumanov@mail.ru

Людмила Васильевна Камедина

кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Духовная культура и вопросы конфессиональной толерантности в трансасиатском контексте

Важными функциями духовных культур народов являются формирование и сохранение социокультурной целостности, трансляция духовных традиций, воспитание личности, защита её от деструктивных влияний, в том числе и религиозных. При защите народом своей духовной культуры государство призывает его к конфессиональной толерантности. Между тем навязываемые, чуждые народу религиозные инновации наносят значительный вред духовному здоровью нации, разрушают естественное гармоническое состояние личности, её духовный, психический и физический мир, входят в конфронтацию с духовными смыслами национальных культур. Внедрение в традиционную конфессиональную базу чуждых религиозных инноваций может касаться изменения национально образующих основ культурологического базиса социума и явиться фактором современной геополитики. Отсюда, как никогда, актуальны исследования региональных конфессиональных инноваций.

Ключевые слова: духовная культура, толерантность, религиозные инновации, геополитика.

Igor Ashotovich Arzumanov

Doctor of Culturology, professor,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia),
e-mail: arsumanov@mail.ru

Lyudmila Vasilievna Kamedina

Candidate of Philology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Spiritual Culture and Issues of Religious Tolerance in the Trans-Asian Context

The important functions of peoples' spiritual cultures are the formation and maintenance of socio-cultural integrity, transfer of spiritual traditions, upbringing of individuals, their protection from destructive influences, including religious ones. Protecting people's spiritual culture, the state encourages them to religious tolerance. Meanwhile, imposed, alien to the people religious innovations cause significant harm to the spiritual health of the nation, destroy the natural harmonious state of the personality, his spiritual, mental and physical world. They are in confrontation with the spiritual meanings of national cultures. The introduction of alien religious innovations into traditional confessions may deal with changes in the national foundations of the society's cultural basis and be a factor of modern geopolitics. Hence, more than ever, research on regional religious innovations is relevant.

Keywords: spiritual culture, tolerance, religious innovations, geopolitics.

Духовная культура в широком значении обозначает нематериальную культуру, которая включает в себя познавательную, художественную, правовую и др. В последнее время, в связи с вводом в образовательное пространство основ

религиозных культур, под духовной культурой часто понимают религиозную культуру. Культура отождествляется с религией, поэтому содержание понятия «духовная культура» часто ограничивается религиозной культурой. Ре-

лигия нуждается в материальных механизмах своей передачи и поэтому оправдывает культуру. Духовная культура оказывает влияние на нравственную, законодательную, творческую, бытовую и другие области жизни человека. Духовная культура может отождествляться с религией народа: например, у русских – православная, у узбеков – мусульманская, у бурят – буддийская культуры и т. д.

Словосочетание «духовная культура» не является понятием в строго научном смысле. Во-первых, понятие «культура» охватывает всю человеческую деятельность и не имеет определённого значения. Во-вторых, «духовность» – это свойство культуры, связанное с неуловимым для науки и поэтому не выразимое до конца на строго понятийном уровне. Христианская, мусульманская, буддийская культура – это всё суть духовная культура, это традиционная культура народов с включённым социальным опытом духовного освоения мира, передающимся от поколения к поколению как традиция и материализующимся в продуктах духовной деятельности – храмах, иконописи, песнопениях и пр. Духовная культура – идеальная культура, она несёт высший, вневременной идеал, способствует причастности человека национальному самосознанию, национальной системе ценностей. Функции духовных культур в формировании и сохранении социокультурной целостности, трансляции духовных традиций, воспитании личности, защиты её от разного рода деструктивных влияний, в том числе и религиозных. При защите народом своей духовной культуры государство призывает его к профессиональной толерантности, если, конечно, речь не идёт о навязываемых, чуждых народу религиозных инновациях или откровенном религиозном экстремизме.

В 2009 г. Российская Федерация приняла стратегию национальной безопасности до 2020 г. По-новому сформулированы государственные приоритеты – с опорой на национальные интересы, на сбережение России и её народа. При реализации стратегии национальной безопасности необходимо принимать во внимание и духовную безопасность РФ. Вопросы духовной безопасности решаются правовым институтом государства и институтом Церкви, роль которой в нашей стране в последние годы возрастает. Церковь призвана сохранять духовную культуру народа и бороться с тоталитарными сектами, которые наносят значительный

вред духовному здоровью нации. Например, благодаря усилиям Русской православной церкви некоторые зарубежные религиозные организации на территории нашей страны были запрещены законом в силу своей духовной агрессии и враждебности государству. Церковь никогда не находилась в стороне от жизни народа. Церковь пытается решать проблемы конкретной личности, приходящей в собор верующих, но она же пытается помочь и обществу как неизлечимо больному. Наступило «время Церкви» – это, как пишет В. А. Никитин, «вечное теперь», это «сакральное литургическое время», которое придаёт высший смысл человеческой деятельности и лежит в основе подлинной, духовной культуры [8, с. 26].

Целостность, единство и нерасчленённость церкви распространяется на целостность, единство и нерасчленённость духовно-культурного её наследия. Когда разрушаются корневые духовные ценности, попираются святыни и целенаправленно разрушается духовно-нравственный мир личности, тогда создаются условия духовной угрозы личности, обществу и государству в целом. Церковь благословляет на творчество, на созидание духовной культуры, считая это *благом* для общества и человека. Церковь вместе с государством осуществляет защиту традиционных духовных ценностей народа, сохранение и поддержание идей патриотизма и святости, образование и воспитание духовной личности.

В XXI в. человек оказался в культуре ложных или подменённых смыслов и ценностей. Эта дезориентация уводит от духовной целостности национальной культуры, её вековых традиций, связанных с религией народа. В. А. Никитин пишет о том, что в настоящее время и культура нуждается в защите от духа невежества, и личность нуждается в защите от ложных сектантских суеверий, духовных лжеучений, которые действуют на неё [8, с. 484]. Личность нуждается в духовной безопасности. Решать проблему духовной безопасности личности, по мнению А. И. Хвыли-Олинтера, нужно в сфере науки, культуры, церкви и государства [11]. В информационно-образовательном пространстве личность усваивает смыслы для своих секулярных потребностей, а в институте Церкви – для потребностей своей души, для пневматологии духа, для смысла жизни. Личность формирует свой культурный мир не только информационно-образовательными или социокультурными компонентами, но и сво-

им духовным опытом, который накапливается при освоении духовного смысла национальной культуры. Это требует выхода за пределы строго научных знаний в неклассические формы освоения духовной информации. Исследователь М. В. Силантьева рассматривает этот аспект на примере русской духовной культуры и православия. Важную роль должен сыграть христианский антропологизм, если, по мысли М. В. Силантьевой, подходить к нему без религиозного фанатизма [10], и культурология, которая выстраивает такое же отношение (без фанатизма) между культурой и церковью, которые «присваивают» человека себе.

Секулярный характер культуры уже не удовлетворяет личность, т. к. культура, лишённая духовного смысла, вырождается в бездушный эстетизм, который игнорирует вертикальную устремлённость личности к духу Творца, а не к духу другой, такой же личности, или к культуре, как таковой. Религия вносит в культуру свои знания о Боге, мире и человеке и предлагает свой опыт творчества, в котором человек, уподобляясь Творцу, духовно преображается. Культурное творчество должно стать средством духовного благовестия. Поэт, писатель и богослов Иоанн Сан-Францисский напоминает людям культуры: «Мы, люди, призваны наполнить мир благоуханным садом добрых творческих мыслей и чувств <...> В этом высшее осуществление цели жизни нас всех – Царство Божие <...> Культура есть труд человеческий, движимый любовью, она есть дочь любви и свободы <...> Истинная культура есть связь человека с Творцом и со всем миром. И эта связь называется религией» [5, с. 422–424]. Личность, не имеющая духовных знаний и духовного опыта, становится жертвой разного рода религиозных манипуляций, религиозных организаций и т. п. Человеку кажется, что религиозных истин много и что все они имеют общий религиозный источник и духовный смысл, человек отстраняется от обдумывания духовных проблем добра и зла, соглашается со злом и воспринимает его как неизбежное. Дух зла часто маскируется под дух добра, не отличается от него. Заблуждаясь, человек путает знания с суеверием, истину с ложью, любовь с корыстью. В таком духовном состоянии человек часто попадает под влияние религиозных инноваций деструктивного характера.

Деструктивные культы разрушительны по отношению к естественному гармоничному со-

стоянию личности, к её духовному, психическому и физическому миру. А. И. Хвыля-Олинтер, анализируя причины «нашествия деструктивных культов» в Россию, называет, прежде всего, «духовную опустошённость и неосведомлённость значительной части граждан» в области пневматологии культуры [11, с. 18]. С. Г. Карамурза в своих трудах предупреждает ещё и об умелом манипулировании сознанием российских граждан, зомбированием сознания, что в результате приводит к потере свободы выбора, рабству духа [7]. Средство спасения исследователь видит в освоении национальной духовной культуры и её смыслов. Например, он предлагает как можно чаще обращаться к русской классической литературе, «лечиться» ею от манипуляторов [7, с. 714–715].

Информированность о тоталитарных сектах и деструктивных религиозных инновациях является средством защиты. Такую информацию можно почерпнуть из книг А. Л. Дворкина [4], справочной литературы [9], изучения материалов региональных и международных научно-практических конференций (например, «Иннокентиевские чтения» в Чите, «Христианство на Дальнем Востоке» в Хабаровске, «Приморские образовательные чтения» во Владивостоке и др.), просмотра и обсуждения видеофильмов, использования интернет-ресурса. В этих изданиях содержится информация о появлении религиозных инноваций в соседних восточных странах: в Японии, Китае, Корее, Монголии.

В последнее десятилетие западные религиозные инновации устремились на Восток. Это, в первую очередь, выразилось в духовной экспансии в лице миссионеров и проповедников преимущественно постпротестантских деноминаций. Они используют желание восточной молодёжи изучать иностранные языки, проповедуя протестантизм в различных инновационных вариантах. Например, по сведению Секретаря Правительственного Совета по делам иностранных граждан при Минюсте Монголии Б. Доньжимбуу, за последние годы в Монголии наблюдается настоящая конфессиональная атака; только в Улан-Баторе действует 30 общин, сект под вывеской гуманитарного фонда, которые скупают недвижимость через подставных лиц; его сотрудники ездят по стране не только с евангелием, но и с аппаратурой для топосъёмки и гидрометеорологических наблюдений. Молодёжь активно вербует за границу, якобы, для обучения пасторскому делу, а

фактически наблюдается разрушение единства монгольского народа и его традиционной культуры. Секты входят в конфронтацию с духовными смыслами национальных культур. Это создаёт трудности для межнационального и межконфессионального диалога.

Поднимая вопрос о проблемах толерантности в религиозном контексте, мы непременно выйдем на уровень вероисповедной политики как одной из доминирующих идеологических подсистем. Идеология присуща человеческому обществу. Идеология предлагает разные общественно-исторические ценности. Утрата доминантных ценностей может явиться причиной геополитических трансформаций. Временная утрата ведёт к геополитической дезориентации, как это случилось в России в конце XX в.

При исследовании проблем религиозного пространства Восточной Сибири, определяется ряд непроработанных вопросов, связанных с либерально-демократической религиозной политикой, характерной для западной цивилизационной парадигмы; отсутствием государственной региональной религиозной политики, которая должна быть нацелена на признание Восточной Сибири межцивилизационным пограничьем со своими конфессиональными доминантами в социокультурном пространстве. Исследователи предлагают рассматривать социокультурный спектр вопросов, связанный с религиозным пространством вкупе с проблематикой государственной безопасности [3, с. 3–8]. Международные правовые институты декларируют «толерантность» в сфере прав человека как идеологическую доминанту.

Исторически утверждению конфессионального плюрализма способствовали Аугсбургский религиозный собор (1555 г.) и Нантский эдикт (1598 г.), но сам феномен толерантности появился с возникновением и становлением правового государства в Западной Европе. В длительном столкновении и сосуществовании светской и религиозной культуры происходит рождение толерантности в истории западных народов. В «Декларации принципов толерантности» 1995 г., подписанной в Париже 185 государствами, указывается и социокультурный аспект толерантности – это терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Эти характеристики способствуют стабильности и прогнозируемости межличностных и общественных взаимоотношений.

Толерантность требует определённого преодоления себя при сохранении своей самости. Конфликт «терпимость» – «нетерпимость» чаще всего возникает в конфессиональной сфере, в том числе и в многообразии религиозных культур. В период глобализационных изменений меняется исследование толерантности. С одной стороны, глобализация несёт потенциал сближения международных контактов, а с другой стороны, глобализационные процессы сопровождаются нарушением границ «предела толерантности» – возрастанием нетерпимости не только на локальном уровне, но и на уровне глобализационно-цивилизационном. В случае угрозы толерантности государство вмешивается в этноконфессиональные конфликты и регулирует их рядом выработанных правовых норм, законодательных актов. При этом как российские, так и международные правовые акты отмечают общерелигиозный аспект проблематики, связанный с нарушением толерантности в социокультурном пространстве. Понятийное определение угроз религиозной толерантности, как правило, ограничивается терминами «секта», «деструктивный культ», «тоталитарная религиозная организация» и увязывается с проблемой религиозного экстремизма. Внедрение в традиционную конфессиональную базу чуждых религиозных инноваций может касаться изменения национально образующих основ культурологического базиса социума и явиться фактором современной геополитики. Отсюда, как никогда, актуальны исследования региональных конфессиональных инноваций.

В Восточной Сибири и странах Азиатско-Тихоокеанского региона продолжается структурирование религиозных инноваций, деятельность которых носит трансазиатское направление, основная цель которых – Китай, Монголия и страны Юго-Восточной Азии. Плацдармом для «наступления» выбраны Россия, Монголия и Китай. Преимущественно, распространяются постпротестантские и неоориенталистские направления. Если в 1990-е гг. любые религиозные притязания были запрещены законодательством Монголии и Китая, то в 2000-х гг. происходит трансформация религиозного права в этих странах. «Тотальная либерализация» законов обусловлена политикой западных стран в Северо-Восточной Азии. На примере Монголии видно, что для оптимального режима работы американских и западноевропейских компаний было необходимо правовое обеспечение имид-

жевого сопровождения процессов внедрения на внутренний рынок страны. Адаптация монгольского права обеспечивается Национальным юридическим центром Монголии, созданным при финансовой и методологической поддержке правительства США. В Минюсте Монголии зарегистрировано 36 религиозных объединений только христианского направления. Например, активно работает Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны). В центре Улан-Батора построено двухэтажное современное здание администрации мормонов Монголии. Центр имеет систему приходов в наиболее развитых промышленных городах страны. Основное направление – социально-благотворительная деятельность, образовательные услуги, активная переводческая работа. Стратегическое направление – Центрально-Азиатский регион, Гонконг, Тайвань.

В Китае миссионерская деятельность мормонов затруднена положениями китайского законодательства. Китай ограничивает свободу религиозных обрядов заезжих миссионеров. В последние годы был закрыт ряд «подпольных» мечетей, храмов, семинарий, «домашних церквей», сорваны собрания, уничтожены места религиозных обрядов. Постпротестантские инновации исповедуют в основном иностранные рабочие и служащие, работающие в Китае. Сами китайцы предпочитают оставаться в сво-

их традиционных восточных духовных культурах, тем самым сохраняя национальный менталитет и национальную идентичность.

Таким образом, анализ цивилизационного аспекта толерантности показал, что разновекторность религиозных культур в их антропологическом окрасе геополитична. Важную роль в обеспечении толерантности играет государство. Оно способствует формированию религиозной толерантности в конфессиональном институте. Оформление ценностей гражданского общества сопрягается с ценностями мировых религий. В Восточной Сибири и Монголии продолжается структурирование религиозных инноваций, деятельность которых носит трансасиатское направление. Россия и Монголия – место аккультурации регионального социокультурного пространства западными духовными ценностями, чуждыми народам этого региона.

На современном этапе поисков общегосударственной национально образующей идеи встаёт вопрос о необходимости системного анализа религиозной проблематики в целях корреляции правовых аспектов толерантности адекватно природе происходящих в региональном конфессиональном пространстве процессов, информационно-аналитической обработке и научном осмыслении природы современных религиозных инноваций.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования: монография. Иркутск: ИГУ, 2006. 212 с.
2. Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 190 с.
3. Бобков А. И., Шелепинь Д. В. Религиозная безопасность Восточно-Сибирского региона в контексте государственной безопасности // Правовое развитие Сибири в рамках реализации внутренней и внешней политики РФ: региональное правотворчество и правоприменение: материалы всеросс. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2004. С. 3–8.
4. Дворкин А. Л. Сектоведение. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя князя Александра Невского, 2002. 816 с.
5. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. 575 с.
6. Камедина Л. В. Феномен духовного смысла в русской культуре. М.: Русаки, 2011. 198 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 736 с.
8. Никитин В. А. Основы православной культуры. М.: Дом надежды, 2009. 560 с.
9. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник. Белгород: Миссионерский отдел Московского Патриархата РПЦ, 1997. 475 с.
10. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 10. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2009. С. 196–206.
11. Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М.: Дарь, 2008. 640 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2012 г.

Валерий Александрович Баранов

*доктор философских наук, кандидат технических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток, Россия), e-mail: alexglas@mail.ru*

Культура проектирования и деятельностный подход к её изучению

В статье обосновывается необходимость разработки понятия «проектная культура». Намечается его связь как с теорией в области реального проектирования, так и в социально-экономической сфере. Выявляется взаимозависимость между обозначенной проблемой и современным развитием российского общества и его культуры в целом; указывается на экономические причины основных проблем в культуре: сырьевой характер экономики, препятствующий развитию инновационных процессов в разных сферах общества. В целом, обозначается три проблемы, обусловившие обращение именно к этой теме. Приводятся основные характеристики деятельности, обосновывается применение деятельностного подхода к исследованию проектирования как феномена культуры. Оценивается эффективность деятельностного подхода при построении авторской концепции истории архитектурно-строительного проектирования. В заключении автор формулирует основные положения собственной концепции.

Ключевые слова: проектная культура, архитектурно-строительное проектирование, деятельность, деятельностный подход, методология.

Valeriy Aleksandrovich Baranov

*Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, associate professor,
Far-Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia), e-mail: alexglas@mail.ru*

Design Culture and Activity Approach to Its Research

The article explains the need to develop the concept of “design culture” and connects it with the theory of real design and the socio-economic sphere. It reveals the interdependence between the indicated problem and the development of modern Russian society and its culture as a whole, points to the economic causes of the major problems in culture: the raw nature of the economy, which prevents the development of innovative processes in different spheres of society. In general, it indicates three issues that lead to appeal specifically to this topic. The paper presents some basic characteristics of the activity, justifies the application of the activity approach to the study of design as a cultural phenomenon and evaluates the effectiveness of the activity approach in constructing the author’s conception of the history of architectural and structural design. In conclusion, the author formulates the main provisions of his own conception.

Keywords: design culture, architectural and structural design, activity, activity approach, methodology.

С проектной культурой сложилась парадоксальная ситуация. О ней говорят везде. Педагоги – о формировании проектной культуры преподавателей; управленческие деятели – о культуре управления проектами; математики – о проектной культуре математиков и т. д. Везде проектная культура, даже в детском саду [4, с. 132]. Везде... кроме профессионально проектирующей среды. Ни в программной статье Б. В. и И. А. Генераловых [2], разъясняющей проект концепции развития проектной деятельности в условиях саморегулирования на перспективу до 2020 г., ни в проекте самой

концепции ни слова о проектной культуре, хотя многое из того, что входит в содержание этого понятия, в концепцию включено. Это говорит о том, что для профессионального языка проектировщиков этот термин ещё новый, а потому и не определён в нём. Поэтому определять его придётся ориентируясь на научные публикации из других областей деятельности.

В этих же публикациях понятие «проектная культура» представлено в двух параллельно существующих определениях. Первое определение интерпретирует проектную культуру как культуру самой проектной деятельности:

«Проектная культура – это высший уровень сферы дизайна, надстраивающийся над текущим проектным процессом преобразования и/или воссоздания среды, над такими его составляющими, как проектирующие сообщества, проектное хозяйство, проектируемые части среды и, разумеется, над инфраструктурой дизайна, то есть функциональными службами, обеспечивающими нормальное течение проектного процесса. Проектная культура – это надуровень проектного процесса, так же как инфраструктура – подуровень его» [3, с. 12].

Согласно другому варианту, проектная культура распространяется чуть ли не на всю человеческую деятельность, приобретая статус её исторически доминирующей формы. В данном случае определение базируется на утверждении о том, что «всякий трудовой процесс конституируется проектом, специфической формой сознания, не сводимой ни к логическим, ни к эмоциональным, ни к субъективным, ни к объективным его формам, но совмещает в себе черты и тех и других и более всего опирается на способность продуктивно воображения» [5].

Как видим, основания для параллельного существования этих определений имеются, так как они о разном. Согласно первому, происходит включение институализированной проектной деятельности в сферу культуры, согласно же второму – проект и проектирование само возводится до уровня культурной формы любой деятельности. Предпочтения автора, являющегося специалистом в области профессионального архитектурно-строительного проектирования, остаются на стороне первого определения, и это специально здесь оговаривается, чтобы было понятно, о чём речь в этой работе.

Сегодня как минимум три обстоятельства требуют культурологической актуализации профессиональной деятельности. Первое связано с общим снижением культурного уровня общественной среды, в которую встроена любая профессиональная деятельность, в том числе и проектно-конструкторская. Основной причиной плачевного состояния культуры широко признаётся ресурсно-сырьевой способ существования России в рыночной экономике, который «автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества, народа к полюсу государства и власти, управления и коммунальных сборок» [10,

с. 66]. И здесь же: «Наиболее престижным, доходным и перспективным, “поистине государственным” делом становится распределение и перераспределение, а не обеспечение производства и творчества. Главной ценностью оказываются не люди, а структуры, их знаки и персонификации» [там же]. Это положение оказывает влияние на культуру всех сфер общественной жизнедеятельности России. В экономике это затормаживает развитие собственных производящих отраслей и снижает ценности инновационных процессов. В управлении выдвигает администрирование на передний план, прививая чиновничьему клану чувство самоценности и самодостаточности. Общество приобретает потребительский, в том числе иждивенческий, настрой, свёртывается производительная инициатива, выдвигая в качестве приоритета встраивание в системы власти и распределения.

Сложившееся положение привело к тому, что существующая культурная среда уже не может оказать того спонтанного формирующего влияния на профессиональную деятельность, которое она, вообще говоря, призвана оказывать. Это означает, что профессиональная культура, в том числе и проектно-конструкторская (в частности, культура архитектурно-строительного проектирования), должна теперь направленно формироваться.

Второе обстоятельство – мощный рост деятельных средств проектирования, связанный с его компьютеризацией. По этому поводу уместно вспомнить известное выражение К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, ЧТО производится, а тем КАК производится, какими средствами труда» [8, с. 191]. Уместно потому, что в проектировании внедрение компьютеров равнозначно смене экономических эпох: и в том и другом случае радикально меняется культура производства. Если этого вовремя не понять и не принять соответствующих мер, произойдёт неуправляемая переоценка ценностей, когда действие средств труда – компьютеров начнёт цениться в интеллектуальном плане более, чем действия человека. И к этому есть определённые основания. В итоговом меморандуме Московского форума культуры, состоявшегося 1 июля 2010 г. записано: «Величайшие достижения информационного, технологизированного века в своём влиянии на жизнь людей и социодинамику культуры нередко теряют

свой созидательный потенциал, оборачиваются против человека и заводят человечество в тяжелейшие кризисы и тупики, если они не подкрепляются ресурсами культуры. Дегуманизация общества – одна из фундаментальных опасностей развития человечества конца XX – начала XXI вв.». Более того, достаточно широко известны прогнозы технологической сингулярности, т. е. гипотетического момента в будущем, когда технологическое развитие станет настолько стремительным, что график технического прогресса станет практически вертикальным. В связи с этим высказываются серьёзные опасения, что «постчеловеческий» мир, который в результате появится, будет совершенно чужд для нас и сегодня пугающе страшен своей неизвестностью.

И, наконец, третье обстоятельство. Известно, что общественные кризисы, как правило, стимулируют качественные перемены в организации социума. Сегодня это связано с неизбежностью и уже наметившимся переходом мировой, в том числе и российской экономики на инновационный путь развития. Инновационная экономика – это и новая культура всего общества, но прежде всего это новая культура профессиональной деятельности тех, кто самым непосредственным образом связан с инновациями, т. е. проектировщиков (архитекторов, дизайнеров, инженеров-архитекторов, конструкторов и т. д.). Именно здесь должен происходить перевод новых научных знаний в реальную плоскость практических новаций. Это потребует массового осмысленного инновационного проектирования, постоянного накала творческой потенции, одних из основных составляющих требуемой проектной культуры. Но именно с такой культурой всегда были проблемы в России.

Кроме этого, надо понимать, что инновации, творимые в проектировании, по «по большей части амбивалентны в ценностном отношении. Они могут порождать и надежды (в медицине), и страх (ракетно-ядерное, химическое, биологическое оружие), служить благу людей и иметь одновременно опасные побочные последствия. Они влияют на изменение ценностных установок общества или отдельных его групп, причём не обязательно положительным образом...» [1, с. 132]. В архитектурно-строительном проектировании вместе с уже состоявшейся либерализацией нормативных требований и широким ассортиментом материалов и конструктивных элемен-

тов на строительном рынке (главным образом зарубежных) это создаёт благоприятные условия не только для разумного творчества «в норме», но и «творчества в патологии».

Все вышесказанное свидетельствует в пользу необходимости обращения к проектной культуре, к её изучению и трансляции в живую, реальную проектную деятельность через образовательные и постобразовательные каналы.

Среди многочисленных определений и подходов к изучению культуры равноправным среди многих продолжает оставаться деятельностный подход, сформулированный впервые Э. С. Маркаряном в 80-х гг. прошлого столетия, и ставший затем популярным среди отечественных культурологов. Вот как он выражен в одной из его работ: «Понимание культуры как специфического способа человеческой деятельности, способа существования людей, имеющего конечную адаптивную и когэнтропийную природу, может послужить началом для методологически эффективного решения проблемы установления как общего предмета теории культуры, так и истории культуры. Термин “способ деятельности” понимается в широком значении, несводимым лишь к навыкам, умению, а предполагающим также и охват многообразных объективных средств осуществления активности людей... Изучение истории общества сквозь призму понятия “способ деятельности” позволяет абстрагировать вполне определённый культурный срез, элементами которых выступает комплекс внебиологически выработанных средств, благодаря которым действия людей особым образом стимулируются, программируются, воспроизводятся» [7; 8].

В начале нынешнего века деятельностный подход подвергся серьёзному обсуждению в кругу известных философов, методологов и психологов. Это обсуждение вылилось в большую подборку статей во втором и третьем номерах «Вопросов философии» за 2001 г. под рубрикой «Деятельность, культура, человек». Оценки положения с деятельностным подходом в российской науке были самыми разными – и «за» и «против». Но на все типичные обвинения в адрес деятельностного подхода обоснованно ответил В. А. Лекторский, главный редактор журнала: «Развитие, трансформация, переинтерпретация последних (теорий деятельности, В. А.) и даже отказ от них

сами по себе не только не означает отказ от деятельностного подхода как рамки, но, наоборот, указывает на его новые возможности» [6, с. 57].

Присоединяясь к этому утверждению, считаю, что деятельностный подход далеко ещё не полностью реализовал себя ни в исследовании культуры, ни в исследовании процессов проектирования, ни тем более в исследовании на уровне их единства. Кроме того, данная работа не претендует на всеобъемлющий охват проектной культуры. Здесь рассматривается всего лишь локальный её фрагмент – культура архитектурно-строительного проектирования, для исследования которого, на наш взгляд, деятельностный подход может дать наиболее продуктивные результаты. И вот почему.

В исследованиях материальной культуры прошлого огромное значение придается памятникам архитектурно-строительного искусства. Я специально называю «архитектурно-строительного», ибо, называя их «памятниками архитектуры», их рефлексию сужают до границ архитектурно-художественной проблематики, уводя строительное искусство на второй план, а то и вовсе игнорируя его. Сегодняшняя история архитектуры представляет собой наложение двух структур – региональной и стилевой. Связано это с тем, что стилевая концепция, характерная для европейской архитектуры, не применима к архитектуре восточной, а региональная не ухватывает единства исторического развития европейской архитектуры. История архитектурно-строительного проектирования и вовсе отсутствует. Преодолеть эти противоречия и упущения может только деятельностный подход, предлагаемый в данной работе в качестве исследовательской концепции. Для её обоснования уместно напомнить некоторые основные характеристики деятельности, важные для понимания концепции деятельностного подхода к исследованию архитектурно-строительного проектирования как феномена культуры.

Деятельность есть, прежде всего, активность, выражающаяся в непрерывном взаимодействии человека с миром (с вещами, с людьми и т. д.). Механизм этого взаимодействия проявляется в том, что человек своей волей приводит в движение исторически доставшиеся ему средства деятельности и, преобразуя выделенный им предмет, удовлетворяет общественно заданную ему потребность. Человеческий ха-

рактер деятельности обретает тогда, когда она становится производящей, сознательной и целеполагающей.

Изначально не заданные, непрерывные, динамические, формирующиеся процессы, обуславливающие приращение качества вовлечённых в них структур, являются процессами развития. Именно к таким процессам относится человеческая деятельность. Новая деятельность расширяет возможности взаимодействия с окружающим миром. Новые взаимодействия требуют изменения деятельности. В этом взаимном изменении деятельности и окружающего мира, в котором изменяются внешние связи и внутренняя структура самой деятельности, и состоит механизм её развития.

Деятельность обладает системно-иерархической уровневой структурой организующих её программ, восходящих от уровня конкретно-ситуативных до уровня концептуальных. Такая уровневая структура является продуктом категоризации, благодаря которой понятия ранжируются или классифицируются от наиболее общих до конкретных, каждое новое явление относится к тому или иному уровню или классу понятий, а каждая ситуация оценивается на действие в ней в соответствии с тем или иным уровнем или классом понятий.

Однако уровневая структура программной организации деятельности носит не только категоризационный, но и конкретно-исторический характер, являясь продуктом исторического развёртывания деятельности. Об этом ещё в 1955 г. писал Х. Ортега-и-Гассет: «...человек обладает не природой, а... историей. Или – другими словами – чем природа является для вещей, тем история является для человека». И далее: «Итак, о человеке необходимо сказать не только то, что его бытие изменчиво, но что оно ещё и наращивается и в этом смысле прогрессирует» [11, с. 468]. Позже на основе такого понимания человеческой деятельности Я. А. Пономарёвым сформулирован принцип, согласно которому «этапы развития явления трансформируются в структурные уровни его организации и выступают затем как функциональные ступени последующих взаимодействий, ведущих к дальнейшему развитию» [9, с. 12]. Причём каждый из вновь образованных уровней отличается от предыдущего большей изменчивостью и динамичностью.

Вывод об уровне строении деятельности, уровневой структуре организующих её

программ, формируемой историческим развитием, имеет существенное методологическое значение для настоящего исследования. Методологическая сущность его заключается в том, что он направляет исследование на выявление наиболее крупных стадий развития деятельности, переходы между которыми свидетельствуют о существенных изменениях, более того, о смене фундаментального способа, методологии её осуществления. Эти фундаментальные способы, или методологии, и образуют структурные уровни развитой профессиональной деятельности, в том числе проектно-конструкторской. Именно методология той или иной практической деятельности является концентрированным выражением её культуры, так как, с одной стороны, она направляет практическую деятельность, дает ей практически реализоваться, а с другой, непосредственно или опосредованно соприкасаясь с философией, вбирает в себя мировоззренческие установки своего исторического времени.

Естественно, возникает вопрос критериев периодизации «наиболее крупных стадий развития деятельности». Проведённый автором анализ философского, экономического, организационно-технологического, культурно-исторического и образовательного аспекта развития архитектурно-строительной деятельности, позволяет определить в качестве такого критерия радикальную смену материальных средств её осуществления. Под материальными средствами в данном случае понимаются природные материалы, детали и изделия, системные материальные комплекты и т. п. единицы, посредством которых осуществляется возведение сооружений.

Деятельностный подход сформировался как оппозиция натуралистическому. Недостаточность натуралистического подхода, господствовавшего в науке в XVI–XVIII вв., объясняется методологизацией практически всех сфер мышления и деятельности в XX в. Конечно, деятельностный подход не требует замены исследования объекта на исследование деятельности. Ведь и деятельность можно исследовать натуралистически, т. е. как квазиестественный процесс, подчиняющийся формально-логическим схемам типа «тезис – антитезис – синтез». Основная идея деятельностного подхода состоит в соединении (синтезе, композиции) знаний о деятельности со знаниями о её объектах. Поэтому деятельностный подход скорее не противопоставлен натуралистическому, а дополняет, достраивает его.

Помимо всего того, что ранее говорилось о категории деятельности, т. е. того, что по самой своей сути органически входит в деятельностный подход, ориентируясь на потребности настоящей работы, направленной на выявление методологической структуры проектной деятельности как основы или ядра проектной культуры, деятельностный подход требует:

1. Рассматривать проектные (в нашем случае архитектурно-строительные) решения не только как материально или идеально существующие объекты, в той или иной степени соответствующие объективным условиям и требованиям, но и как продукты проектно-конструкторской деятельности, реализующей определённую программу, обусловленную соответствующей культурно-исторической традицией. Здесь требуется не только выяснить, как устроен объект в том или ином профессиональном представлении, но и в чём состояла деятельностная заинтересованность (позиция или подход), заставившая представлять объект так, а не иначе.

2. Рассматривать архитектурно-строительное проектирование не только как повторяющийся циклический процесс, структурно развёрнутый в границах отдельного цикла (типа «потребность – цель – идея – разработка – документирование»), но и как исторически непрерывный процесс совершенствования, идущий вслед за развитием всех структурных элементов архитектурно-строительной деятельности, регулируемой изменениями в окружающей среде. Отдельные реализованные объекты (памятники архитектуры) представляются в таком случае как «высеченные» строительством промежуточные результаты этого исторически непрерывного формирования, развития и совершенствования, по которым в общих чертах может быть воспроизведён сам этот процесс.

3. Исторически рассматривать развивающуюся проектную деятельность как процесс последовательной смены фундаментальных способов её осуществления, в котором предшествующий способ не исчезает, а остается в составе нового способа на правах функционально подчиненного уровня.

Эти три положения и являются основными методологическими принципами, положенными в основу нашего исследования проектной культуры, культуры архитектурно-строительного проектирования.

Список литературы

1. Вебер А. Б. Проблема ценностных ориентиров развития // Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН, 2010 г. № 2-2010-RTable-POLIS-IS RAS.
2. Генералов Б. В., Генералов И. А. О стратегии развития проектной деятельности в условиях саморегулирования. 2011. URL: <http://nopr.ru/mess/doc.php> (дата обращения: 15.11.11).
3. Генисаретский О. В. Проектная культура и концептуализм. Социально-культурные проблемы образа жизни и предметной среды // Труды ВНИИТЭ. Серия «Техническая эстетика». Вып. 52. М., 1987. С. 12–23.
4. Ильина Т. А. Проектная деятельность в детском саду // Фестиваль «Открытый урок». 2012. URL: [http:// festival. 1 september.ru/articles/534164/](http://festival.1september.ru/articles/534164/) (дата обращения: 23.10.11).
5. Кантор К. Проектность русской культуры. О причинах нереализуемости отечественного дизайна. URL: [RosDesign.com>design materials3/rus. htm](http://RosDesign.com/design/materials3/rus.htm) (дата обращения: 18.10.11).
6. Лекторского В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2.
7. Маркарян Э. С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур // Методологические проблемы этнических культур: материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1978.
8. Маркс К. Капитал. Т. I.; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
9. Пономарёв Я. А. Фазы творческого процесса (вместо введения) // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 3–26.
10. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010.
11. Ortega y Gasset José. Historia como sistema. Obras completas. 3-a ed. Madrid, 1955.

Статья поступила в редакцию 13.03.2012 г.

УДК 82
ББК 83.3 (2)

Татьяна Александровна Гавриленко
доктор филологических наук, профессор,
Уссурийский филиал Дальневосточного федерального университета
(Уссурийск, Россия), e-mail: gta1027@mail.ru

Натурфилософские контексты творческого феномена в сознании сторонников «чистого искусства»

На материале творчества русских поэтов-романтиков второй трети XIX в. рассматриваются особенности образного отображения ведущей для направления «чистое искусство» аналогии между природой и творчеством, которая рассматривается в качестве ведущей тенденции. Она понимается как одна из основных причин активного обращения поэтов к теме природы и квалифицируется в качестве образующего типологию эстетического принципа. Учитываются предшествовавшие «чистому искусству» проявления идеи в литературной критике и романтической поэзии первых десятилетий. Прослеживаются философские истоки данного влияния, которые восходят к философии Шеллинга. Понимание творческого процесса, близкого к законам природной жизни, повлияло на традиции русского романтизма, определило его неповторимый облик. Оно стало важным культурным фактором и источником для становления направления «чистое искусство».

Ключевые слова: природа, творчество, «чистое искусство», эстетизм, творческая свобода, красота, метафорика «огня» и «звезды».

Tatiana Aleksandrovna Gavrilenko
Doctor of Philology, professor,
Ussuriisk Branch of the Far Eastern Federal University
(Ussuriisk, Russia), e-mail: gta1027@mail.ru

Natural and Philosophical Contexts of the Creative Phenomenon in “Pure Art” Supporters’ Consciousness

On the material of the works of Russian romantic poets of the 2nd third of the 19th century, the paper considers the imagery mapping of the “pure art” analogy between nature and creativity which is regarded as the leading trend. It is understood as one of the main reasons for active poets’ appeal to the topic of nature and is recognized as the aesthetic principle that forms typology. Taking into account the manifestations of the idea that preceded “pure art” in literary criticism and the first decades romantic poetry, the author traces the philosophical origins of this phenomenon, which dates back to the philosophy of Schelling. The understanding of the creative process close to the laws of natural life influenced the tradition of Russian Romanticism, defined its unique manifestation. It became an important cultural factor and a source for the development of “pure art”.

Keywords: nature, creativity, “pure art”, aestheticism, creative freedom, beauty, “fire” and “star” metaphors.

Объяснение искусства с помощью законов, по которым живёт природа, – одна из традиций, сформированных немецкими философами-идеалистами, в частности Ф. В. Й. Шеллингом, к идеям которого проявили большой интерес русские литераторы XIX в. [16; 20; 25]. И. О. Шайтанов, кроме того, не без оснований считает, что, к примеру, шелленгианскую концепцию природы в сознании Ф. И. Тютчева корректирует Гёте [33, с. 207].

Первые романтики В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков программно выделяли значение природы для творящего лица. Жуковский обозначил сходство между природными и творческими процессами, подчеркнув: «Подражать природе есть делать то же, что она делает, только другими средствами, употребляя другие знаки» [14, с. 51]. В специальной статье о Жуковском И. Е. Мерегин рассматривает воззрения поэта как приверженца концепции «панму-

зыкальности», считавшего, что музыка заключается в самой природе [19, с. 75]. Незадолго до своего непреднамеренного ухода из литературы Батюшков исключительно в обращении к природе стал осознавать своё человеческое и поэтическое предназначение, оставив по этому поводу выразительное свидетельство – стихотворение «Есть наслаждение в дикости лесов...» (1819) с весьма примечательной антитезой: «Я ближнего люблю, но ты, природа-мать, / Для сердца ты всего дороже...» [4, с. 167]. Е. А. Баратынский также счёл необходимым заострить внимание на основном источнике, формирующем личность художника, о чём напомнил поэтам-современникам: «Образовала вас природа – не искусство...» [3, с. 61]. Наконец, особенно важны в качестве предшествовавших «чистому искусству» «проявителей» проблемы пушкинские «Пророк» и «Эхо». И «угль, пылающий огнем», и «жалю мудрыя змеи», преобразившие поэта-человека в поэта-пророка; высшая воля перенесла в наделённое творческим даром человеческое естество из того же мира природных явлений, заметим, более соответствующих исполнению художнической миссии, чем «сердце трепетное» и «грешный ... язык, и празднословный, и лукавый». Во втором случае, уподобляя человеческую способность откликаться на многообразие жизненных голосов звучащему эху и видя в этом естественную аналогию, Пушкин одновременно подчеркнул сходство человеческой ситуации с природной, что называется, и «в конечном результате»: как эхо, так и превратившийся в эхо голос поэта обречены на безответную тишину. Следовательно, ожидание созидательного, просветляющего, вдохновляющего, эстетически развивающего (и любого другого) итога или, как в пушкинском тексте, «отзыва» художником, казалось бы столь понятное, представлялось в свете выстроенной параллели лишённым смысла.

Во второй трети XIX в. проблема сделалась весьма привлекательной, помогая развивать и аргументировать основную задачу поэзии на новом этапе романтизма – воплощение духовно-нравственного идеала, представляющего собой недогматически проецируемые в эстетическую область нормы православно-христианской этики (Красота – есть Добро и Любовь). При этом свобода – как главное условие полноценного творческого труда – понималась образцово запечатлённая именно природой. Здесь находилась область ценностных совпадений с типологией

«чистого искусства» даже у того, кто избрал для себя тернистый путь «бунтаря-одиночки» (выражение Б. Ф. Егорова) [12, с. 5]: последовательно придерживался натурфилософской версии в понимании творчества решительно отделившийся от «эстетов» защитник «органической теории» Ап. А. Григорьев. Вовсе не являясь её автором, Григорьев в одной из своих программных работ приводит обширный список сторонников «органического взгляда», считая своими предшественниками Бокля, Льюиса, Э. Ренана, С. Шевырева, Белинского до 2-й половины 40-х гг., Венелина, Надеждина, Хомякова, И. Киреевского и К. Аксакова. Шеллинг выделен особо, но не один, а вместе с Томасом Карлейлем [11, с. 163]. При этом у Григорьева понятие «органического» включает не только природу, но и (опять же по аналогии с ней) всю жизнь «в её естественных проявлениях», чему, согласно критику, должны учиться «мы, мыслители», а не «учить жизнь по нашему» [11, с. 151]. Вполне оправданными выглядят «естественноприродные» сближения во взглядах на искусство у Григорьева и А. А. Фета, обнаруженные Л. И. Черемисиновой [32].

В критике и поэзии «эстетического» лагеря проводимые между природой и искусством аналогии оставили заметный след, служа убедительным подтверждением существования типологической общности. В. П. Боткин, всегда с восторгом отзывавшийся о немецкой идеалистической философии и часто цитировавший Шеллинга, пишет о вдохновении: «Это та же творческая сила природы, только перенесённая в душу человеческую, где творческим началом является поэтическое чувство» [6, т. 1, с. 362]. Постигая сложности творческого процесса с помощью обращения к природе, критик не упускал из вида разницу между естественноприродной и человечески-цивилизированной сферой бытия, замечая, что человек, в отличие от всех других существ, наделён сознанием: «Мы живём тем же духом, которым живёт природа, – мы та же самая природа, но одухотворённая и осознающая себя» [6, т. 2, с. 357]. То, что в природе осуществляется бессознательно, становится мощным импульсом для пробуждения творческой энергии, вовлекая человека в более тесную связь с естественной средой, чем простое её созерцание: «Немая поэзия природы есть наша сознательная поэзия: нам дано высказать эту немую поэзию природы», – подчёркивает критик [6, т. 2, с. 358].

Природа особенно важна в качестве мастера, творящего красоту. Поэтому когда Боткин пишет о «немой поэзии природы» как о «нашей сознательной поэзии», – он прежде всего обращает внимание на гармонический строй природного мира, благодаря которому людям обеспечивалось полноценное эстетическое развитие уже в древности: «Отсюда наше чувство природы и красота её. Древние греки впервые почувствовали это, назвав мир красотой» [6, т. 2, с. 358]. Примечательно и то, что жившим в античную эпоху постигать и понимать природу с её естественной красотой было легче, нежели представителям современных цивилизаций, как считали в «эстетическом» лагере. К примеру, Тютчев заметил по поводу «древних народов»: «Вы книгу Матери-природы / Читали ясно, без очков...» [29, с. 42].

Понимание творческого процесса близким к законам природной жизни вызывает характерные формы словоупотребления. П. В. Анненков и А. А. Фет, оба противники откровенной тенденциозности в искусстве, считали основным критерием истинности созданного им «живорождённость». К данному выражению прибегает также Л. Н. Толстой в период творческой близости с «эстетиками» [27, с. 27]. Слово-антоним использует Анненков, когда пишет об «уродливых мертворождённых произведениях», написанных на тему, ещё не вполне ясную самому автору [2, с. 12].

Тютчев, полемизируя с «утилитаристами», наделил живую природу всеми признаками высшей духовной организации, соответственно расставив акценты-доказательства заявленной идеи («Не то, что мните вы, природа...»). Стихотворение стало на многие годы важнейшей эстетической заповедью для русских поэтов-романтиков и программой для самого автора, неоднократно созвучного с ней множеством созданных им впоследствии образных разрешений. Одна из реалий внешнего мира, будучи не только образцовой по внешним проявлениям красоты, но и эталоном духовности, воспринималась как школа, в пределах которой формируется поэтическое мастерство. Вероятно, поэтому И. С. Аксаков считал строфу гётевского «Певца», переведённого Тютчевым, исчерпывающе объясняющей искусство, утверждая, что этот же взгляд на сущность искусства исповедовал переводчик [1, с. 57].

Полемически остроумно «обыгрывает» идею, соединённую с программным термином,

А. К. Толстой: «...Нет, полн иного чувства, / Я верю реалистам: / Искусство для искусства / Равняю с птичьим свистом» [26, с. 312]. Лежащее на поверхности у тонкого полемиста Толстого – всего лишь образная зашифровка. Внешнее согласие с «реалистами» может держаться на существовании того, что они критикуют. Прямолинейно понимаемые слова «искусство для искусства» – не более чем «птичий свист» – нечто несерьёзное. С другой стороны, «птичий свист» символизирует не только по ассоциации с соловьиной песней красоту как важнейшую цель искусства в вековых о нём представлениях, но и абсолютную творческую свободу. Поющая птица – символ свободы, соловьиная песня – символ изысканной красоты. Взаимопроникая, эти сущностные «сигналы» создают исполненный внутренней гармонии и цельности художественный образ. Если его оболочка – из иронических формулировок противников, над которыми в свою очередь иронизирует поэт, надевающий комичную маску важного согласия, – то глубинный смысл – из убежденности в торжестве осмеянных ценностей. Если к тому же учесть, что для Толстого строка стихотворения Гёте «Певец» (“Der Sanger”) «Я пою, как поёт птица» (“Ich singe, wie der Vogel singt”), неоднократно цитируемая, также как и для Тютчева, абсолютно выражала характер творческого труда, – налицо функционирование идейного истока-основы, близкого не одному А. Толстому. У поэта множество «сюжетов», уподобляющих творческий процесс природным явлениям. Момент вдохновения – «горней бури приближенье» («Иоанн Дамаскин»), извергающийся вулкан («Мой строгий друг, имей терпенье...»). В поэме «Слепой» А. Толстой приводит серию сравнений, с помощью которых иллюстрируются присущие песне особенности. Каждая из них подобна какому-либо из характерных природных проявлений:

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце приветна, как буря грозна,
Как люта смерть, необорна! [26, с. 353].

Здесь же соответственно разрешается проблема востребованности художнического труда путём сравнения с горным источником, не ведающим, «придут ли к нему пастухи и стада / Струями его освежиться!»

Тесно слиты с темой природы стихи о творчестве, принадлежащие А. Н. Майкову. Главный учитель в деле поэзии, природа даёт уроки мастерства, гармонии, вдохновляет и направляет художника. Не «по книгам мудрецов» советует Майков овладевать поэтическим искусством, а идя по пути чуткого восприятия и понимания природы («Октава»). Воспевая «вольную мысль» поэта, автор сравнивает её с яркими явлениями из мира природы, символизирующими свободу, молнией и горным орлом, которым неведомы никакие запреты [18, т. 1, с. 53]. Именно природа – источник романтической мечты – первоосновы поэтического чувства. Природа очаровывает своей таинственной жизнью, гармонией звуков и безграничной любовью, окутавшей всё мирозданье («Сомнение»). У бога лесов – Пана – просит майковский поэт уроков мастерства («Свирель»).

Вдохновляясь, Майков видит природу живой, тем самым как бы доверчиво и самозабвенно перенимая принцип античного мироощущения. Основатель «Общества любомудрия» и воспитатель Тютчева шеллингианец С. Раич писал в своей магистерской диссертации, наблюдая над эстетическим восприятием природной адресации: «Древние не любили природы бездушной, и воображение их населяло её живыми существами. В ручье видели они Наяд; под корою дерева билось для них сердце Дриады; в долинах сплетались в хоровод Нимфы...» [10, с. 251]. Стихотворение Майкова «Все думу тайную в душе моей питает...» поэтически иллюстрирует эти рассуждения: «Я вижу, кажется, в чаше, поросшей мхом, / Дриад, увенчанных дубовыми листьями, / Над урной – старика с осоковым венком...» [18, т. 1, с. 49]. Майковская природа невольно учит мастерству словесной живописи («Горы»). Когда, наслаждаясь творческим процессом, поэт удивляется той свободе, с которой ему даются стихи, – он сравнивает свои «рифмы лёгкие, все в звуках и цветах» с перепелками, бегущими на звук дудочки и попадающими в сети («Для прозы правильной годов я зрелых жду...») [18, т. 2, с. 290]. Появление «венца творческой силы» – стихотворения – описано Майковым как результат сильного душевного потрясения, сложного внутреннего катаклизма, но такого же драгоценного и естественного, как редкостный дар природы: «Как жемчуг, выброшенный морем / Под грохот бури, – этот стих!» («Вчера – и в самый миг разлуки...») [18, т. 1, с. 256].

В стихотворении Фета «Учись у них, у дуба у березы...» поэтически интерпретирован не столько творческий, сколько общемировоззренческий аспект, но в общем звучании проблем, волновавших «эстетов», среди которых имели значение терпение и вера в лучшее, он проецируется и на тему творчества, поскольку гармонию в мир может принести лишь гармоничное сознание творца, преодолевшее отчаяние и безысходность. В свою очередь и Тютчев, наблюдая осеннюю природу в одном из своих проникновенных этюдов, видит в описанном процессе ту трогательную покорность, которая не без восторга и преклонения – в противовес навязчивой откровенности – представлена как высший род глубочайшей духовности: «Везде изнеможенье, и на всём / Та кроткая улыбка увяданья, / Что в существе разумном мы зовём / Божественной стыдливостью страданья» [29, с. 67].

Одна из продуктивных идей, привлекавшая «эстетов», – восходящая к Шеллингу мысль о том, что творение художника является живым организмом и проходит при своем появлении на свет тот же цикл, что и любое живое существо. Для сравнения приведем сходное по смыслу высказывание соотечественника «эстетов» И. С. Тургенева, заметившего в статье 1854 г. «Несколько слов о стихотворениях Тютчева»: «Давно уже и прекрасно сказано, что писатель должен выносить произведение у своего сердца, как мать ребёнка во чреве» [28, с. 24]. Отсюда и характерные выражения: у Фета – «песня зреет» [30, с. 236], у Майкова – «мысль твоя пусть зреет и растёт» [18, т. 1, с. 251]. Вышедшее из-под пера художника, покидая его, сливается с миром и природой. Но прежде, чем это произойдет, должен зародиться и развиваться замысел, как в естественной среде – любая живая жизнь. Ещё Жуковский понимал это следующим образом: «Энтузиазм и восторг есть больше страдательное души состояние, в котором всё наружное на неё сильно действует, наполняет её какими-то особенными чувствами и возбуждает в ней желание облегчить себя от бремени сего восторга его изображением» [14, с. 51]. Именно так описан творческий процесс Майковым в 13-строчном стихотворении «Для чего, природа...», где переполненный природными откровениями поэт («... Им в душе так тесно, / И душе неловко, / Тяжело ей с ними...») наконец воспроизводит желаемое. Художник заботится лишь о том, чтобы выстраданный итог творческого труда сохранил «чуждую силу» и «чуждый блеск» первоначальных впечатлений [18, т. 2, с. 297–298].

Вдохновляющая на творческий труд природа представлялась «эстетам» областью тематически неисчерпаемой. Об этом со всей определённой выказывался и В. Г. Белинский в 1840 г., тогда ещё приверженец идеалистической концепции искусства. Защищая Гёте от нападок политизированного Менцеля, критик утверждал значение природы в её «многосторонности», открывающей художнику широчайшие горизонты [7, с. 177]. Отсюда берёт начало тот интерес, который в иронической интерпретации Н. А. Добролюбова преподносился как «образцовое описание листочков и ручейков». Поддерживая этот интерес, Боткин считал его увлекательной и достойной творческой задачей: «Поэзия, как и природа, ... любит подробность, частность не из мелочности, а потому что для неё, как для природы, частность суть живая организация целого» [6, т. 2, с. 362]. Фет даёт различные поэтические отклики на эту мысль, заявляя о широте горизонтов в пределах одной темы: «Не я, мой друг, а Божий мир богат, / В пылинке он лелеет жизнь и множит...» Или: «... Все алмазы мои в небесах, / Все росинки под ними жемчужин» [30, с. 114, 293]. То, что для поэтов «гражданской» ориентации было признаком «мелкотемья», недостойным внимания, для «эстетов» составляло неисчислимо богатство окружающего мира.

Боткин особо выделял в поэзии одну её сторону, в которой сходство с природой проявляется наиболее последовательно: «это невольность поэтического творчества», когда сочинительство – только обработка создавшегося «в душевном созерцании» [6, т. 2, с. 366]. Майков замечает по поводу свободного прихода вдохновения: «И ты невольно сим явленьям / Даруешь жизни красоты...» [18, т. I, с. 55]. Непреднамеренность творческого процесса, его полная независимость от любой воли, диктуемой извне, подчеркивается Фетом в одном из высказываний, которое аргументирует идею непреложным законом природы: «Разве можно рожать на заказ брюнетов с греческим профилем?» [27, с. 56].

Образным совмещением исповедуемых лагерем «чистого искусства» натурфилософских представлений является рассказ Фета «Кактус». Здесь особенно тесно переплетены преломлённые в естественно-природных началах мысли о проявлениях красоты в её апогее. При этом характерен и способ этих проявлений. Цветение – как безмолвное пение – у как-

туса, звучащее – песня влюблённой цыганки. Два любовных призыва осуществляются под знаком торжествующей красоты: неслышной, но зримой и в итоге с помощью слова описанной, и поющей сердцем, излившейся в песне душой героини. Явлённая таким образом красота в высочайшем своём торжестве не может остаться незамеченной, безраздельно властвуя над человеческим сердцем, ввергая его в благоговейный восторг и в свою очередь заставляя звучать, подобно музыке. Это та единственная «польза», которую могут принести и «напрасно» цветущий кактус, и редкое по силе воздействия пение, никакая имитация которого невозможна. Героиня рассказа – отнюдь не рядовая певица, она – примадонна цыганского хора, обладающая талантом и редким голосом. Но только под воздействием глубокого и сильного чувства её пение достигает истинного совершенства. Безмолвная музыка любовного призыва у цветущего кактуса и излившаяся в пении душа девушки выступают как родственные явления. Прежде всего это происходит благодаря непосредственности, свободе, естественности, искренности – всей совокупности живых начал, столь высоко ценимых поэтом в качестве признаков духовного свойства.

В «Кактусе» Фет предлагает новый вариант реанимированного им же шаблона «розы и соловья». Заменив действующих лиц по принципу тяготения к экзотическому, природно-дикому, поэт вывел их в образах неприметного растения, потаённо и недолго цветущего всего раз в год и не терпящего обычного культурного ухода, и страстно влюблённой певицы-цыганки. У них была когда-то общая родина (кактус назван «индийцем»), но судьба уже давно забросила их на русскую почву, в условиях которой уникальные особенности их природных свойств столь сходно, хотя и по-разному, себя проявляют.

За всем описанным ещё раз выстраивается Фетом во всей своей полноте содержание слова «поэт»: человек с гармонизированным естественной, природной красотой внутренним миром и творец, способный запечатлеть её в наивысшие моменты душевного подъёма. Природная красота – это гармония, покоряющая сердце. Музыкальный настрой на красоту – поистине великое мгновение, которое нельзя упустить, ибо в нём – и полнота жизни, и её оправдание, и высший долг каждого, кто рождён, чтобы воспеть «живую красоту», выпол-

нять труднейшую из миссий – уподоблённому эху «ответа на звук», своим сердечным трепетом отражая и сохраняя проявления подлинно духовного в мире.

Богатую гамму натурфилософских обертонов программного свойства приобретают в поэзии «чистого искусства» многочисленные образы, основанные на метафорике «огня», связанные с проблемой творческого труда и его загадочной природой. Субстанционально-синкретичное в архетипе огня, воспринятое к примеру Н. Гумилевым [21, с. 100], здесь гораздо менее ощутимо. Актуализируются лишь те константы, которые наиболее совоплотимы с установкой на «живое пламя» творящей души. Среди мифологических трактовок таковой может считаться наиболее ранним представлением об огне как первопричине творческого акта [15, с. 274]. Благодаря пушкинскому «Пророку» повсеместно подразумевалось присутствие в акте творения божественной воли, характерно заменившей сердце поэта на «угль, пылающий огнём».

Образные решения, встречающиеся у других предшественников «чистого искусства» (Батюшков, у которого поэт обладает «огненным сердцем» [5, с. 130], Лермонтов с его сотворенным «из пламя и света» поэтическим словом [17, с. 296]), романтиками-«эстетиками» учтены, но при этом искрятся новыми смыслами родственной направленности, обозначенными содружеством. Так, у Тютчева «сердце пламенеет» только при виде красоты одухотворённой [29, с. 99], «пламенная лира» – не сотворившая себе кумира свободная поэзия [29, с. 50], ставший стихами сердечный огонь неукротимо-опасен: «... Невольно кудри молодые / Он обожжёт своим венцом» [29, с. 97]. Характерным для лагеря акцентом «вечного» отмечены образы А. Толстого: «В его груди пылает жар, / Которым зиждётся создание»; «чтоб огонь вместить неугасимый, / Бессмертны сделаться должны мы» [26, с. 485, 508]. Неповиновение диктату оформило метафору «живым палимое огнём, / Мятется сердце непокорно» [26, с. 494]. Но всё это, хотя и по-своему существенно, выглядит менее важным по сравнению с теми естественно-природными свойствами, которые вбирает в это время метафорика «огня».

«Магистраль» прочерчивается Тютчевым. От его стихотворения «Как над горячею золой...» (1830) берёт начало основной образный ряд. Тютчевская жажда кратковременно «просиять» – состояние, о котором он мечтает,

прося об этом небо, – демонстрируется на фоне медленного тления – «однообразья нестерпимого», «сгоранья» «сокрытого и глухого», сопровождаемого дымом. В стихотворении «Памяти Е. П. Ковалевского» (1868) оставлено любопытное пояснение, характеризующее творческую душу адресата: «Живое пламя, часто без дыма / Горевшее в удушливой среде» [29, с. 196]. «Дым» – реакция живой души на всё, что ей мешает, пытаясь «погасить». «Духа не угашайте!», – позже провозгласит А. М. Жемчужников, сделав призыв заголовком стихотворения [13, с. 153]. Тютчевский поэт мечтает о свободно «горящей», пусть даже быстротечной и внезапно обрывающейся судьбе.

Во многом с опорой на это решение представляется Фету бытие поэта. Весь превратившийся в горящий костер вдохновения, причудливо выхватывающего из темноты преображённые фантазией предметы, творец вырывается из мрака и холода, оживает, согревается, веря в свои силы. При этом природа творящего начала проявляется во всей своей безудержной полноте и могуществе:

Я и думать забыл про холодную ночь –
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь, умчалось прочь,
Будто искры в дыму улетело [30, с. 163].

*(«Ярким солнцем в лесу
пламенеет костёр...», 1859).*

Но создаваемый образ одновременно и ошеломляюще трагичен («А. Л. Бржеской», 1879). Вопреки равнодушию и непониманию, «ещё душа пылает», в ней «горит добро и нежность», что по-прежнему – всего лишь «напрасный жар». Фет запечатлевает неразрешимое сожаление о жестоко прерываемом временем пламенном духовном стремлении – оттого, что вынужден уходить, вопреки далеко не исчерпавшим себя возможностям, когда ещё столько сил и любви к миру. И это – при полном равнодушии к физическому самоосуществлению:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что – жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет, уходя [30, с. 322].

Фетовский акцент необыкновенно «очеловечивает» проблему. Над «ночью жизни» поэт имеет власть, озаряя горящим костром вдохновения. «Ночь смерти» непреодолима и жестока. Последнее, что останется поэту – «со вздохом в высоте / Рассыпать огненные слёзы»

[30, с. 300]. Образ этот также имеет дублёра-предшественника, рождённого в общем лагере – у А. Толстого: «Горними тихо летела душа небесами, / Грустные долу она опускала ресницы; / Слёзы, в пространство от них упавая звездами, / Светлой и длинной вилися за ней вереницей» [26, с. 166].

О своей поэзии последних лет Фет скажет: «Зажёг вечерние огни» [30, с. 329], – и станет называть «Вечерними огнями» выпуски своих поэтических сборников. В этом замысле отчасти преломились опять же тютчевские «прощальные лучи» из стихотворения «Памяти В. А. Жуковского» (1852). О начале общего с Фетом творческого пути Я. П. Полонский напишет: «Нет, не забуду я тот ранний огонёк, / Который мы зажгли на первом перевале...» («А. А. Фет», 1888) [22, с. 239]. А в стихотворении «Ф. И. Тютчеву» (1865) ещё раз повторит идею творчества-костра, «горящей» души поэта: «Где б ни горел огонь, иду к нему, и рад – / Рад верить, что моя пустыня не безлюдна, / Когда по ней кой-где огни ещё горят...» [22, с. 165]. Примечательно и то, что в стихотворении «Другу моему Я. П. Полонскому» (1865) Тютчев весьма драматично истолковывает один из эпизодов своей судьбы, но при этом изъясняется абсолютно в духе ведущегося диалога:

Нет боле искр живых на голос твой приветный –
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный –
Последний, скудный дым с потухшего костра
[29, с. 175].

Подобными же категориями, встречающимися повсеместно, мыслит и А. Майков, неоднократно подчёркивая животворящую силу творческого огня, подобную природной («В. и А.», «К статуе Ниобеи», «Воплощенная, святая...» и др.). «Его душа испепелилась, / Вся в бурях творчества сгоря...», – майковский образ также выстроен в традициях, сформированных школой [18, т. 1, с. 257]. Сравним у Фета: «Ужель ничто тебе в то время не шепнуло: “Там человек сгорел?”» [30, с. 96].

Чутко откликнулся на образную специфику своих предшественников И. А. Бунин. Сердце поэта, «полное огня и аромата», должно «сгореть до черноты» («Кадильница»), а замеченная красота «горит» независимо от того, в каком предмете воплощена – в неброском скромном доннике, который, как и фетовский «иссохший листок», «золотой», «горящий», или в розах: «Две розы под окном раскрылись –

/ Две чаши, полные огня» [9, с. 176]. Сравним – ещё более явно – у К. К. Случевского: «Ярко вспыхивают розы, / Раскрываясь по кустам, / И горят в лучах полудня, / Пламенея тут и там» [24, с. 233]. Этот «костёр красоты» – явная аналогия, восходящая к «натурфилософскому» принципу, где отправной точкой служат поэтические наработки Фета.

Не менее значимой в плане объясняющих творчество натурфилософских теорий выглядит группа образов, где сияющая, мерцающая или горящая звезда также символизирует небывалый размах художнической воли. Внятно и продуктивно для русской традиции заявил об этом А. С. Хомяков («Желание», 1827), герой которого мечтает «... звездою в сумрачном эфире / Ночной светильник свой зажечь...» [31, с. 72]. Вторым стремлением тютчевского поэта, о котором он поведал в том же 1830-м году, после того, как создал «Как над горячею золой...», стало желание перевоплотиться в звезду: «Душа хотела б быть звездой...» [29, с. 65]. Правда, поэт предпочитает ночному, явному, свету невидимое горение звезды «в эфире чистом и незримом», – дневное. Искусная импровизация основана на тютчевской потребности в потаённом присутствии-самоосуществлении, которое, благодаря непреложным природным законам, продолжается, даже не будучи заметным.

Фет, напротив, последовательно увлечён ночными звёздами. Удел, подобный звезде, уготован только душе живой и страдающей: «О Боже, перед кем везде страданья наши / Как звёзды по небу полнощному горят...» [30, с. 71]. В стихотворении «Среди звёзд» (1876) поэт утверждает, аллегорически перевоплощая звёздный свет в совокупное духовное благодеяние, творимое искусством: «Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный / К тебе просился беззакатный день» [30, с. 81]. Горение звёзд предстает как могучее напоминание о возможности счастья – «беззакатного дня». Эту же нагрузку выполняет образ, введённый в стихотворение «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864): «... И только в небе, как зов задушевный, / Сверкают звезд золотые ресницы» [30, с. 82]. У Фета постепенно всё более явно «горение» поэтической души ассоциируется со звездой, интерпретируемое космогонически: «... Ношу в груди, как оный серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» [30, с. 86]; «душа дрожит, готова вспыхнуть чище» [30, с. 91]; «горя над суетной землёю» [30, с. 301].

Бунин отвечает именно на этот «звёздный» призыв. В «Огнях небес» миссия поэта по продолжительности тысячекратно превосходит уготованный человеку отрезок земной жизни. Но если эта жизнь осуществилась в своём высшем предназначении – подлинном «горении» духа – она будет продолжать светить, подобно звезде: «... Сгорим и мы, свершая свой черёд, / Обычный путь, но долго не умрёт / Жизнь, что горела в нас когда-то» [8, с. 222]. Бунин следует фетовской «звёздно-горящей» метафорике и в стихотворении «Мудрым», где герой «сгорел в неравной схватке, / Как искромётный метеор» [8, с. 319]. Вероятно, на данном поэтическом опыте основан вывод, сделанный В. В. Розановым, считавшим «момент горения» главным отличием «культурного человека или образованного» от интеллигента: первый «сохраняется», последний – «сгорает» [23, с. 113].

Наследуя традицию метафорического мышления в знакообразях творческого труда и аллегорически представляя его в виде огня и пламени, поэты «чистого искусства» «опредмечивали» созданное на основе близости природным проявлениям. Это позволило найти многочисленные подтверждения программным идеям и значительно обогатило возмож-

ности образных решений. Ведущие символы – костра и звезды – воздействуют своими пространственно-временными координатами, по-своему выразительно акцентируя мысль о долге поэта прежде всего как долге общественном. Творя не иначе, как «светя», «сияя», «сгорая», «сжигая себя», каждый из поэтов предьявлял себя своему времени и так же выражал единственный способ вневременного бытия.

В целом же область живой природы именно в период декларирования концепции «чистого искусства», интенсивно и плодотворно отражённой в поэтической практике Тютчева, Фета, Ап. Майкова, А. Толстого, Полонского, предстаёт в подлинном размахе общеэстетической значимости. Познать, изучить, разгадать загадку природы, проникнуться ею настолько, чтобы сквозь призму этого незаменимого опыта наиболее верно освоить, понять и распознать всю человеческую жизнь, включая и сферу искусства, – эта увлечённость, объединившая сторонников «эстетизма», продиктовала им, вопреки требованиям, предьявляемым к литературе революционно-демократическим лагерем, тот обширный идейный диапазон, в русле которого, но уже с учётом сделанного, будет осуществляться дальнейшее развитие русская поэзия всех последующих десятилетий.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М., 1886. 327 с.
2. Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. Отд. 2. СПб., 1879. 404 с.
3. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1989. 464 с.
4. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1977. 208 с.
5. Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., 1985. 408 с.
6. Боткин В. П. Сочинения. СПб. Т. 1, 1890. 338 с.; т. 2, 1891. 398 с.
7. Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9 т. М., 1977. Т. 2. 632 с.
8. Бунин И. А. Стихотворения. Л., 1961. 511 с.
9. Бунин И. А. Стихотворения и переводы. М., 1986. 527 с.
10. Вестник Европы. 1822. № 8.
11. Григорьев А. Собрание сочинений. М., 1915. Вып. 2. 164 с.
12. Егоров Б. Ф. Поэзия Аполлона Григорьева // Григорьев А. Стихотворения и поэмы. М., 1978. С. 5–30.
13. Жемчужников А. М. Стихотворения. М., 1988. 336 с.
14. Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. 431 с.
15. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 1999. 497 с.
16. Козмин Н. К. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель настроений современной ему эпохи. СПб., 1903.
17. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 т. М., 1979. Т. 1. 415 с.
18. Майков А. Н. Сочинения в 2 т. М., 1984. Т. 1. 576 с.; т. 2. 574 с.
19. Мерегин И. Е. Музыкальность в лирике В. А. Жуковского // Вопросы романтизма. Вып. 5. Учёные записки Казанского университета. Т. 29. Кн. 7. Казань, 1985.
20. Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1.
21. Паздников П. В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук. Нерюнгри, 2003. 177 с.

22. Полонский Я. П. Сочинения в 2 т. М., 1986. Т. 1. 493 с.
23. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. 733 с.
24. Сахаров В. И. О бытовании шелленгианской идеи в России // Контекст. 1977. Л., 1978.
25. Случевский К. К. Стихотворения. М., 1984. 256 с.
26. Толстой А. К. Собрание сочинений в 4 т. М., 1969. Т. 1. 670 с.
27. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. М., 1978. Т. 2. 478 с.
28. Тургенев И. С. Несколько слов о стихотворениях Тютчева // Современник. 1854. № 4. С. 21–30.
29. Тютчев Ф. И. Сочинения в 2 т. М., 1980. Т. 1. 384 с.
30. Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. 753 с.
31. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. 595 с.
32. Черемисинова Л. И. Афанасий Фет и «органическая» теория искусства // Проблемы изучения жизни и творчества Фета. Курск, 1990. С. 32–40.
33. Шайтанов И. О. Забытый спор // Вопросы литературы. 1980. № 2. С. 195–232.

Статья поступила в редакцию 16.02.2012 г.

Ольга Павловна Еланцева

доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток, Россия), e-mail: dyfu.ru

Литературно-художественный альманах Приморья: страницы истории

В статье рассматривается процесс становления литературно-художественного альманаха Приморья, в 1940–1950-е гг. выходившего под названием «Советское Приморье» (в настоящее время – «Литературный Владивосток»). Его первые выпуски пришлись на тяжёлые годы Великой Отечественной войны. Автор, опираясь на уникальные архивные источники, раскрывает, кто и как готовил «Советское Приморье», какие материалы и почему были опубликованы на его страницах, какова роль и значение альманаха для гражданского и военного населения края, являвшегося, по сути дела, «невоюющим фронтом». Особое внимание автор уделил позиции партийно-государственного руководства Приморского края по отношению к новому литературно-художественному изданию.

Ключевые слова: история культуры, литературно-художественный альманах, «Советское Приморье», «Литературный Владивосток», Великая Отечественная война, Дальний Восток, Приморский край.

Olga Pavlovna Elantseva

Doctor of History, professor,
Far-Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia), e-mail: dyfu.ru

The Literature and Art Almanac of the Primorsky Region: Pages of History

The article considers the formation process of the literature and art almanac of the Primorsky Region, which in the 1940s–1950s had the title *Sovietskoe Primorye* (now it is called *Literary Vladivostok*). The first publications of the almanac occurred in the difficult years of the Great Patriotic War. Using unique archival sources, the author shows who and how prepared publications of the almanac *Sovietskoe Primorye*, what information and why it was published on its pages, what was the role and importance of the almanac for the civil and military population of the region that was declared, in fact, “not at war front”. The author pays special attention to the views of the Primorsky region party representatives and state leaders on the new literature and art publication.

Keywords: cultural history, literary and art almanac, *Sovietskoe Primorye*, *Literary Vladivostok*, Great Patriotic War, Far East, Primorsky region.

В истории культуры юга Дальнего Востока, прежде всего Приморского края, есть даты и события, которые вызывают законное чувство гордости, поскольку они оказали значительное положительное влияние на жизнь многих людей. Именно таким событием стал выход в свет в грозном военном 1941 г. первого номера литературно-художественного альманаха «Советское Приморье». Рождение его было особенным. Самым ближайшим «родственником», «родителем» нового печатного издания послужил литературный радиоальманах, который в эфире Приморского края впервые прозвучал 15 января 1941 года. Редакция литературно-драматического вещания планировала выпу-

скать его систематически [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 99. Л. 1, 2]. Но, наверное, тогда мало кто мог предположить, что радиоальманах станет одной из самых популярных программ и будет идти в течение всех лет Великой Отечественной войны, а произведения молодых и опытных приморских поэтов и писателей, литературные обзоры, критические заметки, новости прозы и поэзии, апробированные на радио, послужат надёжной основой для литературно-художественного альманаха полиграфического варианта.

Своё название – «Советское Приморье» – новое издание унаследовало от довоенного сборника [10], на страницах которого были опубликованы краткие сведения об исто-

рии и экономике нашего края, его физико-географических особенностях, геополитической ситуации и главных изменениях, произошедших здесь за 1920–1930-е гг. Ответственным редактором сборника, ставшего началом большой работы по написанию специальной книги о Приморском крае, выступил опытный и известный журналист и писатель Николай Иванович Колбин [1. Ф. 601. Оп. 2-л. Д. 983. Л. 3-об., 4]. Он же в 1941 г. возглавил творческий коллектив, которому поручили подготовку литературно-художественного альманаха. В состав коллектива вошли уже признанные в Приморском крае литераторы С. С. Бялякин, В. А. Вагин, Б. Л. Беляев, Г. Д. Зеленин, С. И. Попов, С. А. Иванов. Техническим редактором альманаха назначили С. А. Распопина.

Первый альманах, объёмом 20 учётно-авторских листов и тиражом десять тысяч экземпляров, подписали к печати 16 мая 1941 года, а через полтора месяца, когда уже полыхала Великая Отечественная война, его издали в типографии № 1 управления издательств и полиграфии (г. Владивосток, ул. Ленинская, 43). О выходе из печати и поступлении альманаха в продажу в книжные магазины сообщил по Приморскому радио Николай Иванович Колбин. Кстати, в архивах удалось найти текст этого выступления с пометами на каждой странице «Выпуск в свет разрешается. Уполн[омоченный] крайлита». Далее следовали подпись и дата – 1 июля 1941 г. [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 99. Л. 214–217].

Художественное оформление «Советского Приморья» 1941 г., выполненное В. П. Линденбаумом, отличалось скромным изяществом: на обложке – цветное изображение парящей над морскими волнами чайки, а внутри издания самые значимые литературные произведения открывались черно-белыми выразительными рисунками-заставками, что способствовало более яркому восприятию текста.

Содержание нового литературно-художественного издания соответствовало понятию «альманах» как разнородной подборке новейших литературных произведений разных авторов, иногда объединённых одним направлением. Первый выпуск «Советского Приморья» основывался на краеведческой тематике – во всех произведениях отражалась жизнь дальневосточников. Двадцать три автора опубликовали здесь свои рассказы, очерки, пьесы, сказки, стихи, статьи. На печатных страницах нашли

место отрывки из романа Т. Борисова «Портартурцы», пьеса С. Иванова «На клич Лазо» и рассказы А. Вахова о Сергее Лазо и Л. Зайцева «В шторм». В раздел «Заметки о нашем крае» вошли публикации А. Воронина «На берегу Тумнина», А. Чернеевой «Лесорубы», А. Дурасова «Бухта радости». В общую тематическую канву хорошо вписывались пограничные очерки А. Никулина «Тумень-Ула».

Внушительный блок составляла поэзия: тридцать пять произведений девяти авторов – Анатолия Любцова, Вячеслава Афанасьева, Николая Медведева, Ивана Степанова, Фёдора Бровкина, Александра Артёмова и других. Георгий Корешов, например, опубликовал десять стихотворений. Их заголовки и сегодня о многом говорят приморцам: «Мы шли в Посьет», «Владивосток», «Случай в море», «Чудо-плавание», «У могилы Арсеньева», «Дорога в тайге».

Хорошо представлены в первом альманахе и пограничники. Например, из десяти поэтических произведений пограничника, старшего лейтенанта Дмитрия Калмыкова невольно привлекает внимание «Голубь», написанное в 1938 г.:

Никаким я
голубям
не верю!
Эта птица
вовсе не скромна.
Вслед за ней
ворваться могут в двери
шпионаж,
диверсия,
война.

Известно, что до 1946–1947 гг. в нашем пограничном крае, в портовом Владивостоке, где, по меткому выражению Г. Корешова, «чувство близости границы не покидало ни на миг», действовала голубиная почта. Подчас таким видом информационного взаимодействия пользовались в антироссийских интересах. Об одном из таких случаев и рассказывал Д. Калмыков.

Прекрасным отражением будней предвоенной эпохи стали три песни, опубликованные в альманахе: песня пограничников «Гордимся мы заставою», песня молодых геологов-разведчиков «Светят зори над Приморьем» и песня «Первая армия наша» о только что созданной на Дальнем Востоке, в Приморье Первой Краснознаменной армии [6, с. 20].

В альманахе 1941 г. присутствует раздел «Критика и библиография» с двумя логически связанными между собой материалами. Один из них был подготовлен Г. Коршовым и А. Никулиным и назван «Патриот Приморья» – об участнике русско-японской войны 1904–1905 гг., приморском прозаике с 35-летним стажем, краеведе Трофиме Михайловиче Борисове и его книгах [7, с. 50]. Другой материал принадлежал В. Афанасьеву и назывался «Повесть о герое народа нивхов». Это была рецензия на повесть Т. Борисова «Сын орла», вышедшую в 1940 г. в московском издательстве «Советский писатель».

В разделе «Хроника» под заголовком «Следопыт уссурийских дебрей» размещалась краткая, но ёмкая информация о научно-исследовательской и литературной деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева, краеведа, неутомимого дальневосточника, чьё имя уже тогда значилось в числе ста великих путешественников и учёных мира. Автор, подписавшийся «Н. и К.», отмечал, что по маршрутам В. К. Арсеньева пошли тысячи разведчиков природных богатств, началось активное освоение этих территорий, а книги Арсеньева читают и в советской Арктике, и на знойных плоскогорьях Памира, на Украине, и в аймаках Бурят–Монголии. Книги Арсеньева, сообщал альманах, переведены на немецкий, китайский, английский и другие языки.

В первом номере альманаха «Советское Приморье» несомненный историко-культурологический интерес представляет публикация С. Попова «Литературное Приморье». Становление приморской группы Дальневосточного отделения Союза советских писателей вело отсчёт с августа 1939 г. В следующем 1940 г. литературный актив Приморья составлял уже 32 человека. Преимущественно это были владивостокцы, а писателей и поэтов, живущих в районах края и входивших в актив, – единицы. С. Попов объяснял сложившуюся ситуацию тройко. С одной стороны, «ни живой, ни письменной связи с многочисленными литературными силами, имеющимися во многих пунктах Приморья, бюро группы не практиковало»; с другой стороны, Дальневосточное отделение Союза советских писателей рассматривало «необходимость заниматься литературным движением в Приморье, как неприятную повинность... Никакой творческой связи между Хабаровским отделением и его владивосток-

ской группой, по существу, не было и нет» [8, с. 325, 326]. И, наконец, помощь поэтам и писателям, проявляемая краевыми изданиями «Красное знамя» и «Приморский комсомолец», была недостаточной и ограничивалась в основном литературными консультациями. Выгодно в этом отношении отличалась работа газеты Тихоокеанского военно-морского флота «Боевая вахта», но её возможности имели ограниченные рамки.

Объединение литературных сил г. Владивостока и всего Приморья шло медленно, с трудом. Так продолжалось до тех пор, пока своё решительное слово не сказала государственная и партийная власть. Осенью 1940 г. во Владивостоке состоялась встреча литераторов-приморцев с руководителями края. Председатель исполкома Приморского краевого совета депутатов трудящихся Чубаров не только сделал существенные замечания по деятельности литературной группы, но и сформулировал её основные задачи. Большую помощь группе оказал Приморский крайком ВКП(б), предоставивший, в частности, постоянное помещение в Доме партийного просвещения для организации литературных встреч, вечеров и изыскавший возможности для издания альманаха – надёжной печатной трибуны, важной как для литераторов, так и для гражданских и военных жителей г. Владивостока и Приморья.

Н. И. Колбин, отдавший немало сил и времени своему первенцу, реализовавший при этом множество творческих идей, считал появление альманаха «большим событием в литературной жизни Приморья», особенно потому, что «в крае за последнее время выросло много способных и талантливых литераторов... Много писателей и поэтов в Тихоокеанском военно-морском флоте и в Первой Краснознамённой армии». Однако наряду с этим «до последнего времени... не было объединяющего центра, который бы сконцентрировал работу писателей, не было и печатного журнала или альманаха, где бы писатели и поэты Приморья могли помещать свои наиболее зрелые произведения». Николай Иванович был убежден: «... выход альманаха «Советское Приморье» будет играть огромное значение ... в смысле объединения всех начинающих писателей» [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 99. Л. 214].

К такой же высокой оценке нового издания склонялся С. Попов, указывая аргументы не-

сколько иного плана: «Трудно переоценить роль в оживлении литературного движения в крае... литературно-художественного альманаха. Он, несомненно, направит усилия молодых писателей к более серьёзной творческой работе... Художественное слово будет обогащать читательскую массу, вдохновлять её на дальнейшие победы» [8, с. 327, 328]. Организаторы и создатели нового литературно-художественного издания надеялись, что «выпуск альманаха не ограничится одной книжкой, он и в дальнейшем должен выходить в Приморье...» [8, с. 327 и др.]. Эта надежда оказалась пророческой. Вот уже семьдесят лет альманах, сохраняя высокую литературно-художественную планку, радуется своих авторов и читателей. В год своего десятилетия (1951 г.) альманах имел уже 11 выпусков, а ещё через семь лет – 24 выпуска [3, с. 233]. Сегодня он насчитывает их несколько десятков.

Несмотря на невероятные трудности, издание выходило и в суровые годы Великой Отечественной войны. 9 апреля 1944 г. литературный радиоальманах сообщил слушателям: «На днях у секретаря Приморского крайкома ВКП(б) по пропаганде товарища Соколова состоялось собрание оргбюро литературного объединения Приморья. Принято решение в двухнедельный срок собрать материал для второго выпуска альманаха «Советское Приморье» [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 102. Л. 135].

И работа закипела. Что-то из произведений писателей и поэтов удалось обсудить и рекомендовать к опубликованию во время литературных вечерних встреч (они открывались в 20-00) по средам и начиная с 12 апреля 1944 года, проходили дважды в месяц во Владивостоке в Доме партийного просвещения крайкома ВКП(б).

Солидный материал для готовящегося издания давал радиоальманах. Так, 28 января 1944 года по Приморскому радио прозвучала литературная передача, посвящённая творчеству поэта-фронтовика Сергея Холодного [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 102. Л. 33, 34]. Имя его было хорошо знакомо приморцам. В 1933 г. он начал службу краснофлотцем Тихоокеанского военно-морского флота. В 1942 г. добровольцем ушёл на фронт. Его стихи отличались задушевностью, лиризмом, широтой, простором, созвучием дыханию моря. Например, балладу, посвящённую героям севастопольской обороны, он начинал так:

Севастополь! Чёрное море!
Слышишь, волны шумят про горе...

Из переданных по радио пяти стихотворений Сергея Холодного в альманах «Советское Приморье» отобрали три: «Родному флоту», «Ночью в землянке», «Нас не согнуть». Автор прославлял Тихоокеанский военно-морской флот, где он служил:

Мы из города Владивостока –
Дети моря, твои сыны.

Вспоминая дорогой сердцу Приморский край, поэт-фронтовик писал:

Все на сердце – и улиц плиты,
И приморские тополя,
Дали моря зарей залиты,
В дымке тонущие поля,
Сопки, бухты, дороги, дали,
Быстрый ветер, густой туман.
Глыбы брони и горы стали,
Бороздящие океан...

Переписка с Сергеем Холодным продолжалась. Она позволила получить от него новые творческие работы, в том числе стихотворение «Рыбачка», которое тоже будет опубликовано в альманахе. Оно имело конкретных адресатов – рыбаков колхоза «Приморец»: Отмельченко, Мягкову, Волдыреву, Егорову, Батенкину. Поводом, – пишет поэт, – послужил рядовой случай: «Сегодня после боя нам консервы принесли», а далее – необыкновенная радость от того, что «на этикетке – ДВК и город мой родной». Дальневосточный край, ставший трудовым фронтом, активно помогал боевому фронту. С. Холодный прекрасно знал, что ушедших на войну рыбаков заменили женщины, что рыбацкий труд очень тяжёл, но молодость брала своё. И в его стихотворении девушка-рыбачка пела, подчёркивая свое место в борьбе за победу над врагом:

Где бой кипит,
Там нынче милый мой.
Моя любовь его хранит
И поднимает в бой.

27 февраля 1944 года литературный радиоальманах занял 38 минут эфирного времени. Прозвучало 13 произведений разных авторов [1. Ф. 84. Оп. 2. Д. 102. Л. 46], но из них во второй выпуск печатного альманаха попали только три: легенда Василия Кучерявенко «Бронзо-

вая роза», рассказ Константина Майбогова «В мокром забое» и стихотворение Ивана Степанова «Море кличет рыбаков», опубликованное под названием «Море зовет рыбаков» [9, с. 76]. В этой же февральской передаче сообщалось, что Владимир Твердяков написал цикл рассказов о герое Великой Отечественной войны под общим заголовком «Он будет жить»; Леонид Зайцев закончил повесть «Как это было в действительности» о людях Тихоокеанского флота (в опубликованном варианте другое название – «Как это было»). Эти произведения также включены в альманах [9, с. 218].

19 марта 1944 года очередная литературно-художественная передача на радио включала восемь произведений четырёх приморских авторов. Из них в печатный вариант отобрали лишь стихи фронтовика Георгия Корешова «Зверобой», «Друг», «У Волочаевской сопки» и «Легенда о кедре».

9 апреля 1944 года по краевому радио прозвучали одиннадцать произведений разного жанра пяти авторов, в том числе тех, кто прислал их с фронта, но для готовящегося альманаха взяли только легенду Василия Кучерявенко «Вальс под парусами». Эти примеры говорят о тщательном, требовательном и внимательном отборе материалов в планируемое издание.

Ещё рельефнее масштабность и сложность подготовки предстаёт, если обратиться к количественным и качественным характеристикам двух авторских коллективов. В выпуске 1941 г. участвовало 23 автора, а в выпуске 1944 г. – 20 авторов. Разница кажется совершенно незначительной. Но тщательное изучение и сопоставление пофамильных списков позволило, во-первых, установить, что и в том, и в другом издании участвовали только семь авторов: Г. Корешов, Ф. Бровкин, И. Степанов, В. Твердяков, А. Дерябин, Л. Зайцев, В. Кучерявенко. Вместе с тем возникает необходимость уточнить, кому принадлежала подпись «Н. и К.» под одним из материалов первого выпуска альманаха. Со значительной долей уверенности можно предположить, что материал подготовил Н. И. Колбин. В этом случае число авторов, участвовавших в двух первых выпусках «Советского Приморья», составит восемь человек. Они в своё время прошли творческую школу первой книги альманаха, получили определённый опыт; с ними в какой-то мере легче и проще было готовить следующий номер.

Во-вторых, за три года авторский коллектив «Советского Приморья» изменился очень существенно. В выпуске 1944 г. отсутствовали почти полтора десятка прозаиков и поэтов, опубликовавших свои произведения в альманахе 1941 г., а именно Д. Калмыков, Т. Борисов, А. Любцов, Н. Медведев, С. Баляскин, С. Иванов, А. Вахов... Многие ушли на фронт, кто-то был командирован на другую работу и выехал за пределы края, кто-то, как Т. Борисов, умерли.

В альманахе 1944 г. выступили, как минимум, двенадцать новых авторов: краснофлотец-артиллерист, а затем журналист газеты «Боевая вахта» Г. Халилецкий, С. Холодный, Я. Кауфман, А. Самаров, Н. Лебедев, Е. Коровин, А. Мельчин, В. Королёв, Н. Павлов, К. Майбогов, М. Самунин, В. Тарасов.

По всей видимости, во второй половине лета 1944 г. основные материалы удалось собрать. 11 августа бюро Приморского крайкома ВКП(б) приняло решение об издании очередного выпуска литературно-художественного альманаха «Советское Приморье» тиражом пять тысяч экземпляров. Оно утвердило редакционную коллегию в количестве семи человек: Н. И. Колбин, В. И. Твердяков, В. П. Солнцева, И. Н. Степанов, М. И. Гусев, В. А. Кучерявенко, А. И. Мельчин [1. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 45. Л. 202-об.]. Легко увидеть, что составы редколлегий первого и второго выпусков «Советского Приморья» отличались кардинально. Неизменной в списках осталась лишь фамилия ответственного редактора Н. И. Колбина. И в том, и в другом выпусках техническим редактором был С. А. Распопин.

25 декабря 1944 года второй выпуск альманаха подписали к печати. Весьма показательно, что в этот же декабрьский день бюро Приморского краевого комитета партии в очередной раз рассматривало проблему острейшего дефицита бумаги, её катастрофически не хватало даже для издания краевой газеты «Красное знамя». Николай Михайлович Пегов, возглавлявший в то время крайком ВКП(б), вспоминал: «У нас не хватало бумаги, но мы изворачивались и выпускали, регулярно выпускали эти маленькие книжечки. Они делали тогда большое дело. И делали это не в последнюю очередь потому, что их авторы вкладывали в них не только всё своё умение, но и сердце, душу. Велика сила слова. Это понимали все в крайкоме...» [5, с. 123]. Приморский крайком партии, высоко оценивая зна-

чимость «Советского Приморья» в условиях войны, в условиях пограничья, нашёл выход: альманах издали, хотя и вынуждены были сократить его тираж до трёх тысяч экземпляров и существенно – до 14,7 учётно-авторских листов – ограничить объём [9, с. 219].

Нельзя не упомянуть ещё один вопрос, проанализированный на заседании бюро крайкома партии 25 декабря 1944 года – «О работе редакции газеты «Красное знамя». Бюро потребовало «систематически помещать в газете произведения приморских писателей, ввести в практику работы с писателями организацию литературных вечеров, творческих совещаний с критическим разбором отдельных произведений. Рекомендовать редактору газеты периодически выпускать литературную страницу, ... для укрепления связи редакции с читателями практиковать проведение читательских конференций» [1. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 47. Л. 194, 195]. И эти решения выполнялись.

Несомненной заслугой авторов и редакционной коллегии стало то, что и стихи, и рассказы, и очерки, вошедшие в литературно-художественный альманах 1944 г., – всё подчинялось главной теме – «Приморье и война». До настоящего времени большую историческую и литературно-художественную ценность представляют военные записки Н. Лебедева, Е. Коровина, В. Королева, А. Мельчина из Сталинграда и других мест сражений под заголовком «Приморцы на фронтах Отечественной войны». Не потеряла своей актуальности и значимости пятидесятистраничная хроника «Приморье в дни Великой Отечественной войны», тщательно и подробно составленная Н. И. Колбиным и А. И. Мельчиным. Весомым и уместным в альманахе является материал о В. К. Арсеньеве, основанный на документах и озаглавленный «Следопыт Дальнего Востока». Высокий статус публикации подчёркивается приложениями, перечисляющими основные печатные труды В. К. Арсеньева и его большую общественно-научную деятельность.

1 февраля 1945 года Приморская краевая газета «Красное знамя» откликнулась на выход из печати второго выпуска альманаха «Советское Приморье», оценив его как «явление от-

радное и значительное в литературной жизни края», тем более что «Приморье не может пока что похвастаться окончательно сложившимися писателями и поэтами, твёрдо определившими своё литературное «я» [2. 1945. 1 февраля]. Позже заведующий сектором печати Приморского крайкома ВКП (б) М. И. Гусев отмечал большую роль печати, в том числе литературно-художественного альманаха, в поддержке и развитии патриотизма, в мобилизации имеющихся ресурсов Приморского края на службу защиты Отечества [2. 1945. 5 мая].

Таким образом, первые и последующие выпуски литературно-художественного альманаха Приморья выходили благодаря вниманию, заинтересованности, поддержке, помощи, прямого идеологического руководства краевой власти, хорошо понимавшей важность такого издания, способствовавшего развитию культуры и главной части духовного института – литературы, воспитывавшего и объединявшего людей.

Над каждым очередным выпуском альманаха велась кропотливая работа. Каждый выпуск «Советского Приморья» стал красноречивым историческим показателем уровня культуры края в разные годы. Ещё только предстоит установить, сколько стихов, рассказов, баллад, легенд, сколько литературно-критических, искусствоведческих, публицистических, общественно-политических, краеведческих и иных очерков собрал и представил альманах за семь десятилетий. Но даже без общих цифр ясно, что с первых своих шагов альманах стал накапливать, бережно хранить и доносить до соотечественников уникальную информацию, весьма интересную и полезную не только для писателей, поэтов, критиков, не только для учёных-гуманитариев, но и для всех приморцев, для дальневосточников.

Следует согласиться с утверждением Б. В. Лапузина [4, с. 12], являющегося сегодня главным редактором «Литературного Владивостока», альманаха-наследника: ежегодник аккумулирует духовный потенциал Приморья, участвует в патриотическом воспитании молодёжи, способствует развитию культуры, он просто необходим для нормальной жизни Владивостока и пограничного Приморья.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Приморского края (ГАПК), г. Владивосток.
2. Красное знамя, орган Приморского крайкома ВКП(б) и Приморского краевого совета депутатов трудящихся.
3. Крившенко С. Ф. Писатели Приморья: справочное издание. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 240 с.
4. Лапузин Б. В. Альманах, необходимый Приморью // Литературный Владивосток: альманах. Владивосток: Венец, 2011. 289 с.
5. Пегов Н. М. Далекое – близкое. Воспоминания. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 216 с.
6. Петренко В. М. Дальневосточный фронт накануне и в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 20–25.
7. Приморский край: краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
8. Советское Приморье: литературно-художественный альманах. Вып. 1. Владивосток: Приморское краевое изд-во, 1941. 336 с.
9. Советское Приморье: литературно-художественный альманах. Вып. 2. Владивосток: Приморское краевое управление издательств и полиграфии, 1944. 218 с.
10. Советское Приморье: сборник. Владивосток: Дальгиз, 1940. 176 с.

Статья поступила в редакцию 16.02.2012 г.

УДК 821.161.1
ББК Ш5 (2=Р)5

Лидия Игнатъевна Кирсанова

доктор философских наук,

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(Владивосток, Россия), e-mail: international@vvsu.ru*

Странничество в вещном мире (особенности поэтики И. Бродского)

Вещи не являются нейтральными элементами опыта. Они взаимодействуют с нами, вступают во взаимоотношения: иногда – дружеские, часто – враждебные. В именовании вещей, призыве их из хаоса использования и потребления решающее слово принадлежит поэту. Поэтика Бродского – отражение особенностей бытования вещей в современном мире. Её особенность заключается в том, что он мыслит бытие вещественно, извлекает смыслы через образы вещей, что создаёт полноценное впечатление о его внутреннем мире. В статье показана неустойчивость современного мира, который потерял свойства стабильных вещей и приобрел «номадический» характер. Такой подход можно назвать феноменологическим, когда определенное культурное явление духовного плана рассматривается через явленность в вещах. В качестве методологического инструментария также привлекаются философия феноменологии (М. Хайдеггера), экзистенциализма (Сартр), структурализм (Леви-Стросс).

Ключевые слова: поэтика, странничество, Иосиф Бродский, внутренний мир, феноменологический подход.

Lydia Ignatyevna Kirsanova

Doctor of Philosophy,

*Vladivostok State University of Economics and Service
(Vladivostok, Russia), e-mail: international@vvsu.ru*

Wandering in the World of Things (Features of Joseph Brodsky' Poetics)

Things are not neutral elements of experience. They interact with us, enter into a relationship: sometimes friendly, often hostile. In naming things, calling them from the chaos of the use and consumption, the final word belongs to the poet. Brodsky's poetics is the reflection of the characteristics of things existing in the modern world. Its peculiarity lies in the fact that he thinks of being in terms of things, derives meanings through the images of things that create a full impression of his inner world. The article shows the instability of the modern world that has lost the properties of stable things and has acquired a "nomadic" character. This approach can be called phenomenological, when a certain cultural phenomenon of the spiritual realm is regarded by the appearance of things. The author involves the philosophy of phenomenology (M. Heidegger), existentialism (Sartre) and structuralism (Levi-Strauss) as methodological tools.

Keywords: poetics, wandering, Joseph Brodsky, inner world, phenomenological approach.

Если что-то произошло между людьми и вами, если случилось что-то страшное – постарайтесь приблизиться к вещам – стульям, скрипке, статуе, площади, чтобы стать вещью, мыслящей вещью среди вещей.

В жизни И. Бродского случилось это страшное – суд юридический, несправедный, суд толпы над поэтом, потом – вынужденная эмиграция с её всемирностью, но и бездомьем «на одном из пяти континентов, держащемся на ковбоях», определили видение И. Бродского. Это бытие среди одиноких вещей, где ты сам – только мыслящая вещь. Люди – ничто и

их величие – дым (М. Фуко), остались только особняки, библиотеки, фонтаны, статуи. Предметы не предстают нейтральными элементами опыта: они ласкают и ранят, жалят и успокаивают, радуют и огорчают, они – самые человеческие в мире, где нет ... людей. На вопрос, почему в поэте родилось интимное восприятие вещественности, существует, видимо, немало ответов, предлагается один из возможных. Бродский родился в великой стране, которая вследствие тяжких ошибок, тирании власти, человеческих потерь обрела новый тип людей, чья жизнь в культуре оказалась слишком ко-

роткой. Разрыв поколений («прервалась связь времен»), обнищание души, обрыв в культуре, тупики в языке, когда количество бранных слов превышает объёмы словарей с их лингвистическим запасом – таковы были характеристики жизни «духа» нации, когда к ней прикоснулся поэт. Воспитанные 70-летней «культурой», мы оказались существенно моложе, чем вещи, нас окружающие – памятники, площади, мебель, предметы быта. Стул или скрипка возникли задолго до нашего молодого варварства и продолжают свою то явную, то тайную жизнь, несмотря на образовавшиеся бреши: исчезли ценители вещей, остались пользователи.

Немного о существе того, что мы называем вещью. Такой объект, как вещь, зачастую сам по себе может выступать в качестве субъекта уже только по причине его выделенности из имманентности растений, животных и других представителей органического мира, включая кристаллы и звёзды, ибо всякая вещь сотворена. С одной стороны, вещь сохраняет принадлежность к существу всего космоса как материя, а с другой – имеет то обособленное положение, которое ей придал тот, кто её изготовил. В известный момент человек может воспринять вещь в качестве себе подобного, т. е. субъекта; вещь интерактивна, что не отменяет её способность оставаться собой и сопротивляться субъективации. Вещь (часы, рубашка, ремень и т. п.) способна выражать всё то, что мыслит и переживает субъект. В этом смысле человек и вещь, как показал М. Хайдеггер, представляют единство процесса сопряжения четверицы – земли и неба, божеств и смертных, движения, направленного как вовнутрь (вещь как она есть в качестве таковой), так и вовне – при-данность в ней космического и даже космологического порядка [1]. Антрополог К. Леви-Стросс в статье «Эффективность символов», ссылаясь на архаичные структуры мифомышления, показал ограниченность современной рациональности в понимании субъектности как мира Я и других людей, она более обширна и содержательна [2].

В размерности вещей, орудий труда, космических и природных процессов человек рассматривает себя в свете единения всего сущего, не сводя свою субъективность к собственной интимности. Вещи способны действовать, мыслить и изъясняться подобно человеку именно потому, что они сохраняют черты обличности, свойства смутно различимого

Присутствия – Бога, природы, космоса, символического и т. п. Поэт в особенности способен воспринимать мироздание вне отчётливо выраженных границ космоса в целом и вещей, как процесс перетекания одних жизненных форм в другие. Обычный человек использует вещи и тем самым принижает их ценность, вещь оказывается, как и он сам, в ряду прочих вещей, она десакрализуется. В таком случае это не человек использует вещи, это они его используют. Но вещи – существа одной с нами природы, имеющие все признаки субъекта – способность изменяться, нести смыслы, порождать мироощущение, усиливать восприятие мира и т. п. В некотором смысле, вещь в качестве её способности вызывать представления из стихии мира действует мягче, чем встреча с другими людьми с их навязчивостью субъективности. Ж.-П. Сартр писал о садизме и мазохизме другого человека: ад – это другие [3].

Значима не сама по себе вещь, а её преобразование – старение, изношенность, потертость, ибо тот, кто формирует её или о-формляет, так или иначе наносит царапины собственного присутствия, т. е. претерпевает перемены в себе самом. Если человек относится к вещи как к чему-то пустопорожнему, он упускает из виду, каков он сам. Он отвергает вещь – ломает, выбрасывает; выходит – тем самым он отвергает самого себя. Некоторые вещи возводятся в ранг священных (огонь, золото, автомобиль, розы и др.), в разные эпохи – это разные вещи, что свидетельствует о том, что они изымаются из простого употребления, сакрализуются вполне случайно, нипочему. Разумеется, никакая вещь в реальности не может и слова вымолвить в своё оправдание. Вещь вводится в Священное через поэтическое слово; вещь, поименованная поэтом, переходит из имманентного в порядок трансцендентного. Поэт игнорирует реальное положение вещей (розы – не более вещь любви, чем какой-либо другой цветок). Однако, как сказал поэт: «розы – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (О. Мандельштам) или «роза, ей день седьмой, она свежа покамест» (Б. Ахмадулина), и тем самым сказом роза изменяет свою суть, изымается из порядка реальности и обретает свойства сакральной вещи.

Когда поэт обращается к вещам, они отзываются на его «ау» и звук каждого слова будит эхо в неизвестности, уходящей в двухсотлетнюю (петербургскую) или несколькове-

ковую европейскую культуру. Вопрошающий звук, обращенный к современности, к людям с их послереволюционными принципами, удаляется о недалёкую стенку нового времени. Созданная вещь открывает своё человеческое непосредственно; в ряду первооткрывателей место поэта самое ответственное, ибо обыватели чересчур забывчивы, трусливы, поражены страхом помнить. Именно вещи, а не люди (что они знают и помнят в сравнении с вещами?) достойны внимания поэта, ибо представляют от имени и во имя культуры. После смерти Анны Ахматовой, последней из поэтов, протянувшей живую, а не умственную только связь от серебряного века русской поэзии – Блока, Гумилева, Мандельштама – туда, дальше, дальше – к Пушкину, Тютчеву, Данте, Шекспиру, молодому поэту не от кого было наследовать, кроме как от вещественности мира.

Когда вы не верите людям и их принципам, когда они обманули и сами оказались обманутыми, приблизьтесь к вещам, вслушайтесь в их шёпот, вдохните их пыль, остановите мокрый зрачок на их ветхости, и вы поймёте, что ещё остались вещи, которым можно доверять (ведь стул или рояль изобрели не большевики).

Посвящается стулу

... Возьмём за спинку некоторый стул.
Приметы его вкратце таковы:
Зажат между невидимых он скул
пространства (что есть форма татарвы),
он что-то вроде метра в высоту
на сорок сантиметров в ширину
и сделан, как и дерево в саду,
из общей (как считалось в старину)
коричневой материи...

Материя возникла из борьбы,
как явствуют преданья старины.
Мир создан был для мебели, дабы
создатель мог взглянуть со стороны
на что-нибудь, признать его чужим,
оставить без внимания вопрос о
подлинности [4].

Вещи обрели свою историю раньше, чем люди: они плотно заставили пространство мира, где человеческая вертикаль – случайная и недолговечная телесность.

Полярный исследователь

Все собаки съедены. В дневнике
не осталось чистой страницы. И бисер слов
покрывает фото супруги, к её щеке
мушку даты сомнительной приколов.
Дальше – снимок сестры. Он не шадит сестру:
речь идёт о достигнутой широте!
И гангрена, чёрная, взбирается по бедру,
как чулок девицы из варьете.

В обращении непосредственно прошлому (тирана, исследователя, очевидца), минуя телесность, вещественность – бюст, особняк, где жил тиран, письма полярного исследователя, присутствует известная фамильярность, что-то от легкомысленной самонадеянности сиротства. В вещах опредмечена человеческая духовность и душа человека скрыта в тёмной (потайной) душе вещей. В них застыла память о человеческих делах, страстях, неудачах, любви и насилии, страхе и восторге, они не безмолвны и не беспамятны: в них лишь погашен огонь человеческой деятельности.

Воскресный полдень. Комната гола.
В ней только стул. Ваш стул переживёт
вас, ваши безупречные тела,
их плотно облежавший шевиот.
Материя конечна, но не вещь.
Вопрошать к вещам не бессмысленно:
Города знают правду о памяти,
об огромности лестниц
в так наз. разорённом гнезде,
о победах прямой над отрезком.
Ничего на земле нет длиннее,
чем жизнь после нас,
воскресавших со скоростью
набранной к ночи курьерским.

Длина нашей жизни измеряется не тире между двумя датами, а протяжённостью одушевлённых вещей, ряд которых продлевает наше бытие в бесконечность.

В сравнении с болтливостью людей, которым, по существу, нечего сказать, в молчании вещей есть тайна, увлекательная и жуткая, манящая и страшная. Признания людей однообразны, ибо человек, удаляясь от своего первоначала (своего рода, от своих отцов, связь с природой становится технологической, а не интимной), становится безвременной, безначальной системой. Когда человек утрачивает связь с поколениями, перестаёт считать от..., вести свой род от Адама, он перестаёт жить во времени, беспамятство настигает его на ули-

це (во времени истории), равно как и в храме (во времени и культуры). Через вещи человек может обрести себя, восстановить во времени, ибо в них (вещах) связь с первоначалом, всемирной душой, Богом, непосредственная.

Созданная вещь, в отличие от природы, раскрывает субъективную душу непосредственно. Время приходит к человеку извне – от площади, скрипки, гипсового бюста, в них он прочитывает свою историю.

Я тоже опрометью бежал всего
со мной случившегося
и превратился в остров
с развалинами, с цаплями. И я
чеканил профиль свой посредством лампы.
Вручную [5].

Есть смысл обращаться к старым вещам, а не к реставрированным. Реставрация возвращает вещи молодость (вечное пребывание в детстве), в чём проявляется фамильярная легковесность человека в отношении к вещам: в попытке навязать им собственную беспамятность.

Звук уступает свету не в
скорости, но в вещах,
внятных даже окаменев,
обветшав, обнищав.

Не кажется ли, что именно обветшав вещи обретают способность быть внятными, т. е. понятными в их свидетельствовании о времени, его течении и бесконечности. Имеет смысл вопрошать к старым вещам, ветхим и пыльным (на которых осела пыль времени, а не радиоактивная), не вовлечённым в круг всеобщей болтливости нового времени. Не бесполезно вопрошать к вещи, но что они (многие) расскажут: «...причин на свете нет, есть только следствия. И люди жертвы следствий. Особенно в тех подземельях, где все признаются – даром, что признанья под пыткой, как и исповеди в детстве, однообразны» и «ничто так не клонит в сон, как восьмизначные цифры, составленные в колонку, да предсмертные вопли созвавшегося во всем сына, записанные на плёнку».

Бюст Тиберия и Резиденция (особняк тирана) тянут однообразную и страшную песню своих хозяев: «вообще – не есть ли жестокость только ускорение общей судьбы вещей» [6]. За тем, каковы вещи, слышится, кто говорит, спрашивает, отвечает, молчит, причём не только тот, вчерашний (Тиберий), современный «мелкий» тиран, но сам поэт, который их вызвал, но не властвует над ними.

Раскаяться? Перевернуть судьбу?
Зайти с другой, как говорится, карты?
Но стоит ли? Радиоактивный дождь
польёт не хуже нас, чем твой историк.
Кто явится нас проклинать? Звезда?
Луна? Осатаневший от бессчётных
мутаций с рыхлым туловищем, вечный
термит? Возможно. Но, наткнувшись в нас
на нечто твёрдое, и он, должно быть,
слегка опешит и прервёт буренье.
«Бюст, – скажет он на языке развалин
и сокращающихся мышц, – бюст, бюст».

Универсум И. Бродского – это бытие в осколках. Не целые части, а частички вещей, не вся полнота вещи, а её кусочек, частность создаёт мозаичный, плоско-картинный мир: «...от тебя оставались лишь губы, как от того кота». «Как давно я топчу, видно по каблук...». «Паутинку тоже пальцем не снять с чела». «И с присохшей к губе сигаретой сильно заполночь, возвращаясь пешком к себе, как цыган по ладони, по трещинам на асфальте я гадал бы, икая, вслух о его судьбе». «Смотри, это твой шанс узнать, как выглядит изнутри то, на что ты так долго глядел снаружи, запоминай же подробности».

«Глаз чувствует, что требуется вещь, которую пристрасно рассмотреть...»

На мягкий в профиль смахивая знак
и «восемь», но квадратное, в анфас,
стоит он в центре комнаты, столь наг,
что многое притягивает глаз...

Фанера. Гвозди. Пыльные штыри.
Товар из вашей собственной ноздри.

Вещи заставляют собою пространство, где странствует поэт, шаркая подошвами по асфальту, и мы вслед за ним – со скоростью перемещаемой страницы.

Но стол есть плоскость, режущая грудь.
А стул ваш вертикальностью берёт.
Стул может встать, чтоб лампочку вернуть,
на стол. Но никогда наоборот.
И, вниз пыльцой, переплетённый стебель
вмиг озарит всю остальную мебель.

Вместо формы лампочки поэт даёт её часть, переплетённый стебель (шнур?) и впечатление света через видимые пылинки – вниз пыльцой. В луче света всякое пространство делается пред-ставленным, видимым глазами, т. е. тем, что мы можем взять эмпирически.

Города отдают лежалым, полосатым сукном...

Как костяшки на пыльных счётах,
воробьи восседают на проводах...

Чистая линия горизонта
с облаком напоминает верёвку
с выстиранной рубашкой... [7].

Странствие по плоскости, авторское странничество среди пространства, составленного из вещей, осколков вещей, путешествие по плоскости, но не в гору, путь – вперёд или влево, назад, но не наверх – таковы условия, приглашающие в духовный мир И. Бродского. Что упорядочивает эти миры, мозаичное пространство, каков его порядок, дающий закон духовной жизни поэта? Авторское отношение, энергия воспоминания? Нет и нет. Из этого странничества по плоскости складывается причудливая мозаика «кусочных» пространств; это энергия вещественности, театр (представление) вещественных сил – остановленного тела, замершей вещи, части вещи. Поэт – лишь мыслящая вещь среди вещей. И. Бродский – явление новой поэзии, в отличие от классического периода мировой и русской литературы. В чеховском «Вишневом саде», принадлежащем к эпохе классики, в монологе о шкафе ясно выражено авторское отношение к вещи, т. е. вещь и отношение к вещи разделены на объект и субъект переживания.

В поэтическом мире И. Бродского предпослано тождество вещи и её переживания: Я – вещь, Я – вещь (слово, ею называемое или, скорее, даже вызываемое), а потому авторское отношение преодолено, «снято» и превращено в тождество вещи-переживания. «Бытие в кусочках» вещного пространства депсихологизировано, это бытие до-психики, до-мысли, быть может, после-мысли. Я – ботинок, стёрший подошву о мостовую, и только по тому, «как давно я топчу, видно по каблуку». Поэт не создаёт образ вещи в воображении, чтобы обозначить, назвать состояние (ощущение тяжести жизни), но он создаёт овеществлённую тяжесть. Стоптаный каблук вобрал в себя ощущение тяжкого давления жизненных обстоятельств и собственно тяжесть, вещественность мира. Пространство, плотно заставленное вещами, не есть ощущение поэта в его незамутнённости (хотя подозрение о восстании вещей всё-таки прочитывается), но и не собственно вещи в их непроницаемости, незамутнённости «в себе

бытия», отстранённости. В сопряжении отождествления вещи и переживания вещи каждая особенность несёт в себе нечто большее, чем они – в отдельности. Вещь (стул, гитара, статуя) не просто вещь, а конкретная вещь, в которой слиты самые разные представления, ощущения, чувства, мысли, самые разные и неотчетливые в их глубочайшей нераздельности, так что выбор остается за нами. Вещественность мира, его телесная плотность, создаваемая поэтом, это плоть, вобравшая в себя авторский выбор, неотделимая от его изломанности, тоски, тревоги, боли. Но это не столько чистая эмоция поэта, ибо, взятая сама по себе, она оставалась бы «жалом в плоти», вошедшей в него болью, отчаянием, но это эмоция, требующая выхода за свои собственные пределы, за границы авторского мировосприятия. «Распятая эмоция» (Ж.-П. Сартр) возвращается к нам (и самому поэту) не в форме, данной собственно ей, да и что это могло бы быть – крик, испуг, судорога, – а в эмпирии иного объекта: вещи, наделённой загадочной душой, разгадка которой остаётся на долю читателя.

Вещественная плотность духовного пространства И. Бродского не создана собственно вещами в их постоянности, законченности, но это эк-статическое пространство, где вещь стремится выйти за свои пределы, изменить своей форме, вещь испытывается на слом, распиливается, разрушается. Если бытие вещи не есть нечто случайное, то сведение её к сущности, к тому, что она становится не тем, что является, а тем, что существенно, оборачивается изменением формы: она гипертрофируется, ломается, а живая плоть превращается в окаменелость. Человек, редуцированный к скульптурному бюсту, обретает новую эмпирию вещественности: каменный человек, «человек с лицом из камня», «естественная машина уничтожения», «на качества пространства никак не реагирующий бюст». «Я чеканил свой профиль посредством лампы. Вручную», – камень, впитавший в себя эмоцию, становится бюстом. Загадочные души вещей смотрят на нас из углов поэтического пространства И. Бродского: оборачивается гримасой стул, здесь же – «специальное зеркало, разглаживающее морщины», напротив – «бутылка собора в окне харчевни», фонтан, пирамида останавливают и оставляют нас в задумчивости, равной их неподвижности. Весь мир, в сущности, кладбище вещей: умерших площадей, статуй, мостов в

отсутствии людей, причастных к их величию. Терпеливое, неустанное странничество поэта в пространстве вещественности рождает взгляд, который останавливает, разлагает, мертвит: то ли век, идущий к концу, наградил его бессилием плоскости, то ли непростая личная судьба поэта наслоилась на мировосприятие и научила принимать мир на ощупь, испытывать на прочность. В сравнении с символизмом, где сама поэзия высокого предполагает путь вверх (а не движение по плоскости) – туда к Богу, Софии, Незнакомке и т. п., восхождение в гору, то у И. Бродского поэзия обыденности с её внимательным взглядом на вещественность, телесность мира, сфокусированность на частностях, деталях вещественного бытия разлагает целое, оно распадается, дробится на отдельные кусочки, рассыпается причудливой мозаикой.

Когда поэт не хочет или не может говорить о настоящем и прошлом, когда он не хочет судить о времени, он соединяет между собой не даты, не события, а вещи, располагая их на плоскости. Феномен исчезновения времени объясняется общими условиями дисгармонии в отношениях человека и мира, желая избежать которых, поэт, остерегаясь временной сложности, предпочитает плоскость. Внимание поэта к существованию вполне искупается тем, что наряду с достойной жизнью (это объект внимания морализирующего сознания) наличествует собственно жизнь как соседство высокого и низкого мифа, добра и зла, справедливости и насилия, демократии и авторитаризма и т. п.

Когда поэт удаляется к вещам в поисках пространства (классическая поэзия, по преимуществу, была временной) происходит деприватизация поэтического мира. Лик поэта скрыт в каменном всаднике, гипсовом бюсте, окне, занавешанном выстиранной простынёю, в перекладах голых скамеек, бумаге, хлебе.

Что, в сущности, и есть автопортрет.
Шаг в сторону от собственного тела,
повёрнутый к нам в профиль табурет,
вид издали на жизнь, что пролетела.
Всё это и зовётся «мастерство»:
способность не страшиться процедуры
небытия – как формы своего
отсутствия, списав его с натуры.

Вещи в причудливости их сочетаний, случайности и бесконечности связей сообщают нам нечто о поэте, что, однако, не поддается расшифровке настолько, чтобы мы могли ска-

зать, что они суть поэт. Лик поэта скрыт напластованиями бытия (но не культуры, заметим), в складках вещественности из окаменевшей плоти, кусочков вещей, бывших вещей просматривается – этакая овеществленность самого автора.

Теперь меня там нет. Означенной пропаже
двигаться, может быть, лишь вазы в Эрмитаже.
Отсутствие моё большой дыры в пейзаже
не сделало; пустяк: дыра – но не большая.
Её затянет мох или пучки лишая,
гармонии тонов и проч. не нарушая [8].

Ты узнаешь меня по почерку.
В нашем ревнивом царстве
всё подозрительно: подпись, бумага, числа [9].

Частная жизнь. Рваные мысли, страхи.
Ватное одеяло бесформенней, чем Европа.

С помощью мятой куртки и голубой рубахи
что-то ещё отражается в зеркале гардероба [10].

Я был в Риме. Был залит светом. Так,
как только может мечтать обломок!
На сетчатке моей – золотой пятак.
Хватит на всю длину потёмок [11].

Из приведённых отрывков видно, что автор мыслит себя не как длительность или последовательность переживаний, но как часть пейзажа, как пространство с его чистыми линиями форм и красок. Вместо того, чтобы погрузиться в поток воспоминаний (А. Ахматова как-то заметила, что вся поэзия – воспоминание того, что однажды вспомнилось), переживаний и т. п., поэт ставит читателя перед моментальными снимками вещей, людей, животных, их частей и кусочков, сделанных в разное время, но сцепленных в неподвижности в момент восприятия. Говоря современным языком, поэтический мир Бродского насквозь кинематографичен.

В поэтике И. Бродского сказалось недоверие к слову, свойственное поэту вообще, ибо он старается пробиться непосредственно к бытию, вопреки и назло распространившейся всеобщей болтливости, в частности. Если в обыденной жизни человек пользуется языком как инструментом, как средством называния предмета, сообщения, внушения, то он, по мысли Ж.-П. Сартра, находится внутри языка, не добывая, не зачерпывая из бытийственности то,

что до поры до времени находится вне лингвистической нормы. Поэт же со-причастен самой вещи, собственно бытию, он ему со-плотен, т. е. находится по ту сторону языка. В таком языке возможен субъект высказывания, который не относится к вещи (любит, ненавидит, ласкает), но тождественен состоянию «я – вещь», а потому он говорит вещественно. Язык И. Бродского не инструмент, не средство сообщения, а непрерывная длительность высказывания, равная протяжённости вещей, следующих друг за другом, имеющая к тому же свою энергию, свой ритм, размерность. Бродский – настолько овеществлённая эмоция, что постановка классического вопроса о лирическом субъекте, авторе и т. п. лишена смысла. Поэт вступает с вещами в отношения соприкосновения, вслушивается в их шепот, впитывает их краски, и эту связанность с ними он располагает не во времени, но на плоскости в порядке их пространственной протяженности.

Так что пространство, где одна вещь является началом другой, создаёт пространство вещественности, в котором поэт совершает своё странничество. Графическая изобразимость, когда пространство рисунка, листа заполняется предметами, вещами, телами слева направо, может служить аналогией языка И. Бродского.

Поэзия на основании какого-то внутреннего закона единства, не всегда поддающегося рефлексивному обоснованию и удовлетворяющегося суждением о том, что эта связь существует, сопричастна музыке и живописи (К. Чюрленис). Живопись придаёт поэтической теме цветное, а музыка – ритмическое единство, что в целом создаёт органичную целостную картину эстетической реальности.

Всего лучше цветовым, пространственным аналогом языку И. Бродского является живопись художника авангарда 20–30-х гг. XX в. Павла Филонова, особенно картина «Лики». Художник не даёт нам лица как законченной формы, он лишь осторожно подбирает кусочки будущего бытия из чистых цветов, тонов чистой несмешанной краски – красной, голубой, коричневой, так что кажется это движение к форме вообще совершается наощупь, пальцами (кистью). Из случайного, казалось бы, хаотичного соединения осколков, остатков, кусочков бывших вещей, насекомых, животных, людей неловко и грубо (в смысле отсутствия сразу данного изящества формы) высвечивают лики, формы (даже формулы) людей, домов,

весны, революции и др. То же проделывает с вещественностью мира И. Бродский: он осторожно касается вещей, извлекая не музыку, но звуки: шаркающий звук иглы граммофона по пластинке; шелест лавра на выжженной балюстраде; шорох старой бумаги и красного креп-дешина; звуки рояля в часы обеденного перерыва, нарушающие тишину уснувшего переул-ка; шум воды, наставницы красноречья; стрекот ножниц, уже кроющих мне пустоту; дребезг колоколов. Заметим, ни одного чистого звука, всё – скрежет, ш-шшшшшш. Мир звуков, извлекаемых родственным прикосновением зрачка к вещам, не воспринимается какофонией отчаяния, а складывается где-то вдалеке неясной и грустной мелодией.

Тронь меня – и ты тронешь сухой репей,
сырость, присущую вечеру или полдню,
каменоломню города, ширь степей,
тех, кого нет в живых, но кого я помню [12].

Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться

будет лишь благодарность [13].

(24 мая 1980 г.)

В стихах И. Бродского есть не только музыка, но ещё – цвета и запахи. Звучащее, цветное, ароматизированное пространство вещественности саму природу делает вещью в пейзаже.

... Смятое за ночь облако расправляет
мучнистый парус.

Как прутьями по ограде.

Школьники на бегу, утренние лучи
перебирают колонны, аркады, пряди
водорослей, кирпичи.

Или

Плещет лагуна, сотней
мелких бликов тусклый зрачок казнь
за стремление заполнить пейзаж, способный
обойтись без меня. (Венецианские строфы).

Праздник, никем не вдыхаемый больше воздух.
Ввезенная, сваленная как попало
тишина. Растущая, как опара,
пустота.

(Стихи о зимней кампании 1980 года).

Я хотел бы жить, Фортунагус,
в городах, где река
высовывалась бы из-под моста,
как из рукава рука,
и чтоб она впадала в залив,
растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показавший кулака.

По отсутствию дыма из кирпичных
фабричных труб
Я узнавал бы о наступлении воскресенья...

В сумерках я следил бы в окне стада
мычащих автомобилей, снующих туда-сюда.
(Развивая Платона).

Помрачение июльских бульваров,
когда, точно дети во сне,
пропадают из глаз, возмущённо шурша,
миллиарды,
и, как сдача, звезда дребезжит,
серебрясь в желтизне
не от мира сего замусоленной
ласточкой карты.

Вечер липнет к лопаткам,
грызя на ходу козинак.

Очевидно, что ни природа, ни городской
пейзаж не имеют места сами по себе: они че-
рез вещи обрастают чертами лица, хранящими
человеческую эмоцию. Из глубины космоса
смотрят на нас возможностью осуществления
в вещи человеческие миры:

Звук уступает свету не в
скорости, но в вещах...

Я был скорее звуком
Ночевал в ушных раковинах
Пускал петуха.

В извлечении вещественности из хаоса
небытия поэт отдаёт предпочтение звуку, цве-
ту, запаху, из потёмков которого рождается внят-
ная мелодия, гармония форм пейзажа, музыки,
слова. Если что-то случилось между людьми и
вами, обратитесь к вещам: им ещё можно до-
верить.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 316–327.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 165–183.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА, Республика, 2002. С. 379–394.
4. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987.
5. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 137.
6. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 136–137, 108.
7. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 74, 78.
8. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 72.
9. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 179.
10. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 115.
11. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 116.
12. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 187.
13. Бродский И. К Урании. М.: Ардис, 1987. С. 177.

Статья поступила в редакцию 26.01.2012 г.

Николай Иванович Козлов
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: kozlov-49@mail.ru

Формирование музыкального сознания в современных социо-культурологических условиях потребностей и интересов субъекта

В статье рассматриваются проблемы формирования музыкального сознания человека как культурного феномена в современных социокультурологических условиях. Представлены функции музыкального искусства. Проанализированы основные типы слушательских потребностей. Обобщены взгляды исследователей по проблемам специфики формирования слушательских потребностей, уровней восприятия музыкальных произведений, что и обосновывает актуальность представленной работы. Изучение деятельности слушателей, их роли в восприятии музыкального искусства невозможно без учёта их музыкальных потребностей. Разговор о музыкальных потребностях важен для того, чтобы заострить внимание на исходных мотивах и предполагаемом результате деятельности слушателя, на проблеме воспитания слушательской аудитории. Теоретическая значимость работы заключается в обобщении и корректном использовании исследований философов, социологов, музыковедов, психологов на поставленные проблемы в современных условиях развития общества. Практическая значимость определяется тем, что основные положения и выводы могут использоваться в лекционно-практической деятельности педагога-музыканта в сфере среднего и высшего профессионального образования, а также в разработке проектов молодёжной политики в сфере художественного образования.

Ключевые слова: образование, воспитание, художественная культура, функции музыкального искусства, музыкальное сознание, интонирующее сознание, музыкальные потребности, условия, типы слушательских потребностей.

Nikolai Ivanovich Kozlov
Doctor of Pedagogy, professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: kozlov-49@mail.ru

The Formation of Musical Consciousness in Modern Socio-cultural Conditions of the Subject's Needs and Interests

The article deals with the issues of forming man's musical consciousness as a cultural phenomenon in modern socio-cultural conditions. The paper presents the main functions of musical art and analyzes the basic types of listeners' needs. It summarizes the views of researchers on the specificity of forming listeners' needs, levels of music perception, and that proves the relevance of this work. Investigating the listeners' activity, their role in the perception of musical art is impossible without considering their musical needs. The discussion of musical needs is important for focusing on the initial motives and intended result of the listener's activity, on the issue of educating the audience. The theoretical significance of the article is to generalize and correctly use the studies of philosophers, sociologists, musicologists, psychologists on the issues raised above in the present conditions of society's development. The practical significance is determined by the possibility to use the basic provisions and findings of this article in the activity of a teacher-musician in the sphere of secondary and higher education, as well as in working out projects of youth policy in the sphere of art education.

Keywords: education, upbringing, art culture, musical art functions, musical consciousness, intoning consciousness, musical needs, conditions, types of listeners' needs.

Анализ исследований, посвящённых психолого-педагогическим, дидактическим аспектам роли и значения искусства, позволяет установить взаимосвязь уровня художественного воспитания с общим развитием личности (М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, Д. Б. Эльконин и др.), что даёт основание рассматривать любой вид художественного образования, в том числе и образования музыкального, как процесс овладения духовными ценностями, выработанными человечеством на протяжении многовекового культурного развития.

В связи с изложенным необходимо выделить и рассмотреть основные функции музыкального искусства, которые выполняются в процессе развития музыкального мышления личности; среди этих функций многие исследователи выделяют *познавательную, эвристическую, коммуникативную, социально-организующую, воспитательную, суггестивную, катарсическую, развлекательную, медицинскую и др.*

Рассматривая музыкальное искусство как один из видов художественного мышления, Б. В. Асафьев подчёркивал выполняемую им *познавательную функцию*. По его словам, творческие замыслы становятся явностью для общественного сознания через проявление интонации либо в речи, либо в музыке. Вопросы интонационного общения – то есть коммуникативность музыки – занимают в исследованиях Б. В. Асафьева большое место.

Отметим, что функция мировоззренческая, или воспитательная, была сердцевиной, ядром всех функций музыки. При этом музыка способствовала тому, чтобы мировоззрение усваивалось не как совокупность понятий и слов, а как совокупность реальных переживаний, неизгладимых из памяти эмоций, как мощный заряд волевой энергии. Волевой элемент был определяющим и организующим воспитательное воздействие музыки.

Однако конец XX в. и начало нынешнего характеризуется многими исследователями как активный период формирования зрелищных, массовых жанров развлекательного типа, праздничных массовок. Меняется роль и функции музыкального искусства. Музыка начинает восприниматься по-новому: как шум, как материал для фонотеки, как предмет развлечения, теоретических и идеологических спекуляций. Меняется расстановка и функции участников музыкальной коммуникации – композитора,

исполнителя, слушателя, критика, педагога, чему способствуют новые формы распространения музыки: радио, звукозапись, телевидение и т. д. Всё более и более в сознании массового слушателя музыка выполняет в большей мере рекреационно-развлекательную, нежели духовно-эстетическую, формирующую роль. При этом стремительно утрачиваются социальные функции музыкального искусства – познавательная, ценностно-ориентировочная, созидательная, коммуникативная, преобразовательная, просветительская, воспитательная. Приобщение к музыкальному искусству развлекательного типа на современном этапе развития общества приобретает массовый характер в ущерб искусству классическому, рассчитанному на подготовленного и образованного слушателя.

Частичная утрата музыкальным искусством своей главной социальной роли по формированию человека ставит перед педагогикой музыкального образования новые проблемы, разработки новых подходов к содержанию музыкального образования в целях повышения его конкурентной способности в условиях современного развития постиндустриального общества. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. Происходит смена образовательной парадигмы: предлагается иное содержание, иные подходы, иное право, иные отношения, иное поведение, иной педагогический менталитет. Содержание образования обогащается новыми процессуальными умениями, развитием способностей оперированием информацией, творческим решением проблем науки и рыночной практики с акцентом на индивидуализацию образовательных программ. Традиционные способы информации – устная и письменная речь – уступают место компьютерным средствам обучения, использованию телекоммуникационных сетей глобального масштаба. Важнейшей составляющей педагогического процесса становится личностно ориентированное взаимодействие учителя и ученика. Особая роль отводится духовному воспитанию личности, становлению нравственного облика Человека. Намечается дальнейшая интеграция образовательных факторов: школы, семьи, микро- и макросоциума [9; 16].

Вместе с тем вот уже более полувека активно развивается *психологическая антропология* как наука, рассматривающая проблемы «человек и культура» с позиций общего и особенного.

Как подчёркивает А. Мерриам, методология психологической антропологии является определённым подходом к изучению музыкального сознания и его ядра – музыкальности. Однако, по замечанию А. В. Тороповой, самое центральное понятие музыкальной психологии и педагогики – музыкальность – не имеет своей чёткой психологической дефиниции и поэтому чаще всего редуцируется к некоей совокупности музыкальных способностей.

Следует отметить, что в современных исследованиях музыкально-психологической антропологии лежит категория *музыкального сознания* (А. Я. Гуревич, Е. П. Крупник, А. Мерриам, И. Ильин, А. В. Торопова и др.). Музыкальное сознание на современном этапе антропологического исследования трактуется как «культурная практика» более глубокого слоя сознания – *интонирующего сознания*, которое является мостом между «биологией» человека и его переживаниями и второй реальностью – межличностным пространством людей: общение, культура, социум, традиции. Из звуковой ипостаси интонирующего сознания рождается музыкальное сознание. *Музыкальное сознание является культурным феноменом на фоне антропологической сущности «звучащего и интонирующего сознания».*

В теоретическом аспекте применения антропологического подхода к осмыслению музыкальной сущности человеческого сознания первоочередным вопросом является выявление соотношения между музыкальным и художественным сознанием, которое становится возможным при реконструкции эволюционных процессов интонирующего сознания, то есть в опоре на концептуализацию генезиса музыкального сознания. Методология психологической антропологии прокладывает пути к изучению музыкального сознания человека и его ядра – *музыкальности* [9; 16; 17]. При этом знание *музыкальных потребностей* слушателей позволяет полнее представить процесс слухового восприятия музыкальных произведений, исходные мотивы деятельности и её конечный результат. Непрофессиональный слушатель не в состоянии выдвигать даже элементарные познавательные музыкальные потребности, что подтверждается рядом социологических исследований, практикой развития культуры общества и, на сегодня, становится очевидным не только для специалистов.

Музыкальная потребность слушателей как определённая установка общения с музы-

кальными произведениями складывается из *осознания* адресата общения, *ценностей* отражённого в произведении мира, *цели и способности* общения, а также *условий* их реализации в образовательном процессе. Данная сторона, как отмечает Л. М. Кадцын, определяет меру содержательной направленности процесса восприятия и социальной значимости в обществе.

Изучение деятельности слушателей, их роли в развитии музыкального искусства, невозможно без учёта их музыкальных *потребностей*. Разговор о музыкальных потребностях важен для того, чтобы заострить внимание на исходных мотивах и предполагаемом результате деятельности слушателя, на проблеме воспитания слушательской аудитории. Если у человека нет потребности в общении с искусством, то никакие призывы и информация о нём не изменят положения. Поэтому и возникает проблема рассмотрения потребностей слушателей и их влияния на состояние музыкальной культуры общества.

Под пониманием «музыкальные потребности» слушателей как ценностно-целевой установки их деятельности Л. М. Кадцын понимает желания и умения усваивать определённые *ценности* музыкальных произведений. Они выражают то, что интересует слушателей в окружающем мире и что они способны в нём познать и обсуждать, а также *условий* их реализации в образовательном процессе [8, с. 32].

Адресатом общения слушателей в процессе восприятия музыкальных произведений может быть как само звучащее произведение, так и композитор, исполнитель и другие слушатели. В последних случаях произведение выступает средством общения с людьми – опосредованного и непосредственного, выполняя при этом коммуникативную функцию.

Важнейший компонент потребности слушателя – *цель* общения с музыкальным произведением, в качестве которого может быть: удовлетворение привычным миром своего «Я», например популярная музыка и её ценность; неудовлетворение обыденным миром своего «Я» и стремление познать его глубины, неясные ценности, а также расширить и углубить мир своего «Я» путём приобщения к ценностям мира за пределами нашего «Я» [8, с. 33].

Различие способностей познавательных и высших позволяет уточнить практическую задачу во всех звеньях системы образования. В общеобразовательных школах усилия педагога-

музыканта должны быть направлены на формирование познавательных музыкальных способностей, а в вузе – на формирование навыков постижения концептуальности музыкальных произведений.

Обратим внимание на то, что в музыкальном искусстве три участника «разговора» – композитор, исполнитель и слушатель, от которых в равной степени зависит содержание этого «разговора». Музыкальное произведение – средство такого общения и поэтому включает в себе то, о чём идёт «разговор», чей внутренний мир, взгляды, точки зрения обсуждаются. Создавая произведение, композитор не только исходит из своих интересов и желаний, он непременно учитывает интересы и желания как музыкантов-исполнителей, так и слушателей. Более того, именно слушательские потребности в наибольшей степени учитываются композитором. В конечном счёте именно к слушателю обращено музыкальное произведение, и композитор делает его таким, каким хотели бы слышать его современники-слушатели. Их потребности – это мир и определённых музыкально-звуковых представлений, и переживаний, и нравственно-эстетических, мировоззренческих представлений [7, с. 46].

Учитываются и профессиональные потребности музыкантов-исполнителей. Но и композиторы, музыканты одновременно являются и слушателями, у них не только профессиональные потребности, но и потребности слушательские. Композитор воплощает мир желаемых представлений в определённых типах музыкальных произведений – *жанрах*. Облик жанра складывается из типичного облика тематизма, инструментария, типичного круга переживаний и типичной направленности нравственно-эстетических и мировоззренческих представлений. Композитор использует язык, приёмы выражения, уже сложившиеся или складывающиеся в тех или иных жанрах своего времени, а нередко облик и концепцию жанра в целом как модель собственного произведения. Таким образом, автор воплощает предпочтительные для слушателей представления и переживания, их мир, взгляды, позицию, но в опосредованном, типизированном виде, как концепцию жанра – неотъемлемую сторону концептуальности произведения. Жанровая концепция – исходная в осмыслении концептуальности музыкального произведения, её основа. Таким образом, слушатель, прежде

всего, должен осознать концепцию жанра, чтобы выйти к осмыслению авторской концепции и дальнейшему постижению концепции исполнителя. Для выявления жанровой концепции слушатель должен осознать в уже известной композиции типичный облик тематизма, развития и взаимодействия тем, типичные переживания и типичную направленность музыкальной формы [7, с. 43–46].

Следует отметить, что механизм воздействия искусства остаётся недостаточно раскрытым. В процессе анализа музыкального произведения педагог говорит о переживаниях, о лирическом настроении, о возвышенных чувствах и эмоциях. Отсюда возникает необходимость ответить на вопрос, а что такое глубокое переживание, чем оно отличается от поверхностного? Что такое лирическое настроение и какие настроения не лирические? Что такое оттенки, нюансы переживания? Ответы на эти вопросы чрезвычайно важны прежде всего для педагога-музыканта, организующего процесс восприятия музыкального произведения, умеющего фиксировать и анализировать переживания не только слушателей, но и свои собственные в любом образовательном учреждении, включая и профессиональную подготовку будущего специалиста как в колледжах, так и вузах. Вопросы эти особенно важны сегодня потому, что перед общеобразовательной школой стоят задачи развития способностей учащихся к восприятию музыкальных произведений разных жанров и направлений, общения учащихся к миру музыки и, следовательно, подготовки надлежащего специалиста педагога-музыканта. Именно в общеобразовательной школе и должен происходить широкий простор для подготовки массового слушателя.

Между тем, как отмечают многие исследователи, литературы о переживаниях в искусстве недостаточно и ничтожно мало, а специальных работ о переживаниях в музыке практически нет. Проблема переживания в процессе восприятия музыкальных произведений заключается в невыясненности его этапов, качественного отличия разных форм и их взаимодействия с музыкально-звуковыми, эстетическими и мировоззренческими представлениями.

Отметим, что именно в традиционном расчленении переживаний заключено стремление учёных зафиксировать этапы переживаний, выявить качественные отличия разных форм и их взаимодействия. Поэтому в трудах

музыкантов-психологов обращение к обобщению традиционных в психологии представлений не случайно. Такие учёные, как Р. Декарт, Б. Спиноза, В. Вунд, К. Изард, Н. Левитов, А. Леонтьев, В. Петрушина, М. Старчеус, С. Томкинс, Г. Шингаров, П. Якобсон и другие, стремятся различать понятия – состояние, настроение, эмоция, чувство, аффект, страсть, хронотопические¹ основы переживания звукоотношений – которые дифференцируют наши представления о переживании [14, с. 513–600]. Сам процесс переживания, по мнению психологов (И. Васильев, Л. Выготский, И. Гербарт, С. Рубинштейн, О. Тихомиров), понимается как реакция сознания на интеллектуальное отражение окружающего мира в познании, выполняющая функцию ориентации в образе внешнего мира и представляющая собой единство объективного (отражённое) и субъективного (внимание, оценка, отношение). Анализ существующих представлений свидетельствует, что основными критериями различия состояний, настроений, эмоций, чувств, аффектов и страстей выступает степень, полнота осознанности переживания.

Состояние – простейшая форма переживания, существующая, по Н. Ланге, в виде непрерывно сменяющихся эмоциональных реакций сознания человека. Обусловленные внешними и внутренними причинами состояния отражают процесс *возбуждения* или активности человека. Состояние всегда ситуативное и непроизвольно в своем проявлении, поэтому оно неустойчиво, может быстро сменяться другими или совместиться с ним. Состояния могут быть кратковременными (влечение, порыв, трепетность, удивление, робость, испуг) и продолжительными (спокойствие, созерцательность).

¹ Термин «хронотоп» пришел в гуманитарные науки из физической теории относительности. В психологию понятие хронотопа ввёл А. А. Ухтомский. Идея хронотопа как целостной основы художественного произведения обоснована М. Бахтиным. Он показал значение хронотопа для жанровой характеристики произведения, его формы, индивидуального стиля автора. В труде М. Старчеус «Слух музыканта» (см.: глава 7. С. 513–600) предпринята попытка рассмотреть хронотопическую основу переживаний звукоотношений, представлены многолетние наблюдения автора, обобщение данных отечественных и зарубежных исследований, высказывания и самонаблюдения выдающихся музыкантов прошлого и настоящего по психологическим проблемам музыкального искусства.

Состояния в их непрерывной смене представляют собой материал дальнейшего осознания в настроении, где они являются компонентами и осознаются как его оттенки, нюансы.

Настроение – первая форма осознанного переживания, которое формируется путём фиксации и расчленения потока состояний, их осмысления в некоей целостности. Этот процесс может осуществляться случайно, но обычно проходит под воздействием длительного или интенсивного переживания. При этом индивид обращает внимание на источник переживания, определённую или периодичность его воздействия и осознаёт источник с той или иной степенью полноты. Это заставляет его анализировать состояния, связанные с источником переживания, выделить из них главенствующее, доминирующее по интенсивности и длительности, а также осознавать те свойства состояний, которые В. Вунд называл возбуждением и напряжением [5, с. 43–63].

Формирование настроения может быть длительным и мгновенным, но всегда в нём оценивается физиологическое воздействие в целом, и эта оценка окрашивает переживание в течение некоторого времени, пока другое интенсивное воздействие не изменит её. Поэтому настроение представляет собой «эмоциональное самочувствие» индивида и определяет его характер; оно понимается как общий тон или строй переживания, в котором выражается личностное отношение к ситуации. Однако в настроении не осознаются причины действия источника, не выражается оценка его и отношение к нему. Источник переживания фиксируется лишь как средство самоконтроля этого переживания и осознания настроения. В этом смысле настроение не выражает отношение индивида к миру в целом, в нём осознаётся личностное жизнеощущение как основа возможного мироощущения.

Эмоция – осознанное переживание, выражающее эстетическую оценку данной ситуации, т. е. оценку и настроения, испытываемого индивидом, и источника переживания. В двухплановости данной оценки лежит ключ к объяснению противоречивости и даже парадоксальности феномена переживания, совмещающего, например, смех и слёзы, скорбь и восхищение, радость и горечь. Эмоция – это усложнение испытываемого настроения, выступающее как синтез субъективного (настроение) и объективного (ситуация, источник,

ценностные ориентиры). Поэтому направленность эмоций шире интересов личности, она раздвигает и углубляет их, выводит за пределы «Я», о чём справедливо писал А. Леонтьев [6, с. 37]. Средством данной способности эмоций служат ценностные ориентиры – эстетические представления, которые наполняют самочувствие, жизнеощущение индивида и переводят его в мироощущение. Таким образом, эмоции приобщают личностный мир к общественному, возвышая его до мира среды, класса, нации.

Чувства – самая сложная форма переживания, которая возникает при смене настроений и эмоций как отношение, как нравственная их оценка. В процессе формирования чувства происходит дальнейшая социализация и гуманизация переживаний. Главная особенность чувства – это присутствие в нём нравственных представлений и оценок, которые могут быть смутными и отчётливыми. Ясные представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, благодарности и неблагодарности возникают лишь в сравнении, в контрасте настроений и эмоций. Чувства сего нравственными представлениями и оценками становятся источником формирования сложных мировоззренческих представлений, что происходит, разумеется, при отчётливых нравственных оценках.

Таким образом, мы выяснили некоторые особенности форм переживания, их специфику и отличия. На сегодня имеется достаточное количество психологических исследований, в которых более подробно излагаются проблемы особенностей форм переживания, нам лишь хотелось напомнить о них читателю.

Вместе с тем формы переживания дифференцируются на *типы* по мере пристрастности (естественно-физиологической, а не ситуативной и устойчивой). Различаются положительные и отрицательные переживания, говорящие об активных и пассивных состояниях, светлых и мрачных настроениях, об одобрительных эмоциях и эмоциях разочарования, о чувствах добрых – благодарности, справедливости, долга и чувствах неприязни, неблагодарности, негодования. Таким образом, подавляющее большинство переживаний – разнонаправленные. Они могут быть устойчивыми и неустойчивыми. К устойчивым разнонаправленным переживаниям относят состояние удивления, настроения размышления, а также чувства милосердия и угрызения совести. Типы переживаний включают в себя разные

по интенсивности конкретные переживания. В числе светлых настроений можно выделить расслабленность, благодущие, беззаботность, бодрость, шутку, веселье, радость, ликование, забвение, экстаз, торжество, блаженство.

Развитие способностей самостоятельно осмысливать содержание произведений, ориентация на подлинные ценности искусства и активное участие слушателей в формах музыкальной жизни – условия формирования познавательных и высших музыкальных потребностей, условия воспитания активного, творческого слушателя.

Способом достижения цели служат интеллектуальные, эмоциональные, ассоциативные представления в процессе восприятия, способности и приёмы анализа представлений и переживаний, выработанных на основе полученных знаний и опыта общения, которые называются навыками восприятия или способностями. Отсюда следует возможность говорить о природных и приобретённых музыкальных способностях, особенностях формирования музыкальности как в общем музыкальном образовании учащихся, так и специальном. То есть возникает природа исследовательской деятельности учёных, изучающих как природные, так и приобретённые музыкальные способности.

Цель и способы общения определяют *условия* восприятия музыкальных произведений: *место* (дома, на работе, на дискотеке, парке, в кафе, в концертном зале); *время* (в процессе работы, отдыха, общественных мероприятий или в специально отведённые часы, аудиторных занятиях и т. д.); *среду общения* (наедине, в кругу друзей, студенческой группе, в массе знакомых и незнакомых) и *форму общения* (непосредственное или опосредованное).

Степень осознанности слушательских потребностей может быть различной – от неосознанного, смутного влечения до чётко осознанных пристрастий и даже требований. Выразителями слушательских потребностей чаще всего выступают критики и журналисты, философы и исследователи искусства, композиторы, исполнители, музыковеды.

На этой основе восприятия выделяются основные *типы* слушательских *потребностей*: *простые* (неличные) или прикладные, имеющие прикладной характер коммуникации (я хочу отдохнуть с друзьями под музыку). Подобное общение с «музыкой», которая с большей очевидностью стала проявляться в конце XX и

начале XXI вв. в связи с массовым появлением дискотек и т. д., не требует особых знаний, умения воспринимать отдельные произведения, и это отличительная черта прикладных музыкальных потребностей. Прикладные музыкальные потребности присущи всем людям, при этом мир собственного «Я» растворяется в привычных формах общения с «музыкой» во время работы, отдыха, беседы и т. п. В таком восприятии отражаемый мир не осознается как личностный.

Сложные (личностные) потребности, связанные с познавательной функцией, характеризуются осознанием всех сторон ценностно-целевой установки восприятия, формирование которой начинается с осознания адресата общения – музыкального произведения и отражённого в нём личностного мира. Лишь когда слушатель осознает, что отражаемый мир – это его личностный мир, интерес к произведению обостряется и осознается новая цель общения с ним как познание ценностей своего мира, далекого от обыденной ситуации. Достижение такой цели возможно только при определённых знаниях и навыках восприятия у слушателей. При этом они должны иметь достаточно развитый слух: ориентироваться в интонационных и семантических свойствах музыкальной речи, жанрах и типах музыкальных форм, музыкальных темах и принципах развития тематизма; уметь фиксировать и анализировать это в композициях, знать мир переживаний человека, осмысливать собственные, управлять своими ассоциациями, контролировать их. Кроме того, нужны знания об эстетических, нравственных и мировоззренческих представлениях, позициях, возможных при восприятии музыкального произведения. Главное – слушатель должен уметь находить и отмечать их в произведениях музыкального искусства, открывать их для себя. Такой объём знаний и навыков позволит познавать своё «Я» в общении с музыкальными произведениями, реализовать подобные желания и стремления. Все эти знания и навыки не даны от природы, к сожалению, не приобретаются в нужном объёме самостоятельно, а тем более стихийно. Не случайно в существующих на сегодня технологиях и методиках музыкального образования главным направлением считается формирование развития восприятия и музыкального мышления индивида. Таким образом, познавательные музыкальные потребности являются основой формирования творческой деятельности.

Высшие (надличностные) музыкальные потребности, требующие коммуникации со слушателями, композиторами, исполнителями, формируются на основе реализации потребностей познавательных. Цель общения с музыкальными произведениями связана с необходимостью обсуждения ценностей среды, класса, нации, общества в целом и ценностей других личностей. Поэтому слушатель осознаёт воспринимаемое музыкальное произведение как средство общения с другими слушателями, автором и исполнителями, стремится из «молчаливого собеседника» стать активным и равноправным участником «разговора» с композитором, исполнителями. Следовательно, высшие музыкальные потребности – это установка сложившегося творческого мышления на постижение концептуальности содержания произведений как проблемы соотношения ценностей. В процессе обсуждения всегда встают проблемы соотношения «Я–среда», «Я–общество», «среда–мир» как соотношение ценностей, осмысление которых позволяет слушателю расширить собственный мир.

При формировании высших слушательских потребностей важной становится форма общения, в частности непосредственного, что является важнейшей установкой при организации восприятия в образовательном процессе, в процессе развивающего обучения (субъект-субъектных отношений).

Высшие музыкальные потребности – это установка на постижение концептуальности содержания музыкальных произведений, формирование которой требует огромного объёма знаний и навыков анализа. Эти знания и навыки слушатель может получить только в процессе специальных занятий [8; 15]. При отсутствии действенной системы воспитания слушателей (дошкольное образовательное учреждение, школа, колледж, вуз), а также соответствующих технологий и методик развития восприятия, высшие музыкальные потребности характерны для профессиональных слушателей – композиторов, исполнителей и музыковедов. Развитие способностей познавательных и высших уточняет практическую задачу системы музыкального образования во всех её звеньях, будь-то дошкольное образовательное учреждение, учреждения дополнительного образования, школа, колледж, вуз. Данные положения способствуют развитию навыков оценки целей и задач музыкального образования, определённых

ных технологий и методик как студентами, так и педагогами-практиками, перед которыми стоят задачи диагностики содержания обучения, выбора программ и создания собственных.

Нет сомнения, как отмечают многие исследователи, музыковеды, педагоги, задача эта должна решаться в образовательных учреждениях для всех учащихся и студентов. В общеобразовательной школе усилия педагога-музыканта должны быть направлены на формирование познавательных музыкальных способностей в процессе организации восприятия, в вузах – на формирование навыков постижения концептуальности музыкальных произведений. До сих пор остаются актуальными мысли Б. В. Асафьева о том, что «...пора заняться проблемой подготовки понятливых, культурных слушателей, которых не так уж много и от интеллектуального уровня которых зависит, в конце концов, прогресс музыки» [4, с. 131]. Таким образом, формирование слушательской культуры, понимание музыкальных произведений, постижение их социального и гуманного смысла является средством воспитания человеческого в человеке.

На каждом этапе развития общества существует определённое представление о «содержании художественных произведений», в том числе музыкальных. Процесс восприятия музыкальных произведений может осуществляться осознанно и неосознанно, может завершаться с окончанием звучания произведения и продолжаться длительное время, прерываться и быть непрерывным. Говоря словами академика Б. В. Асафьева, процесс восприятия – это процесс слушания и слышания музыкального произведения. Звучащее произведение может быть фоном для деятельности человека, объектом общения, средством общения. Во всех этих случаях речь идёт о человеке как о слушателе, а об общении с музыкальным произведением – как о процессе его слухового восприятия.

Деятельность слушателя всегда направлена на усвоение содержания музыкального произведения. Содержание произведения – это формирующиеся в его сознании представления о самом произведении, об окружающем мире и слушателе в нём, а также об авторе и исполнителе. Однако содержание произведения в зависимости от качества деятельности слушателя предстаёт перед ним, формируется в его сознании в разном объёме. Подчеркнём, что долгое время вопрос о процессе слухового восприятия

как процессе формирования у слушателей представлений о содержании произведений рассматривался дифференцированно: как проблема восприятия и проблема содержания музыкального произведения. Причиной тому была традиционная в работах музыковедов трактовка содержания произведения (аналитическая деятельность, связанная с музыковедческой интерпретацией произведений). Оно понималось как некое идеальное образование (переживания, нравственно-эстетические идеи), воплощённое в произведении и затем усваиваемое слушателем. Отдельные моменты данной трактовки, как отмечают многие исследователи, не изжиты окончательно и до сих пор оказывают влияние на музыкальную педагогику, технологии и методики музыкального образования.

В традиционной трактовке «содержание» отделялось от произведения. Это положение в своё время резко критиковалось Б. В. Асафьевым. «Первое, что обычно полагают, – это мысль может быть высказана только словом. Второе, что в музыке содержание само по себе, а все элементы, составляющие музыку, сами по себе. Из них на основе неизменных правил и технических руководств образуются “некие формы” ... и в формы вносятся содержание, – писал учёный. – Такое, дошедшее до абсурда “разделение труда” и смысловых связей в музыкальном искусстве влияет и на отношение к музыке людей... Содержание не вливается в музыку, как вино в бокалы различных форм» [2, с. 273–275]. Но, несмотря на справедливую критику, идея изолированного существования «содержания» до сих пор встречается и в теоретических работах. В такой трактовке содержание отделяется от слушателей и не является продуктом их творчества. Слушатель может усваивать содержание произведения в процессе восприятия, как усваивают пищу. В таком понимании он выносится за рамки искусства и может лишь приобщаться к нему.

Постепенно разливаясь по всем уровням формы, содержание пропитывает на каждом из них все её «ячейки» и «клеточки», – пишет М. Каган, понимая произведение как художественную форму и убеждая нас в том, что содержание и произведение остаётся тем вином и бокалом.

Вопрос же о социальной принадлежности содержания, его авторстве в такой трактовке не вызывает сомнения – оно, конечно, принадлежит композитору. «Художественное восприя-

тия неправомерно включать в собственно искусство, как это порой делается», – утверждает Л. Столович [13, с. 22].

«Музыкальное произведение есть то, что слышится и что слушается, – у одних с преобладанием чувственного тонуса, у других – интеллекта, – писал Б. В. Асафьев, – музыка и заключается и существует в единстве и в соотношении творчества, исполнительства и “слушательства” через восприятие» [2, с. 332–333]. «Слушая, воспринимая музыку и делая её состоянием своего сознания, слушатели... постигают содержание произведения. Если они не слышат форму в целом, в единстве, они “схватят” только фрагменты содержания» [3, с. 494–495].

В начале 60-х гг. А. Сохор подхватывает и отстаивает мысль о «слушательском содержании», а также стремится раскрыть процесс восприятия как формирование содержания в сознании слушателей. Плодотворно исследуется механизм слухового восприятия в работах А. Костюка, Е. Назайкинского, В. Медушевского, В. Белобородовой и других учёных.

В процессе восприятия у слушателя происходит формирование представлений о содержании музыкальных произведений. В процессе формирования содержательных представлений у слушателя следует выделить два качественно разных этапа.

На первом этапе формируются представления, обусловленные только звучанием определённой композиции. Это представления о самом музыкальном произведении – его строении, мелодии и сопровождении, их красочности и соотношении между собой, а также о переживаниях, вызванных звучанием произведения. Это представления эстетические, нравственные и мировоззренческие. Наконец, это представления ассоциативные – результат сравнения услышанного, пережитого и осознанного с уже известным слушателю в его жизненном опыте. Весь этот сложный комплекс содержательных представлений обычно называют *исходным*, так как они отражают личностный мир слушателя – его музыкально-звуковые представления и переживания, его эстетические и нравственные оценки, его мировоззренческие представления и ассоциации. Во многом данные представления будут сходными у разных слушателей, однако полнота их и глубина окажутся разными в силу социально-психологических различий, разного объёма

знаний и навыков, необходимых для осознания содержательных представлений. Исходные содержательные представления – результат взаимодействия трёх форм отражения нашего сознания: интеллектуального, эмоционального и ассоциативного. Их фиксация осуществляется в соответствии с предметом внимания слушателей на разных уровнях: изложения и развития тематизма; вокальной и хоровой музыки; программной и внепрограммной музыки и т. п. При этом в зависимости от того, какое звучит произведение, взаимодействие интеллектуальных, эмоциональных и ассоциативных представлений может быть различным, хотя формируются они одновременно. Чем яснее представления слушателя о звуковой ткани произведения, её компонентах и свойствах, тем полнее и вернее переживания и представления.

При восприятии внепрограммных инструментальных произведений интеллектуальные представления служат материалом эмоционального и ассоциативного отражения, обуславливают степень их полноты и направленности. Ассоциативные представления возникают из сравнения услышанного, осознанного и пережитого с известным слушателю. Следовательно, отбор ассоциаций будет тем правомернее, чем яснее и полнее наши интеллектуальные и эмоциональные представления. Зависимость представлений при восприятии внепрограммных инструментальных представлений будет выглядеть следующим образом: интеллектуальные – эмоциональные – ассоциативные. Интеллектуальные и эмоциональные представления служат основным средством формирования исходных образов, а ассоциативные – лишь вспомогательным.

При восприятии вокальных, музыкально-сценических, а также программных инструментальных произведений, теле-радиомызыка зависимость представлений будет иная: интеллектуальные – ассоциативные – эмоциональные. Текст, сюжет, конкретная ситуация, программа требует для осмысления их роли в синтезе средств выражения активных ассоциативных представлений. Музыкально-звуковые представления, помимо функции выраженных переживаний, выполняют роль иллюстрации, изображения событий или фона ситуации. Полнота и глубина переживаний зависит здесь не только от музыкально-звуковых, но и от ассоциативных представлений. Переживания становятся при этом более сложными и более конкретными, но и более опосредованными и менее пристрастными.

Воспринимая музыкальное произведение, слушатель должен фиксировать, отмечать в нём единицы строения звуковой ткани и её свойства как средства выражения. Но не всё подряд отмечает слушатель в звучащей композиции, да и невозможно всё зафиксировать, идя от частных наблюдений, от частных свойств звуковой ткани. Слушатель стремится выделить в композиции наиболее яркие, целостные единицы строения, которые являются носителями, источниками переживания. Такими смысловыми единицами в произведении являются *музыкальные темы*. Они и становятся исходным предметом внимания слушателей и обуславливают начальную ступень – уровень слухового анализа композиции. Выделив темы, слушатель следит за их развитием, сменой, взаимодействием, как следит за действиями актеров в спектакле, охватывая целое, постигая логику и смысловую направленность композиции. Следует отметить, что любое инструментальное произведение, будь то соната, симфония и т. п., строится по принципу повтора тем, в противном, музыкальное сочинение не подлежит усвоению, запоминанию. Эту психологическую особенность восприятия давно заметили композиторы, на это указывали многие психологи, музыковеды. Анализ развития тем, их взаимодействия и осмысление выразительной направленности композиции в целом (музыкальной формы) – это следующая ступень, или уровень анализа звучащего произведения.

На первом уровне слушатель фиксирует внешний облик тем музыкального произведения (масштаб, степень однородности материала, степень расчленённости и завершённости) и осознает их внутренний облик (фактурные компоненты и их свойства). Одновременно он фиксирует своё переживание и уточняет его – осмысливает оттенки в соответствии с характером выразительных средств темы. Анализ переживания и облика темы должен быть неотрывным, представляя единое целое. Анализируя облик темы, мы осмысливаем своё переживание, и наоборот – анализируя переживание, осмысливаем облик темы. Действие обратной связи не только возможно, но и необходимо. Конечно же, в таком анализе слушатель оценивает и облик темы, и переживания с точки зрения эстетических представлений и осознает звучащий и переживаемый мир в целом как мироощущение. Как отмечает Л. М. Кадцын, на

первом уровне формируется художественное мышление, специфичность которого – в неразрывности переживания, мышления и эстетической оценки [8, с. 11–18].

Мир ассоциаций на данном уровне огромен, если не безбрежен. Любая музыкальная тема и любое переживание вызывает в сознании слушателя память о реальных событиях его жизни – явлениях, поступках и чувствах, которые он невольно сравнивает с открывающимся в музыке миром. Но на данном уровне фиксируемые переживания не всегда осознаются в полном объеме, так как не всякая тема в своём исходном звучании достаточно продолжительна, а значит, даёт возможность осознать переживание, которое она вызывает. Поэтому, анализируя облик темы и переживание, слушатель должен с большой осторожностью относиться к всплывающим в сознании ассоциациям, придерживать их, не давая им права увести себя в мир иных представлений, а подчас вымысла, далекий от верных содержательных представлений.

Для музыкальной педагогики данные мысли актуальны, ибо педагог, анализирующий музыкальное произведение, зачастую пытаясь «донести» суть произведения, уводит и себя и учащихся «в мир иных представлений», навязывая словесно-рассудочные пояснения, привлекая поэтическое слово, картины художников и т. п., далеких от содержания произведения, от чего в своих работах предостерегал Б. В. Асафьев.

На втором уровне слушатель следит за развитием и взаимодействием тем в музыкальной композиции, осознавая, что изменилось в их облике, какие компоненты и свойства подверглись изменению. По сути, данный уровень напрямую связан с развитием восприятия временной природы музыки, развития музыки и музыкальной мысли, т. е. драматургии произведения в целом. Слушатель сравнивает разные темы и их развитие, осмысливая взаимодействие и роль каждой из них, чтобы понять логику движения тем, их контраста или конфликта как выразительную направленность музыкальной формы. В таком случае движение тем, их смена, контраст осознаётся слушателем как движение переживаний. При этом следует учитывать, что услышать развитие музыкальных тем, смены и контраста – не самоцель; главным предметом внимания должен быть ответ на вопрос, что стоит за таким движением

ем. В таком движении развития восприятия и, следовательно, переживания, процесс «слышания» художественного образа становится насыщенным, проясняются оттенки, которые первоначально не осознавались и лишь теперь стали очевидными или появились в процессе развития тем. Осознанные в своём движении, переживания наполняются логикой, обретают предметный смысл, становятся «умными», по выражению Л. С. Выготского. Появляется предчувствие, предугадывание того, что стоит за таким движением, возникает интуитивное постижение смысла. Смена переживаний оценивается не только в эстетическом, но и в нравственном плане.

На данном уровне осуществляется контроль и отбор ассоциаций в соответствии с осознанной логикой, конкретностью переживаний, эстетических и нравственных оценок. Мир ассоциаций становится целенаправленным и эффективным, способствующим формированию верных содержательных представлений.

На этом этапе процесса восприятия слушатель должен интерпретировать исходные содержательные представления с точки зрения концепции автора произведения, исполнителя. Таким образом, выделение двух этапов процесса восприятия музыкальных произведений и соответственно двух качественно различных содержательных представлений слушателя (исходных и концептуальных) – важнейший момент в осмыслении механизмов содержания, осознаваемого слушателем.

На каждом из уровней слушатель должен фиксировать и осознавать интеллектуальные (музыкально-звуковые), эмоциональные и ассоциативные представления, и средством фиксации и анализа их служат знания о тематизме музыкальных произведений, о переживаниях и музыкальной форме. Следует отметить, что благодаря усилиям многих исследователей представление о том, как формируются слушательские потребности и содержание в сознании слушателей, стало сегодня более определённым.

Список литературы

1. Арановский М. Г. Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления. М.: Музыка, 1974.
2. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. 2-е изд. М., 1971.
3. Асафьев Б. В. О себе // Воспоминания о Б. В. Асафьеве. Л., 1974.
4. Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Л., 1873.
5. Вунд В. Психология душевных волнений // Психология эмоций. М., 1984.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
7. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
8. Кадцын Л. М. Музыкальное искусство и творчество слушателя: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1990.
9. Козлов Н. И. Теоретические основы профессиональной подготовки педагога к развитию музыкальности детей и юношества: монография / МГОПУ им. М. А. Шолохова. М.: Альфа, 2002.
10. Козлов Н. И. Современное массовое музыкальное воспитание в России // Chinese & Foreign Academic Work. Jan. 2004. № 2.
11. Мерриам А. Антропология музыки: физическое и вербальное поведение // Альманах музыкальной психологии. М., 2001. № 34.
12. Проблемы и перспективы профессиональной подготовки педагога-музыканта: психологический и аксиологический аспекты: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2002.
13. Столович Л. Н. Жизнь, творчество, человек. М., 1985.
14. Старчеус М. С. Слух музыканта / Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 2003.
15. Blacing J. How musical is Man? London, 1973.
16. Lundin R. An objective Psychology of Music. New-York, 1957.
17. Mircovic-Rados K. Psychologia Muzickih Sposobnosti. Beograd, 1983.

Статья поступила в редакцию 12.12.2011 г.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.62
ББК 60.5

Константин Юрьевич Белоусов
кандидат социологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: belousov@mail.ru

Потребительское образование в России и за рубежом

В статье анализируется проблема становления, развития и современного состояния такого феномена современного российского общества, как потребительское образование, которое рассматривается как средство, способное сгладить многочисленные противоречия, возникшие при переходе к рыночной экономике. Автор даёт определение потребительского образования, уточняет его значение и цель. Описывает его развитие в России, отмечает сложности, возникающие при его становлении. В статье также приводится опыт Европейского союза и США, который мог бы послужить примером реализации различного рода программ и проектов в области просвещения потребителей. В итоге даются рекомендации для эффективного функционирования и успешного развития потребительского образования в нашей стране.

Ключевые слова: потребительское образование, потребительское просвещение, потребительская культура, общество потребления, права потребителя.

Konstantin Yuryevich Belousov
Candidate of Sociology, associate professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: belousov@mail.ru

Consumer Education in Russia and Abroad

The paper analyzes the problems of formation, development and current state of such a phenomenon in modern Russian society as consumer education that is regarded as a means to smooth over numerous contradictions that have arisen during the transition to market economy. The author defines consumer education, clarifies its meaning and purpose, and describes its development in Russia, pointing out possible obstacles. The author refers to the experience of the European Union and the United States which may serve as an example of the realization of different consumer educational programs and projects. To conclude, the author recommends effective ways of successful functioning and development of consumer education in our country.

Keywords: consumer education, consumer enlightenment, consumer culture, consumer society, consumer rights.

Современная отечественная теория и практика относительно недавно подошла к изучению такого нового для российского социального пространства феномена, как потребительское образование¹. Объяснить это можно разными причинами и прежде всего господством командно-административной системы, когда даже «слово “потребительский” считалось почти ругательством, ассоциировалось с потребительством, вещиизмом, мещанством, противопоставлялось духовности и осуждалось» [5]. Понятно, что при подобном подходе не могло идти речи о потребительском образовании. Считалось, что советскому человеку знания о том, что, как и в каком количестве потреблять – просто не требовались. Однако ситуация начинает резко меняться при переходе к новым рыночным отношениям, и в этой обстановке отечественный потребитель оказался совершенно не готов к жизнедеятельности и функционированию в условиях рынка.

Долгие годы отсутствующий, выбор теперь поражал своим разнообразием, но за красивыми этикетками, блестящей упаковкой часто находились некачественные, а иной раз просто опасные для жизни товары. Массовая череда смертей от поддельного алкоголя, испорченных продуктов в 90-е гг. является тому прямым подтверждением. Но не только наличие большого количества товаров и услуг или опасность, которую они могут таить для человека, заставляет говорить о необходимости изучения и внедрения знаний из области потребительского образования в повседневную жизнь человека. Следует помнить и о том, что начиная с 90-х гг. в российском обществе происходит формирование нового типа общества – общества потребления и, как следствие, формирование новой потребительской культуры и идеологии.

Сегодня можно говорить о том, что потребление в современной России становится одной из важных сфер жизни общества, приобретает всё большее значение и служит одним из основных двигателей экономического развития. Уместно вспомнить Ж. Бодриера, кото-

рый сказал, что «потребление можно считать характерной чертой нашей промышленной цивилизации» [1].

Однако в анализе общества потребления нельзя оставаться только в рамках позитивного контекста, его рассмотрение не исключает оценочную, негативную нагруженность, примером чему могут служить результаты многочисленных исследований, выполненных философами, социологами, криминологами и специалистами других областей знания.

Под влиянием становления общества потребления в развитых экономических странах мира произошло формирование нового типа человека – человека-потребителя, которому наукой часто даётся отрицательная оценка [7].

Поскольку Россия находится только в начале становления общества потребления, а негативные последствия, к которым привело его развитие в других странах, слишком очевидны, наша задача – предложить средство решения существующих издержек, которым может стать потребительское образование, способное сгладить многочисленные противоречия, возникшие при переходе к рынку.

Что же такое *потребительское образование*?² В современной науке можно встретить, с нашей точки зрения, верное (хотя и не лишённое идеализации) определение этому новому для России факту общественной жизни. Так, по мысли одного из идеологов потребительского образования в России Л. И. Ростовцевой, последнее можно охарактеризовать как «процесс целенаправленного и систематического воздействия общества на потребителя с целью формирования у него социально одобряемых ценностей, знаний, норм и образцов поведения. Это не только процесс приобретения потребителем знаний, выработки навыков, формирования умений, необходимых для осуществления разумного поведения, но и воспитание чувств» [4].

² Наряду с термином «потребительское образование» сегодня можно встретить и «потребительское просвещение», которое часто используется как синоним первого. Кроме этого, всё чаще стали говорить и писать о потребительской грамотности, которую определяют, как умение находить и оперировать текстами и числами для решения потребительских задач в специфическом рыночном контексте, применяя иные умения и знания. Думается, что потребительская грамотность – понятие всё же более узкоспециальное и фактически должно рассматриваться как результат потребительского образования вообще.

¹ В результате эта тема пока не представлена обширной библиографией. Подавляющее число работ в этой области стало публиковаться с середины 90-х гг. и в своей массе являлось учебниками. Частично научное осмысление феномена потребительского образования нашло также отражение в ряде диссертационных исследований таких авторов, как Л. И. Ростовцева, О. О. Гопкало, Е. А. Батюта, Ю. А. Цимерман.

В этом определении чётко прослеживается мысль о том, что реализация потребительского образования должна начинаться как можно раньше, поскольку менять привычки, формировать взгляды, воспитывать чувства легче, когда будущий потребитель ещё взрослеет, а не когда в целом уже сложились его представления о жизни, система ценностей и мотивации. Думается, что это верный подход, ибо современное подрастающее поколение самым активным образом включилось в процесс потребления и, может быть, больше, чем кто-либо, нуждается в получении знаний, поскольку их отсутствие приводит к тому, что «девочки 11–12 лет пользуются косметикой, ... учащиеся старших классов употребляют стероиды и подвергаются косметической хирургии или морят себя голодом, чтобы выглядеть как фотомодели» [8]. Конечно, это крайности, но избежать их призвано потребительское образование, основной целью которого является формирование культурного и грамотного потребителя – человека, который способен осуществлять рациональный выбор, который осознаёт себя личностью, обладающей неотчуждаемыми правами и свободами, и который несёт ответственность за свою жизнь и поведение [5]. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что потребительское образование сегодня должно быть направлено на формирование здоровых потребностей вне зависимости от возраста.

Характеризуя цель потребительского образования, необходимо сказать, что требуется расширенное её понимание, что позволит лучше понять его смысл и содержание. Так, в первую очередь, потребительское образование помогает людям приспособиться к новым и быстро меняющимся условиям жизни, основанным на рыночной экономике.

Во-вторых, постоянное и системное обучение людей потребительским знаниям, начиная с раннего возраста и в течение всей жизни, влияет на выработку у людей разумного поведения в процессе потребления материальных благ и услуг.

В-третьих, наличие у людей потребительских знаний, накопление в ходе обучения и просвещения собственного потребительского опыта и адекватного поведения на рынке (поведения, которое общепринято, наиболее распространено, типично для данного общества) помогает потребителям осуществлять качественный и безопасный выбор товаров, услуг и эффективно противостоять негативным проявлениям рынка.

В-четвёртых, непрерывное потребительское образование, постоянное потребительское просвещение, информирование и консультирование населения способствует формированию в обществе слоя цивилизованных, образованных потребителей, способных в массовом порядке предъявлять рынку в целом и предпринимателям в частности обоснованные потребительские требования и добиваться от них добросовестного ведения бизнеса и качественного обслуживания потребителей [6].

Становлению потребительского образования в России послужил Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по стабилизации работы Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур» от 26 октября 1993 года и Закон «О защите прав потребителей» (1996 г.). Важно сказать, что в ст. 3 Закона впервые в отечественной истории было закреплено право населения на просвещение в области защиты прав потребителей, которое должно было обеспечиваться путём включения соответствующих требований в государственные образовательные стандарты и общеобразовательные и профессиональные программы, а также посредством организации системы информации потребителей об их правах и необходимых действиях по защите этих прав. Во многом именно во исполнение положений Закона в стране примерно в одно и то же время вышло несколько учебных пособий, главное внимание в которых уделялось защите прав потребителей различных товаров (промышленных и продовольственных) и услуг в сферах торговли, образования, здравоохранения, гостиничного хозяйства, туризма, транспорта.

Действительно, по понятным причинам подобная литература была полезна и необходима, и многие молодые россияне впервые узнали о своих правах в сфере потребления именно из этих учебников, однако нельзя однозначно утверждать, что реализация систематического потребительского образования в школах и вузах была повсеместной и в полной мере состоялась и удалась. Если школы были вовлечены в этот процесс (так, подавляющее большинство учебных пособий было рассчитано именно на школьников), то вузы чаще отставали. Так, автор данной статьи может констатировать, что за 12 лет его работы в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга тематика потребительского

образования возникала лишь в лекционном материале студентов-юристов при их знакомстве с законом «О правах потребителей» и, возможно, студентов-экономистов в силу специфики обучения. И сегодня в учебных планах подготовки специалистов как естественно-научного, так и гуманитарного (социологического, например) профиля нет дисциплин, имеющих целью познакомить студента с основами его прав в области потребления. А потребность в них у студентов с каждым годом возрастает, поскольку они – наиболее мобильный ресурс, из которого экономика черпает всё новых и новых потребителей, готовых активно включиться в процесс потребления товаров и услуг. Сегодня запросы молодого поколения во многом стали индикатором трендов для корпораций.

Отчасти подтверждение нашей точки зрения встречается в диссертационном исследовании Ю. А. Цимерман, которая отмечает, что организация потребительского образования в высших учебных заведениях не носит системного характера. «Программы, методические материалы, учебные пособия, используемые в учебном процессе, разработаны или по инициативе энтузиастов-преподавателей, или специалистами антимонопольных органов. Рекомендуемая литература издана в недостаточном количестве» [9].

Нельзя не отметить позитивную роль, которую сыграла в становлении потребительского образования в России Международная конфедерация обществ потребителей (далее КонфОП). Основной целью этой организации является представительство и защита интересов потребителей во взаимоотношениях с бизнесом и государством, а также продвижение институтов по защите прав потребителей в странах СНГ. Также будет нелишним сказать, что на поле потребительского образования сегодня стали проявлять активность СМИ и Интернет.

Необходимо отметить одну важную особенность российского потребительского образования: к сожалению, сегодня нельзя говорить о нём как о сложившейся и активно функционирующей системе. Речь может идти о неких локальных акциях, пилотных проектах, временных программах и не более того. Чем это можно объяснить? Отчасти ответ на этот вопрос можно обнаружить в решении VIII Конгресса КонфОП, который проходил в апреле 2011 г. в Москве. Так, в итоговом документе

Конгресса отмечается, что приходится констатировать продолжающееся «наступление» предпринимательского лобби на права потребителей. «Основная проблема – отсутствие утверждённых приоритетов государственной политики в сфере защиты прав потребителей, а также отсутствие стратегии развития потребительского законодательства. Если комплексно оценивать законодательные тенденции, то можно утверждать, что стратегические законопроекты, направленные за реальную защиту интересов потребителей, годами находятся на стадии обсуждений (например, законодательство о потребительском кредите), а в отраслевых законах появляются нормы, снижающие ответственность перед потребителями» [3].

Сегодня, к сожалению, потребительское образование так и не стало одним из главных компонентов потребительской политики государства и всех его регионов.

Понятно, что в этих условиях потребительское образование в России не может отвечать тем целям и задачам, которые перед ним стоят, но это не отменяет необходимости его научного осмысления, описания практики реализации в других странах, понимания его значимости и той пользы, которую оно может принести не только отдельному потребителю или производителю, но и обществу в целом. Именно такой подход к потребительскому образованию активно развивается в Европейском Союзе. Речь идёт о взаимовыгодном сотрудничестве всех участников рынка. Очень чётко артикулируется, что потребительское образование необходимо, чтобы помочь ЕС в достижения своих целей.

Характеристика потребительского образования в Европе, и в немалой степени в США, несколько отличается от той, которая сложилась у нас. Так, например, в материалах, посвящённых потребительскому образованию, оно трактуется как процесс поддержки граждан, направленный на их подготовку как квалифицированных, грамотных и ответственных потребителей. Потребительское образование направлено на то, чтобы:

- 1) помочь людям улучшить их знания о товарах и услугах;
- 2) развивать знания о своих правах на потребительском рынке;
- 3) делать осознанный выбор;
- 4) знать, куда можно обратиться за помощью.

Это определение одного из лидеров исследований в области потребительского образования – Европейской Комиссии (EUROPEAN COMMISSION).

Анализ многочисленных иностранных материалов, посвящённых потребительскому образованию (в своей массе это различного рода образовательные программы, реализуемые как государственными, так и некоммерческими организациями), позволяет сделать вывод о его прагматичном характере. Здесь никто не говорит о воспитании чувств, о том, что в процессе потребительского образования необходимо использовать принципы христианского воспитания, учитывать национальную специфику, воспитывать патриотично настроенного потребителя и т. п. Часто потребительское образование может трактоваться как средство информирования потребителей относительно того, что, где, как, когда и сколько покупать и как использовать то, что ими было куплено.

Так, на вопрос о том «Что купить?» покупателям советуют следующее:

«Вы должны купить продукты хорошего качества, отвечающие вашим основным потребностям. Перед покупкой необходимо провести исследования рынка и собрать как можно больше информации о продукте, который вас интересует. Далее, Вам стоит определиться с конкретной маркой товара (брендом), по которой он известен на рынке». Схожие по стилю рекомендации потребитель получает относительно вопросов «Где купить?», «Когда купить?» и т. д.

Во многих обучающих материалах потребительское образование сводится к перечислению и детальному разбору очень конкретных вещей, а именно, прав потребителя. Среди основных чаще всего называют:

– Право быть услышанным (выслушанным). Содержание этого права можно сформулировать как возможность обратиться в суд с жалобой, претензией относительно качества товара или оказанной услуги как непосредственно к производителю, продавцу, так и к органам по защите прав потребителей.

– Право на возмещение ущерба.

– Право на потребительское образование.

– Право на защиту от опасных товаров и услуг (в ряде случаев это право носит название «Право на безопасность»).

– Право на получение информации о цене, качестве, количестве, соответствии стандартам.

– Право выбирать товары и услуги по конкурентоспособным ценам.

Для помощи потребителям создаются специальные сайты, которые дают довольно полный обзор различных продуктов (начиная от воска, которым натирают машины для блеска, до сотовых телефонов и шоколада) с указанием рейтингов наиболее популярных изделий, рекомендациями и советами покупателям [10].

В основе западного потребительского образования лежит представление о рациональном человеке, имеющем устойчивое внутреннее «ядро», который верит во что-то, как в безусловно ценное. Исходя из этого, он ставит перед собой цели, а для достижения целей рассчитывает средства. Представления о потребителе, доминировавшие в социальных науках индустриального периода, складывались из изображения его как активного, расчётливого и рационального деятеля, который умеет правильно распределять ресурсы, чтобы извлекать из них максимальную пользу. Эти представления сохранились и сейчас, что отчётливо видно по тем обучающим материалам, реализуемым проектам, которые используются в Европе в рамках реализации потребительского образования. В Европейском союзе потребительское образование перестало быть узко специальным. В условиях расширения границ формирования нового политического, экономического и культурного объединения сложно выработать какие-то правила, свойственные только для Бельгии или, например, Испании, поэтому в различных брошюрах относительно исследуемой темы явно присутствует попытка унификации, стремление объяснить всем гражданам Евросоюза общие для всех правила. Довольно жёстко артикулируются утверждения о том, что более, чем когда-либо, люди должны иметь полное представление о своих правах и обязанностях, понимать принципы функционирования экономики, развивать знания для принятия решения о покупке тех или иных товаров и умения адекватно оценивать презентуемые товары, не поддаваясь навязчивой рекламе.

Отвечая на вопрос о значимости потребительского образования, отмечается, что оно необходимо как ориентация потребителя в условиях многообразия выбора товаров и услуг и изощрённых маркетинговых методов. Потребители должны быть соответствующим образом подготовленными, чтобы ответить на существующие нездоровые вызовы рынка. Но, как показывает практика, в обыденной жизни европейцы не столь часто склонны идти до кон-

ца в отстаивании своих прав. Так, например, по результатам опроса (Eurobarometer Consumer Protection in the Internal Market, February 2005–2006), 46,0 % граждан, сделавших официальные заявления относительно купленного некачественного товара или полученной (оказанной) некачественной услуги, не были довольны результатом своего обращения, однако из них 51,0 % не предприняли дальнейших действий для решения возникшей проблемы [11].

Казалось бы, этими данными можно пренебречь, как второстепенными, несущими малозначимую информацию, но идеология Евросоюза другая, и именно с подобными тенденциями еврочиновники готовы активно «бороться», чтобы исправить ситуацию, поскольку более образованные, более уверенные потребители будут способствовать стимулированию конкуренции, улучшению качества товаров и оказываемых услуг, совершенствованию функционирования внутреннего рынка по всей Европе, что, в конечном итоге, в равной степени будет идти на пользу как потребителям, так и бизнесу.

Что делается для того, чтобы данные опросов были другими? Как изменить поведение потребителей в верном направлении? Здесь шаги ЕС ориентированы на определённые действия.

Во-первых, начиная с 2004 г. первоначально только среди стран Евросоюза (несколько позднее участниками этих учебных курсов стали и представители тех стран, которые только готовятся к вступлению в ЕС) Европейской комиссией были организованы учебные курсы для сотрудников организаций – как государственных, так и общественных, работающих по направлению потребительского просвещения. Курсы бесплатные и реализуются по трём программам: «Управление» (Менеджмент), «Лоббирование», «Основы европейского потребительского законодательства». Годовой бюджет этого проекта составляет восемьсот тысяч евро в год.

Во-вторых, понимая, что Интернет становится частью жизни всё большего числа людей, потребительское образование активно завоевывает виртуальное пространство, приходя в жизнь европейцев теперь не только с помощью телевидения и печатных СМИ, но и через экраны персональных компьютеров. Так, например, был реализован полилингвальный проект под названием «Потребительское образование On-Line» [2], включающий в себя значительный

объём обучающих материалов (методические инструкции для преподавателей, тестовые задания, вопросы для самопроверки, ридеры и т. д.). При этом информация ориентирована не только на молодую, но и на взрослую аудиторию.

В-третьих, европейская потребительская политика во многом строится с ориентацией на подрастающее поколение. Специально отмечается, что дети и подростки являются приоритетной целевой группой для инициатив ЕС в области потребительского образования. Это вполне понятно, ведь молодёжь особенно восприимчива к давлению со стороны рекламы, PR, бизнеса, обладает существенной покупательной способностью и может оказывать значительное влияние на покупки своих родителей. Знания и навыки, полученные молодёжью в процессе потребительского образования, позволяют молодым людям стать ответственными потребителями, особенно с учётом их будущей роли родителей. Уже сегодня потребительское образование (как учебный предмет) является частью образовательных программ школ в большинстве стран Европы.

Кроме того, нельзя упускать из виду работу в области издательской деятельности. Так, выпускаются специальные брошюры, пособия, книги, ориентированные на подростков в возрасте 15–18 лет. Наиболее растиражированным источником получения потребительских знаний стал так называемый «Европейский дневник потребителя», выпущенный в количестве более чем один миллион двести тысяч экземпляров и нашедший своё распространение в девяти тысячах школ по всей Европе. На этот проект Европейский союз выделил два миллиона евро, и он продолжается и сегодня. К концу 2011 г. им планируется охватить 13 тыс. школ. Похожая издательская практика широко распространена и в США. Так, во многом благодаря деятельности Федеральной торговой комиссии (FTC) был издан буклет «Настоящее дело», ориентированный на самых юных потребителей – детей. В аннотации к изданию говорится, что в нём содержатся советы и рекомендации для ребят о том, как с умом тратить деньги, ответственно подходить к покупкам, уметь отличать фантазии от реальности. Казалось бы, зачем детям подобного рода информация, что они могут потреблять? Однако в США, в национальном масштабе, дети тратят миллиарды долларов на миллионы товаров – от игрушек и одежды до еды и ювелирных изделий.

В-четвёртых, понимая значимость для современного мира некоммерческих общественных организаций и возможности, которыми они обладают, Европейский союз активно поддерживает их посредством грантов в реализации проектов в области потребительского просвещения. Зачастую потребительское образование в подобных проектах выступает как средство профилактики девиантности, как важный элемент системы социального контроля.

В Европе существует чётко выраженное представление о том, что потребительское образование, какие бы формы оно ни принимало (будь то брошюры или сайты с советами и рекомендациями как и что покупать или исследовательские проекты по профилактике девиантности подростков и молодёжи), является одним из наиболее полезных и эффективных инструментов для потребителей, поскольку имеет целью защиту прав, обеспечение безопасности, рост знаний и развитие умений. Потребительское образование позволяет формировать у человека способность к осознанному свободному выбору, который является источником жизненной силы рыночной экономики, играет едва ли не ключевую роль в определении цен на товары и услуги и их востребованности покупателями. Чем лучше информированы и подготовлены потребители, тем в большей степени их выбор сможет отразить индивидуальные предпочтения и удовлетворить потребности. В целом потребительское образование способствует функционированию рыночной экономики, предоставляя полезную информацию для потребителей и стимулируя конкуренцию между поставщиками товаров и услуг.

Подобные положения характерны для западного потребительского образования, но они недостаточно реализуются на территории России. В целях развития и эффективного функционирования потребительского образования в нашей стране необходимо предпринять следующие шаги:

1. Потребительское образование из разовых акций должно перейти в целенаправленную реализацию в рамках школьной программы всех средних общеобразовательных учебных заведений России. Это может реализовываться в виде отдельной учебной дисциплины, или в рамках дисциплин «Основы экономики», «Обществознание», или же во внеучебной работе. Преподавание основ потребительского образования должно осуществляться начиная с млад-

ших классов, находя своё дальнейшее закрепление среди учеников всех возрастных групп. При этом не следует забывать о преподавательском составе. В этой связи можно предложить стажировки, курсы повышения квалификации, другие возможности для учителей в целях расширения и углубления их знаний в области просвещения потребителей. Нужны научные, научно-методические конференции специалистов различных областей науки и практики для обмена опытом по проблемам потребительского образования.

2. Потребительское образование должно быть непрерывным и находить своё дальнейшее развитие в вузах через преподавание дисциплин широкого социально-экономического, правового профиля, проведение тематических акций (подобно Национальной неделе защиты прав потребителей в США или Всемирного Дня защиты прав потребителей), конкурсов, студенческих научно-исследовательских проектов.

3. Необходимо использовать опыт Европы в области издательской деятельности. России нужен свой «Дневник потребителя», который бы нашёл своего адресата в лице каждого школьника и студента, распространялся бесплатно, большими тиражами и который преследовал бы цель – дать учащимся знания, сформировать навыки и умения, необходимые потребителю в условиях рынка.

4. Потребительское образование не должно иметь возрастных границ. Сегодня потребителями являются как дети, так и люди преклонных лет. Поэтому не случайно реализуемые в Европе и США программы часто рассчитаны на разные возрастные категории. Информация предоставляется в нескольких вариантах для детей, подростков и молодёжи, а также для взрослой аудитории.

5. В условиях постоянно расширяющегося доступа к Интернету не стоит забывать, что просвещать потребителя возможно и в виртуальном пространстве. В этой связи необходимо создание специальных обучающих ресурсов, подобных европейскому dolceta.eu или американскому consumered.org, где каждый, вне зависимости от возраста, образования, социального статуса, может получить необходимую информацию относительно широкого спектра проблем, которые могут возникнуть при функционировании человека как потребителя. Все материалы должны быть представлены в открытом доступе и бесплатно.

6. Реализация целей и задач потребительского образования только силами государственных учреждений (в наших условиях это, например, территориальные антимонопольные управления, комитеты по защите прав потребителей при местных администрациях) невозможна. Мировой опыт показывает, что деятельность только государственных структур не будет эффективной без привлечения к этой работе некоммерческих общественных организаций, которые могли бы взять на себя

труд по реализации специальных образовательных проектов в области просвещения потребителей (что сегодня зачастую уже происходит).

7. Успех вышеописанных действий во многом будет определяться скорейшим законодательным закреплением приоритетов государственной политики в сфере защиты прав потребителей, а также разработкой и принятием национальной стратегии развития потребительского законодательства.

Список литературы

1. Бодриар Ж. Система вещей. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2001. С. 75.
2. Потребительское образование OnLine. URL: <http://www.dolceta.eu> (дата обращения: 10.09.2011).
3. Решение VIII Конгресса КонфОП. URL: http://www.konfop.ru/menu_page.php?m=36 (дата обращения: 24.10.2011).
4. Ростовцева Л. И. О концепции потребительского образования в России // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 144.
5. Ростовцева Л.И. Потребительская культура как регулятор поведения потребителей: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. С. 343.
6. Селянин А. В. Защита прав потребителей: учеб. пособие для вузов. М.: Юстицинформ, 2006. С. 154.
7. Хагуров Т. А. Массовая культура в обществе потребления // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2007. № 1 (11). С. 85.
8. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. Как контркультура создаёт новую культуру потребления. М.: Добрая книга, 2007. С. 217.
9. Цимерман Ю. А. Демонстративное потребление в современном обществе: институциональный анализ: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2007. С. 162.
10. Consumerreports. URL: <http://www.consumerreports.org> (дата обращения: 25.01.2012).
11. Consumer education. URL: ec.europa/consumers/publications/consedu_en.pdf (дата обращения: 14.11.2011).

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

Татьяна Николаевна Бояк

*доктор социологических наук, доцент,
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: boyakVSGAKI@mail.ru*

Село в условиях современного российского общества (на материалах Бурятии)

Содержание научной статьи основано на результатах социологического исследования, проведённого автором среди русской сельской молодёжи Бурятии в 2005–2006 гг. Представлены также некоторые данные социологического опроса, проведённого среди сельского населения Кяхтинского района Бурятии в 2009 г. группой учёных из Бурятии (в состав данной группы входил и автор статьи). В статье отмечается высокая социальная значимость российского села, выступающего хранителем и транслятором общечеловеческих ценностей, традиционной народной культуры. Приводится характеристика духовно-нравственных ценностей современного сельского населения, молодёжи, анализируются некоторые проблемы сельской действительности, выделяются актуальные задачи в контексте сохранения и развития села. Отмечается необходимость реализации действий, направленных на: улучшение условий сельского населения; предоставление молодёжи возможности трудоустройства, самореализации в родном селе; повышение престижа села; развитие социально-культурной сферы села; формирование в обществе идеологии, ориентирующей сознание молодого поколения на лучшие духовно-нравственные ценности, заложенные в отечественной культуре.

Ключевые слова: село, сельское население, сельская молодёжь, ценности, традиции.

Tatyana Nikolayevna Boyak

*Doctor of Sociology, associate professor,
Eastern-Siberian State Academy of Culture and Arts,
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: boyakVSGAKI@mail.ru*

Rural Areas in Contemporary Russian Society (Buryatiya as an Example)

The article presents the results of the 2005–2006 sociological research conducted by the author among rural youth of Buryatia, as well as some data of the 2009 sociological survey conducted among the rural population of the Kyakhtinsky region in Buryatia by a group of scientists from Buryatia (including the author). The paper focuses on the social significance of the Russian countryside that keeps up and transfers human values and traditional folk culture. The author presents the characteristics of spiritual and moral values of modern rural population and youth, analyzes some problems of rural life, and highlights urgent tasks to conserve and develop the countryside. According to the author, it is necessary to implement a programme of actions aimed at improving living conditions of the rural population, providing employment for young people for their self-realization in the native countryside, heightening the prestigious status of rural areas, developing rural social and cultural spheres, forming a social ideology to educate the younger generation in the best spiritual and moral traditions of our culture.

Keywords: countryside, rural population, rural youth, values, traditions.

Сохранение и развитие села, его культуры является важным условием, определяющим успешность развития российского общества. Во-первых, сельское население составляет значительную долю в общей численности населения страны и её регионов (например, в Бурятии доля сельского населения в общей численности населения республики составляет более 40 %).

Во-вторых, село традиционно признаётся хранителем лучших духовно-нравственных, общечеловеческих, этнокультурных ценностей. Необходимость развития села, в связи с этим, во многом определяется необходимостью сохранения роли села как транслятора общечеловеческих ценностей, самобытной традиционной культуры.

Результаты исследований, проведённых автором среди русской сельской молодёжи Бурятии в 2005–2006 гг., показали, что важнейшие нравственные ценности, составляющие фундамент духовной культуры села, сохраняют свою значимость и для современной молодёжи. К таким ценностям относятся, прежде всего: семья – 87,6 %, любовь – 81,6 %, доброта – 77,1 %, трудолюбие – 82,9 %, уважение к родителям, старшим – 81,1 %, честность – 76,6 %, порядочность – 66,1 %. Сельского жителя по-прежнему отличает: открытость, простота общения, толерантность, выносливость к трудностям жизни. Высокая значимость для сельской молодёжи общечеловеческих ценностей определяется спецификой сельской культуры, в которой прочно закрепились этнонациональные ценности. Последние являются фактором физического выживания, сохранения нравственной стойкости сельского населения, несмотря на крайне неблагоприятные социально-экономические, культурные реалии села. Укоренённость этнонациональных ценностей в архетипе села препятствует проникновению в сельскую молодёжную среду худших элементов западной культуры, прагматических ценностей и способствует формированию у молодёжи ориентации на приобщение к традиционной, нравственной культуре своего народа, сохранению в молодёжной среде приоритетности роли семейно-родственных отношений, установлению гармоничных межпоколенных отношений. Например, С. П. Иваненков пишет: «Родительская группа воспринимается сельской молодёжью с большим пониманием, восхищением и сочувствием. Городская молодёжь более требовательна и строга. Это подтверждает, что по сей день сельское население, в том числе и молодёжь, является в большей степени носителем традиционных ценностей»¹.

Пока большинство опрошенной нами сельской молодёжи Бурятии (2005–2006 гг.) достаточно чётко осознаёт важность традиционной культуры своего народа в развитии личности: 68,8 убеждены в том, что «молодой человек должен знать и уважать народные традиции»; 87,2 % ощущают потребность приобщения к ценностям традиционной народной праздничной культуры. Безразличие к судьбе своего народа высказали только 7,2 % моло-

дых респондентов. Чувство сопричастности сельской молодёжи к своему народу, неравнодушное отношение к его судьбе, ориентация на сохранение общечеловеческих, этнонациональных ценностей – важнейшее условие и показатель сохранения нравственных устоев села, ментальности народа. *В связи с этим при реализации программы социально-экономического развития села важным является сохранение специфики сельской культуры, определяющейся, главным образом, близостью сельского жителя к земле, природе.*

В то же время, следует заметить, что результаты проведённого нами исследования в 2005–2006 гг. обнаружили расхождения между моральным сознанием и моральным поведением сельской молодёжи: уровень морального поведения пока отстаёт от уровня морального сознания. Среди сельской молодёжи получили распространение негативные процессы (снижение репродуктивной функции, ухудшение физического здоровья, социального самочувствия, оскудение содержания досуга, миграция, пьянство и др.), определяющиеся, прежде всего, неблагоприятными социально-экономическими, культурными реалиями села.

Сегодня верно отмечается значимость развития предпринимательской, фермерской деятельности на селе как решение проблем бедности, безработицы. Однако процесс адаптации сельского населения к рыночным условиям протекает медленно и болезненно. Учитывая отсутствие у сельских жителей опыта предпринимательской, фермерской деятельности, первоначального капитала, можно сделать вывод, что развитие данных видов деятельности посредством самостоятельного участия самих сельских жителей является сложной задачей. *Думается, что одним из шагов в решении данной задачи может стать привлечение на село талантливых, инициативных, специально обученных компетентных специалистов, предпринимателей, фермеров, материально и морально мотивированных, заинтересованных в подъёме и развитии села, умеющих эффективно решать задачи профессиональной деятельности в контексте решения актуальных задач села, способных стать лидерами в организации труда сельских жителей.* Тем более, что ментальность сельских жителей образуется такими ценностями, как коллективизм и трудолюбие.

¹ Иваненков С. П. Проблемы социализации современной молодёжи. Оренбург, 1999. С. 130.

Автор данной статьи не разделит широко распространённое в современных условиях суждение о том, что сельские жители не ориентированы на то, чтобы жить на селе, испытывают потребность уехать из села. Специфика ценностного сознания сельского жителя во многом определяется особенностями жизнедеятельности сельского населения как социально-территориальной общности. К числу таких особенностей относится и выраженная привязанность сельского населения к дому, к селу, жизни на селе, земле; большая значимость родственных форм общения.

Подтверждением психологической привязанности сельских жителей к селу являются результаты исследования, проведённого группой учёных Бурятии среди сельского населения Кяхтинского района Бурятии в июне 2009 года (автор статьи является одним из членов исследовательской группы): только 3,1 % от числа опрошенных сельских жителей ответили, что жизнь на селе их тяготит; только 1,5 % испытывают чувство неприязни к селу и сельским жителям и 0,8 % стыдятся, что являются жителями села, тогда как 96,2 % отмечают, что равнодушны к проблемам будущего родного села. Среди опрошенной нами в 2005–2006 гг. сельской молодёжи Бурятии 59,6 % хотели бы родиться и жить в родном селе.

Крайнее ограничение возможности приложения профессиональных сил, низкий уровень дохода от трудовой деятельности на селе, конечно, вынуждают мигрировать сельских жителей (особенно молодёжь, наиболее образованную часть населения) в город, в надежде обрести лучшую жизнь. Однако *вынужденная миграция не может свидетельствовать об отсутствии потребности сельского населения жить на селе.*

Более того, отрыв сельского жителя от привычной среды жизнедеятельности, к которой он «духовно привязан», вызывает у него глубокие душевные страдания. При этом далеко не каждый сельский житель находит в городе стабильную, хорошо оплачиваемую работу, успешно решает жилищную проблему. Мытарства сельского жителя в процессе миграции, отрыв от земли, привычной среды жизнедеятельности не только негативно сказываются на его социально-психологическом самочувствии, но и ведут к отрыву его от корней, традиций, негативно отражаются на его духовно-нравственных ценностях, что не

способствует задачам развития села, культуры на селе. Тем более, что большая часть мигрантов – наиболее образованная часть сельского населения.

Решение задачи социально-экономического, культурного развития села прямо связано с необходимостью принятия действенных мер по повышению престижа села, сельского населения и жизни на селе. 46,9 % от числа опрошенных сельского населения Кяхтинского района Бурятии признали, что переживают по поводу падения престижа села, сельского населения и жизни на селе. Для сельского жителя важно ощущать, что на селе жить престижно, что в общественном мнении сложилось уважительное отношение к труду сельского жителя и селу, как хранителю народной мудрости. В ценностном сознании россиян во многом под влиянием средств массовой информации в значительной степени актуализировались прагматические, утилитарные ценности. Престиж села и жизни на селе в общественном мнении оказался существенно снижен. Значение села в развитии общества, в сохранении его духовной, традиционной культуры нередко умалется. Конечно, это оказывает негативное влияние на социально-психологическое самочувствие сельского населения, является фактором, определяющим распространение вышеназванных негативных процессов в его среде, в том числе миграции.

Важной составляющей в определении уровня и качества жизни сельского населения является социально-культурная сфера села. Поэтому *создание современного рынка социокультурных услуг высокого качества с актуальным содержанием, отвечающего культурным потребностям населения, – одна из главных задач социально-культурного развития села.*

Однако состояние социально-культурной сферы напрямую зависит от экономических реалий. Хронический социально-экономический кризис села, низкий уровень жизни сельского населения существенно ограничивает возможности учреждений культуры удовлетворять разнообразные культурные потребности населения. Такие ограничения неизбежно способствуют распространению среди населения индивидуально-личностных, «изолированных» форм досуга, развитию разобщённости, формируют тенденцию отставания сельского населения от городского в культурном, обра-

зовательном плане, становятся причиной распространения среди сельского населения такой социально опасной болезни, как пьянство.

В контексте решения задач сохранения и развития села важно удовлетворить потребность сельской молодёжи жить в родном селе (которую испытывает 59,6 % от числа опрошенных респондентов). Но для этого в селе должны быть созданы благоприятные условия. Создание данных условий требует: а) повышения значимости общечеловеческих, этнических, нравственных ценностей в процессах социализации молодого поколения посредством формирования и реализации соответствующей единой государственной идеологии, выстраивания системы образования и воспитания

личности в России; б) решения следующих задач в социально-экономической, социально-культурной сфере села:

– улучшение условий жизни сельского населения, подъём сельского хозяйства; привлечение на село квалифицированных, морально и материально мотивированных специалистов, заинтересованных в подъёме и развитии села, способных к эффективному решению задач в этой области; предоставление молодёжи возможности трудоустройства, самореализации в родном селе; повышение престижа села и жизни на селе; усиление внимания к проблемам культуры и образования на селе со стороны государства, местных органов управления.

Статья поступила в редакцию 25.12.2011 г.

Святослав Иванович Григорьев

*доктор социологических наук, профессор, член-корр. Российской академии образования,
Всероссийский центр уровня жизни
(Москва, Россия), e-mail: vcug-gsi@mail.ru*

Людмила Герасимовна Гусякова

*доктор социологических наук, профессор,
Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: guslyakova@mail.ru*

Социальное образование в России

В современных условиях нового социально-экономического развития России возрастает потребность эффективного управления процессами в социальной сфере, что выдвигает новые требования и к системе образования, которое является своеобразным зеркалом, отражающим характер и уровень развития общества. Особое значение приобретает социальное образование как социальный институт усвоения и воспроизводства нового социального опыта. Образование как фактор и условие социального продвижения и жизнеосуществления человека является определяющей силой, обеспечивающей устойчивость развития и функционирования общества, его прогресс, гармонию, конфликтность или регресс. В этой связи актуальным является исследование проблем социальной эффективности и качества социального образования, взаимодействия образования как общественного института с социальной структурой современного общества, другими общественными институтами, а также развития новых образовательных тенденций как разновидности социальных.

Ключевые слова: социальная сфера, социальное образование, институт образования, социокультурные условия.

Svyatoslav Ivanovich Grigoryev

*Doctor of Sociology, professor,
Correspondent Member of the Russian Academy of Education,
All-Russian Center for the Standard of Living,
(Moscow, Russia), e-mail: vcug-gsi@mail.ru*

Lyudmila Gerasimovna Guslyakova

*Doctor of Sociology, professor,
Gorno-Altai State University,
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: guslyakova@mail.ru*

Social Education in Russia

In modern conditions of current social and economic development of Russia, there is a demand to manage social sphere processes efficiently. It, in its turn, suggests new requirements to the educational system that mirrors the character and the development level of society. Social education as a social institution of mastering and reproducing new social experience acquires special significance in this respect. Being a factor and condition for social self-realization and promotion, education becomes a mover of social progress providing its stability, harmony, conflicts or regress. Thus, it is necessary to study the problems of social efficiency and quality of social education, the interrelation of education as a social institution with the social structure of modern society and other social institutions as well as the development of new educational tendencies as varieties of social problems.

Keywords: social sphere, social education, educational institution, social-cultural conditions.

Современное российское общество переживает трудный этап своего развития. Переход его в качественно новое состояние сопряжён с существенными структурными изменениями и

характеризуется как процессами разрушения устойчивых образований, так и появлением новых элементов и звеньев социальной системы, в том числе и новых общественных отношений,

иных типов их организации. Этот процесс довольно сложно протекает именно в социальной сфере, где актуальной стала проблема оптимального сочетания экономической эффективности и социальной справедливости.

Современная социальная политика в российском обществе всё ещё не соответствует требованиям цивилизованного рынка; не определена её государственная модель, позволяющая функционировать социальной сфере в новых условиях, не обеспечена разработка правовой базы для социальной сферы, в которой должна быть предусмотрена система экономических и правовых норм её развития.

Потребность эффективного управления процессами в социальной сфере обусловила необходимость решения вопросов социального менеджмента на разных уровнях (государства, региона и т. п.). Решение этих вопросов свидетельствует, что в условиях переходного периода нашего общества нужна новая система управления и новые управленцы, как в целом для управления всей социальной сферой, так и отдельными отраслями: образованием, культурой, здравоохранением.

Необходимо понимание того, что функция государственных гарантий в получении социально значимых благ и услуг должна стать ведущим направлением социальной политики российского общества, что наблюдается в странах с развитым рынком. В их государственном бюджете расходы на образование, здравоохранение и культуру абсолютно и относительно превосходят бюджетные расходы на другие социальные нужды. В современных условиях в России следует исходить из того, что именно образование и, в первую очередь, высшая школа является основой социально-экономического развития страны. Без мощного интеллектуального потенциала нации, без широкого использования достижений научно-технического прогресса Россия не займёт достойного места в современном мире.

Общеизвестно, что образование было, есть и будет своеобразным зеркалом, отражающим характер того или иного общества, уровень его культуры, цивилизованности или дикости. При этом оно остается важнейшим рычагом развития, воспроизводства, сохранения этой культуры, общества в целом.

Движение современного общества к постиндустриальному, многообразию и универсальности этих процессов создали новые

основания социальной дифференциации механизмов перераспределения власти, влияния различных групп и социальных институтов. Такими основаниями стали знания, информация, сфера (индустрия) услуг, социокультурная жизнь человека. Ключевое значение приобрело социальное образование, которое рассматривается как социальный институт усвоения и воспроизводства нового социального опыта посредством общественно организованной социокультурной деятельности, ориентированной на потребителя образовательных услуг, их качество. Анализ многочисленных публикаций явно свидетельствует о постепенной смене образовательных парадигм: от парадигмы обучения идёт интенсивный переход к парадигме образования. С этих позиций становится правомерным говорить об образовании личности в процессе создания нового знания. Отмеченные тенденции открывают возможности превращения образования из стабилизирующего, ригидного, консервативного института в социальный институт производства нового социального опыта, новых решений, форм поведения и нравственных принципов. Образование становится ведущим фактором развития интеллектуального и социокультурного потенциала общества, механизмом наследования и воспроизводства основных достижений науки, культуры, ценностей человечества, способом развития определённых уровней образовательных цензов каждого индивида.

В современных теориях общественного развития, в социологии образования традиционно институт образования рассматривается как один из факторов прогрессивного развития, с которым связывается возникновение образовательного общества, постиндустриальной цивилизации, различных версий «альтернативной цивилизации» [1–3 и др.]. Социальный авторитет образования, его позитивная роль не подлежит сомнению, их значение представляется однозначно позитивным.

Вместе с тем в социологии, в системных исследованиях второй половины XX в. был выявлен эффект многоаспектности социальных последствий различных общественных изменений, действий социальных субъектов в том или ином социокультурном пространстве, системе взаимосвязей и отношений. В принципе это относится, конечно, и к явлениям и процессам в образовании, к роли образования как общественного института. Другое дело, что си-

стемный, общий эффект от развития образования в обществе для каждого этапа социально-территориальной организации в единстве и взаимосвязи позитивных и негативных следствий практически никогда никем не рассчитывался [4 и др.].

Наиболее осмысленной, по крайней мере на уровне постановки проблем, пока остаётся тематика социальной эффективности и качества социального образования, взаимодействия образования как общественного института с социальной структурой современного общества, другими общественными институтами, а также развития новых образовательных тенденций как разновидности социальных. В частности, активное развитие получили разработки по глобальному образовательному пространству и национальным моделям образования, их региональным подсистемам [5–7 и др.]. Однако и в этой связи влияние образования на устойчивость общественного развития, формирование адекватной социальному и историческому времени субъектности человека фактически не рассматривается.

Между тем реальность социального прогресса, накопление человечеством материальных и духовных богатств, неравномерность их распределения по различным регионам планеты, разные темпы накопления явно обостряют проблему адекватности развития образования соответствующим социокультурным и конкретно-историческим условиям. Эта проблема многократно усложняется новым сочетанием в общественном развитии, в образовании глобального, национального и регионального, оптимальность взаимосвязи которых становится в XXI в. **ключевой проблемой устойчивого развития**. При этом возрастает значение и роль нового сочетания – взаимодействия общественного, группового и личностно-индивидуального, определяющего новые параметры и технологии, механизмы обеспечения устойчивости, использования неустойчивых состояний общественных и социоприродных систем для прогрессивного развития, накопления, осуществления и социальной защиты жизненных сил человека, для достижения устойчивости, стабильности социума, его безопасности на более высоком уровне развития, в новых социально-исторических условиях.

Главным является путь, по которому социальное образование как общественный институт и целесообразная деятельность воздей-

ствует на устойчивость социума, по которому с помощью образования население страны, региона обретает социальное положение, занимает социальное место в социально-классовой структуре, в системе страт, позволяющее наилучшим образом в конкретной исторической и социально-территориальной ситуации, в определённом пространстве времени удовлетворять ему коренные жизненные интересы, воспроизводить и совершенствовать свои жизненные силы, индивидуально-личностную и социальную субъектность. Именно образование как фактор и условие социального продвижения и жизнеосуществления человека является определяющей силой, обеспечивающей устойчивость развития и функционирования общества, его прогресс, гармонию, конфликтность или регресс.

При этом речь идёт не только о качестве, адекватной времени образованности кадров, которые формирует система образования в различных общественных условиях, но и о характере приоритетов и ролей, которые играют те или иные социально-профессиональные группы. В социальную элиту, в высшие, наиболее обеспеченные и влиятельные слои общества в разных условиях, но непреложно закономерно делегируются, прорываются, прежде всего, представители тех социально-профессиональных групп, которые в определяющей мере обуславливают социальный прогресс и жизненные силы данного общества и государства. В свою очередь, лидирующие социально-профессиональные группы и их представители во власти, в слоях собственников средств к жизни (прежде всего – средств производства) традиционно стараются обеспечить качественное образование, во-первых, своим детям; во-вторых, наиболее способным и преданным этнически однородным группам населения; в-третьих, обеспеченным, а также талантливым представителям других этнических и социальных групп.

Впрочем, здесь роль играет не только и не столько непосредственная причастность социально-профессиональных групп и соответствующей образовательной деятельности к социальному прогрессу, к приоритетам развития той или иной страны, региона или поселения, но реальная возможность личности, обладая определённой профессией, обеспечить благополучие себе и своей семье, влияние и авторитет в обществе. Именно на этой основе формируется оптимальная для индивида, с

одной стороны, и социума – с другой, субъектность человека, которая в случае совпадения, обеспечивает условия стабильного, устойчивого функционирования и развития общества.

Несовпадение оптимальности субъектности личности для индивида и общества ведёт к возрастанию неустойчивости, росту социальной напряжённости, конфликтам. Это несовпадение, равным образом как и совпадение субъектности, обслуживается образовательной практикой, характеризующейся количественно и качественно, методологически и методически.

Данный аспект проблемы не сводится к традиционной для отечественного, как впрочем и мирового социального знания, проблематике совпадения – несовпадения личных и общественных интересов индивида. Он объёмнее и шире в том смысле, что предполагает анализ целостного явления и процесса субъектного, активного отношения (и участия) индивида к жизни, участия в ней как в соответствии с личной стратегией развития, так и в соответствии со стратегиями, логикой развития общества. Это формирует программы образовательной деятельности как в общегуманитарном, так и в собственно профессиональном, узко специальном аспекте. Стратегическое значение при этом имеет культуросоцентричность образования, его духовно-идеологическая ориентированность, воспитательная роль.

Основными составляющими культуросоцентричности образования сегодня рассматривается, с одной стороны, универсализм, стандартизация, всеобщность знаний, умений и навыков, социальных ценностей, а с другой – их национально-региональная специфика, социокультурное своеобразие. Это делает стратегически важным поиск оптимального сочетания в образовании глобального, универсального и национально-регионального, культурно-специфического.

В данной связи характерным примером влияния образования на проблемы устойчивости общественного развития является ситуация в России XX в., где роль образования в социальной эволюции и революционных процессах, а также в периоды функционирования общества в рамках определенной устойчивости была как положительной, так и отрицательной, дестабилизирующей общество. Так, после революции 1917 г. образовательная деятельность в России инерционно в первые годы советской власти сохраняла ориентации дореволюционной рус-

ской национальной школы, что заметно осложняло задачи стабилизации функционирования и развития советского общества. Эта проблема, прежде всего, была определена старым педагогическим корпусом всех уровней организации образования в первые годы советской власти, а также составом студенчества той поры, среди которого значительную долю составляло так называемое «белое студенчество».

В 1930-е гг., проведя массовую кампанию по ликвидации неграмотности, идеологической переориентации программ и старых педагогических кадров, отстранению значительной их части от активного участия в образовательной деятельности, советской власти удалось сделать (до 1960-х гг.) образование главным стабилизирующим фактором социального развития, роль которого конкретно-исторически, ситуативно «работала» на обеспечение устойчивости советского общества. Главным в этой связи было то, что социальные ориентации образования в бывшем СССР, сохраняя его высокую ценность и авторитет, обеспечивали укрепление социального благополучия, социального продвижения наиболее талантливой молодёжи из всех слоёв общества. Такому развитию содействовала государственная и партийная политика в области образования.

В этой связи возникло достаточно характерное тогда оптимальное сочетание субъектности человека на индивидуально-личностном и общественном, коллективном уровне. Система образования, его содержание и воспитательные цели ориентировали именно на это. Стратегически, в главном, в 1930–1960-е гг. образование в России способствовало стабильному, устойчивому прогрессивному развитию. Абсолютное большинство получивших специальное образование людей тогда реально видело не только признание важности своей профессиональной роли, но и гарантированную перспективу роста, улучшения социального благополучия, сохранения стабильного положения в обществе, несмотря на идеологические издержки административно-директивного управления, господствовавшего в стране в условиях экстремальности, диктата однопартийного политического режима. Причём экстремальность ситуации помогла, как ни странно, сохранять в обществе, при всех его катаклизмах, серьёзных проблемах стабильную социальную ситуацию развития, продвижения вперёд, что не было просто пропагандистским мифом.

Мифология в этом плане стала доминировать в 1970–1980-е гг. И образование в этот период в нашей стране начинает играть, наряду с позитивной, ярко выраженную дестабилизирующую роль, что во многом создало ситуацию нестабильности. Массовое среднее специальное и высшее образование (особенно – высшее!) перестало быть реальной гарантией массового социального продвижения населения, прежде всего – молодых. В конечном итоге это создало в условиях кризиса политического управления страной на высшем и среднем уровне ситуацию катастрофы, которая и случилась на рубеже 1980–1990-х гг.

Ситуация масштабно осложнилась ещё и тем, что отечественное образование оказалось идеологически вновь задавленным глобализмом, универсализмом на западный манер, где право индивида на образование (при абсолютизации прав человека как приоритетных) характеризуется основой современных образовательных стратегий. Это совпало с массовым распространением в России компьютеров, массовой информатизацией образования, а также с переориентацией смысложизненных ориентаций населения, прежде всего молодёжи, на приоритеты индивидуально-личностного развития вне связи с общественным, государственным, коллективным, национально-культурным.

В этой связи образование в современной России сохраняет стратегически серьёзную дестабилизирующую роль, формирует фундамент новой неустойчивости российского общества, разрушает «состыковку» оптимальной личностной и общественной субъектности в российском социуме, ослабляет цементирующую роль русской культуры и русских в новой России. И это при всём том, что в годы кризисного развития, реформ радикально-либерального толка 1990-х гг., имеющих недопустимо высокую цену, рост безработицы, образование играло в известной мере роль сдерживающего, ослабляющего социальную напряжённость фактора.

Впрочем, ситуация, когда социальные последствия нынешней роли образования в России не прогнозируются, не рассчитываются, сохраняется. Это грозит нам новыми обвалами неустойчивости, новыми социальными катаклизмами, новыми потерями.

Естественно, в такой ситуации весьма затруднён поиск оптимальной субъектности человека в новом российском обществе. И тем бо-

лее, что это происходит в условиях тотального кризиса нормативного мышления и действия, социальной практики современной России, её правовой системы. Реальная ситуация требует сейчас от индивида в нашей стране пользоваться одним правилом – «для достижения личной и общественной цели все средства хороши». Нам ещё предстоит понять и увидеть как это далеко от решения задач формирования в системе образования и общественной практики России оптимальной субъектности человека, учитывающей личное и общественное, глобальное, универсальное и национально-специфическое, региональное. Потому проблема качества образования, и особенно качества социального образования, в современном российском обществе весьма актуальна.

Эволюция ценностей образования и в то же время отношение к нему как ценности в главном обусловлены развитием потребностей и интересов социальных субъектов, общества в целом. На этой основе образование формируется как общественная система социальных отношений субъектов общественной жизни, обладающих определёнными жизненными силами и пространством жизнеосуществления.

Но надо учитывать, что система образования в целом, а социального, в особенности, неразрывно связана с той социально-экономической формацией, в рамках которой она сформировалась и существует.

В настоящее время, когда приняты фундаментальные законы, открывающие путь к кардинальным изменениям в жизни и деятельности общества, в том числе и в сфере образования, становится очевидной актуальность и необходимость разработки научной концепции перестройки управления образованием, создания инновационных моделей, механизмов её стабилизации и развития. Решение этих проблем выдвигает необходимость формирования концепции социального образования.

В принципиальном плане можно говорить об обострении, возникновении следующих проблем социального образования в России: во-первых, оно значительно осложнено осмыслением глобального противостояния двух встречных тенденций в развитии современного общества – с одной стороны, роста значимости глобально-универсалистских, стандартизирующе-унифицирующих форм общественной жизни, культурного развития человечества, а с другой – повышения

роли национально-культурного, социально-территориального и поселенческого своеобразия, а также значимости ценностей и специфики индивидуально-личностного развития.

Во-вторых, потребностью в последней трети XX в. согласовать эволюционный, революционалистский и цивилизационный, национально-культурно-своеобразный тип развития, соответствующие им подходы к пониманию своеобразия и этапов развития общества, его типов. Эта проблематика оказалась многократно осложнённой и тем, что во второй половине XX в. радикально изменились критерии оценки развитости общества, его зрелости.

В-третьих, ускорением темпов общественного развития, социокультурного процесса, стимулируемым коммуникационной революцией, определяющей переход от индустриальной к постиндустриальной, информационной цивилизации. Это во многом изменило роль инновационного и традиционного в обществе, возможности его использования для решения проблем и индивидуально-личностного и коллективно-общественного развития, а также возможности и роль социального интеллекта, индивидуального, личностного постижения смысла перемен, роли инноватики как общественного явления.

В-четвертых, движением человечества к образовательному обществу, новым критериям образованности личности, к становлению непрерывного образования, его новой фундаментализации и специализации в новых общественно-исторических условиях.

В-пятых, изменением роли в общественной жизни различных её сфер, прежде всего с возрастанием значимости социальной сферы, «третьего сектора» общества, с усложнением духовного облика, потребностей, интересов современного человека. Такие изменения вполне самостоятельны, вполне автономны, значимы.

В-шестых, столкновением либеральных консервативных ценностей, сторонников традиционных взглядов на устойчивость общественного развития и приверженцев модернизации, процессов обновления. Но на этом фоне новый контекст возник в осмыслении противостояния капитализма и социализма, индустриализма и постиндустриализма, социально оправданных долей традиционного и инновационного в обществе.

В-седьмых, трансформация содержания социогуманитарного образования, социаль-

ные и языковые в целом, коммуникационные изменения потребовали совершенствования систем дидактических единиц, прежде всего по истории, обществознанию, русскому языку, литературе. При этом очевидно, что такая проблематика оказалась тесно связана с проблемой госстандартов, дискуссиями о развивающем образовании, которые нередко оказываются противопоставленными практике разработки и применения образовательных госстандартов [8–9].

Масштабные изменения, происходящие в российской системе образования в последние годы, особенно в вузах России, как и следовало ожидать, и у населения страны, и у педагогической общественности вызвали различные оценки к происходящему. Во весь рост встала группа проблем, связанных с оценкой социальной и педагогической эффективности реформ образования вообще, а высшего профессионального образования в особенности. При этом со всей очевидностью встали вопросы социальной и национально-государственной безопасности отечественной системы образования, человека в ней, отдельных учебных заведений и педагогического сообщества страны [10].

По инициативе Координационного совета УМО вузов России, а также Общественного совета по стандартизации образования стран СНГ были предложены конкретные меры, способствующие оптимизации реформ образования в нашей стране, в образовательном пространстве СНГ. В этой связи был поставлен вопрос об организации Центра мониторинга социальной и педагогической эффективности образования в России, о создании бюллетеня Рособразования по информационно-методическому обеспечению перехода вузов России на многоуровневую организацию высшего профессионального образования, о разработке соответствующего плана мероприятий, программы переподготовки кадров, повышения их квалификации в высшей школе и др. Эти меры во многом активизировали и действия общественности вузов, в том числе той, что работает в учебно-методических объединениях вузов России по направлениям подготовки кадров. Возникла новая ситуация взаимодействия вузов и органов управления, общественности и органов власти, работодателей и учебных заведений. Их эффективное сотрудничество, точная оценка происходяще-

го, результатов реформирования высшей школы России последних лет сегодня – основной фактор и условие спасения не только системы образования, но и страны в целом.

И мы сегодня обязаны учитывать не только позитивные оценки экспертами реформ вузовского образования России, но и их очевидные социальные и педагогические издержки.

Они носят сейчас не столько политический или экономический характер, сколько эколого-демографический и духовно-культурный резонанс, от которого зависит наша жизнь как людей, «социальных животных», культурных существ, живущих в образовательном пространстве, чем далее, тем более сложно, интенсивно, противоречиво, разнообразно...

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное / пер. с англ. М.: Академия, 1999. 949 с.
2. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. М.: Алгоритм, 2003. 448 с.
3. Григорьев С. И., Субетто А. И. Основы неклассической социологии. М.: Русаки, 2000. 182 с.
4. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования XXI века. Барнаул: Азбука, 2000. 159 с.
5. Байденко В. И. Болонская декларация. Новая концепция развития высшего образования в Европе. М.: Иссл. центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. 126 с.
6. Мониторинг качества социологического образования в современном российском классическом университете (на примере Алтайского государственного университета) / под ред. С. И. Григорьева. Барнаул: Азбука, 2002. 120 с.
7. Новое качество высшего образования в современной России: концептуально-программный подход / под науч. ред. Н. А. Селезневой, А. И. Субетто. М.: Иссл. центр проблем качества подготовки специалистов, 1995. 199 с.
8. Григорьев С. И. Теоретико-методологические основы качества социального образования и культуры социологического мышления в современной России. Барнаул: РНЦ, 2001. 55 с.
9. Новые критерии, технологии и региональные особенности оценки качества социального образования / под ред. С. И. Григорьева, Л. Г. Гусляковой. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 32 с.
10. Социальная и педагогическая эффективность «Года молодежи» в России 2009 года (опыт экспертной оценки на основе всероссийского социологического исследования в феврале – апреле 2010 г.): препринт / под ред. С. И. Григорьева. М.: Изд-во РГСУ, 2010. 32 с.

Статья поступила в редакцию 18.01.2012 г.

Валерий Юрьевич Дмитриев

*Приазовский государственный технический университет (Мариуполь, Украина),
e-mail: dmitriev_v_u@ukr.net, dmitriev_v_u@pstu.edu*

Социально-экономические подходы к прогнозу уровня образованности граждан

В статье анализируются затраты на образование на Украине по основным индикаторам, характеризующим уровень финансовой поддержки государством системы образования, таким как: «Отношение государственных расходов на образование к валовому внутреннему продукту (ВВП)», «Расходы на образование в доле ВВП на душу населения», «Расходы на образование в расчёте на одного учащегося/студента». Исследуется уровень финансирования образования по отдельным параметрам и отдельным ступеням – начальному образованию, среднему и высшему. Определяется место Украины в мировой статистике по этим показателям, рассматривается уровень выделяемых средств на образование в различных странах мира, даётся оценка размера выделяемых средств по сравнению с передовым и среднестатистическим уровнем. В итоге делается вывод о возможности достижения мирового уровня образованности граждан Украины.

Ключевые слова: затраты на образование; расходы на образование к валовому внутреннему продукту; расходы на образование в доле ВВП на душу населения; расходы на образование в расчёте на одного учащегося/студента; абсолютные затраты, приходящиеся на одного учащегося/студента.

Valery Yuryevich Dmitriyev

*Pryazovsky State Technical University (Mariupol, Ukraine),
e-mail: dmitriev_v_u@ukr.net, dmitriev_v_u@pstu.edu*

Social and Economic Approaches to Prognosticating Citizens' Educational Level

The paper analyzes educational costs in the Ukraine using such main indices of the state financial support of education as the *Ratio of state educational expenses to gross domestic product (GDP)*, *Educational costs as part of GDP per capita*, *Educational costs per pupil/ student*. The study explores the level of education financing by particular parameters and separate stages: primary, secondary and higher education and determines the position of the Ukraine in the world statistics using these parameters. The author compares the levels of educational financing in different countries of the world and assesses the country's educational costs in terms of the advanced and average level. In conclusion, the author considers that it is possible to achieve the world level of education for Ukrainian citizens.

Keywords: educational costs, Ratio of state educational expenses to gross domestic product, Educational costs as part of GDP per capita, Educational costs per pupil/ student, absolute costs per pupil/ student.

В настоящее время в мире придаётся очень большое значение повышению качества национальных систем образования, которые играют важную роль в обществе и экономике. Несмотря на различия в уровнях развития экономики, правительства всех стран направляют значительные финансовые ресурсы в образование. Очевидно, что от объёма финансирования образования напрямую зависит его качество и эффективность.

Основным индикатором, характеризующим уровень финансовой поддержки государством системы образования, является «*Отношение государственных расходов на образова-*

ние к валовому внутреннему продукту (ВВП)». Но объективнее о поддержке государством образования говорит другой показатель – «*Расходы на образование в доле ВВП на душу населения*». Эффективность вложенных средств в систему образования напрямую зависит от третьего показателя – «*Расходы на образование в расчёте на одного учащегося/студента*».

Место Украины в мировой статистике по этим показателям, уровень выделяемых средств на образование по сравнению с другими странами мира и, как следствие, ожидаемое качество образования – эти вопросы являются объектом исследования в настоящей статье.

Подробная информация о государственных расходах на образование (в процентах к ВВП) за период 1997–2007 гг. в 161 стране мира, среди которых представлена и Украина, приведена в работе [1]. Детально затраты на образование в 30 развитых странах мира (среди которых нет Украины) рассматриваются в работе [2]. Глубокий анализ государственных расходов на образование в 27 странах Европейского Союза по состоянию на 2005 г. приведён в работе [3]. Наиболее полно и подробно анализируется финансирование образования в 136 странах мира во «Всемирном докладе по образованию 2007», который подготовлен институтом статистики UNESCO [4]. Эти и другие источники информации позволяют решить поставленную задачу исследования.

В публикациях современных исследователей анализируется уровень образования по отдельным параметрам и отдельным ступеням – начальному образованию, среднему или высшему. Но понятие качества образования – это интегральный показатель, итоговый результат политики государства в области образования на всех его ступенях. Изучение объёмов финансирования каждой из ступеней образования, сравнительный анализ финансирования по различным критериям позволит сделать объективную оценку и дать прогноз достижения в Украине уровня образования развитых стран мира – США, стран ЕС.

Целью статьи является исследование затрат на образование в Украине и сравнение их с затратами в других странах мира в относительных и абсолютных показателях. Результаты исследования позволят сделать выводы о достаточности этих затрат в Украине для достижения уровня развитых стран мира по качеству и эффективности образования.

Став президентом, Дж. Кеннеди в своём первом послании Конгрессу США в 1961 г. говорил следующее: «Мы ставим целью значительно увеличить экономический рост. Но согласно данным последних исследований, наибольшую отдачу дают капиталовложения в образование, доводя до 40 процентов роста национального дохода. В эпоху науки и космоса улучшение положения с образованием – одно из главных условий нашего национального мо-

гущества. Таким образом, образование становится делом первостепенной важности» [5].

Следуя этой цели и в настоящее время, Соединённые Штаты, где проживает только 4 % мирового населения в возрасте 5–25 лет, затрачивают 28 % мировых расходов на образование, или 21 % мирового ВВП [4].

Анализ данных по 161 стране мира по доле государственных расходов на образование в процентах к ВВП дал следующий результат:

- процент ВВП меняется от 0,6 (Экваториальная Гвинея) до 17,8 (Кирибати);
- среднее значение по миру – 4,69 % (2007 г.);
- 2 и 3-е место по величине доли на образование поделили Куба и Лесото, у них по 13,3 % от ВВП;
- США занимает в списке скромное 36-е место – 5,69 % от ВВП (2006 г.),
- Россия – 91-е место – 4,1 % от ВВП (2007 г.);
- Украина в этом списке занимает достойное 49-е место и имеет на образование 5,37 % от ВВП (2007 г.) [1].

Украина, по различным источникам информации, имеет разный, но всегда высокий процент затрат на образование. В 2007 году министр образования и науки Украины Станислав Николаенко доложил: «В этом году государство потратит на образование до 7 % ВВП» [6]. Это достижение Украины в 2007 году подтвердил премьер-министр Н. Азаров [7].

Статкомитет СНГ систематически собирает и публикует данные о государственных расходах на образование в странах СНГ. Информация предоставляется национальными статистическими службами на основании отчётов об исполнении государственного бюджета, разрабатываемых министерствами финансов стран, эти данные наиболее достоверны. Результат статкомитета по странам СНГ приведён в табл. 1 [3]. По данным табл. 1, Украина имеет один из самых высоких процентов затрат на образование среди стран СНГ.

Размер государственных расходов на образование в процентах к ВВП в Украине на высоком уровне, соответствует по величине размерам затрат развитых стран мира и превосходит среднемировой уровень.

**Объём государственных расходов на образование в странах СНГ
(в % к ВВП)**

| <i>Страна</i> | <i>2000</i> | <i>2001</i> | <i>2002</i> | <i>2003</i> | <i>2004</i> | <i>2005</i> | <i>2006</i> | <i>2007</i> | <i>2008</i> |
|---------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|
| Азербайджан | 3,9 | 3,5 | 3,2 | 3,3 | 3,4 | 3,1 | 2,7 | 2,7 | 2,6 |
| Армения | 2,6 | 2,3 | 1,9 | 2,0 | 2,3 | 2,5 | 2,5 | 2,8 | 2,8 |
| Беларусь | 6,2 | 6,5 | 6,6 | 6,4 | 6,0 | 6,4 | 6,0 | 5,8 | 5,2 |
| Казахстан | 3,3 | 3,3 | 3,2 | 3,2 | 3,2 | 3,6 | 3,4 | 3,6 | 3,6 |
| Кыргызстан | 3,5 | 3,9 | 4,4 | 4,5 | 4,6 | 4,9 | 5,6 | 5,7 | 5,2 |
| Молдова | 4,5 | 4,8 | 5,5 | 5,4 | 5,4 | 7,3 | 8,2 | 8,0 | 8,2 |
| Россия | 2,9 | 3,1 | 3,8 | 3,6 | 3,5 | 3,7 | 3,9 | 4,1 | 4,0 |
| Таджикистан | 2,3 | 1,8 | 2,6 | 2,4 | 2,7 | 3,5 | 3,4 | 4,1 | 4,1 |
| Украина | 4,2 | 5,8 | 5,4 | 5,6 | 5,3 | 6,4 | 6,3 | 6,2 | 6,4 |

Но очевидно, что высокий процент затрат на образование от ВВП не даёт основания заявлять, что качество образования находится также на высоком уровне. Доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте характеризует обязательства государства в отношении образования и уровень, по которому этот сектор может соперничать с другими первоочередными государственными расходами. Это показатель важен, но он не даёт чёткой картины эффективности использования ресурсов и их влияния на качество образования.

Анализируя далее государственные затраты на образование, необходимо учитывать, что в большинстве статистических источников под образованием понимается его три ступени: начальное, среднее и высшее. Анализировать затраты только по одной из ступеней и делать выводы о результатах государственной политики в области образования в целом неправильно, т. к., по оценкам специалистов, норма отдачи от среднего образования, например, существенно выше, чем от высшего образования. В США отдача от высшего образования составляет 7–8 % в то время как отдачи от среднего образования 25–30 % [8].

Распределение государством затрат на одного учащегося по различным уровням образования говорит о направленности государственной политики в вопросе подготовки кадров и воспитания граждан. Разные затраты на начальное, среднее и высшее образование неизбежно связаны с национальными особенностями и традициями, но несомненно, что разные пропорции затрат по уровням образования приводят к разному итоговому результату в развитии человеческого капитала страны.

Рассмотрим общие государственные расходы в расчёте на одного учащегося/студента, определённого уровня образования в процентном отношении к ВВП на душу населения

(табл. 2, столбцы 1, 2, 3, 4). Этот показатель показывает процент расходов, приходящихся на одного учащегося начального, среднего или высшего образования в размере ВВП, приходящегося на одного жителя страны. Важно отметить, что эти показатели отражают лишь государственные расходы на образование, а не частные инвестиции [4, с. 164].

Из табл. 2 видно, что минимальный процент на *начальное образование* в странах ЕС выделяется в Румынии – 12,0 %, максимальный – в Словении – 26 %. В Украине на одного учащегося начального уровня образования в 2005 г. затраты в процентном отношении к ВВП на душу населения составили 14,8 %, в то время как средний процент по государствам, приведённым в табл. 2, 19,8 %.

В мире почти треть всего финансирования образования приходится на начальное образование – 741 млрд долл. паритета покупательной способности (ППС). В докладе ЮНЕСКО приведены примеры максимальных расходов на одного учащегося в процентном отношении к ВВП на душу населения на начальное образование в мире – 55,5 % (Джибути) и 37,6 % (Куба) [4, с. 164], в Центральной и Восточной Европе – 16,6 %, в Северной Америке и Западной Европе – 21,8 % [4, с. 20].

По объёму финансирования, приходящегося на одного учащегося начальной школы, Украина не достигает среднего уровня, характерного для стран ЕС и для развитых стран мира.

Минимальный процент на *среднее образование* в странах ЕС выделяется в Румынии – 13,5 %, максимальный – на Кипре – 40,0 %. В Украине на одного учащегося среднего уровня образования в 2005 г. затраты в процентном отношении к ВВП на душу населения составили 23,9 %, в то время как средний процент по государствам, приведённым в табл. 2, 26,6 %. В мировой практике самые

высокие относительные показатели расходов на среднее образование – в Бурунди и Джибути, они достигают соответственно 73,3 и 79,9 % от ВВП на душу населения [4, с. 164].

По объёму финансирования, приходящегося на одного учащегося средней школы, Украина не достигает среднего уровня, характерного для стран ЕС и для развитых стран мира.

Таблица 2

Расходы на образование в расчёте на одного учащегося/студента

| Страна | В процентном отношении к ВВП на душу населения | | | В долларах США (исчислено по ППС) | | |
|----------------------|--|---------------------|--------------------|-----------------------------------|---------------------|--------------------|
| | начальное образование | среднее образование | высшее образование | начальное образование | среднее образование | высшее образование |
| Бельгия | 20,3 | 34,0 | 35,7 | 6 299 | 10 575 | 11 088 |
| Болгария | 19,0 | 20,9 | 28,3 | 1 428 | 1 571 | 2 127 |
| Чешская Республика | 12,9 | 23,4 | 30,6 | 2 508 | 4 555 | 5 952 |
| Дания | 25,2 | 35,9 | 63,4 | 8 044 | 11 444 | 20 245 |
| Германия | 16,4 | 21,8 | ... | 4 631 | 6 160 | ... |
| Эстония | 19,9 | 26,5 | 18,8 | 2 896 | 3 851 | 2 741 |
| Ирландия | 14,5 | 21,5 | 24,3 | 5 628 | 8 335 | 9 424 |
| Греция | 16,8 | 23,0 | 27,6 | 3 731 | 5 102 | 6 124 |
| Испания | 18,6 | 23,8 | 22,7 | 4 489 | 5 727 | 5 479 |
| Франция | 17,9 | 29,2 | 34,1 | 5 236 | 8 545 | 9 996 |
| Италия | 25,3 | 27,7 | 23,1 | 7 126 | 7 808 | 6 511 |
| Кипр | 25,3 | 40,0 | 37,6 | 5 770 | 9 130 | 8 581 |
| Латвия | 20,6 | 24,5 | 14,4 | 2 175 | 2 591 | 1 528 |
| Литва | 14,4 | 20,1 | 20,6 | 1 720 | 2 403 | 2 456 |
| Нидерланды | 18,8 | 25,1 | 42,6 | 5 962 | 7 984 | 13 533 |
| Австрия | 22,7 | 27,4 | 48,9 | 7 316 | 8 836 | 15 768 |
| Польша | 22,8 | 20,9 | 21,5 | 3 041 | 2 788 | 2 861 |
| Португалия | 24,6 | 37,0 | 24,9 | 4 832 | 7 255 | 4 890 |
| Румыния | 12,0 | 13,5 | 22,9 | 919 | 1 036 | 1 753 |
| Словения | 26,0 | 30,7 | 25,9 | 5 451 | 6 443 | 5 433 |
| Словакия | 12,2 | 17,3 | 32,9 | 1 781 | 2 534 | 4 817 |
| Финляндия | 18,8 | 32,9 | 36,6 | 5 636 | 9 847 | 10 977 |
| Швейцария | 25,0 | 28,1 | 63,3 | 8 270 | 9 275 | 20 901 |
| Швеция | 25,9 | 34,9 | 44,1 | 7 664 | 10 299 | 13 035 |
| Великобритания | 18,0 | 27,1 | 27,7 | 5 276 | 7 927 | 8 100 |
| Норвегия | 20,7 | 31,1 | 53,2 | 7 960 | 11 953 | 20 456 |
| США | 22,0 | 25,7 | 27,6 | 8 243 | 9 644 | 10 365 |
| Япония | 22,4 | 22,3 | 20,5 | 6 231 | 6 214 | 5 704 |
| Российская Федерация | ... | ... | 10,8 | ... | ... | ... |
| Украина | 14,8 | 23,9 | 34,1 | 1 008 | 1 628 | 2 318 |
| Среднее знач. | 19,8 | 26,6 | 31,7 | 4 871 | 6 602 | 8 327 |

Затраты на *высшее образование* в Украине в процентном отношении к ВВП на душу населения составляют 34,1 %. Средний процент затрат по государствам, приведенным в табл. 2, 31,7 %. Самый высокий показатель расходов на одного студента в странах ЕС в Дании – 63,4 %.

В мире этот показатель колеблется от 6 % в Казахстане до 1 104,8 % (более чем в 11 раз превышая уровень ВВП на душу населения) в Лесото [4, с. 164].

Относительно высокие затраты на *высшее образование* (в процентном отношении к

ВВП на душу населения) не решают задачу образования граждан в Украине. Низкое финансирование начального и среднего уровня образования в Украине по сравнению с развитыми странами мира приводит к более низкой по качеству подготовке выпускников общеобразовательной школы, при этом трудно рассчитывать, что высшая школа может исправить положение и повысить до необходимой нормы уровень образованности граждан.

Расходы в расчёте на одного учащегося/студента в процентном отношении к ВВП на душу населения – это относительный показатель, говорящий об уровне использования возможностей государства, о направленности государственной политики в области образования. Но если размер ВВП государства низкий, то высокий процент затрат на образование в процентном отношении к ВВП не говорит о достаточности затрат по абсолютной величине, т. к. абсолютные затраты на образование зависят от размера абсолютных доходов на душу населения.

Говоря о мировом или европейском уровне образования, мы наверняка подразумеваем, что затраты на образование не относительные, а абсолютные, тоже должны соответствовать мировому уровню. Но Украина, например, имеет уровень ВВП на душу населения (рассчитанный по ППС на первое января 2010 года) в размере \$6 700 и находится на 106-м месте из 194 мест, приведённых в анализе [9]. На первом месте в этом списке из 194 государств находится Катар, в нём приходится \$145 300 на душу населения, на 8-м месте США – \$47 400, на 55-м месте Россия – \$15 900.

Однако отношение ВВП на душу населения не является «индексом богатства» тех или иных стран и уж тем более признаком социального процветания в том или ином государстве. Среди лидеров есть как состоявшиеся ростовщические страны Европы, так и малоизвестные тропические оффшоры, чьё ВВП не попадает в карман граждан этого государства. Так, например, в тропическом оффшоре Бермудские острова 20 % населения живет за чертой бедности, хотя государство числится четвёртым по «богатству».

Объективнее о достаточности государственного финансирования и, значит, качестве образования может говорить такой показатель, как *абсолютные затраты, приходящиеся на одного учащегося/студента.*

Для сравнения абсолютных затрат на учащегося/студента принято конвертировать местные валюты в единый стандарт. Широко распространенный показатель паритета покупательной способности (ППС) объективно отражает реальную стоимость государственных и семейных ассигнований на образование. ППС – это курс обмена валют, исключающий разницу в уровнях цен между странами. Это значит, что на определённую сумму, конвертированную в американские доллары или евро по курсу ППС, можно приобрести одинаковую корзину товаров и услуг во всех странах.

Анализ абсолютных затрат на обучение одного учащегося/студента проведён по данным мировой статистики за 2005, 2006 гг. (табл. 2, столбцы 1, 5, 6, 7).

В 2005 г. расходы в образовательных учреждениях стран ЕС, от начального до высшего образования, составили в среднем 5 650 евро (исчислено по ППС) в расчёте на 1 учащегося/студента [3]. Как правило, расходы в расчёте на 1 учащегося/студента увеличиваются с повышением ступени образования. Для стран, приведённых в табл. 2, на 1 учащегося начального образования в среднем было потрачено \$4 871, в системе среднего образования – \$6 602 и \$8 327 – на 1 студента в системе высшего образования.

Максимальные затраты на начальное образование в странах, приведённых в табл. 2, в Швейцарии (\$8 270); минимальные – в Румынии (\$919), в Украине эти затраты составляли 1 008 долл. США (по ППС).

На среднее образование максимально потратились в Норвегии – \$11 953, минимально – в Румынии – \$1 036, в Украине выделили на эти цели \$1 628.

Расходы на 1 студента в системе высшего образования выше, чем на других образовательных ступенях в большинстве странах. В странах, приведённых в табл. 2, минимальные расходы на 1 студента в Латвии – \$1 528, максимальные – в Швейцарии \$20 901.

По сравнению со странами ЕС Украина значительно отстаёт от расходов на 1 студента. Так, уровень расходов в расчёте на 1 студента в Украине (\$2 318) составляет чуть более 11 % от расходов на 1 студента в Швейцарии (\$20 901).

Выводы

Размер государственных расходов на образование в процентах к ВВП в Украине превос-

ходит среднемировой уровень и соответствует по величине размерам затрат развитых стран мира. Однако по объёму финансирования, приходящегося на одного учащегося начальной и средней школ, Украина не достигает среднего уровня, характерного для стран ЕС и для развитых стран мира.

Относительно высокие затраты на высшее образование (в процентном отношении к ВВП на душу населения) не решают задачу образования граждан в стране. Низкое, по сравнению с развитыми странами мира, финансирование начального и среднего уровня образования по абсолютной величине в Украине приводит в итоге к более низкой по качеству подготовке выпускников общеобразовательных школ. Имея такой результат на «входе», трудно рассчитывать, что высшая школа может исправить

положение и повысить до необходимой нормы уровень образованности граждан, тем более что по сравнению со странами ЕС Украина значительно отстаёт от абсолютных расходов на 1 студента.

От объёма абсолютного, а не относительного финансирования напрямую зависит качество и эффективность образования, а значит, и мировой уровень образованности граждан, к которому стремится любое государство, невозможен без затрат на мировом уровне.

Для Украины мировой уровень образования недостижим вследствие того, что затраты на начальное, среднее и высшее образование по абсолютным показателям ниже не только затрат развитых стран мира, но ниже среднемирового уровня затрат как в целом, так и по каждой ступени образования в отдельности.

Список литературы

1. Государственные расходы на образование (в процентах к ВВП). URL: <http://statinfo.biz/Data.aspx?act=6492&lang=1> (дата обращения: 06.02.2012).
2. Образование с одного взгляда 2009: Индикаторы OECD – OECD © 2009 – ISBN 9789264024755 (Education at a Glance 2009: OECD Indicators – OECD © 2009 – ISBN 9789264024755).
3. Государственные расходы на образование в странах Европейского Союза // Общество и экономика. 2010. № 2. Февраль. С. 160–171. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit06.php> (дата обращения: 06.02.2012).
4. Всемирный доклад по образованию 2007. Сравнение мировой статистики в области образования. Институт Статистики ЮНЕСКО. URL: http://www.uis.unesco.org/template/pdf/ged/2007/GED2007_rus.pdf (дата обращения: 25.02.2011).
5. Галаган А. И. Сравнительная характеристика принципов образовательной политики России и некоторых зарубежных стран // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 186–205.
6. Сайт Министерства образования и науки Украины. URL: http://www.mon.gov.ua/newstmp/2007/25_07/2/ (дата обращения: 25.02.2011).
7. Азаров М. Економічні показники розвитку України // Казна. Всеукраїнське науково-практичне видання. 2007. № 7–8 (82). С. 5.
8. Типенко Н. Затраты на образование. URL: <http://upr.1september.ru/2001/25/2.htm> (дата обращения: 06.02.2012).
9. GDP – per capita (PPP), The World Factbook, Central Intelligence Agency(est.). Accessed on Jan 16, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.03.2012 г.

УДК 316.35:2-4
ББК 1А 60.5 С

Леонид Яковлевич Дятченко

доктор социологических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия), e-mail: Rector@bsu.edu.ru

Сергей Дмитриевич Лебедев

кандидат социологических наук, доцент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия), e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Виктор Викторович Сухоруков

аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия), e-mail: verger@yandex.ru

Религия и социально-технологическая культура менеджера: качественная и количественная взаимосвязь

В статье анализируется потенциал и общие границы влияния религии на профессиональный менеджмент. Авторское внимание сконцентрировано на социально-технологической культуре современного российского менеджера. Сделана попытка придать математический смысл рассматриваемым понятиям. Актуализация религиозной специфики разнообразных социальных процессов делает необходимым осмысление управленческих факторов их протекания и развития. В статье анализируется потенциал и общие границы влияния религии на профессиональный менеджмент независимо от сферы его функционирования. Тем не менее сделан некоторый акцент на государственное и муниципальное управление. Рассматриваемым понятиям придан математический смысл с помощью теории графов. Возможны иные варианты моделирования (в том числе в рамках теории графов) в зависимости от глубины анализа категорий. Выявлена асимметричность взаимовлияния религии и социально-технологической культуры менеджера: первая систематизирует вторую, но ослабляет ее преобразовательную активность; вторая улучшает функционирование первой, но имеет тенденцию к выхолащиванию из религии собственно религиозного содержания.

Ключевые слова: социальные технологии, культура, менеджер, религия, социология.

Leonid Yakovlevich Dyatchenko

Doctor of Sociology, professor, Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia), e-mail: Rector@bsu.edu.ru

Sergei Dmitriyevich Lebedev

Candidate of Sociology, associate professor,
Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia), e-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

Victor Victorovich Sukhorukov

graduate student,
Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia), e-mail: verger@yandex.ru

Religion and Socio-Technological Culture of a Manager: Qualitative and Quantitative Relationship

The paper deals with the potential and general impact of religion on professional management. The authors highlight socio-technological culture of a modern Russian manager and attempt to apply a mathematical approach to the concepts under review. The relevance of the religious specificity of various social processes requires the study of the management factors of their state and development. The authors analyze the potential and general impact of religion on professional management regardless of its functioning sphere, putting the accent on governmental and municipal management. Graph theory applied in this research makes it to some degree mathematical. According to the authors there are other options for modeling (using graph theory as well) depending on the depth of the category analysis. There is asymmetry in the interrelation of religion and socio-technological culture of a manager: the first category systematizes the second one, but weakens its reforming activity. The second category improves the functioning of the first one, but tends to emasculate religion in its proper sense.

Keywords: social technologies, culture, manager, religion, sociology.

Сегодня общепризнано, что роль религии в общественной жизни России возрастает. В то же время она не является решающей. Религия не стала универсальной силой социального развития, далеко не все члены общества говорят на одном сакральном языке и ориентируются на конфессиональные авторитеты. Социальные институты и повседневная жизнь людей определяется светскими установлениями, глубоко укоренившимися в паттернах социального действия и мышления, тогда как религиозные смыслы и отношения остаются на периферии того и другого. Можно говорить о том, что в российском обществе наших дней происходит медленная, неравномерная и неустойчивая реинтеграция религиозного в систему социальных отношений.

Из всех институтов общественной жизни постсоветской России процессы реинтеграции религии наиболее серьёзно затронули институт образования. Соответственно, преимущественно образовательный характер рефлексивного «ответа» социального сообщества на формирующийся «религиозный вызов» определил ведущую науку, в рамках которой развивается рациональный аспект данного ответа – педагогику. Однако консервативность института образования и сравнительно малое количество активных верующих в современной России определили преимущественно кандидатский уровень тематических диссертационных исследований, защищённых в последние годы. Наиболее показательными примерами могут служить работы Ф. Б. Алимбековой [1], Ч. Ф. Валиуллиной [3], Л. Н. Доброхотовой [5]. Вместе с тем следует обратить внимание на изучение рассматриваемого феномена и в других науках – прежде всего, в социологии, потому что только она может дать целостное знание о происходящем процессе социально-религиозных трансформаций.

На сегодня в стране проведено и проводится большое количество социологических исследований (теоретического и эмпирического характера) религии в её различных аспектах; однако междисциплинарным связям социологии религии и менеджмента специального внимания не уделяется. Тем не менее данная проблематика представляется достаточно актуальной, поскольку особенности современной ситуации требуют подготовки менеджеров-управленцев со специальными социально-религиоведческими компетенциями. Во-первых, выступая со стороны государственных и муниципальных органов

власти и управления, они должны быть способны успешно взаимодействовать с религиозными объединениями и отдельными верующими. Во-вторых, если менеджер работает в религиозной организации, то в контексте отношений гражданского общества для него незаменимо умение налаживать межконфессиональные контакты без участия внешних посредников.

Наиболее продуктивным в данной связи нам представляется рассмотрение взаимовлияния религии и менеджмента через призму феномена социально-технологической культуры, которой в обществе современности должен обладать любой человек, претендующий на профессиональный управленческий статус. Социально-технологическая культура определяется ведущими теоретиками как «система диспозиций личности, выражающаяся в формировании и развитии у неё умений и навыков поведения, обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий» [6, с. 67], и представляется узловым моментом социальной реальности, связующим социологическое и антропологическое измерение теории и практики менеджмента.

Одним из самых авторитетных российских исследователей социально-технологической культуры менеджера сегодня является И. В. Бурмыкина. Определяя актуальность своего исследования, она указывает, что сегодня «на смену вертикальной жёсткой системе административных мер приходят гибкие управленческие технологии, реализующие социокультурные механизмы регулирования человеческой деятельности, сочетающие прямое и косвенное воздействие на процессы самоорганизации, поддержание их в границах управляемости» [2, с. 3]. Религиозный фактор может повлиять на данный процесс двояко: с одной стороны, совершенствуя навыки самоорганизации индивида в деле спасения собственной души; с другой стороны, встраивая своего последователя в жёсткую систему вертикальных социальных связей. Первый вариант, с точки зрения социально-технологической культуры, является позитивным; вместе с тем нет никаких гарантий, что умение самоорганизоваться в одном специализированном виде деятельности человек применит и во всех прочих. Второй же вариант – отметим, характерный не для всех религий – является негативным, и он также может не реализоваться в других видах деятельности.

Закрепление за социальными технологиями гуманистической функции в виде соответствия нравственным критериям ставит влияние религии под вопрос, поскольку связь религии и нравственности сегодня дискутируется вплоть до её отрицания. Так, Филипп Болл в ходе своего исследования не обнаружил различий в моральности верующих и атеистов [16]. К близким выводам пришла и Е. Н. Кофанова: «...нравственные нормы не ассоциируются в общественном мнении исключительно с религией...» [9, с. 101]. Кроме того, эмпирически установлено, что в наиболее молодой, активной и образованной части российского общества, каковой является студенчество, преобладает «потребительское отношение к религии» [7, с. 195].

Отдельного внимания заслуживает «авторская концепция социально-технологической культуры менеджера как условия эффективного управления, которая представляет собой паттерн базовых представлений, ценностей и технологий организации познавательной и преобразовательной социальной деятельности, реализуемых в социальном взаимодействии» [2, с. 11]. Религия склонна влиять на социально-технологическую культуру, формируя наиболее фундаментальные представления человека. Причём представления не только профессиональные, но и общекультурные, а также их взаимосвязь. В качестве иллюстрации подойдёт следующая картина: представим менеджера государственного управления, проводящего конкурс по государственному заказу на фундаментальное научное исследование в области космологии. Велика вероятность того, что, если в доктрине религиозного объединения или же в «неписаной» конвенции конфессиональной среды [17, с. 119], к которому принадлежит этот чиновник, закреплено божественное происхождение космоса и возраст Земли в 6000 лет, то вряд ли конкурс будет выигран учёными-физиками или геологами, которые доказывают естественное происхождение Вселенной и возраст Земли, исчисляющийся миллиардами лет. Влияние религии через ценности аналогично: депутаты парламента, мозг которых находится под обаянием слова «биоэтика», с радостью запретят клонирование человека, хотя эта технология может обеспечить прорыв в медицине, значение которого превысит значение открытия пенициллина в своё время.

Переходя к концептуальной модели социально-технологической культуры менеджера, можно отметить, что религия имеет наибольший потенциал влияния на её когнитивно-рефлексивный, ценностно-нормативный и социально-конвенциональный элемент. Первый из них задаёт познавательную «оптику», предоставляя менеджеру систему категорий, в которых он осмысливает окружающую действительность и своё место в ней. Ценностно-нормативный компонент представлен, преимущественно, императивными указаниями должного и недолжного (с различными градациями, вплоть до табу). Социально-конвенциональный компонент представляет собой эмерджентность множества существующих индивидуальных мнений наибольшей численности.

Концептуальная модель органически дополняется факторной, в которой существуют факторы трёх уровней: макро-, мезо- и микро-. Влияние макросоциальных факторов по линии религии слишком слабо, а вот «мезосоциальные факторы представлены спецификой институциональной среды, организационной культуры, а также социально-групповыми особенностями функционирования организации, в которой действует менеджер» [2, с. 21]. На этом уровне религия уже проявляет себя в полную силу, поскольку религиозные организации имеют свой менеджмент. На микросоциальном уровне влияние религии прослеживается в первую очередь в мотивации менеджера, если вспомнить веберовскую связь между протестантской этикой и духом капитализма. Она актуальна и для России: «...несмотря на заявления православных лидеров в отношении поддержки, при определённых условиях, хозяйственно-предпринимательской деятельности, православные верующие консервативны в своих экономических пристрастиях» [15, с. 111]. Однако исследование менеджеров даёт противоположный результат: «На первый план в их сознании выдвигаются ценности индивидуалистического характера, связанные с практическим успехом и достижением личного благополучия, с усиливающейся ориентацией на независимость и личную свободу, что создаёт предпосылки для формирования социально-технологической культуры» [2, с. 27].

Полностью соответствует религиозной практике деление «социального действия на внутренне взаимосвязанные этапы, фазы, операции» [2, с. 17], а также координированность

и поэтапность действий, направленных на достижение искомого результата. Причём мера этого соответствия будет задаваться степенью разработанности культа конкретной религии в прямой зависимости: чем более разработан культ, тем больше соответствие между религией и социальной технологией, которой пользуется менеджер.

При обобщении вышесказанного может возникнуть впечатление о преимущественно негативном влиянии религии на социально-технологическую культуру менеджера; однако нами были перечислены и позитивные моменты. Кроме того, проверить гипотезу о негативном влиянии можно только после операциональной интерпретации, для чего необходимо рассматривать вероучение и практики конкретных религий. Причём поскольку речь идёт о социальных процессах, постольку в исследовании религии не следует забывать об её диалектической противоположности: «секуляризация как социологическое понятие, прежде всего, нейтральная описательная категория, обозначающая процесс утраты религией своей социальной значимости» [14, с. 67]. Такой объективистский подход применяется С. Д. Лебедевым в эмпирическом исследовании школьников, часть из которых, несомненно, станут менеджерами: «...латентное влияние религиозной православной культуры на российскую учащуюся молодёжь достаточно высоко, хотя не охватывает большинства (порядка 3/4 остаются в своих ценностных ориентациях на секулярных позициях)» [10, с. 78]. И хотя в научной среде существует критическое отношение к интеграции российского светского и религиозного образования [8, с. 101], в целом этот процесс происходит и поддаётся совершенствованию, как указывает Н. Н. Реутов [13, с. 91].

Говоря не о конкретной религии, а о религии вообще, следует назвать четыре основных элемента, как правило, выделяемых в её структуре: это а) религиозное сознание; б) религиозная деятельность; в) религиозные отношения и г) религиозные организации [11, с. 49]. Строго говоря, это не совсем логично, поскольку упускается разделение на социальную статику и динамику, а также соотношение между бытием и сознанием, но таков научный консенсус, проникший в образование [12]. Как же эти элементы проявляются в социально-технологической культуре менеджера? Для уточнения ответа на этот вопрос, в общих чертах полученного ра-

нее, необходимо выявить связи между структурными элементами религии и социально-технологической культуры.

Учитывая комплексность определения социально-технологической культуры, для выявления её простейших элементов следует подвергнуть это определение морфологическому анализу и составить таблицу (см. табл. 1) с номерами всех возможных комбинаций видов деятельности, с одной стороны, и элементов паттерна, с другой стороны.

Таблица 1

Нумерация комбинаций компонентов социально-технологической культуры менеджера

| <i>Элемент паттерна</i> | <i>Представления</i> | <i>Ценности</i> | <i>Технологии</i> |
|-------------------------|----------------------|-----------------|-------------------|
| <i>Вид деятельности</i> | | | |
| Познавательная | 1 | 2 | 3 |
| Преобразовательная | 4 | 5 | 6 |

Теперь установим соответствие между пронумерованными клетками таблицы и вышперечисленными элементами религии. Религиозное сознание включает в себя представления и ценности, поскольку сознание содержит мнения, и представление – это мнение о сущем, ценности же – мнение о должном, то есть имеем соответствие А – 1, 2. Достаточно очевидно и то, что религиозные организации представляют собой технологию не только преобразовательной, но и познавательной деятельности людей (в качестве примера последней можно назвать церковно-приходскую школу), то есть мы имеем соответствие Г – 3, 6. Поскольку религиозная деятельность может быть и познавательной, и преобразовательной, постольку существует соответствие религиозной деятельности всем клеткам таблицы Б – 1, 2, 3, 4, 5, 6. Наконец, религиозные отношения складываются в процессе познания и преобразования действительности на основе имеющихся у верующих ценностей и представлений, то есть можно установить соответствие В – 1, 2, 4, 5.

Рассмотрим эти взаимосвязи с использованием теории графов [4, с. 157]. Мы считаем, что следует воспользоваться неориентированным графом (см. рис. 1), потому что нас инте-

ресует не только прямое влияние религии на социально-технологическую культуру менеджера (которое в ориентированном графе выразилось бы дугой), но и обратное. Для сравнительного анализа будет полезно применить два понятия: степень вершин и расстояние между ними. С помощью первого из них можно операционализировать роль, играемую каждым компонентом в системе (его влияние; чем выше степень – тем более существенную роль играет компонент); с помощью второго – тесноту взаимодействия между элементами, причём чем меньше расстояние, тем теснее взаимодействие. Таким образом, в первом случае индикатор находится в прямой зависимости от исследуемого свойства, а во втором – в обратной.

Каким образом религия влияет на социально-технологическую культуру менеджера? Рассмотрим степень каждой из вершин 1, 2, 3, 4, 5, 6. Религия (т. е. вершины А, Б, В, Г) организует эти элементы в следующую иерархию: 1 и 2 вершины имеют степень, равную трём, а все остальные – двум; то есть религия повышает значимость познавательных (но не преобразовательных!) представлений и ценностей. Значит, религия является стимулятором когнитивного процесса. Рассмотрим расстояние между каждой из вершин 1, 2, 3, 4, 5, 6 попарно. Поскольку элемент Б (религиозная деятельность) связан со всеми шестью элементами социально-технологической культуры, то его влияние ключевое: он делает расстояние между каждой парой из шести элементов равным двум. Таким образом, религия усиливает целостность социально-технологической культуры.

Можно ответить и на противоположный вопрос: каким образом социально-технологическая культура менеджера влияет на религию? Для этого рассмотрим степени вершин А, Б, В, Г. Элементы религии заметно отличаются: степень вершины Б равна шести, степень вершины В равна четырём, степени вершин А и Г – двум. То есть социально-технологическая культура выводит на первое место религиозную деятельность, затем следуют религиозные отношения, и в завершение идёт религиозное сознание и религиозные организации. Рассмотрим также расстояния: они равны двум между элементами В и А, В и Б, А и Б, Б и Г, но в другом отношении элемент Г (религиозные организации) стоит особняком:

до элементов А (религиозное сознание) и В (религиозные отношения) расстояние равно четырём – вдвое больше! Иными словами, социально-технологическая культура разрывает целостность религии, делает религиозные организации склонными игнорировать религиозное сознание и выражать не религиозные, а какие-то другие отношения.

Поскольку «важнейшим условием эффективности управления является качество организации менеджером деятельности по управлению социальными объектами» [2, с. 11], а одним из социальных объектов является религия, то её влияние заключается в стимуле для появления в рамках «общеменеджерской» социально-технологической культуры её конкретной разновидности, характерной для менеджеров в религиозных объединениях, а также менеджеров публичной власти, которые контактируют с этими объединениями. И это является позитивным фактором эволюции данной культуры, поскольку увеличивает число вариантов действий для менеджера – система управления приобретает большую гибкость.

Завершая наш обзор, хотелось бы отметить, что проблематика взаимосвязи религии и социально-технологической культуры находится на стыке двух сфер жизни человека и общества, обыкновенно считаемых далёкими друг от друга. Междисциплинарное исследование даёт возможность взглянуть по-новому не только на каждый из этих феноменов, но и на весь социум в целом, а также на отдельного человека в частности. Дискуссионным является вопрос о той области математики, которая будет наиболее перспективной в таких исследованиях. Нам представляется, что на текущем уровне понимания, в первую очередь, религии более явными будут результаты, полученные с помощью дискретной математики.

В общих чертах эти результаты таковы. Религия делает социально-технологическую культуру более системной, однако при этом ослабляет её преобразовательную активность, перенося акцент с собственно технологической стороны на ценностно-когнитивную. Социально-технологическая культура влияет на религию иначе: она качественно улучшает религиозную деятельность, но придаёт религиозным организациям тенденцию к выхолащиванию собственно религиозного содержания (собственно религиозная деятельность обретает неорганизационные формы). Для

государственно-религиозного взаимодействия всё вышеперечисленное означает, с одной стороны, что попытки «воцерковления государства» приведут к замедлению и без того небыстрой социально-технологической культуры бюрократии, что в современном весьма динамичном мире может привести к отставанию и в конечном счёте проигрышу в международной

гонке. С другой стороны, введение в религиозных организациях финансовой отчётности по образцу коммерческих организаций или же полная ликвидация категории религиозных групп повлечёт за собой дестабилизацию религиозной ситуации в России, перекрыв легальные возможности для самореализации объективно существующей культовой среды.

Список литературы

1. Алимбекова Ф. Б. Формирование толерантной культуры будущих менеджеров в условиях высшего профессионального образования в сфере государственного и муниципального управления: дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2009. 300 с.
2. Бурмыкина И. В. Социально-технологическая культура менеджера: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 42 с.
3. Валиуллина Ч. Ф. Педагогическое моделирование процесса формирования этической культуры будущих менеджеров организации: дис. ... канд. пед. наук. Казань: Изд-во ТГПУ, 2009. 192 с.
4. Горбатов В. А. Фундаментальные основы дискретной математики. Информационная математика. М.: Наука, 2000. 544 с.
5. Доброхотова Л. Н. Воспитание нравственной культуры студента-менеджера: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. ун-та, 2007. 217 с.
6. Дятченко Л. Я., Бабинцев В. П. Формирование социально-технологической культуры как теоретическая и праксеологическая проблема // Социологические исследования. 2011. № 7.
7. Климова С. М., Мартынова Г. В., Мусолов В. Н. Студенческие поверья и обряды: социологические и культурологические аспекты // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 5.
8. Костина Н. Б., Зборовский Г. Е. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях // Социологические исследования. 2002. № 12.
9. Кофанова Е. Н. Религиозна ли мораль? // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4.
10. Лебедев С. Д. Светская школа и воспроизводство религиозности в секулярном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1.
11. Основы религиоведения: учебник / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Высш. шк., 1994. 368 с.
12. Религиоведение: учеб. пособие. URL: <http://www.ostu.ru/vzido/resurs/osn.religoved/up1.htm> (дата обращения: 19.04.2010).
13. Реутов Н. Н. Социокультурные практики интеграции светского и религиозного образования: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2008. 202 с.
14. Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие // Социологические исследования. 2008. № 8.
15. Элбакян Е. С., Медведко С. В. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социологические исследования. 2001. № 8.
16. Ball P. Morals don't come from God. URL: <http://www.nature.com/news/2010/100208/full/news.2010.55.html> (дата обращения: 19.04.2010).
17. Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of religion in Britain. Vol. 5. 1972.

Статья поступила в редакцию 28.03.2012 г.

УДК 329.63
ББК 66.6

Валерий Григорьевич Зарубин
доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Эстетика политического пространства: опыт социологической реконструкции профессиональной компетентности журналиста

В статье раскрывается эстетическое измерение политического процесса. Показано влияние рыночных отношений, экономического кризиса и концентрации власти на избирательный процесс. Дана характеристика социальным вызовам, с которыми сталкиваются журналисты в процессе профессиональной деятельности. Вызов первый – испытание рынком. Рынок предлагает журналисту быть одновременно и продавцом и товаром. Вызов второй – испытание кризисом. На смену политическим идеалам приходят идеалы заказчиков. Ощущается необходимость поиска новых горизонтов осмысления политического. Возникает потребность в разработке канонических принципов политизированного мышления. Реальность подсказывает контуры нового способа осмысления политики. Наблюдения свидетельствуют, что публичная политика перестаёт быть ареной столкновения полярных социальных сил и превращается в одну из форм искусства. Вызов третий – испытание властью. В этом случае власть становится предметом самооценки. Ареной борьбы оказываются средства массовой информации. В статье выявлена зависимость между стадиями избирательного процесса и профессиональной деятельностью журналистов. Раскрыты профессиональные компетентности журналиста, специализирующегося в области описания избирательного процесса. Дана характеристика профессиональных ролей журналиста-социолога, журналиста-идеолога, журналиста-сенсатора, журналиста-имиджмейкера, журналистов, легитимирующих и делегитимирующих существующий политический порядок.

Ключевые слова: эстетика, политическое пространство, социальный вызов, рынок, кризис, власть, избирательный процесс, цикличность, журналист, компетентность.

Valeriy Grigoryevich Zarubin
Doctor of Sociology, professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Political Space Aesthetics: Experience of Sociological Reconstruction of the Journalist's Professional Competence

The article reveals the aesthetic dimension of the political process. The author shows the influence of market relations, the economic crisis and power concentration on the electoral process and describes the characteristics of the social challenges that journalists face in their professional activity. The first challenge is the market test. The market offers a journalist to be both the seller and the goods. The second challenge is the crisis test. Customers' ideals replace political ideals. There is a need to search for new horizons to comprehend the current political course and to develop the canons of the principles of politicized thinking. Reality dictates new policy thinking contours. Observations suggest that public policy quits being a collision arena for polar social forces and transforms into a form of art. The third challenge is the power test. In this case, power becomes a matter of self-worth. Mass media become the arena of struggle. The paper reveals the relationship between the stages of the electoral process and the journalists' professional activities, and presents the professional competences of the journalists, who specialize in covering election campaigns. The author characterizes the professional roles of a journalist-sociologist, journalist-ideologist, journalist-sensator, journalist-imagemaker and journalists, legitimating and illegitimizing the existing political order.

Keywords: aesthetics, political space, social challenge, market, crisis, power, electoral process, cyclicity, journalist, competence.

Путешествовать в пучине современной политики небезопасно. Обычный человек не в силах совладать с политической реальностью без посторонней помощи. Он стеснён правилами социализации, ограничен статусной определённостью и обречён на выбор в границах ролевого набора. Поэтому без достаточного опыта, без знания маршрута и без ориентиров он может легко сбиться с пути.

Журналист подобен лодчанику. Он, лишённый социальных условностей, будучи участником или свидетелем происходящего, способен проходить через стратификационные барьеры. Он, обладая искусством рассказчика, не только указывает маршрут, но и объясняет обычному человеку смысл маршрута. В результате общения с журналистом стихия экономики, политики и культуры в глазах обычного человека наполняется событиями, обретает чёткость и персонифицируется.

Журналист, отвечая на политические вызовы XXI столетия, стремится овладеть секретами реки времени. Каковы контуры этого пути?

Любое путешествие в социальность имеет свою временную протяжённость. Меняется ли содержание публикаций, отражающих политический процесс? Идёт журналистика в след политической практике или опережает её? При постановке этих вопросов следует учесть, что исторична не только сама социальная реальность, но и символическое пространство её интерпретаций.

Кто задаёт тон в конструировании символического каркаса, легитимирующего власть?

Вызов первый – испытание рынком. Рынок предлагал журналисту быть одновременно и продавцом и товаром, действуя по принципу: «Я такой, какой вам нужен». Это породило у журналиста «рыночный характер». По наблюдению В. И. Кузина, главное для журналиста-рыночника – надлежащее функционирование, при котором преобладает рассудочное манипулятивное мышление. Социальный эгоизм, утилитаризм и прагматизм проявляется в отношении к людям как к вещи и товару. Поскольку личный успех зависит от умения преподнести себя, постольку журналист жизнерадостен, здоров, агрессивен, надёжен, честлюбив, знаком с нужными людьми, а в определённых условиях альтруистичен, добропорядочен, честен [2, с. 26].

Рынок подчинил творческую лабораторию товарному производству. Журналисты,

сами того не желая, тиражировали общепризнанные стереотипы и оценки социальной реальности. Социологический и идеологический образ мышления относится к числу наиболее распространённых стереотипов современной российской журналистики.

Носители социологического мышления акцентировали внимание на социальных инвариантах действий. Ход выборов описывается ими как столкновение полярных социальных сил, оснащенных арсеналом технологических приёмов, целью которых является установление контроля за волеизъявлением избирателей, или выборы превращаются в схватку между законом и криминалом. В данной ситуации журналист стремится быть над схваткой, демонстрируя нейтральность по отношению к различным политическим силам. Журналист предоставляет читателю право на самостоятельную оценку событий.

Распространённым в СМИ являлось и другое направление – идеологический образ осмысления политического. На смену отстранённости и нейтральности приходит позиция, рельефно отражающая предпочтение автора. Идеологический стиль осмысления политического был полемичен, открыт для диалога и вызывал ответную реакцию. Ценность и субъективность – вот его преимущества, и они же – его слабости. Стремление превратить читателя в «соратника по борьбе», мобилизовать его на прямое политическое действие порождает реакцию массового отторжения интереса от социальности и сознательного неучастия граждан в политических акциях.

При всей несхожести социологического и идеологического образа мышления их роднил общий пункт – равнодушие к личности. Политика оказывалась ареной для борьбы безымянных социальных сил: «белых» или «жёлтых» технологий, партий или групп, взаимно отталкивающих друг друга интересов. Ход рассуждений, обезличивающий события, является характерным для начальной стадии избирательной кампании.

Результат такой стратегии очевиден: живого диалога с собеседником (читателем, радиослушателем или телезрителем) не получается. В отсутствие контакта собеседник воспринимал репортажи, очерки, зарисовки скорее как необходимый элемент события, как пропагандистское обеспечение избирательной кампании и не более того. Журналист оказы-

вался олицетворением искусной манипуляции, а обычный человек отказывается оценивать его деятельность как объективное отражение социальности.

На активной стадии избирательной кампании журналист, пытаясь вернуть читателя, превращает политическое событие в сенсацию. Он уходит от классических канонов профессионального мастерства и обретает новое состояние – журналиста-сенсатора. Деятельность сенсатора, по определению И. В. Кузина, «это беспорядочный бег по информационным полям, которые сливаются в одну, пока что сложно определимую смесь. В такой среде исчезает значимость авторства. Автор становится на конвейер, становясь массовым продуктом» [3, с. 35].

Ответная реакция не заставляет себя долго ждать. Со стороны социальности наблюдается эффект сопротивления. Восприятие социальности оказывается неадекватным не только событию, но и ожиданиям участников, жаждущих оценки личного вклада со стороны окружающих. Вместо заинтересованного отношения со стороны социальных групп, которое, по мнению человека, должно существенно дополнить самоощущения, личностные оценки, эмоциональное восприятие, обнаруживалась индифферентность, статичность и отчуждённость со стороны социальных институтов. Пробел, конечно, быстро восполняется. Но это оказалось делом иных цеховых союзов – политологов и историков. Интерпретация, не соответствующая масштабу события и ожиданиям аудитории, породила «тривиальное чтение». В результате социальность ускользала, теряя свою историю.

Вызов второй – испытание кризисом. На смену политическим идеалам приходят идеалы заказчиков. Ощущается необходимость поиска новых горизонтов осмысления политического. Возникает потребность в разработке канонов принципов политизированного мышления. Реальность подсказывает контуры нового способа осмысления политики. Наблюдения свидетельствовали, что публичная политика перестаёт быть ареной столкновения полярных социальных сил и превращается в одну из форм искусства.

На стадии дискуссии в избирательной кампании открытая площадка, сцена или эфир становится пространством свободы для исполнителя. Свидетелем акта вдохновения оказывается массовая аудитория. Публичный политик

нуждается в зрителе так же, как и любой виртуозный исполнитель. Его заботит не столько констатация («я существую, я здесь»), сколько интрига сценического действия: «я – изображение, я узнаваем – смотри». Эстетическое восприятие политики открывает один из вариантов обогащения творческой лаборатории журналиста. Журналист примеряет на себя роль имиджмейкера. Такое видение открывает перед ним возможность трактовать политику как форму перформативного искусства. Любая избирательная кампания оказывается одним из наиболее вдохновенных воплощений сценической игры.

Как можно было отличить одного политика от другого, если избирательный турнир столь скоротечен? Социальные программы и идеологические установки чаще всего были безлики, скучны и мало различимы. Поэтому вряд ли их изучение оказывало существенную поддержку в журналистском поиске. Сердцевина перформанса – политик. Неотъемлемым качеством политика являлось исполнительское мастерство. Поэтому основное внимание следует уделить оценке его виртуозности. Персона политика-виртуоза выделяется на фоне политиков-статистов на «круглых столах» и в теледебатах. Во время открытых встреч виртуозность политика вызывает чувство единения с публикой или толпой. Любая политическая технология окажется мало результативной, если не найдется исполнитель-виртуоза.

В политическом перформансе результатом являлось политическое действие как таковое, а не какой-то абстрактный, обезличенный продукт. Интерес избирателя-зрителя привлекает творчество политиков-виртуозов. Избирательная кампания превращается в спектакль. Политическое творчество, как разновидность искусства, уникально и неповторимо. Оно создаёт неизведанные области политической реальности. Невозможно повторить, воспроизвести манеру, варианты аргументации и конкретные приёмы ведения избирательной кампании кого-либо из публичных политиков. В этом случае политический успех зависит не от мастерства журналиста, а от виртуозности политика. Журналист довольствовался ролью умелого бутафора или рабочего сцены.

Способность политика к самовыражению вычерчивает смыслообразующую линию. В хаосе политических конфликтов, явных и неявных интересов обнаруживается упорядоченность,

которая помогает избирателю идентифицировать себя с одним из политиков. Подобно тому, как художественное произведение оказывается ценностным ориентиром в мире разъятых смыслов, талант политика способен привлечь ресурсы власти и поддержку граждан, для воссоздания политической стабильности. В этом обнаруживается эффект приращения бытия в политике. Чем ярче исполнительское мастерство политика, тем больше у него шансов на победу. Невыразительность претендента, как участника массовой, может быть восполнена виртуозностью солиста. В первом случае речь идёт о формировании политических лидеров, во втором – о рождении политических коалиций. Журналист в данной ситуации вынужден довольствоваться ролью умелого бутафора, суфлёра или рабочего сцены.

В то же время политический перформанс – искусство скоротечное. На пике популярности политика-виртуоза ждёт ошеломляющий успех. Но парадоксальность творчества состоит в том, что на смену одним кумирам приходят другие. Ещё то, что вчера вызывало одобрение и приносило победу на выборах, сегодня может вызвать отторжение и, как следствие, потерю голосов избирателей.

Вызов третий – испытание властью. В этом случае власть становится предметом самооценки. Это происходит не столько потому, что власть открывает доступ к распределению материальных ресурсов, сколько в силу того, что с её помощью утверждается интерпретация определённого социального порядка. Природа политического соперничества такова, что борьба разворачивалась в символической форме – за контроль над теми представлениями о социальном мире, которые имели участники борьбы. Ареной этой борьбы оказываются средства массовой информации.

Значительная часть общих понятий, употребляемых журналистами: класс, нация, народ, интересы класса, интересы народа, интересы государства, демократия, реформа, – имела чёткое символическое содержание. Во многих случаях они играли роль понятий, с помощью которых конструируются окончательные аргументы в пользу той или иной политической позиции. Журналисты употребляли эти понятия в смысле символа или пограничного знака, отделяя «своих» от «чужих». Интерпретация понятий является неотъемлемым свойством информационных войн.

Вряд ли информационные войны, развёрнутые на ОРТ, телеканале «Россия», НТВ или телеканале «Дождь», можно объяснить с позиций повседневных журналистских практик. Информационные войны можно понять, лишь преодолев монополию субъекта, претендующего в воображении журналиста на роль смыслового каркаса. В противном случае эта монополия привела бы к рутинизации творческой лаборатории. И оказалось, что действия политических групп, их борьба и сферы влияния, конфликтные и коалиционные ожидания интерпретируются не иначе, как социальная вторичность. Участникам информационных баталий в данной вторичности отводилась в лучшем случае роль статистов, артикулирующих интересы социальных сил, или того хуже, регуляторов, которые, будто эхо, повторяют объективный ход событий.

Изжить привычку к упрощению можно только в том случае, если пару «объект – субъект» преобразовать в своём сознании в иной смысловой конструкт – «агент политических отношений». Устоявшиеся понятия обретают иной смысл. Журналист исходит из того, что герой его публикаций – управляемая система; сам же он, подчиняясь определённым правилам игры, осуществляет целенаправленную политическую практику.

Агенты не являются отлаженными, как часы, автоматами. Агенты реализуют информационные стратегии. Стратегии – это своеобразные системные практики. Суть их состоит в том, что восприятие социального мира является следствием двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано, поскольку свойства, которыми наделены журналисты, предстают в сочетаниях, имеют неравную вероятность. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что восприятие и оценивание политических событий, в особенности тех, что отражены в статьях, очерках, оказываются знаками символической власти. Оба эти механизма участвуют в производстве социального порядка, создавая мир здравого смысла или минимум консенсуса по поводу социального и политического устройства. Если среди политических сил доминирует согласие, то в социальном пространстве царит информационный мир, если – конфликт, то возникает информационная война.

Какими ресурсами обладал журналист на полях информационной войны, которая разворачивается на завершающей стадии избирательной кампании?

Информационное поле является полем властных взаимодействий. В его рамках происходит движение «капиталов», которыми обладают журналисты. Материальные ресурсы (финансы, оборудование, информационная и рекламная сети) составляют «экономический капитал». Идеальные ресурсы (престиж, влияние, опыт) относятся к «символическому капиталу».

Журналисты, обладая материальными и идеальными ресурсами, противодействовали друг другу. В процессе противодействия выявлялось соотношение сил. Объективное соотношение сил воспроизводится в видении социального мира. Тот, кто обладал перевесом сил, получал право на создание символического порядка. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира журналист располагал возможностями, пропорциональными его влиянию в профессиональной среде, и признанием среди читателей и телезрителей.

Границы информационного пространства определялись движением капиталов, специфическим для каждого отдельного поля. В каждом из этих пространств был свой состав агентов. В процессе информационной войны подвижными оказываются не только границы информационного поля, но и сами правила, по которым ведётся война.

Способность господствовать в информационном пространстве заключалась в умении присваивать материальные и символические прибыли. К числу таких прибылей относится право на формирование символического порядка. Как только эта прибыль была получена, она превратилась в руках журналиста в капитал. Тот, кто стал обладателем капитала, получил дополнительный шанс на победу.

Журналист, одержавший победу в информационной войне, обладал монополией на интерпретацию позиции официальной власти, контролировал продукты прошлого творческого труда, оформлял юридическое право на владение символическим капиталом. Основная же цель победы состояла в определении правил будущих стратегий в политической игре.

Разрушительная сила войны создала иллюзию, что социальные правила можно не только изменять, но и ломать. «В стране сло-

жилась такая расстановка сил, при которой журналисты считают, что им дано произвольно направлять потоки информации и тем самым осуществлять контроль над состоянием умов, гражданским выбором соотечественников и в конечном счёте над политическими процессами. Они мыслят и действуют не столько вместе с обществом, сколько вместо него», – отмечает С. Г. Корконосенко [1, с. 4].

Журналист, охваченный синдромом победителя, уже не ограничивается ролью стороннего наблюдателя или обличителя, а предстаёт в новых одеждах. В одних обстоятельствах он оказывался медиамагом и подобно античному герою вёл нескончаемую битву с реально действующими политическими циклопами и медузами. В других обстоятельствах он представлял медиакратом и силой слова усмирал страсти и пороки власть предержащих. Но и в том и в другом случае журналист противостоял хаосу, олицетворяя собой истинный закон и порядок и считая себя воителем-демиургом. В результате между журналистом и политической реальностью возникает пространство внесоциального контроля. Предназначение медиамагов и медиакратов состоит в делегитимации прежних политических устоев и в создании условий для узаконенного нового политического порядка.

Финальная сцена политического действия завершается победой одного из действующих лиц. А на опустевшей сцене затевается следующий спектакль: подыскиваются новые пьесы, исполнители и статисты. Иными словами, эстетическая составляющая политики обнаруживает цикличность, которая свойственна профессии журналиста, специализирующегося в области освещения избирательных кампаний.

На начальной стадии избирательной кампании компетентность журналиста включает умение быть или журналистом-социологом, который стремится объективно отражать начальную стадию избирательного процесса и предоставляет читателю право на самостоятельную оценку событий; или журналистом-идеологом, который пропагандирует идеи конкретных политических групп и мобилизует сторонников.

На стадии, когда все участники избирательной кампании определены, компетентность журналиста предполагает превращение в журналиста-сенсатора, который любое со-

бытие обращает в политическую сенсацию, искусственно формируя повышенный интерес к избирательному процессу.

В активной фазе избирательного процесса востребована компетентность журналиста-имиджмейкера. От него требуется умение создать образ, в котором политик-виртуоз, запомнится избирателю.

На завершающей стадии избирательной кампании, когда развёртываются информационные войны, востребована компетентность, обеспечивающая легитимацию/делегитимацию существующего порядка. Это ведёт к тому, что журналисты превращаются либо в медиомахов, либо медиократов. Таковы стадии профессионального цикла в политической журналистике.

Список литературы

1. Корконосенко С. Г. Российская журналистика: от кризиса к отмиранию // Журналистика и социология – 98. Журналистика в условиях общественного кризиса / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 3–4.
2. Кузин В. И. Формирование «рыночного характера» у журналистов российских СМИ // Журналистика и социология – 97. Журналист: личность, должность и долг / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 25–33.
3. Кузин И. В. Сенсатор – новый тип журналиста в информационном обществе // Журналистика и социология – 97. Журналист: личность, должность и долг / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 33–41.

Статья поступила в редакцию 05.02.2012 г.

Алла Владимировна Ковалёва

доктор социологических наук, доцент,

*Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru*

Социальная реклама как объект социологического анализа

В статье представлены основные положения социологической концепции социальной рекламы: обозначена сущность социальной рекламы и её признаки; сформулировано научное определение; охарактеризована цель, задачи, раскрыты функции; представлены методологические и организационно-технологические принципы развития социальной рекламы; определены направления её модернизации в современной России.

Ключевые слова: социальная реклама, признаки социальной рекламы, цели и задачи социальной рекламы, функции социальной рекламы, принципы социальной рекламы.

Alla Vladimirovna Kovalyova

Doctor of Sociology, associate professor,

Gorno-Altai State University

(Gorno-Altai, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru

Social Advertising as an Object of Sociological Analysis

The article presents the main provisions of the sociological concept of social advertising, considers the essence of social advertising and its features and gives its scientific definition. It describes the purpose, objectives and functions, presents methodological, organizational and technological principles of social advertising and identifies the areas of its modernization in Russia.

Keywords: social advertising, social advertising features, aims and objectives of social advertising, social advertising functions, principles of social advertising.

В настоящее время в России особое внимание уделяется вопросам места и роли социальной рекламы в жизни общества. Необходимость решения социальных проблем в стране повышает значимость данного вида рекламы и ставит задачи её дальнейшего развития. Не вызывает сомнения тот факт, что социальная реклама обладает существенным потенциалом в плане массовой профилактики и предложения путей решения социальных проблем, гармонизации социальных сил индивидов, социальных отношений и социального пространства в целом.

Социальная реклама стала важным объектом исследования в социологии, свидетельством чего является рост научных публикаций по данной проблематике. Социологический анализ функционирования и развития социальной рекламы в российском обществе XX–XXI вв. позволяет разработать её концептуальную модель.

В рамках нормативно-правового подхода в Федеральном законе РФ «О рекламе» от

18 июля 1995 г. сформулировано следующее определение: «Социальная реклама представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей» [8]. В отечественной научной литературе представлены различные точки зрения на смысл понятия «социальная реклама» [3; 4; 9; 10]. Общим недостатком указанных определений является размытость, нечёткость признаков «социального» в данном типе рекламы. Социальная реклама преимущественно рассматривается лишь в пространстве рекламы, а не в социальном пространстве в целом.

В анализе социальной рекламы в контексте социологического знания принципиально важным моментом является раскрытие сущности и содержания «социального». Понятие «социальное» широко используется в теоретических построениях социогуманитарного знания и в практической деятельности общественно-политических структур. Общеизвестными являются такие трактовки содержания социального, как:

– «Особый тип, форма регуляции поведения на основе опережающего прогноза поведения окружающих (в том числе по отношению к самому субъекту действия), который возможен благодаря взаимным обязательствам, договоренностям» [6, с. 102].

– «Совокупность общественных отношений данного общества, интегрированная в процессе совместной деятельности (взаимодействия) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени» [7, с. 85].

– «Общественное выступает как способ развития природного в человеке, а не как противостоящее природному (даже доминирующее) качество» [1, с. 120].

– «социальное – это способ удовлетворения индивидами своих потребностей посредством распространения ими своей воли всеми формами насилия по отношению к другим людям в интересах достижения личных или коллективных целей в процессе совместной деятельности под общим руководством и по единым правилам поведения» [2, с. 33].

Традиционно в социальном знании специфика социального определяется рядом таких признаков, как: наличие взаимного положения индивидов и групп, которое зависит от экономических и политических отношений в обществе, занимаемого места и выполняемой роли индивидов и групп в различных структурах общества; наличие общих черт, присущих различным группам индивидов, являющихся результатом выполнения ими определённых норм; рефлекторным отношением различных индивидов друг к другу, к своему положению в обществе; наличие результата совместной деятельности индивида и групп. Обозначим признаки «социального», которые являются ключевыми в отношении социальной рекламы: любое социальное действие детерминировано актуальными потребностями индивидов, социальных групп, социальных институтов в совместной целенаправленной деятельности, вызванной необходимостью снятия противоречий между внутренней и внешней средой; деятельность, результатом которой является формирование важнейших для общества тенденций и качеств в процессе взаимодействия различных социальных структур и социальных групп.

Сущность социальной рекламы заключается в том, что она:

– привлекает внимание к актуальным проблемам общества;

– является инструментом по профилактике общественных проблем;

– предлагает пути решения социальных проблем;

– формирует ценности, мировоззрение и социально одобряемые поведенческие модели аудитории;

– выступает инструментом государственной социальной и информационной политики.

С позиций социологического витализма социальную рекламу в широком смысле можно определить как социальную технологию, направленную на гармонизацию социального пространства и социальных отношений, на информирование населения об актуальных общественных проблемах, их профилактику и решение, а также выработку новых социальных ценностей и социально одобряемых поведенческих моделей [5, с. 24].

Основными признаками социальной рекламы как технологии следует считать: наличие образа общественно значимой цели; использование научных знаний для предварительной разработки социальных рекламных проектов; наличие совокупности операций для осуществления деятельности (как известно, рекламная кампания состоит из ряда этапов, методов и процедур); учёт национально-культурных особенностей содержания социального рекламного послания и учёт специфики области, в которой осуществляется деятельность.

Процесс функционирования и развития социальной рекламы включает в себя следующие этапы: формирование условий и факторов развития социальной рекламы; собственно процесс возникновения и развития; разработка технологий социальной рекламы и их модернизация, которые обусловлены спецификой проблемы и целевой аудитории, масштабом воздействия, конкретно-историческими, национально-культурными, региональными и другими условиями.

В рамках социологического анализа социальной рекламы принципиально важным является вопрос определения её субъектов. В современной России основными субъектами социальной рекламы является государство (государственные институты и структуры) и некоммерческие организации.

Для более чёткого понимания роли социальной рекламы в процессах общественной жизнедеятельности обозначим её цели, задачи, функции, объект и предмет.

С нашей точки зрения, целью социальной рекламы является гармонизация социального пространства и социальных отношений в обществе посредством формирования социально одобряемых моделей поведения и адекватной системы ценностей.

Проблематика, освещаемая в социальной рекламе, определяет в каждом конкретном случае её объект, в качестве которого могут выступать:

– тенденции развития общества (перемены в обществе, бизнес, финансы, страхование, здравоохранение, образование, выплата налогов, планирование семьи, молодёжь XXI в. и общечеловеческие ценности и т. д.);

– проблемы достижения равных прав и социальных гарантий (права женщин, пожилых людей, профилактика семейного насилия, толерантное отношение к инвалидам, развитие системы социального страхования);

– экологические проблемы;

– проблемы борьбы с различного рода угрозами (например, экономические – низкий уровень жизни и угроза его дальнейшего снижения); геополитические – потеря могущества и влияния; государственные – неспособность власти эффективно управлять страной; духовные – отсутствие национальной объединительной идеи, общепризнанных ценностей;

– проблемы сохранения ценностей традиционных и формирования новых;

– социальная психотерапия, которая используется в случае, когда массовыми являются определённые негативные эмоциональные состояния и чувства;

– призывы к созиданию, которые основываются на стремлениях достижения социальных и индивидуальных идеалов;

– проблемы активизации комплекса моральных переживаний человека, основанных на его понимании (ощущении) своей ответственности перед обществом;

– безопасность жизнедеятельности города (экология города, профилактика преступности, дорожно-транспортные проблемы, развитие городской инфраструктуры, проблемы бездомных и беженцев, борьба с мусором и т. д.).

В качестве предмета социальной рекламы рассматривается идея, которая обладает определённой социальной ценностью и доносится до целевой аудитории: общества в целом, отдельных социальных групп и индивидов.

Укажем основные функции социальной рекламы:

1. Информационная функция заключается в привлечении внимания к актуальным социальным проблемам; информировании о способах их решения и профилактики, а также о деятельности некоммерческих организаций (НКО) или государственных структур и предоставляемых ими социальных услугах.

2. Идеологическая функция, сущность которой заключается, во-первых, в возможности формирования посредством социальной рекламы нового имиджа России, задания морально-этических норм общества, формирования позиции «гражданской ответственности» и привлечения граждан к участию в социальной жизни. Во-вторых, с помощью социальной рекламы возможно создание положительного имиджа конкретных ведомств и преодоление отрицательного образа некоторых государственных организаций в глазах общественности.

3. Социоинтегративная функция проявляется в обеспечении стабильности современных общественных систем. Именно благодаря воздействию на ценностные ориентации людей, нормы их поведения, социальная реклама способствует функционированию других общественных институтов и стабильности общественной системы в целом. Социоинтегративная функция социальной рекламы может быть осуществлена на разных уровнях. На макроуровне посредством поддержания общности социальных ценностей населения и формирования образа «новой России» возможно объединение всего российского общества и стабилизация общественных настроений. На микроуровне осуществление интегративной функции предполагает консолидацию усилий социальных учреждений в решении социальных проблем, формировании каналов «обратной связи» между социальными организациями и их клиентами.

4. Воспитательная функция социальной рекламы тесно связана с социоинтегративной и включает процесс социализации, который невозможен без формирования ценностного компонента личности, создания социально одобряемых поведенческих установок (например, отказ от курения, алкоголя и другие элементы здорового образа жизни).

Целевой аудиторией социальной рекламы может являться: общество в целом (в том случае, когда затрагиваются глобальные, общечеловеческие проблемы); отдельные социальные общности (затрагиваются национальные, куль-

турные, региональные проблемы) и социальные группы (привлекается внимание к проблемам, свойственным именно данным группам).

Исходя из вышеизложенного, в рамках социологического подхода современную социальную рекламу конца XX – начала XXI в. можно классифицировать по следующим основаниям:

- субъект социальной рекламы (реклама деятельности государственных институтов, некоммерческих организаций, социально ориентированных бизнес-организаций);

- объект социальной рекламы – то, что рекламируется (ценности – например, общечеловеческие, культурные, религиозные, патриотические, семейные, индивидуальные и т. д.; социально одобряемые модели поведения – например, здоровый образ жизни, уважение к старшим, соблюдение чистоты и порядка);

- цель социальной рекламы (профилактика, информирование, предложение способов решения проблемы, формирование и закрепление социально одобряемых моделей поведения);

- масштаб деятельности социальной рекламы (глобальный, национальный, региональный, муниципальный);

- концентрация на целевой аудитории (избирательная – адресованная определенной социальной группе и массовая – направленная на широкие слои населения);

- характер воздействия социальной рекламы (рациональная – обращается к разуму представителей целевой аудитории и приводит аргументы; эмоциональная – обращается к их чувствам, эмоциям, переживаниям);

- форма социальной рекламы (статья, объявление, лозунг, призыв, заповедь, афоризм и т. д.).

Таким образом, цель социальной рекламы, её функции, используемая мотивация и носители направлены на создание и закрепление в сознании людей норм и правил поведения, способствующих воспроизводству и совершенствованию жизненных сил человека и социума, а также формированию гармоничного социального пространства.

Воздействие социальной рекламы на каждого конкретного индивида, социальную группу позволяет создать синергетический эффект, приводящий к решению и профилактике существующих социальных проблем. В связи с вышесказанным представляется важным выявление критериев эффективности данного вида

рекламы. Однако измерение эффекта социальной рекламы сопряжено с рядом сложностей. Главный показатель оценки результатов социальной рекламы – социальный эффект – подразумевает определённую пользу для общества или отдельных социальных групп. Если коммерческая реклама стремится в первую очередь побудить потребителя совершить какое-либо действие (чаще всего – приобрести какой-либо товар, воспользоваться услугой), то цель социальной рекламы – изменение отношения общественности к социальной проблеме, а в долгосрочной перспективе – создание новых социальных ценностей и поведенческих моделей. Поэтому и эффект от применения социальной рекламы практически никогда не бывает быстрым, так как формирование новых установок, изменение отношения общества – долгосрочные процессы, значительно отстранённые во времени от начала рекламной кампании. Кроме того, важно учитывать и огромное количество внешних факторов, так или иначе влияющих на определённый социальный показатель.

Эффективность социальной рекламы во многом зависит от правильной постановки задачи. Часто повторяющиеся темы «затираются» и просто не привлекают к себе внимания. Но специфика социальной рекламы такова, что её тематика зачастую повторяется из года в год, отражая вечные проблемы человечества (проблемы загрязнения окружающей среды, борьба с наркотиками, предотвращение ВИЧ и т. д.). Поэтому необходимо заставить людей по-новому взглянуть на существующие проблемы, показать их с иной стороны, а для этого нужно применять новаторский подход.

Эффективность социальной рекламы в значительной мере зависит как от компетентности рекламодателя, так и от профессионализма рекламоизготовителя. Следует отметить, что требования при создании социальной рекламы должны быть жёстче, чем при разработке рекламы коммерческой, поскольку цена ошибки в данном случае может оказаться слишком высокой. Опосредованную оценку эффективности социальной рекламы можно проводить проверяя её на соответствие требованиям, которые обозначены теоретиками и практиками рекламной деятельности. Достаточно прозрачной оценка эффективности социальной рекламы может быть в том случае, если виден резкий сдвиг социального явления, на которое направлялась рекламная деятельность, в лучшую

сторону, и при этом не замечено другого благоприятствующего этому фактора. Однако чаще всего социальная реклама тесно переплетается с другими факторами, оказывающими влияние на какое-либо явление. В таком случае оптимальным решением будет проведение опроса населения о том, какое влияние на них имеет определённая рекламная кампания и имеет ли вообще, т. е. по сути, определяется информационная эффективность.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем ряд принципов современной социальной рекламы, которые составляют основу социологической концепции современной социальной рекламы:

1. Принцип социологического сопровождения организации, разработки, размещения и оценки эффективности социальной рекламы.
2. Принцип корректности социальной рекламы, который подразумевает её соответствие законодательству о рекламе, принятым в обществе нормам гуманности и морали.
3. Принцип социальной и психологической безопасности, в силу которого социальная

реклама не должна провоцировать социальные конфликты в обществе, психогенные нарушения поведения, общения и сознания и т. д.

4. Принцип культуроцентричности, который предполагает учёт роли существующей социальной культуры в достижении целей социальной рекламы.

5. Принцип управления качеством, который предполагает разработку специальной концепции и реализуется на производственном, технологическом и управленческом уровне.

Среди основных направлений модернизации социальной рекламы в современной России можно обозначить такие, как: активизация деятельности ключевого субъекта – государства (в его лице – представителей законодательной и исполнительной власти) и разработка научно обоснованной государственной концепции развития социальной рекламы; совершенствование нормативно-правовой базы, основанное на результатах научного анализа проблемы; формирование эффективных технологий разработки и размещения социальной рекламы и обеспечение благоприятных условий для их реализации.

Список литературы

1. Абульханова–Славская К. А. Диалектика природного и общественного как методологический принцип наук об индивиде // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 120
2. Бобров В. В. Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 230 с.; Студцентр, 1996. 224 с.
3. Голота И. Вопросы государственного регулирования социальной рекламы. URL: <http://frpg.org.ua> (дата обращения: 14.12.2011).
4. Жаров С. Понятие социальной рекламы URL: <http://www.socreklama.ru> (дата обращения: 14.11.2011).
5. Ковалева А. В. Социальная реклама в России: состояние, проблемы и решения: монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 171 с. : ил.
6. Общая социология: учеб. пособ. / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА–М, 2002. С. 102
7. Осипов Г. В. Социология. Основы общей теории : учеб. пособ. / Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичёв, А. В. Кабыща [и др.]. М.: Аспект Пресс, 1996. 460 с.
8. О рекламе: Федеральный закон Российской Федерации № 108–ФЗ (в ред. Федерального закона от 13.03.2006 № 38–ФЗ), статья 3.
9. Федотова Л. Н. Социология рекламной деятельности : учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Реклама». М.: Гардарики, 2002. 270 с.
10. Феофанов О. А. Реклама: новые технологии в России : учеб. пособие для подгот. профессион. в сфере рекламы. М.; Питер, 2004. 376 с.

Статья поступила в редакцию 11.02.2012 г.

Оксана Анатольевна Лановенко
Приазовский государственный технический университет
(Мариуполь, Украина), e-mail: Lanovenk@mail.ru

Социально-экономическое положение и потребность молодёжи в специальных социальных услугах в условиях промышленного города

Молодые люди являются основным носителем интеллектуального потенциала общества, источником пополнения трудовых ресурсов, поэтому они потенциально профессионально мобильными и социально активны. Необходимость обеспечения достойных условий для развития и жизнедеятельности молодых людей имеет огромное значение для дальнейшего успешного развития общества. Поэтому важным является изучение социально-экономического самочувствия современной украинской молодёжи, в первую очередь на местном уровне. В статье были рассмотрены следующие аспекты проблемы: сущность и содержание понятия «специальные социальные услуги»; социально-экономическое положение молодёжи в промышленном городе; потребности молодёжи промышленного города в специальных социальных услугах. Было проведено и проанализировано социологическое исследование, результаты которого стали основой для написания данной статьи. По данным социологического исследования, большая часть молодёжи находится в сложной жизненной ситуации и нуждается в повышенном внимании со стороны городских властей. Низким является уровень удовлетворённости молодёжи различными аспектами своей жизни, в том числе и уровнем реализации молодёжной политики в городе. Наиболее нестабильное положение у лиц в возрасте 15–19 и 30–35 лет. В связи с этим необходимо пересмотр основных направлений реализации молодёжной политики на местном уровне с учетом потребностей и интересов всех возрастных категорий молодёжи, что будет способствовать повышению их уровня социальной защищённости и уменьшению рисков социальной уязвимости для этой категории населения. Материалы исследования должны быть использованы, прежде всего, при разработке городской комплексной программы социальной защиты молодёжи, что позволит оказать своевременную и эффективную помощь молодым людям.

Ключевые слова: молодёжь, социально-уязвимые группы населения, специальные социальные услуги.

Oksana Anatolyevna Lanovenko
Pryazovsky State Technical University
(Mariupol, Ukraine), e-mail: Lanovenk@mail.ru

Socio-economic Situation and Young People's Need in Special Social Services in Industrial Cities

Young people are the main intellectual potential of society, the source of new labor force that's why they are potentially professionally mobile and socially active. The need to ensure decent conditions for the development and well-being of young people is of paramount importance for further successful development of society. Therefore, it is important to study the socio-economic well-being of the modern Ukrainian youth, primarily at the local level. The article focuses on the following aspects: the essence and the contents of the concept of special social services, the socio-economic status of young people in the industrial city and their needs in special social services in the industrial city. The results of a sociological research conducted by the author make up the basis of this paper. According to the survey, most young people are in difficult circumstances and in need of increased attention of the city authorities. The author emphasizes a low level of young people's satisfaction with various aspects of their life, including the level of youth policy implementation in the city. The most unstable situation is for those who are 15-19 and 30-35. In this regard, it is necessary to reform the basic ways of realizing youth policy at the local level to meet the needs and interests of all age categories of young people. That will enhance their level of social protection and decrease the risk of their social vulnerability. The results of this research should be used, first of all, in the development of a complex program of youth social protection and provide timely and effective assistance to young people.

Keywords: youth, socially vulnerable population groups, special social services.

Молодёжь рассматривается как специфическая социально-демографическая группа, которая имеет определённые биологические, физиологические и социально-психологические особенности, своё мировоззрение и систему ценностей, а также является основным носителем интеллектуального потенциала общества, источником пополнения трудовых ресурсов. Однако в последнее время важной проблемой является повышение социальной уязвимости молодёжи к имеющимся объективным (сложная социально-экономическая ситуация в стране, становление рыночной экономики, распространение бедности, безработица, малообеспеченность, снижение уровня жизни и т. д.) и субъективным (плохое состояние здоровья, отсутствие опыта работы, необходимого уровня образования и т. д.) рискам. Это приводит к увеличению социально-уязвимых категорий молодёжи, которые испытывают трудности в социальном функционировании и нуждаются в социальной защите.

Одной из форм социальной защиты таких граждан является организация социального обслуживания и оказание различных видов социальных услуг в рамках специализированных социальных учреждений и организаций (социальных служб). Это обуславливает возрастающую потребность в повышении качества и увеличении количества социальных услуг, соответствующих современному состоянию общественного развития, а также потребностям и интересам получателей. Поэтому особую актуальность приобретает рассмотрение социально-экономического положения молодёжи, её потребностей и интересов для оказания своевременной помощи на местном уровне.

В современной научной литературе уделяется достаточное внимание изучению отдельных аспектов данной проблемы. В частности, проблемы социально-уязвимых категорий населения и пути их решения рассматриваются в работах таких учёных, как С. И. Григорьев [6], Л. Г. Гусякова [6], А. И. Андрищенко [1], Е. И. Холостова [13], Ю. А. Калинина [7], А. М. Мингазова [11] и др. Особенности молодёжи как социально-демографической группы, взаимосвязь социально-экономического самочувствия молодых людей и их трудовой занятости, а также их специфические проблемы и ценностные ориентации рассмотрены в работах И. С. Кона [8], Ф. В. Герасимчука [3], В. А. Головенько [4], И. О. Курило [9], И. Мартынюк [10] и др.

В то же время, при наличии значительного количества исследований, практически отсутствуют работы, посвящённые специальному анализу потребностей молодёжи в социальных услугах в условиях промышленного города. В связи с этим **целью** данной статьи является исследование социально-экономического положения молодёжи в промышленном городе, а также выявление их потребности в социальных услугах. **Задачи** данной статьи: 1) определение сущности и содержания понятия «специальные социальные услуги»; 2) социологический анализ социально-экономического положения молодёжи в условиях промышленного города; 3) выявление потребности молодёжи промышленного города в специальных социальных услугах.

Под социальными понимаются услуги, которые предоставляются в социальной сфере и связаны с удовлетворением потребностей социальных групп и отдельных лиц, занимающих разные социальные позиции в обществе, вследствие чего отличаются по уровню и качеству жизни, размерам доходов, специфике потребления товаров и услуг и т. д. Основная цель предоставления социальных услуг в социальной сфере – выравнивание уровня и качества жизни различных слоёв населения для обеспечения их социального воспроизводства как субъектов жизнедеятельности.

Необходимо выделить общие и специальные социальные услуги:

– общие социальные услуги – это полезная деятельность, направленная на удовлетворение социальных потребностей всего населения. К общим социальным услугам относятся услуги здравоохранения, образования, науки, физической культуры, спорта, а также санаторно-курортные, оздоровительные и другие услуги;

– специальные социальные услуги – мероприятия, призванные удовлетворять социальные потребности отдельных социально уязвимых групп населения, в условиях специально созданных социальных организаций или специализированных социальных служб.

Итак, услуги в социальной сфере направлены на удовлетворение потребностей лиц, которые или имеют трудности в социальном функционировании и относятся к социально-уязвимым группам населения (специальные социальные услуги), или не имеют трудностей, но нуждаются в восстановлении или поддержке своих жизненных сил (общие социальные

услуги – здравоохранение, образование, культура и т. д.). Необходимость такого подхода к социальным услугам вызвана тем, что люди, занимая различные позиции в конкретных общественных структурах, под влиянием сложных социально-экономических условий или при наличии субъективных ограничений жизнедеятельности могут попасть в сложную жизненную ситуацию. При этом представители социально-уязвимых групп отличаются мерой социальной исключённости и дезадаптированности и в связи с этим нуждаются либо в социальной поддержке, либо в социальной помощи.

Специальные социальные услуги предоставляются в рамках различных государственных и негосударственных организаций, учреждений, социальных служб. Социальная и личностная значимость специальных социальных услуг определяется в процессе их потребления, которое реализуется в ходе социального взаимодействия поставщика и потребителя услуги.

Потребности населения в специальных социальных услугах и возможность их удовлетворения в каждой отдельной стране зависит от природно-географических, экономических, демографических, экологических, политических, социально-культурных и исторических условий развития конкретного региона или определённой административной единицы (области, района, города). Поэтому огромное значение приобретает именно региональный аспект анализа проблемы.

Город рассматривается как определённая историческая и социально-пространственная форма существования сообществ, которой свойственны такие специфические черты: концентрация большого количества людей и высокая плотность населения на ограниченной территории; сосредоточенность промышленности, науки, искусства, информации; ведущая роль в социальном прогрессе; высокий уровень интеграции многогранных видов человеческой деятельности вследствие концентрации различных отраслей общественного производства [5]. По количеству жителей выделяют такие типы городов: крупнейшие (свыше 1 млн жителей); очень большие (от 500 тыс. до 1 млн); большие (250–500 тыс.); средние (100–250 тыс.); небольшие (50–100 тыс.); малые (20–50 тыс.); наименьшие (до 20 тыс. жителей); городские поселки [5].

В Украине статус города имеют 454 населенных пункта. В соответствии с данными

Всеукраинской переписи населения, в декабре 2001 года в Украине было 100 городов с численностью населения, которое превышает 50 тыс. чел. Среди общего числа городов 37 – города с численностью населения 100–500 тыс. чел.; 9 городов насчитывали свыше полумиллиона жителей, а в 5 из них количество населения превышало миллион человек. Это Киев (2,6 млн чел.), Харьков (1,47 млн чел.), Днепропетровск (1,064 млн чел.), Одесса (1,029 млн чел.) и Донецк (1,016 млн чел.) [2].

Кроме того, город имеет свою специфику не только по численности населения, но и по функциональным особенностям. Так, на основе градообразующих функций выделяют следующие функциональные группы городов: многофункциональные столичные города; многофункциональные города областных центров; промышленные города; местные организующие и обслуживающие центры окружающих территорий; транспортные города; города – оздоровительные центры; города с преобладающим значением научно-экспериментальных функций и др. [1].

Город Мариуполь находится на юге Донецкой области, на берегу Азовского моря, в устье реки Кальмиус. По численности населения город занимает 10-е место в списке городов Украины (численность населения 519 тыс. чел. в 2001 г.; 492,2 тыс. чел. в 2010 г.; 488,7 тыс. чел. на начало 2011 г.) и считается большим городом. Численность населения составляет 11,0 % от численности населения области [12]. Специфические особенности города: развитая промышленность; региональный курорт; морской торговый порт; сложная экологическая ситуация и т. д. Основу производственного потенциала города составляют 45 промышленных предприятий, относящихся к 8 отраслям экономики. Значительную часть промышленного производства города обеспечивает металлургия и машиностроительство. В промышленности Донецкой области часть Мариуполя составляет 37,5 %, в Украине – около 7 %. Промышленный комплекс Мариуполя обеспечивает поступление в город 87,9 % всего дохода и предоставляет в своих структурных подразделениях рабочие места для 60,1 % населения.

Промышленный комплекс Мариуполя, с одной стороны, позитивно влияет на социально-экономическое развитие города, сферу занятости, реализацию отдельных социальных программ, а с другой стороны – име-

ет свои специфические риски, прежде всего связанные с плохим состоянием окружающей среды и сложной социально-экономической ситуацией, которая только в первой половине 2011 г. начала стабилизироваться.

С целью выявления социально-экономического положения молодёжи и дальнейшей разработки мер для социальной защиты социально уязвимых групп молодёжи на местном уровне автором было организовано и проведено социологическое исследование на тему «Социально-экономическое самочувствие молодёжи города Мариуполя» (2011 г., N = 592). Генеральная совокупность составляла 130 тыс. чел. в возрасте 15–35 лет (согласно данным Главного управления статистики в Донецкой области по состоянию на январь 2011 года). Выборочная совокупность составила 592 чел. (152 человека в возрасте 15–19 лет, 176 чел. 20–24 года, 156 чел. 25–29 лет, 108 чел. 30–35 лет). Из них 48 % мужчин и 52 % женщин. Выборка квотная и воспроизводит структуру генеральной совокупности в виде квот (пропорций) по признакам пола и возраста. В ходе исследования было использовано формализованное интервью как метод получения социологической информации.

По данным социологического исследования, 33 % опрошенных молодых людей имеют высшее образование, 25 % – среднее специальное, 20 % – незаконченное высшее, 19 % – среднее образование, 3 % – неполное среднее образование и 1 % – учёную степень кандидата наук. 49 % опрошенных удовлетворены уровнем своего образования, 22 % – не удовлетворены и 29 % затрудняются с ответом. При этом наибольшее количество неудовлетворённых уровнем своего образования среди лиц возрастной категории 30–35 лет (30 %), наименьшее – среди молодёжи в возрасте 25–29 лет (16 %). Именно в возрастной категории 30–35 лет наименьшее количество лиц, по сравнению с другими возрастными категориями (кроме 15–19 лет), имеет высшее образование (20–24 года – 42 %, 25–29 лет – 51 %, 30–35 лет – 37 %). Также среди лиц 30–35 лет 54 % имеют среднее и среднее специальное образование. Поэтому неудовлетворённость представителей этой категории уровнем своего образования можно связать с отсутствием высшего образования или с пониманием необходимости постоянно повышать уровень своего образования в современных условиях.

41 % респондентов указали, что проживают с мужем (женой). При этом в официальном браке проживают 34 %, в неофициальном – 7 %. 56 % опрошенных не женаты (не замужем), 3 % – разведены. Количество молодых людей, состоящих в браке, с возрастом увеличивается (5 % 15–19 лет; 20 % 20–24 года, 53 % 25–29 лет и 69 % 30–35 лет). Наибольшее количество лиц, находящихся в неофициальном браке, в возрасте 25–29 лет (11 %). 3 % опрошенных в возрасте 15–19 лет также находятся в неофициальном браке. Наибольшее количество разведённых в возрасте 30–35 лет (11 %).

74 % опрошенных ответили, что не имеют детей, 16 % опрошенных имеют одного ребёнка, 9 % – два ребёнка, 1 % – более трёх. Наличие детей также зависит от возраста: 1 % опрошенных в возрасте 15–19 лет, 9 % – в возрасте 20–24 года, 28 % – в возрасте 20–25 лет и 85 % – в возрасте 30–35 лет. При этом 46 % молодых лиц в возрасте 30–35 лет и 6 % – в возрасте 25–29 лет имеют больше одного ребёнка.

33 % опрошенных проживают с отцом, 53 % – с матерью. Большое количество молодых людей в возрасте 15–24 лет проживают в неполной семье, то есть только с матерью или только с отцом (18 % опрошенных). 23 % опрошенных имеют брата (сестру), 12 % проживают с другими членами семьи (отчимом, бабушкой, дядей и т. п.). 6 % опрошенных молодых людей ответили, что проживают одни. Так, наибольшая доля лиц, проживающих самостоятельно, в возрасте 30–35 лет (15 %). 2 % опрошенных имеют инвалидность, 13 % – не имеют инвалидности, но находятся на диспансерном учёте.

По роду занятий 45 % опрошенных учатся в учебных заведениях, 60 % – работают. В возрастных категориях 15–19 и 20–24 года большее количество опрошенных учатся (91 % и 56 % соответственно). Среди лиц в возрасте 25–29 лет учатся 15 %, в возрасте 30–35 лет – 4 %. Доля работающих составляет в возрасте 15–19 лет – 12 %, в возрасте 20–24 года и 25–29 лет по 59 % и в возрасте 30–35 лет – 97 %. Количество лиц, которые не работают и не учатся, примерно одинакова во всех возрастных категориях и составляет 4 %. 22 % опрошенных молодых людей одновременно и работают и учатся, 2 % – учатся на дневном отделении в высших учебных заведениях и работают в свободное от учёбы время. 42 % опрошенных работают более трёх лет, 11 % работают до одного года, 9 % работают 1–3 года.

По специальности работают лишь 29 % опрошенных молодых людей, в возрасте 15–19 лет – 3 %, в возрасте 20–24 лет – 22 %, в возрасте 25–29 лет – 46 %, в возрасте 30–35 лет – 54 %. Удовлетворены своей работой 27 % опрошенных. При этом больше всего удовлетворены своей работой молодые люди в возрасте 30–35 лет. 14 % опрошенных молодых людей считают, что для них есть угроза потерять работу в ближайшее время. На такую угрозу указывают 28 % опрошенных в возрасте 30–35 лет, 17 % опрошенных в возрасте 25–29 лет, 13 % опрошенных в возрасте 20–24 года и 3 % – в возрасте 15–19 лет. 64 % опрошенных считают, что им будет сложно найти новую работу.

39 % опрошенных молодых людей курят, из них 20 % – более 8 сигарет в день. Больше всего курильщиков среди лиц 15–19 лет (43 %), меньше всего – в возрасте 25–29 лет (33 %). Тех, кто не курит каждый день, больше среди лиц 20–24 и 15–19 лет (16 % и 14 % соответственно против 3 % среди лиц 30–35 лет). Во всех возрастных категориях мужчин курит больше, чем женщин.

По данным исследования, 11 % молодых людей регулярно употребляют спиртные слабоалкогольные напитки, 32 % – употребляют несколько раз в год, 29 % – несколько раз в неделю, 17 % – пробовали несколько раз. Крепкие спиртные напитки регулярно употребляют 6 % опрошенных, 37 % молодых людей употребляют несколько раз в год, 13 % – несколько раз в неделю, 20 % – пробовали несколько раз. Наибольшее количество молодых лиц, которые употребляют спиртные слабоалкогольные напитки регулярно и несколько раз в неделю, в возрасте 20–24 и 30–35 лет (по 43 %). Наименьшее – в возрасте 15–19 лет (39 %). Крепкие спиртные напитки регулярно и несколько раз в неделю употребляют 22 % опрошенных лица в возрасте 30–35 лет, по 18 % – в возрасте 15–19 и 20–24 года, 15 % – в возрасте 25–29 лет. Лёгкие наркотики регулярно употребляет 1 % опрошенных. 2 % опрошенных употребляют несколько раз в год, 0,3 % – несколько раз в неделю, 12 % – пробовали несколько раз. Тяжёлые наркотики пробовали несколько раз 2 % опрошенных молодых людей. При этом 25 % опрошенных молодых людей считают допустимым, в зависимости от ситуации, употребление лёгких наркотиков, 5 % – употребление тяжёлых наркотиков, 19 % – злоупотребление спиртными

напитками, 78 % – добровольные половые отношения, 10 % – самоубийство, 20 % – отказ от новорождённого, 78 % – развод, 53 % – аборт.

Лишь 39 % опрошенных отметили, что исключают угрозу заражения ВИЧ/СПИДом: из них 42 % лиц в возрасте 15–19 лет, 47 % лиц в возрасте 20–24 года, 37 % лиц в возрасте 25–29 лет и 24 % лиц в возрасте 30–35 лет. Реальную угрозу заражения отметили 8 % в возрасте 15–19 лет, 5 % 20–24 года, 3 % 25–29 лет и 4 % 30–35 лет.

Почти для всех возрастных категорий наиболее важным является семейное благополучие (3,8 балла по пятибалльной шкале). Только мужчины в возрасте 15–19 лет и женщины в возрасте 25–29 лет на первое место поставили здоровье. Не менее важным является здоровье и для других возрастных категорий (3,7 балла). Также важными респонденты признали материальное благополучие, хорошие отношения с окружающими, личный покой, отсутствие неприятностей, полноценный отдых, интересные развлечения (по 3,5 балла). Наименее важным оказалось участие в деятельности политических партий и в религиозной жизни (по 2,1 балла). Неважным для молодых лиц является участие в деятельности общественных организаций (2,4 балла) и участие в общественной жизни (2,7 балла).

По результатам опроса, молодые люди больше всего не удовлетворены медицинским обслуживанием и уровнем своей социальной защищённости (по 2,5 балла). Также низкий уровень удовлетворённости прослеживается в отношении услуг городских служб (водо-, тепло-, газо-, электроснабжения), уровня материального обеспечения семьи и условий проживания (2,6, 2,7 и 2,9 балла соответственно). Больше всего молодые люди удовлетворены качеством питания членов своей семьи и состоянием своего здоровья (3,3 и 3,0 баллов соответственно). В зависимости от возраста и пола также есть определённые различия. Так, молодые лица в возрасте 30–35 лет, по сравнению с другими возрастными категориями, менее всего удовлетворены различными аспектами своей жизни и особенно уровнем своей социальной защищённости. В то же время молодые люди в возрасте 15–19 лет положительно относятся к различным жизненным неурядицам. Женщины почти во всех возрастных группах в большей степени удовлетворены своей жизнью, чем мужчины. В целом Индекс удовлетворённости молодых людей разными аспектами жизни составляет 2,9 балла (мин. 1,0; макс. 5,0).

52 % опрошенных молодых людей ответили, что им не хватает «порядка в обществе». 47 % респондентов не хватает качественного социального обслуживания. Также молодым людям не хватает возможности полноценно проводить отпуск (каникулы), уверенности в собственном будущем, подходящей работы и хорошего жилья (42 %, 41 %, 37 % и 31 % соответственно). Так, молодым людям в возрасте 15–19 лет больше всего не хватает подходящей работы, порядка в обществе и уверенности в собственном будущем; в возрасте 20–24 года – порядка в обществе, возможности полноценно проводить отпуск (каникулы) и подходящей работы; в возрасте 25–29 лет – порядка в обществе, уверенности в собственном будущем и возможности полноценно проводить отпуск (каникулы); в возрасте 30–35 лет – качественного социального обслуживания, порядка в обществе и возможности полноценно проводить отпуск.

Уровень удовлетворенности молодых лиц экономической и политической ситуацией в стране составляет по 1,6 балла соответственно. 67 % молодых людей ответили, что они или кто-то из членов их семьи пострадал от экономического кризиса в виде невыплаты или выплаты в неполном объёме заработной платы (пенсии) (37 %), сокращения потребления продуктов питания (38 %), потери работы (19 %), роста цен (10 %), сокращения семейного бюджета (9 %), повышения коммунальных платежей (8 %), неспособности погашать кредит (5 %) и др.

Что касается ситуации в городе, больше всего молодые люди не удовлетворены состоянием окружающей среды, работой органов местной власти и местного отделения милиции (1,2; 1,9 и 2,0 балла соответственно), больше всего удовлетворены – санитарным состоянием улиц, парков (2,4 балла). При этом молодые лица связывают плохое состояние своего здоровья со сложной экологической ситуацией (85 % опрошенных). Уровень удовлетворённости реализацией молодёжной политики в городе составляет 2,1 бала. При этом больше всего удовлетворены лица в возрасте 20–24 года (2,3 балла), меньше всего – лица 25–29 лет (1,9 баллов). Женщины во всех возрастных категориях реализацией молодёжной политики удовлетворены больше, чем мужчины. Удовлетворённость работой государственных и негосударственных организаций в городе среди молодых лиц составляет 2,2 и 2,1 балла.

Больше всего молодые лица доверяют церкви (2,9 балла), средствам массовой информации (2,5) и благотворительным фондам, общественным организациям (2,5), меньше всего – местным органам власти (2,0) и политическим партиям (1,8). Уровень доверия профсоюзам и частным предприятиям составляет по 2,2 балла, государственным предприятиям, организациям – 2,1 балла. При этом лица в возрасте 15–19 лет больше всего доверяют средствам массовой информации (2,8 балла), в других возрастных категориях больше всего доверяют церкви (в возрасте 20–24 года 3,0 балла, в возрасте 25–29 лет 2,5 балла, в возрасте 30–35 лет – 3,2 балла).

73 % респондентов считают, что наиболее эффективно их права и интересы могут защитить родственники и друзья, 28 % – правоохранительные и судебные органы, 14 % – влиятельные бизнесмены, политики и депутаты, 12 % – местная власть, 5 % – местные общественные и политические организации, 4 % – центральная власть. При этом 16 % опрошенных считают, что никто, кроме них самих, не сможет защитить их права и интересы.

При этом за последние 12 месяцев примерно 70 % молодых людей нуждались в социальной помощи и различных видах социальных услуг, но обратилось за помощью лишь 12 %. Не обращались в государственные социальные службы по причине недоверия представителям этих организаций, в надежде на свои силы и на близких, из-за отсутствия информации о деятельности организации и т. д. Также очень низкий уровень удовлетворённости деятельностью социальных организаций среди тех, кто обратился за помощью.

Результаты социологического исследования позволили выявить неудовлетворённость современной молодёжи уровнем своей социальной защищённости, а также потребность в качественном и эффективном социальном обслуживании. Большинство опрошенных молодых людей не удовлетворены уровнем реализации молодёжной политики в городе и не доверяют городской власти и государственным социальным организациям. Молодые люди больше доверяют частным и общественным организациям, чем государственным. При этом за последние 12 месяцев большая часть молодых людей нуждалась в социальной помощи и различных видах социальных услуг.

Наиболее нестабильное социально-экономическое положение у лиц в возрасте

15–19 лет, что связано с зависимостью от родителей, отсутствием стабильного дохода, обучением в учебных заведениях. Кроме того, большинство представителей данной возрастной группы проживает в неполных семьях и находится в трудном материальном положении. Следует отметить, что на представителей данной возрастной категории (ученическая и студенческая молодёжь) в основном и направлена молодёжная политика в городе. Но следует также учитывать и то, что нестабильное социально-экономическое положение было выявлено и в возрастной группе 30–35 лет. Именно представители данной группы больше всего не удовлетворены уровнем своего образования, своей работой, жизнью в целом. Именно среди молодёжи данной категории наибольшее количество разведённых и одиноких людей, в том числе и с детьми. Большое количество работающих молодых людей обеспокоено тем, что в ближайшее время могут потерять работу.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Специфика промышленного города заключается, с одной стороны, в наличии

больших возможностей для реализации тех или иных социальных программ, а с другой стороны, в неблагоприятной экологической ситуации, влияющей на состояние здоровья молодых людей. Результаты исследования показали, что молодые жители промышленного города нуждаются не только в общих социальных услугах, но и в специальных, которые позволили бы им улучшить своё социально-экономическое положение, а также снизить уровень влияния объективных и субъективных рисков социальной уязвимости. В связи с этим необходим пересмотр основных направлений реализации молодёжной политики на местном уровне с учётом потребностей и интересов всех возрастных категорий молодёжи, что будет способствовать повышению их уровня социальной защищённости и уменьшению рисков социальной уязвимости для этой категории населения. Материалы исследования должны быть использованы при разработке городской комплексной программы социальной защиты молодёжи, что позволит оказать своевременную и эффективную помощь молодым людям.

Список литературы

1. Андрущенко А. І. Соціальна робота і соціальна політика: сучасний теоретичний дискурс та практична реалізація // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи: Зб. наук. праць. Харків: ХНУ ім В. Н. Каразіна. 2004. № 621. С. 33–37.
2. Всеукраїнський перепис населення. Офіційний сайт Державного комітету статистики. URL: <http://www.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 11.12.2011).
3. Герасимчук Ф. В., Жданова І. А., Костючок М. М. Соціальне самопочуття та настрої української молоді (за результатами соціологічного дослідження) // Збірник наукових праць Державного інституту розвитку сім'ї та молоді (за підсумками 2006 року). Київ: Держ ін.-т розвитку сім'ї та молоді, 2006. С. 64–82.
4. Головенько В. А. Молоде покоління України в алгоритмі суспільних процесів // Український соціум. 2006. № 2. С. 20–34.
5. Городяненко В. Г. Соціологія. Київ: Академія, 2003. 251 с.
6. Григорьев С. И., Гусякова Л. Г. Социология для социальной работы. М., 2002. 164 с.
7. Калинина Ю. А. Социальное обслуживание населения в России на рубеже XX–XIX веков: опыт социологического анализа: дис. ... канд. социол. наук. М.: РГБ, 2005. 173 с.
8. Кон И. С. Социология молодежи // Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 353–354.
9. Курило І. О. Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічні аспекти // Інститут демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України. URL: <http://www.idss.org.ua/stil.html> (дата обращения: 11.12.2011).
10. Мартинюк І. Ставлення молоді до суспільних проблем і перспектив / за ред. В. Ворони, М. Шульги // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. Київ: Інститут соціології НАН України, 2010. С. 373–379.
11. Мингазова А. М. Дети-сироты как социально уязвимая группа населения (на примере юго-восточного региона Республики Татарстан): дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005 217 с. (РГБ ОД, 61:05-22/381).
12. Социально-экономическое положение г. Мариуполя / Официальный сайт Мариупольского городского совета. URL: http://www.marsovet.org.ua/ru/page.php?nv_cat=10&cat_1=22
13. Холостова Е. И. Содержание и эффективность деятельности учреждений социального обслуживания населения. М.: Институт социальной работы, 1997.

Статья поступила в редакцию 11.02.2012 г.

Марина Борисовна Лига

*доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: m-Liga@inbox.ru*

Ирина Анатольевна Щеткина

*кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический факультет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: irinasocio@mail.ru*

Образование как фактор модификации и трансформации социальной структуры, ценностей современного общества¹

В современном социуме жизнедеятельность человека, общества детерминирована в большей степени не экономическими факторами, а факторами социокультурными. Среди них: социальная культура, социальная безопасность, образование, интеллектуальный капитал. Образование, превращаясь в движущую силу развития общества, оказывает влияние на его социальную структуру, формирование постматериалистических ценностей, культурных норм, внутреннего мира человека. Под влиянием образования идёт процесс изменения социальной структуры общества. К одной из тенденций изменения социальной структуры общества можно отнести появление нового типа работника, которого Ф. Махлуп называет «knowledge worker» – «класс интеллектуалов» или класс меритократии. Этому классу присущи такие черты, как высокий уровень образования; наличие творческих способностей, высокое имущественное положение; умение реализовать свои творческие планы и замыслы, стремление к самосовершенствованию и самореализации, способность к воспроизводству, самостоятельность в социальных действиях. Изменяется внутренний мир человека, формируются новые культурные нормы, ценности.

Ключевые слова: социальная структура, качество жизни, ценности, постматериалистические ценности, образование.

Marina Borisovna Liga

*Doctor of Sociology, professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: m-Liga@inbox.ru*

Irina Anatolyevna Shchetkina

*Candidate of Sociology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: irinasocio@mail.ru*

Education as a Modification and Transformation Factor of the Social Structure and Values in Contemporary Society

In modern society, human and societal activity depends largely not on economic but on sociocultural factors. Among them are social culture, social security, education, and intellectual capital. Education, becoming a driving force of social development, influences the social structure, formation of post-materialistic values, cultural norms and man's inner world. Changes in the social structure take place under the influence of education. One of the changes in the social structure is the emergence of a new type of worker, called "knowledge worker", "intellectual class" or "meritocracy class" by F. Machlup. This social class has such characteristics as high educational level, creative abilities, high material level, ability to realize creative plans and ideas, desire for self-improvement and self-fulfillment, ability to reproduce, independence in taking social decisions. Man's inner world is changing, new cultural norms and values are formed.

Keywords: social structure, quality of life, values, post-materialistic values, education.

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634. 2011.

Становление информационно-интеллектуальной экономики, превращение знания в основной ресурс изменило само общество и человека. Человек в этом обществе становится творческой силой и информационным ресурсом общества. Это в свою очередь приводит к изменению отношения общества к образованию. Ориентация современного образования на обучение умению самостоятельно добывать, получать, знания объективно обусловлена обильным потоком информации во всех областях научного знания, усиливающимся противоречием между невиданным развитием знаний и возможностями их получения отдельным человеком. Усвоение же готовых знаний выступает лишь как вспомогательное средство в интеллектуальном развитии человека.

Сегодня образование выполняет своеобразную роль детерминанта происходящих в обществе изменений. Образование, отражая существующие в обществе изменения, становится важнейшим фактором развития цивилизации.

У. Бек, рассматривая влияние образования на социальную структуру, отмечает следующие положения:

1) существенное улучшение материального положения большинства населения стирает грани между представителями разных социальных групп в смысле их возможностей и образа жизни. В принципе, рабочий может ездить на такой же машине и отдыхать на том же курорте, что и владелец его предприятия;

2) материальное благополучие субъективно рассматривается как индивидуальное достижение, даже если на самом деле здесь велика заслуга общества. При этом происходит индивидуализация социальной идентичности и ослабление её стратификационной обусловленности;

3) происходит диверсификация и индивидуализация жизненных форм, обусловленная ростом возможностей социальной мобильности;

4) происходит распад социальной структуры, соответствующей прежним стратификационным моделям. Люди освобождаются от иерархизированных форм и сами выбирают свои жизненные стили [1].

Объяснение явлению социального расслоения общества дал в теории социальной стратификации П. Сорокин [9]. К числу основных критериев распределения групп по социальным уровням он относил профессию, матери-

альную обеспеченность, уровень образования, признание и уважение в обществе, доступ к власти. Согласно П. Сорокину, человек, имеющий более престижную профессию, занимает более высокую социальную ступень. Выбор престижной профессии зависит от материальной обеспеченности. Более престижная профессия требует и определённых способностей, умений, которыми обладает не каждый член общества. Это определяет и то, что человек, имеющий престижную профессию, оказывается более богатым. Престиж профессии зависит от уровня образования, его состояния. Человек, имеющий хорошее образование, престижную профессию, становится уважаемым в обществе. Уважение и признание обеспечивают ему доступ к власти, а стало быть, и к социальным благам.

Как показывает анализ, несмотря на очевидную значимость, проблемы модификации и трансформации современной социальной структуры остаются недостаточно разработанными.

Во-первых, многие процессы постиндустриального общества не связываются с изменениями в социальной структуре. Но в то же время в большинстве работ, в той или иной степени затрагивающих проблематику социальной структуры, отмечается появление меритократии и устранение пролетариата, что делает современное общество, по мнению отдельных учёных, бесклассовым. Так, П. Дракер обращает внимание, что современные работники интеллектуального труда не ощущают, что их эксплуатируют как класс [4]. Однако мы согласны с В. Л. Иноземцевым, который считает, что эти выводы весьма преждевременны, так как в современном обществе происходит замена одной формы собственности другой. В частности, денежный капитал заменяется интеллектуальным, а основным признаком классового деления становится образование. Необходимо учитывать, что замещение денежного капитала интеллектуальным не изменило того обстоятельства, что часть членов общества обладает дефицитным производственным ресурсом, а часть нет. Хотя современный работник и лучше образован, и лучше подготовлен, он тем не менее не занял равного положения со своим наемителем. В классическом индустриальном обществе разница между работником и хозяином заключалась в том, что один был беден, а другой состоятелен. В современном «обществе

знаний» (или информационном обществе) первый – менее образован и квалифицирован, нежели второй; между тем качество ситуации во многом остается прежним [7]. Но в то же время в условиях постиндустриального общества, как отмечают некоторые учёные, возникает новый тип социальных противоречий. Определённая граница стала пролегать уже между «обладающими образованием» и «обладающими знаниями» и не имеющими их.

Во-вторых, при анализе проблемы развития социальной структуры в большей степени внимание исследователей обращено к процессам становления нового класса [7].

Повышенный интерес к анализу проблем формирования нового класса обусловлен тем, что этот новый класс определяет весь духовный климат постиндустриального общества. Д. Белл назвал процесс становления нового класса «новой революцией в классовой структуре общества». Он пишет, что если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то сегодня «новыми людьми» оказываются учёные, математики, экономисты и создатели новой интеллектуальной технологии» [2].

Р. Дарендорф также отмечает, что в постиндустриальном обществе власть переходит к высшим менеджерам и бюрократии, которых он определил как будущую элиту общества. Р. Миллис считает, что в основе выделения элиты общества лежат не имущественные и наследственные права, а личные достижения, полученные благодаря знанию, интеллекту.

Ф. Махлуп отмечает, что под влиянием роста знаний и информации возникает новый тип работника, которого называет «knowledge-worker», что в переводе означает «класс интеллектуалов», или класс меритократии [см.: 2]. Дж. Гэлбрейт называет эту социальную группу «техноструктурой», которая «включает всех, кто привносит специальные знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений» [см.: 7]. Э. Тоффлер социальную группу, приходящую на смену бюрократии индустриального общества, называет «адхократией» – рамочной холдинговой структурой, которая координирует работу многочисленных временных организационных единиц, возникающих и исчезающих в зависимости от изменяющихся условий...» [см.: 7]. По мнению В. Л. Иноземцева, есть все основания считать эту группу новым господ-

ствующим классом. Он определяет её как социальную общность, которая объединяет людей, воплощающих в себе знания и информацию о производственных процессах и механизме общественного прогресса в целом. Эта группа контролирует производственный ресурс общества, что даёт ей возможность распределять в свою пользу общественное богатство [7].

Исследователи выделяют такие черты, присущие новому классу, как высокий уровень образования, занятость в высокотехнологичных отраслях хозяйства, ориентированность на оперирование знаниями и информацией; наличие творческих способностей, высокое имущественное положение; умение реализовать свои творческие планы и замыслы, стремление к самосовершенствованию и самореализации, способность к воспроизводству, самостоятельность в социальных действиях. Власть этого класса, считают они, основана не на богатстве и собственности, а на монополии знания, которое его представители могут производить без участия других членов общества, тем самым становясь независимым от других социальных групп и слоёв. Новый класс контролирует критический ресурс современного производства. Меритократия не подвержена обратной миграции, так как обладает капиталом, который не может исчезнуть, а может только совершенствоваться. Представители этого класса занимают доминирующее положение в армии, бизнесе, политике и др. Об этой характеристике нового класса писал П. Дракер, указывая, что в обществе, построенном на знаниях, власть и контроль в сфере политики переходит от обладателей капитала к тем, кто обладает информацией и знаниями [4]. Возникает новая ветвь власти – это власть информации и интеллекта. Внутри этого класса отсутствует конкуренция в силу того, что его члены обладают разным товаром, рабочий же класс предлагает один и тот же товар – рабочую силу. Впервые в истории возникает класс, который достигает своего богатства, высокого качества жизни, не паразитируя на труде других, а в процессе своего интеллектуального труда, самостоятельно развивая свои качества как носителя знания и информации. Впервые в истории человечества господствующий класс становится трудящимся классом. Учёные выделяют и такие черты новой социальной группы, как способность продуцировать новые знания; способность контролировать процессы, происходящие во всех сферах жизни под влиянием технологи-

ческой революции. Закончив образование, они успешно строят карьеру, которая позволяет им реализовать свои способности и добиться уважения. Достигнув зрелости, эти «счастливики», как правило, имеют доход, выражающийся шестизначным числом. На них работает технология, расширяя их возможности для выбора и повышая степень свободы, предоставляя в их распоряжение невиданные ресурсы, позволяя им заниматься тем, что им нравится. И по мере того, как жизнь осыпает их новыми благами, они начинают тяготеть друг к другу, получая благодаря своему богатству и техническим средствам всё более широкие возможности совместной работы и тесного общения в полной изоляции от всех остальных [7]. Большинство исследователей считает, что основным критерием, на основании которого можно отнести того или иного человека к классу «меритократии», является способность человека усваивать, обрабатывать и производить новые знания. В основе данной позиции лежит теория М. Вебера, согласно которой основным признаком классового деления будет не отношение к собственности, а хозяйственный интерес [3].

В постиндустриальном обществе модификации и трансформации подвергается не только новый класс, но и другие классы, в частности рабочий класс, так как возникновение информационной, интеллектуальной экономики, изменение типа занятости, сокращение индустриального сектора резко уменьшают потребность в специалистах низкой квалификации, низкого уровня образования. Резко сокращается доля индустриального сектора во ВВП, однако увеличивается доля сферы услуг, которая так же связана с технологизацией и информатизацией. Ряд исследователей отмечает, что прежний пролетариат уже не существует, он представляет собой группу наёмных рабочих, часть которых по своей профессиональной подготовке, профессиональному уровню и жизненным стандартам относится к среднему классу. Другая часть лиц наёмного труда – это низкоквалифицированная и неквалифицированная рабочая сила. Эту социальную группу А. Горц называет «неклассом не-рабочих». Данная группа включает в себя тех людей, чьи интеллектуальные способности оказались обесцененными современной технической организацией труда. Эти люди не охвачены профсоюзами, лишены определённой классовой принадлежности, находятся под постоянной угрозой потери работы» [7]. Данную

группу отличает низкий уровень образования, приоритет материальных мотивов, занятость в примитивных отраслях сферы услуг.

Не менее существенным является изменение положения и среднего класса. Однако анализ положения «среднего класса» остаётся недостаточно исследованным. Его изучение характеризуется фрагментарностью, неопределённостью, различными подходами к его разработке, нет достаточной ясности и в вопросе об его основных характеристиках.

В настоящее время очень сложно выделить основные критерии принадлежности к этому классу. Поэтому, опираясь на точку зрения Д. Белла, высказанную им ещё в 1980-х гг., учёные в качестве основного критерия принадлежности к среднему классу считают психологическое самоопределение человека. В современной литературе вполне определённо проводится мысль о том, что сегодня идёт процесс интеллектуального, экономического, культурного размывания среднего класса в прежнем его понимании. Он перестаёт выполнять свою стабилизирующую функцию, однако сохраняет функцию «поставщика» квалифицированной рабочей силы. Широкое распространение новых компьютерных и коммуникационных технологий, рост технологичности производства требуют людей, обладающих специальной подготовкой, имеющих определённый уровень образования. На основе этих критериев к среднему классу относят научных и инженерно-технических работников, административный персонал, работающую по найму интеллигенцию, часть крестьянства и фермерства, рабочих высокой квалификации, работников сферы обслуживания. Многие исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой средний класс постепенно растворится. Часть его примкнёт к высшему классу, другая же пополнит ряды квалифицированных рабочих. Нам представляется, что такое вряд ли возможно. Более реально то, что будет усиливаться разнородность среднего класса. Средний класс в постиндустриальном обществе не может уйти с исторической арены, так как современное общество раскрывает простор и создаёт условия для развития тех людей, которые имеют высокую образованность, производят уникальные блага, ориентируются на постматериалистические ценности и являются собственниками знаний и информации. Но получение хорошего образования сегодня – это дорогостоящий про-

дукт. Поэтому социальное неравенство возникает в результате неравного доступа к образованию, а необразованность – вечный спутник граждан второго сорта» [8, с. 208].

Начинают возникать новые типы корпоративных образований. На смену адаптивной корпорации приходит корпорация креативная. Термин «адаптивная корпорация» был введён Э. Тоффлером в 1970-е гг. В 1985 г. он публикует доклад, где излагает результаты своей работы в компании «Американ Телефон энд Телеграф». Основная мысль – тезис доклада, заключалась в том, что применяемые компанией методы управления сегодня устарели. С точки зрения Э. Тоффлера, управление в современном обществе – это управление людьми, как клиентами, так и потребителями компании. Он писал: «Когда основные, минимальные нужды людей будут удовлетворены, жизненные запросы большинства из них не будут совпадать и для многих одного материального вознаграждения будет недостаточно для мотивации труда.

– Существуют пределы экономики, получаемой за счёт масштабов деятельности как корпорации, так и государственного учреждения.

– Информация играет столь же важную, если не большую, роль, как земля, рабочая сила, капитал и сырьё.

– Мы движемся от массовой фабричной системы в направлении “кустарного” производства, “штучного” интеллектуального труда, в основе которого лежит информация и супертехнологии; конечным продуктом этого движения будут не миллионы стандартизированных законченных изделий, а индивидуализированные товары и услуги.

– Организационная форма наиболее эффективна, если строится не по бюрократическому принципу, а по принципу адхократии.

– Развитие технологии не обязательно равнозначно “прогрессу” и, если не будет постоянно контролироваться, может фактически уничтожать уже достигнутые результаты.

– Для большинства людей работа должна быть разнообразной и ответственной, требующей способности принимать решения, выносить собственные решения и оценки» [10].

Сегодня большинством исследователей термин «адаптивная компания» признаётся как устаревший, так как он ориентирован на приспособление компании, на её выживание и развитие в системе рыночного хозяйства. Кроме того, этот термин ориентирован только на по-

требителя, не учитывает запросы и потребности самих работников компании, что сегодня тоже очень важно. На смену адаптивной корпорации приходит корпорация креативная, которая ориентирована на людей – носителей постматериалистических ценностей, как её сотрудников, так и потребителей и клиентов; главным ресурсом этой корпорации становится информация и знания; работников отличает творчество, способность принимать решения, выносить собственные суждения и оценки. Возникают совершенно новые отношения между руководством корпорации и её работниками. Существование, а главное – дальнейшее развитие корпорации зависит от творческого потенциала, как её создателей, так и её членов, то есть от человеческого капитала. Интеллектуальный потенциал компании определяет её рыночную стоимость. Будущее креативной компании зависит от того, насколько быстро она сумеет предложить клиентам новые товары и услуги. Взаимоотношения внутри корпорации характеризуются соучастием, лояльностью со стороны руководства к своим работникам, которые сегодня продают не свою способность к труду, а результаты этого труда. Многие современные компании используют самые разнообразные стимулы нематериального вознаграждения: сокращённый рабочий день, бесплатные детские сады, услуги домработниц, проведение общефирменных мероприятий, не касающихся непосредственно работы. Широко используются и такие стимулы, как вознаграждение, связанное с изменением статуса сотрудника, «вознаграждение-признательность», вознаграждение, связанное с изменением места работы [8]. Основным принципом организации и деятельности корпорации является принцип доверия.

Под влиянием новой системы ценностей меняются культурные нормы, мировоззрение, происходит «трансформация внутреннего мира человека» (П. Дракер). В связи с этим некоторые исследователи считают, что перспективы развития постиндустриального общества зависят в большей степени от развития нравственных, интеллектуальных качеств личности, нежели от изменения отдельных параметров общества как совокупности людей. С изменением мотивации связано становление новой культуры труда. Под влиянием новой системы ценностей меняются цели, задачи и стимулы развития общества. В индустриальную эпоху основным стимулом развития общества было

повышение уровня жизни. В постиндустриальную эпоху таким стимулом стало повышение качества жизни людей.

Становление «экономики знаний» приводит к формированию новой движущей силы общественного развития. Этой движущей силой становится образование. Под влиянием образования происходят изменения в самой экономике, социальной структуре общества, политической власти и духовной жизни.

В постиндустриальном обществе формируется «знаниевая» модель качества жизни, в которой движущей силой развития общества становятся знания, а определяющим ресурсом общества – человек. Таким образом, образование детерминирует качество жизни людей и изменяет их ценности.

В какой-то степени это обусловлено тем, что широкое применение информационных технологий даёт возможность удовлетворять материальные потребности за счёт сокращения рабочего времени, что, в свою очередь, позволяет человеку заняться самосовершенствованием, творчеством и на основе уже имеющихся знаний генерировать новые. Стремление к совершенствованию собственной личности стало доминировать в системе ценностей. Это связано и с тем, что усиливающаяся роль знаний, информации диктует потребность в постоянном совершенствовании личности. По мере повышения жизненного уровня, удовлетворения материальных потребностей начинают формироваться новые ценности. Некоторые исследователи отмечают, что изменилось всё: стимулы, побуждающие человека к работе; противоречия, становящиеся причинами политических конфликтов; религиозные убеждения людей; их отношение к разводам, абортam, гомосексуализму; значение, которое человек придаёт обзаведению семьёй и детьми. Изменилось даже то, чего люди хотят от жизни [5].

В связи с этим возникло новое взаимовлияние социальных явлений и ценностей; так, новые ценности порождают новые социальные явления, которые в свою очередь рожают новые ценности. Например, феномен хиппи, движение защитников окружающей среды, стремление молодёжи найти «осмысленную», творческую работу и т. д. Главным мотивом деятельности личности в условиях нового общества становится стремление к самосовершенствованию.

На основе этого многие учёные (Д. Белл, Р. Инглегарт, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Л. Эд-

винсон, М. Мэлоун и др.) обратили своё внимание на исследование трансформации ценностей в постиндустриальном обществе. Среди отечественных учёных, обратившихся к анализу «постматериалистических ценностей», следует назвать Г. Г. Дилигенского, Т. И. Заславскую, В. Л. Иноземцева, И. С. Кона, В. И. Патрушева и др.

В современном научном знании можно выделить основные концептуальные подходы к исследованию процесса трансформации ценностей. Во-первых, *социологическая концепция о роли и значении ценностной ориентации личности в современном обществе* (Р. Инглегарт). Во-вторых, *теория постиндустриализма и концепция нового человека* (Д. Белл, П. Дракер, В. Иноземцев, Э. Тоффлер и др.). В-третьих, *учение о свободе выбора* (А. Сен). В-четвёртых, *концепция доверия* (Ф. Фукуяма). В-пятых, *концепция глобализации и трансформации ценностных ориентаций* (Г. Г. Дилигенский). В-шестых, *концепция эволюции сексуальной культуры* (И. С. Кон).

Ценности и ценностные ориентации, распространённые в обществе, определяют поведение людей, формируют цели и мотивы их деятельности. Процесс изменения ценностей, начавшийся во второй половине XX в., назван одним из теоретиков этого направления «тихой», или «медленной», революцией. Эта революция нашла своё отражение в протесте личности против нормативно-ценностной системы индустриального общества. Р. Инглегарт указывает: если в индустриальном обществе господствовали материалистические ценности, то в постиндустриальном «... стали меняться ценностные ориентации – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни» [5, с. 250].

Наиболее полное представление о трансформации ценностей дано в концепции постматериалистических ценностей Р. Инглегарта, в которой раскрывается процесс возникновения новых ценностей и показывается их роль в жизни нового общества и нового человека. Основные положения данной концепции сводятся к следующему:

1. Социальные преобразования не имеют линейного характера.

2. Взаимосвязь между экономикой, культурой и политикой носит взаимодополняющий характер.

3. Модернизация общества приобрела глобальный характер.

4. Демократия не является имманентно присущей фазе модернизации общества. Возможны и альтернативные пути развития (например, фашизм, коммунизм).

5. Личность ориентирована на творчество, на самореализацию, на самовыражение, на качество жизни. Среди ценностей личности преобладают постматериалистические ценности [6].

В научной литературе отсутствуют однозначные подходы к определению понятия «постматериалистические» ценности. Так, П. Сорокин предлагал использовать для раскрытия этого понятия «непредметные цели», которые приходят на смену «предметным». У. Митчелл введением понятия «внутренние цели и задачи» пытается решить вопрос о специфике новых ценностей и мотивов. Р. Инглетарт считает, что постматериалистические ценности – это ценности, формирующиеся в процессе деятельности человека, целью которой становится удовлетворение не материальных потребностей, а потребностей в самореализации, самовыражении, раскрытии своего творческого потенциала. Э. Тоффлер называет новые ценности «постэкономическими» [11].

Как можно заметить, учёные лишь пытаются зафиксировать в определении новых ценностей ту или иную их черту, но, по сути дела, не раскрывают их сущности. Нам представляется, что понятие «постматериалистические ценности» позволяет отметить, прежде всего, что материальная мотивация у человека не исчезает, происходит только изменение приоритетов. Вполне естественно, что человек нового общества не отрицает важности и значимости экономических факторов, но большее значение придает самовыражению, самореализации, качеству жизни; поэтому для постматериалистов характерны удовлетворенность жизнью, стремление к высокому уровню образования, интерес к политическим дискуссиям, стремление к творческой работе. Они ориентированы больше на повышение своего статуса, нежели на материальные доходы, стремятся к качеству жизни, в отличие от материалистов, ориентированных на рост уровня жизни.

Однако необходимо учитывать, что постматериалистические ценности становятся значимыми лишь в определённых условиях – условиях «субъективного благосостояния или ощущения экономической безопасности». Эта

группа ценностей становится реальностью лишь тогда, когда обеспечен высокий уровень и качество жизни, материальное положение, образование, физическая безопасность, стабильная социальная защищённость.

Следует также отметить, что переход к постматериалистическим ценностям – очень длительный процесс, который вряд ли сможет стать реальностью в течение жизни одного поколения, поэтому ценности изменяются медленнее, чем происходит смена информационных технологий. Продолжают сохранять верность традиционным ценностям и нормам пожилые люди. Постматериалистами становятся чаще всего те, кто с рождения пользуется всеми материальными благами, а также люди, стремящиеся с юности добиться экономического успеха. Они-то чаще всего и становятся носителями постматериалистических идеалов [5].

Ускорить процесс усвоения новых ценностей может изменение системы образования и воспитания, а также активизация таких факторов, как глобализация и информатизация.

Глобализация способствует расширению социальных связей индивида и разрушению существующих нормативно-ценностных систем. Социологические исследования, которые были проведены в странах с разным уровнем жизни, различной степенью экономической, социальной и физической защищённости, различными традициями и ценностями, свидетельствуют о том, что для всех этих стран, несмотря на выделенные выше различия, характерны изменения ценностных ориентаций [5].

Информатизация способствует тому, что люди могут сравнивать свой образ жизни с образом жизни людей из других стран, свой стандарт жизни со стандартами, существующими в других странах. Всё это способствует, в свою очередь, выбору новых ценностей, новых стандартов поведения. Но, как отмечают теоретики постиндустриализма, необходимо ещё одно важное условие, при наличии которого возможен выбор ценностей, – это обеспечение свободы выбора. Свободу выбора порождает глобализация, информатизация, происходящий процесс индивидуализации, который обусловлен неустойчивостью социальной структуры современного общества, трансформацией социальной мобильности, разрушением традиционных норм и ценностей.

А. Сен в своей концепции расширения «возможностей выбора человека» аргументи-

рует идею о том, что благосостояние общества должно оцениваться не по уровню доходов на душу населения, а по возможности выбора. Расширение возможностей выбора для человека подразумевает большую свободу выбора и большее число вариантов при формировании системы ценностей. Выбор, считает он, возможен благодаря, во-первых, наличию индивидуальных ресурсов; во-вторых, выдвигению на первый план потребностей самореализации и самовыражения; в-третьих, наличию прав, предоставляемых человеку государством [12].

Необходимо учитывать, что возникновение новых ценностей в каждой стране имеет свои специфические особенности, которые обусловлены определённым уровнем экономического развития, национальными традициями, социальной политикой государства и др. В частности, это хорошо заметно при исследо-

вании процесса формирования системы ценностей в странах Восточной Европы с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать ряд выводов. Во-первых, определяющим фактором общественного развития становятся знания. Экономические и социальные функции переходят к информации. Главными социальными институтами становятся университеты как центры производства, переработки, хранения знаний и подготовки современных специалистов. Во-вторых, уровень знаний, а не характер собственности превращается в определяющий и решающий фактор социальной дифференциации. Профессиональная структура становится основой стратификации общества. В-третьих, экономика постиндустриального общества становится обслуживающей, а не производящей экономикой.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. Б. Седелника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000. 384 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. 956 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 602–643.
4. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 67–101.
5. Инглегарт Р. Культурный сдвиг. // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 245–261.
6. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 261–292.
7. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999. 704 с.
8. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000. 304 с.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. М., 1992. 543 с.
10. Тоффлер О. Адаптивная компания // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 448–465.
11. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М., 1999. 784 с.
12. Sen A. Capability and Well-Being. The Quality of Life, WIDER, Clarendon Press, 1996.

Статья поступила в редакцию 17.12.2011 г.

Денис Сергеевич Мартьянов

кандидат политических наук,

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: martyanoff@mail.ru

Наталья Александровна Мартьянова

кандидат социологических наук, доцент,

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: nmart@bk.ru

Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте

В статье рассматривается динамика развития пиратских движений на примере Пиратского Интернационала, Пиратской партии Швеции и пиратских организаций в России. Произведён анализ текущего состояния мирового пиратского движения, рассмотрена степень интегрированности пиратских организаций, численность пиратских партий и их статус в международных организациях, проанализирована структура Пиратского Интернационала. Отдельно рассмотрены причины успехов первой пиратской политической организации – Пиратской партии Швеции, выявлены перспективы её развития и факторы, обусловившие кризис данной партии. Авторами выявлены основные факторы, влияющие на рост популярности пиратов, основные векторы критики, на которые направлена пиратская идеология, проблемы институционализации пиратских партий. Рассмотрена динамика и основные этапы становления российских пиратских организаций, выявлены базисные идейные разногласия между российскими пиратами, сделан вывод о доминировании Пиратской партии России в спектре отечественных пиратских организаций, очерчены базовые векторы политического курса пиратского движения.

Ключевые слова: политические партии, пиратство, пиратские партии, антикопирайт, копирайт, постмодернистские ценности, Интернет.

Denis Sergeevich Martyanov

Candidate of Politology,

Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: martyanoff@mail.ru

Natalia Alexandrovna Martyanova

Candidate of Sociology, associate professor,

Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: nmart@bk.ru

The Phenomenon of Pirate Parties in the Russian and Global Context

This article discusses the dynamics of the pirate movement on the example of the Pirate International, the Pirate Party of Sweden and pirate organizations in Russia. It analyzes the current state of the international pirate movement, the degree of integration of pirate organizations, the number of pirate parties and their status in international organizations, the structure of the Pirate International. The paper explains the reasons for success of the first pirate political organization (the Pirate Party of Sweden), identifies the prospects of its development and the factors that led to the party's crisis. The authors emphasize the main factors influencing the rise in pirates' popularity, the main vectors of pirate ideology and the problem of institutionalization of pirate parties. It describes the dynamics and the main development stages of Russian pirate organizations and identifies the basic ideological contradictions among Russian pirates. The authors conclude about the dominance of the Pirate Party of Russia in the spectrum of domestic pirate organizations and outline the basic vectors of the political course of the pirate movement.

Keywords: political parties, piracy, pirate parties, anti-copyright, copyright, postmodern values, the Internet.

Одним из наиболее значимых для современной партологии событий последнего времени является широкое распространение в мире политических движений и партий, которые позиционируют себя как «пиратские». Данный процесс тесным образом связан как с актуализацией постмодернистских ценностей [4] в развитых странах и их влиянием на партийное строительство, так и с развитием информационно-коммуникационных технологий. Этот феномен требует комплексного изучения со стороны как политологии, так и социологии. Однако современные отечественные социальные науки на настоящий момент практически игнорируют происходящие перемены.

Сегодня мировое пиратское движение, появившееся в 2006 г. с началом работы Пиратского Интернационала, уже успело охватить значительное число стран с формирующимся информационным обществом. К началу 2012 г. в Пиратский Интернационал входило 26 пиратских организаций из разных стран (включая такие постсоветские страны, как Россия и Казахстан) со статусом полноправных членов организации. Всего же на начало 2012 г. пиратские организации существовали в 62 странах мира. Ещё 5 организаций, представляющих крупные регионы отдельных стран (напр.: Бавария, Гессен, Каталония), молодёжные организации, а также организация «Пираты без границ», входят в Пиратский Интернационал с правом наблюдателей. Главным органом Пиратского Интернационала является Генеральная Ассамблея. Руководство Пиратским Интернационалом осуществляется правлением, избираемым Генеральной Ассамблеей, собирающейся не реже раза в год. Правление возглавляют два сопредседателя, также в него входит глава администрации, казначей и ещё три члена правления [14].

«Пираты без границ» представляют собой отдельную международную организацию, работающую в направлении строительства и укрепления международной кооперации для продвижения свободного знания, свободной культуры и устойчивого развития цифровых технологий [15]. Данная организация способствует распространению пиратских проектов во всём мире за пределами стран-основательниц Пиратского Интернационала, т. е. она старается объединить и те пиратские партии, которые не являются членами Пиратского Интернационала. Ещё одной важной особенностью явля-

ется то, что «Пираты без границ» кооптируют не только организации, разделяющие базовые пиратские ценности, но и отдельных лиц по всему миру.

Таким образом, всего за 6 лет пиратское движение смогло охватить более четверти государств мира. Первой пиратской партией, начавшей свою деятельность 1 января 2006 г., является Пиратская партия Швеции.

Первые шаги шведских пиратов были крайне успешными. Необходимое число подписей (2000) для участия в парламентских выборах было собрано всего за сутки. Дальнейшие политические успехи пиратов и рост интереса к ним со стороны граждан, как правило, были обусловлены действиями власти, направленными против свободного файлообмена. Так, на рост числа членов Пиратской партии Швеции повлияли действия шведской полиции в отношении трекера ThePirateBay.org в мае 2006 г., результатами которых стало увеличение числа членов партии на следующий же день после рейда на 930 чел. (в то время как в среднем в партию вступало около 10 человек в день). Интернет-пираты обязаны действиям шведских правоохранителей и своим успехом на выборах в Европарламент, когда они набрали 7,1 % (вместо всего 0,63 % голосов на выборах в сентябре 2006 г. в парламент Швеции), успешно выступив в защиту того же интернет-трекера, который подвергся судебному преследованию. Тогда в 2009 г. был предпринят целый ряд инициатив, направленных против пиратства в Интернете. В первую очередь они вновь коснулись судебных процессов над интернет-трекерами. Создатели ThePirateBay.org были осуждены в Швеции и приговорены к году тюремного заключения и штрафу в размере 3,6 млн долл.

Снижение интенсивности антипиратских акций приводит и к упадку интереса к данным организациям, что свидетельствует об их протестном потенциале. Уже в апреле 2010 г. шведская пиратская партия стала показывать признаки кризиса. Одним из индикаторов этого кризиса является массовый выход членов партии из её рядов, обусловленный непродлением членства в ней. В результате численность партии с почти 50 000 чел. сократилась в течение 2010–2011 гг. почти втрое. Также кризис партии проявился и в сентябре 2010 г., когда пираты на выборах в шведский парламент смогли получить лишь 0,65 % голосов. И хотя этот показатель незначительно выше, чем тот, который

был получен на выборах 2006 г., всё же после триумфа на выборах в Европарламент данные цифры свидетельствуют об определённой утрате интереса к пиратам в Швеции.

Однако неудачи шведских пиратов вовсе не означают кризис пиратских идей в Европе в целом. Удачные результаты на выборах в 2011 г. показали немецкие пираты. Хотя на выборах в Европарламент немцы поддержали пиратов куда менее активно (0,9 %), чем шведы; пираты смогли громко о себе заявить на выборах в берлинский ландтаг. Немецкие пираты получили 8,9 % голосов и 15 мест (из 141) соответственно. Конечно, как и в случае со шведским успехом на выборах в Европарламент, речь здесь не идёт о выборах в общенациональный парламент, а потому данный успех не следует преувеличивать, однако уже то, что достаточно новая политическая сила показывает существенные успехи в двух крупных европейских странах в первые пять лет своего существования, говорит об определённом потенциале пиратского движения.

Основные требования, которые выдвигаются пиратами за рубежом, связаны с реформами законодательства в области авторского права. Пираты активно выступают против таких законодательных инициатив, как закон *Hadopi* во Франции, американских законодательных инициатив *Stop Online Piracy Act* и *Protect Intellectual Property Act* (т. н. *SOPA* и *PIPA*), направленных на привлечение к ответственности провайдеров, поисковых систем и платёжных систем, потворствующих пиратству. Однако помимо этого, пираты, на настоящий момент являющиеся практически единственной силой, которая выделяет в качестве главного своего приоритета развитие информационных технологий и выступает от лица мирового интернет-сообщества, стараются использовать и другие идеи, связанные с Интернетом. Так, именно пиратские партии оказали поддержку сайту *Wikileaks* и резко выступили против преследования Джулиана Ассанжа. Пираты выступают за развитие электронного правительства, электронного участия и электронной демократии.

Важным достижением пиратов является то, что они произвели определённый сдвиг в сложившемся дискурсе, касающемся проблемы авторских прав. До последнего времени в общественном сознании пираты воспринимались исключительно как нарушители закона и

своеобразные изгои, а их идеи рассматривались как неприемлемые. Пиратское движение, действующее согласно принципу «Когда вы загружаете бесплатную музыку, вы загружаете коммунизм» [13], направило обсуждение проблем копирайта в иную плоскость. Если ранее тезис «пиратство – это воровство» выглядел абсолютной догмой, то теперь появляется и другая точка зрения: «кража – это когда кто-то отнимает у кого-то возможность воспользоваться чем-либо, в то время как свободный файлообмен лишь создаёт новую копию, не удаляя при этом сам оригинал» [5]. Вне зависимости от дальнейших успехов пиратского движения, этот тезис постепенно принимается и другими политическими силами (напр., «зелёными»).

В России существует несколько организаций, которые претендуют на данный политический спектр.

Первые попытки организовать пиратскую партию в России относятся ещё к 2006 г. [10]. Уже тогда в идейной базе российских пиратов выявились интересные особенности. Группа пиратов, на словах ориентированная на левый политический спектр, обратилась с открытым письмом к Г. А. Зюганову [8]. Важно отметить, что помимо «левых убеждений» первые российские пираты говорили и о «патриотических убеждениях». Данные идеи прежде всего выразились в желании пиратов ограничить Россию от влияния «неоколонизаторского характера», информационных аспектов глобализации, вступления в ВТО. Обращение изобиловало высокопарным традиционалистским стилем. *«Предки наши почли бы безумием идею таить от общества (мира) и алчно, наживы ради, использовать плоды духовной работы»*. В обращении пираты апеллировали к христианским ценностям и называли распространение законов об авторском праве «крестовым походом против Русской Души».

Однако уже к 2008 г. данная группа прекратила активные действия. После этого началось формирование новых групп, которые подхватили идеи антикопирайта в России. Впрочем изначально обсуждалось и создание более аморфной организации с открытой структурой. В 2007 г. на Венском съезде пиратов «Реформируем копирайт через политику» представитель российской «Национальной ассоциации участников электронной торговли» Алексей Черняев высказывал идею о том, что в России нуж-

но создать не партию, а общенациональную ассоциацию, которая бы объединила всех, кто выступает за смягчение российского законодательства об интеллектуальной собственности. Такая ассоциация не предусматривала бы партийного членства и позволяла взаимодействовать и членам любых партий, и беспартийным в работе по либерализации системы копирайта [2]. Но поскольку данная идея не была подхвачена, началось формирование сразу нескольких альтернативных проектов, связанных с пиратскими взглядами:

- Фракция пиратов в Либертарианской партии России (ЛПР).
- Русская Пиратская партия (РПП).
- Пиратская партия России (ППР).

Либертарианская партия России, являющаяся как и все остальные «партии», связанная с пиратским движением, общественной организацией, зарегистрирована в 2008 г. В организации нет четкой иерархии, она состоит из 10 фракций, одной из которых является фракция Пиратов. Либертарианские пираты полагают, что защита «копирайта» ведёт к установлению преимущества в правах за счёт поражения в правах другого человека, что противоречит принципам либертарианства.

В целом активность данной фракции в российском пиратском движении на настоящий момент очень невелика, а их программные положения [9], заявленные на официальном сайте партии, составляют всего пять абзацев.

Более активными организациями являются РПП и ППР.

РПП представляет собой сетевой проект, реализуемый главным образом за счёт сообщества в Живом Журнале. Критики партии отмечают националистический характер этого движения (в т. ч. применяют к ним термин «фашисты»). Это обусловлено как самим названием организации, в котором акцент делается на слове *русская*, а не *российская*, так и взглядами известных деятелей движения. Впрочем, РПП достаточно сильно культивирует анонимность и почти никто из её членов не известен под реальным именем. Это вполне соответствует интернет-ценностям, но не создаёт сложности для перенесения сетевого проекта в реальную политику. На настоящий момент, хотя сам проект и действует достаточно активно, РПП пока не показывает готовности для создания реально действующей политической организации.

Сообщество ППР сложилось к 2009 г. В сентябре 2010 года прошёл первый съезд ППР. В октябре 2010 года первый кандидат от партии участвовал в муниципальных выборах г. Шумерля и проиграл, набрав 22,69 %. В дальнейшем ППР пыталась зарегистрироваться как политическая партия, однако в марте 2011 Министерство юстиции РФ отказало ей в регистрации на основании того, что пиратство, в соответствии с действующим законодательством, определяется как нападение на морское или речное судно и является уголовным преступлением.

В сентябре 2011 года ППР на II Всероссийском съезде приняла Манифест 3.0. Среди наиболее важных идей партии – критика представительной демократии, выступающей «подменой» настоящей прямой демократии по типу агоры. В качестве альтернативы пираты предлагают систему электронной демократии, основанную на принципах прямого коллективного принятия решений, которую авторы манифеста характеризуют как «непрерывный всенародный референдум» [7]. В марте 2011 г. было объявлено о создании Фонда электронной демократии, соучредителями которого являются и деятели ППР. Суть электронной демократии российские пираты видят в:

14) сужении компетенции центральных государственных органов;

15) сокращении полномочий чиновников, сведении их к регистрационным функциям;

16) превращении власти в перевернутую пирамиду, в которой наибольшие полномочия принадлежат самим гражданам.

Также ППР осуществляет мониторинг государственных сайтов России, выступая с критикой услуг, которые они предоставляют. Для внутрипартийных нужд ППР использует систему электронной демократии, позволяющую голосовать по внутренним организационным вопросам всех членов партии.

На II Всероссийском съезде был отклонён вопрос по фракционности, что говорит о курсе на более жёсткую структуру организации. До этого 15 апреля 2010 года от официалов уже пыталось отпочковаться Движение пиратов России, предполагавшее более аморфную структуру, однако эта попытка так и не вылилась в заметные действия.

Главными тезисами декларации ППР являются:

1) свобода распространения и доступ граждан к информации;

2) реформа авторских прав в соответствии с интересами авторов и общества, а не издателей;

3) реформа патентной системы;

4) ориентация государственных органов на свободные и открытые технологии;

5) неприкосновенность частной жизни [3].

На практике главный вектор деятельности пиратов направлен на отмену статей 146 и 147 УК РФ, а также статьи 7.12 КоАП РФ.

Критики ППР [11] полагают, что ППР выступает против свободы использования работ в коммерческой деятельности, т.е. для использования компьютерных программ в целях получения прибыли, по мнению ППР, необходимо заручиться разрешением автора. Таким образом, критики видят в этом не сужение копирайтного законодательства, а, напротив, его расширение, в то время как ППР поддерживает «право автора на вознаграждение».

ППР принимает участие в уличных манифестациях, устраивает концерты и проводит пикеты. Однако, как правило, эти мероприятия организуются не ими. В ноябре 2010 года они присоединились к ЛПР для проведения «Московского чаепития» [1]. В 2011 г. они присоединились к декабрьским массовым манифестациям, посвящённым протесту против фальсификации выборов. Однако найти понимание с другими партиями у пиратов получается не всегда. В апреле 2011 года пиратов не допустили на митинг движения ПАРНАС.

Тем не менее ППР в течение двух лет смогла стать главной силой, ассоциирующейся в России с пиратским движением. Одним из главных прорывов ППР является её международное партнёрство. В апреле 2010 года именно ППР в числе партий из 22 стран стала членом-учредителем РРІ – Интернационала пиратских партий. А в марте 2011 года делегат от ППР Лола Воронина была избрана главой администрации Интернационала пиратских партий.

Главными оппонентами ППР выступают организации, защищающие авторские права в России (такие как РАО и РСП). Однако помимо них ППР защищает свою доминирующую позицию среди пиратских организаций в России от вероятных конкурентов.

В июне 2010 года, после того как президент группы компаний «Амедиа» Александр Акопов обвинил пользователей социальной сети «ВКонтакте» в пиратстве и пригрозил

подать в суд на социальную сеть и интернет-провайдеров, в «ВКонтакте» было создано сообщество с названием «Пиратская партия», которое не имело отношения к уже существующим организациям и куда вошёл основатель «ВКонтакте» Павел Дуров. РПП и ППР сразу же обвинили новых пиратов, которых прозвали «Двухдневной пиратской партией», в том, что новый проект является провокацией и заказом Кремля. В действительности организаторами «ДПР», стали депутат Государственной думы от «Единой России» и функционер движения «Молодая гвардия Единой России» [6].

В начале ноября 2011 года ППР обсуждало вопросы о сотрудничестве с Цифровой партией Российской Федерации, однако уже в конце месяца представители ППР обвинили ЦПРФ в том, что они являются новым проектом, создаваемым силами, близкими к власти, а также указали на прямой плагиат идей (речь шла о «копипасте»). РПП также выступила с критикой ЦПРФ, исходя из противоречий в программе последней. Так, «цифровики» в своём манифесте отдельно опубликовали пункт об ответственности, которую необходимо нести пользователям Интернета, что вызвало резкую критику со стороны членов РПП [12].

Определённые сложности ППР испытывает с развитием региональных отделений. На 2011 год таковых у неё насчитывалось лишь 31 отделение, однако к апрелю 2012 года ППР планирует провести 45 региональных конференций в России для того, чтобы зарегистрировать свою организацию в качестве официальной политической партии.

Таким образом, можно сказать, что в настоящий момент в России, несмотря на множество инициатив по созданию пиратских организаций, оформилась доминирующая пиратская партия, претендующая на консолидацию пиратского движения. В то же время необходимо отметить, что пока эта организация относится к маргинальным политическим силам и не имеет сколько-нибудь серьёзных ресурсов для серьёзного участия в политическом процессе.

Также необходимо отметить, что процесс становления пиратского движения как в России, так и за рубежом, сейчас находится ещё в самом начале, однако уже сегодня очевидно, что пиратские идеи будут востребованы политическим сообществом и рост активности групп, актуализирующих данные идеи, неизбежен.

Список литературы

1. Акции Пиратской партии (5–7 ноября). День первый // Живой Журнал. URL: <http://ru-pirateparty.livejournal.com/75581.html> (дата обращения: 10.11.2011).
2. Венский съезд пиратов: «Реформируем копирайт через политику» // Вебпланета. URL: http://www.webplanet.ru/company/law/2007/06/15/pirate_conf.html (дата обращения: 12.04.2008).
3. Декларация // Сайт «Пиратская партия России». URL: <http://pirate-party.ru/page.php?id=4> (дата обращения: 18.12.2011).
4. Инглегарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm> (дата обращения: 10.01.2012).
5. Зелёные карлсоны защитят файлообменники в Европарламенте. URL: http://www.itsec.ru/newstext.php?news_id=41138 (дата обращения: 12.03.2011).
6. Кремлевские политтехнологи создают псевдопиратскую партию // Живой Журнал. URL: <http://ru-pirateparty.livejournal.com/24333.html> (дата обращения: 23.12.2011).
7. Манифест Пиратской партии РФ 3.0 // Сайт «PirateWiki». URL: http://wiki.pirate-party.ru/Манифест_Пиратской_партии_РФ_3.0 (дата обращения: 15.12.2011).
8. Открытое письмо активистов Российской Пиратской партии председателю президиума ЦК КПРФ Г. А. Зюганову // Форум сторонников КПРФ. URL: <http://www.kprf.org/showthread.php?t=222>. (дата обращения: 20.12.2011).
9. Пираты // Либертарианская партия России. URL: http://libparty.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=53&Itemid=29 (дата обращения: 21.12.2011).
10. Российская пиратская партия // Живой Журнал. URL: <http://lqp.livejournal.com/141763.html> (дата обращения: 20.12.2011).
11. Пиратская партия России // Anticopyright. URL: http://anticopyright.ru/wiki/Пиратская_партия_России (дата обращения: 20.12.2011).
12. Цифровая партия Российской Федерации. URL: [http://www.digitalparty.ru/Digital_Party_Manifest_\(Project\).pdf](http://www.digitalparty.ru/Digital_Party_Manifest_(Project).pdf) (дата обращения: 25.12.2011).
13. Downloading communism. URL: <http://www.eldar.com/node/152> (дата обращения: 10.03.2011).
14. Pirate Parties International Statutes. URL: http://int.piratenpartei.de/wiki/images/a/a6/Statutes_of_the_Pirate_Parties_International.pdf (дата обращения: 20.12.2012).
15. Pirates without Borders. URL: <http://blog.pirates-without-borders.org/> (дата обращения: 24.01.2012).

Статья поступила в редакцию 11.12.2011 г.

Александр Иванович Начкин

кандидат военных наук, доцент,

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: vg_zarubin@mail.ru*

Интерпретация статистических данных о программах уровневой подготовки студентов как способ ранжирования педагогических и гуманитарных вузов

В статье рассматривается актуальная проблема социологии высшего профессионального образования – процесс внедрения вариантов уровневого образования. Рассмотрены контингенты студентов, обучающиеся на программах бакалавриата, магистратуры и специалитета. Представленная оригинальная методика, основанная на анализе статистических данных, позволяет построить рейтинг вузов в соответствии с количественной оценкой профилей образовательных программ. Методика включает следующие познавательные операции: первая операция предполагает анализ количественных данных, вторая – кластеризацию вузов в зависимости от распределения студентов по образовательным программам, и третья – определение места конкретного вуза в общероссийском рейтинге. Осуществлён сравнительный анализ статистических данных педагогических и гуманитарных университетов. Данная методика открывает возможность выявить объективные показатели, по которым можно сравнивать образовательные учреждения высшего профессионального образования. Данные показатели ориентированы на число программ бакалавриата, магистратуры, специалитета. В рейтинг включён 71 вуз Российской Федерации. Процедура сравнения вузов имеет не только теоретическое, но и прикладное значение в области управления высшими учебными заведениями.

Ключевые слова: уровневая подготовка студентов, бакалавр, магистр, специалист, образовательная программа, количественный показатель, рейтинг.

Alexander Ivanovich Nachkin

Candidate of Military Sciences, associate professor,

*Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: vg_zarubin@mail.ru*

Statistical Data Interpretation of Students' Tier Educational Programs as a Way of Ranking Pedagogical and Humanitarian Universities

The article discusses the topical problem of the sociology of higher professional education sociology, namely the process of introducing tier education. It analyzes student contingents, covering bachelor, master and specialist programs. The author's original method, based on the analysis of statistical data, allows ranking higher educational institutions according to quantitative assessment of their educational programs profiles. The method includes the following cognitive operations: the first step involves quantitative data analysing, the second – clustering universities according to student distribution by the educational programs they choose, and the third – determining the position of every university in All-Russian University Ranking. The author presents a comparative analysis of statistical data of pedagogical and humanitarian universities. This technique allows revealing objective indicators to compare educational institutions of higher professional education. These indicators are relevant for bachelor, master and specialist programs. The ranking includes 71 universities of the Russian Federation. The procedure of ranking universities has not only theoretical, but also practical significance in managing higher educational institutions.

Keywords: tier training of students, bachelor, master, specialist, educational program, quantitative indicator, ranking.

Интерпретация статистических данных программ уровневой подготовки студентов основана на результатах, полученных в ходе комплексного оценивания педагогических и гуманитарных вузов. В 2010 г. Международная

информационная Группа «Интерфакс» и радиостанция «Эхо Москвы» осуществили совместный проект по формированию национального рейтинга педагогических и гуманитарных университетов. В рейтинг включён 71 вуз [1].

Предлагаемая нами методика, основанная на анализе этих данных, позволяет построить рейтинг вузов в соответствии с количественной оценкой профилей образовательных про-

грамм (число программ бакалавриата, магистратуры, специалитета).

Первоначально рассмотрим количественные показатели.

Таблица 1

Число образовательных программ различного уровня подготовки

| <i>Вуз</i> | <i>Число бакалаврских программ</i> | <i>Число магистерских программ</i> | <i>Число программ специалитета</i> |
|--|------------------------------------|------------------------------------|------------------------------------|
| Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Герценовский университет) | 26 | 24 | 42 |
| Московский педагогический государственный университет | 16 | 18 | 36 |
| Университет Российской академии образования | 2 | 2 | 15 |
| Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева | 19 | 4 | 19 |
| Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского | 19 | 9 | 38 |
| Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого | 10 | 9 | 26 |
| Восточно-Сибирская государственная академия образования | 8 | 7 | 21 |
| Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия | 13 | 10 | 32 |
| Московский городской педагогический университет | 11 | 11 | 32 |
| Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова | 8 | 3 | 16 |
| Томский государственный педагогический университет | 9 | 11 | 31 |
| Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова | 6 | 4 | 16 |
| Шуйский государственный педагогический университет | 5 | 11 | 27 |
| Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы | 10 | 7 | 32 |
| Омский государственный педагогический университет | 11 | 7 | 35 |
| Волгоградский государственный педагогический университет | 10 | 9 | 37 |
| Воронежский государственный педагогический университет | 6 | 5 | 22 |
| Уральский государственный педагогический университет | 8 | 8 | 35 |
| Алтайская государственная педагогическая академия | 5 | 4 | 20 |
| Вологодский государственный педагогический университет | 3 | 5 | 19 |
| Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева | 7 | 5 | 28 |
| Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского | 8 | 5 | 32 |
| Нижевартовский государственный гуманитарный университет | 7 | 2 | 23 |

| <i>Вуз</i> | <i>Число бакалаврских программ</i> | <i>Число магистерских программ</i> | <i>Число программ специалитета</i> |
|--|------------------------------------|------------------------------------|------------------------------------|
| Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет | 8 | 6 | 38 |
| Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова | 1 | 6 | 20 |
| Шадринский государственный педагогический институт | 6 | 6 | 34 |
| Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова | 2 | 2 | 12 |
| Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет | 4 | 5 | 29 |
| Владимирский государственный гуманитарный университет | 3 | 3 | 23 |
| Пермский государственный педагогический университет | 4 | 2 | 23 |
| Российский государственный профессионально-педагогический университет | 3 | 2 | 20 |
| Пятигорский государственный лингвистический университет | 2 | 3 | 21 |
| Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой | 2 | 2 | 17 |
| Уссурийский государственный педагогический институт | 2 | 2 | 17 |
| Вятский государственный гуманитарный университет | 7 | 2 | 43 |
| Новосибирский государственный педагогический университет | 8 | 2 | 47 |
| Челябинский государственный педагогический университет | 4 | 1 | 24 |
| Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева | 4 | 1 | 24 |
| Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева | 2 | 1 | 15 |
| Московский городской психолого-педагогический университет | 1 | 1 | 10 |
| Карельская государственная педагогическая академия | 2 | 1 | 16 |
| Московский государственный лингвистический университет | 2 | 2 | 22 |
| Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского | 2 | 3 | 28 |
| Московский гуманитарный педагогический институт | 4 | 0 | 24 |
| Мурманский государственный гуманитарный университет | 3 | 2 | 34 |
| Бирская государственная социально-педагогическая академия | 3 | 0 | 22 |
| Благовещенский государственный педагогический университет | 1 | 2 | 22 |
| Сургутский государственный педагогический университет | 2 | 1 | 22 |
| Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара | 1 | 1 | 16 |

| <i>Вуз</i> | <i>Число бакалаврских программ</i> | <i>Число магистерских программ</i> | <i>Число программ специалитета</i> |
|---|------------------------------------|------------------------------------|------------------------------------|
| Борисоглебский государственный педагогический институт | 0 | 1 | 9 |
| Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина | 1 | 1 | 20 |
| Дальневосточный государственный гуманитарный университет | 2 | 1 | 30 |
| Таганрогский государственный педагогический институт | 1 | 1 | 19 |
| Елабужский государственный педагогический университет | 1 | 0 | 11 |
| Соликамский государственный педагогический институт | 1 | 1 | 12 |
| Оренбургский государственный педагогический университет | 1 | 1 | 26 |
| Нижегородский государственный педагогический университет | 6 | 4 | 22 |
| Кузбасская государственная педагогическая академия | 1 | 0 | 21 |
| Московский государственный областной социально-гуманитарный институт | 1 | 0 | 24 |
| Поволжская государственная социально-гуманитарная академия | 1 | 0 | 29 |
| Иркутский государственный лингвистический университет | 3 | 2 | 14 |
| Липецкий государственный педагогический университет | 1 | 0 | 37 |
| Армавирский государственный педагогический университет | 0 | 0 | 20 |
| Волжский государственный инженерно-педагогический университет | 0 | 0 | 14 |
| Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко | 0 | 0 | 16 |
| Коми государственный педагогический институт | 0 | 0 | 11 |
| Московский государственный областной гуманитарный институт | 0 | 0 | 14 |
| Набережночелнинский государственный педагогический институт | 0 | 0 | 18 |
| Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова | 0 | 0 | 13 |
| Мичуринский государственный педагогический институт | Нет данных | Нет данных | Нет данных |
| Чеченский государственный педагогический институт | Нет данных | Нет данных | Нет данных |

Сравнение вузов по количественным данным – распространённая практика. Однако это ведёт к упрощённому представлению о деятельности вузов. На самом деле количество разработанных программ зависит и от числа авторских коллективов, и от количественного состава преподавателей, и от специализации служб, занятых в организации учебного процесса. Для получения более достоверной оценки необходимо снять эту зависимость и ввести вспомогательные (дополнительные) показатели.

Используя данные табл. 1, найдём для каждого вуза показатель количества программ уровневой подготовки студентов.

Пусть k_i процент числа бакалаврских и магистерских программ очного обучения от общего числа программ (очного обучения) i -го вуза:

$$k_i = \frac{b_i + m_i}{n_i} \cdot 100\%$$

b_i – число бакалаврских программ,
 m_i – число магистерских программ,
 n_i – общее число программ.

Вычислим k_i для каждого вуза (полученные данные представлены в табл. 2).

Нормализуем эти коэффициенты по максимальному из них. Пусть

$$K = \max\{k_i\}$$

(в нашем случае $K=54,3$). Положим:

$$K_i = \frac{k_i}{K}$$

Коэффициент K_i будем считать характеристикой i -го вуза относительно числа бакалаврских и магистерских программ очного обучения (коэффициенты K_i представлены в табл. 2).

Очевидно, что для каждого вуза $0 \leq K_i \leq 1$. Действительно, минимальный коэффициент имеют вузы, не имеющие ни бакалаврских, ни магистерских программ, у этих вузов данный коэффициент равен 0.

$$\max\{K_i\} = \max\frac{k_i}{K} = \frac{1}{K} \max\{k_i\} = \frac{1}{K} \cdot K = 1$$

Максимальный коэффициент, равный 1, получает вуз, у которого $k_i=K$ (этим вузом оказался РГПУ им. А. И. Герцена).

Таблица 2

Распределение образовательных программ уровневой подготовки

| Вуз | k_i | $K_i = \frac{k_i}{K}$ | $K_i - K_{i+1}$ | Кластеры |
|--|-------|-----------------------|-----------------|----------|
| Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Герценовский университет) | 54,3 | 1 | 0,10 | 1 |
| Московский педагогический государственный университет | 48,6 | 0,90 | 0,01 | 1 |
| Университет Российской академии образования | 48,3 | 0,89 | 0,08 | 1 |
| Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева | 44,1 | 0,81 | 0,03 | 2 |
| Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского | 42,4 | 0,78 | 0 | 2 |
| Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого | 42,2 | 0,78 | 0,01 | 2 |
| Восточно-Сибирская государственная академия образования | 41,7 | 0,77 | 0,00 | 2 |
| Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия | 41,8 | 0,77 | 0,03 | 2 |
| Московский городской педагогический университет | 40,7 | 0,75 | 0,02 | 2 |
| Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова | 40,7 | 0,75 | 0,03 | 2 |
| Томский государственный педагогический университет | 39,2 | 0,72 | 0,01 | 2 |
| Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова | 38,5 | 0,71 | 0,02 | 2 |
| Шуйский государственный педагогический университет | 37,2 | 0,69 | 0,05 | 2 |
| Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы | 34,7 | 0,64 | 0,01 | 3 |

| <i>Вуз</i> | k_i | $K_i = \frac{k_i}{K}$ | $K_i - K_{i+1}$ | <i>Кластеры</i> |
|---|-------|-----------------------|-----------------|-----------------|
| Омский государственный педагогический университет | 34,0 | 0,63 | 0,01 | 3 |
| Волгоградский государственный педагогический университет | 33,9 | 0,62 | 0,01 | 3 |
| Воронежский государственный педагогический университет | 33,3 | 0,61 | 0,03 | 3 |
| Уральский государственный педагогический университет | 31,4 | 0,58 | 0,01 | 3 |
| Алтайская государственная педагогическая академия | 31,0 | 0,57 | 0,02 | 3 |
| Вологодский государственный педагогический университет | 29,6 | 0,55 | 0,00 | 3 |
| Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева | 30,0 | 0,55 | 0,02 | 3 |
| Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского | 28,9 | 0,53 | 0,01 | 3 |
| Нижевартовский государственный гуманитарный университет | 28,1 | 0,52 | 0,02 | 3 |
| Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет | 26,9 | 0,50 | 0,02 | 3 |
| Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова | 25,9 | 0,48 | 0,00 | 3 |
| Шадринский государственный педагогический институт | 26,1 | 0,48 | 0,02 | 3 |
| Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова | 25,0 | 0,46 | 0,02 | 3 |
| Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет | 23,7 | 0,44 | 0,06 | 3 |
| Владимирский государственный гуманитарный университет | 20,7 | 0,38 | 0,00 | 4 |
| Пермский государственный педагогический университет | 20,7 | 0,38 | 0,01 | 4 |
| Российский государственный профессионально-педагогический университет | 20,0 | 0,37 | 0,02 | 4 |
| Пятигорский государственный лингвистический университет | 19,2 | 0,35 | 0,00 | 4 |
| Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишевой | 19,0 | 0,35 | 0,00 | 4 |
| Уссурийский государственный педагогический институт | 19,0 | 0,35 | 0,03 | 4 |
| Вятский государственный гуманитарный университет | 17,3 | 0,32 | 0,00 | 4 |
| Новосибирский государственный педагогический университет | 17,5 | 0,32 | 0,00 | 4 |
| Челябинский государственный педагогический университет | 17,2 | 0,32 | 0,00 | 4 |
| Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева | 17,2 | 0,32 | 0,01 | 4 |
| Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева | 16,7 | 0,31 | 0,00 | 4 |
| Московский городской психолого-педагогический университет | 16,7 | 0,31 | 0,02 | 4 |
| Карельская государственная педагогическая академия | 15,8 | 0,29 | 0,01 | 4 |
| Московский государственный лингвистический университет | 15,4 | 0,28 | 0,00 | 4 |

| <i>Вуз</i> | k_i | $K_i = \frac{k_i}{K}$ | $K_i - K_{i+1}$ | <i>Кластеры</i> |
|---|-------|-----------------------|-----------------|-----------------|
| Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского | 15,2 | 0,28 | 0,02 | 4 |
| Московский гуманитарный педагогический институт | 14,3 | 0,26 | 0,02 | 4 |
| Мурманский государственный гуманитарный университет | 12,8 | 0,24 | 0,02 | 4 |
| Бирская государственная социально-педагогическая академия | 12,0 | 0,22 | 0,00 | 4 |
| Благовещенский государственный педагогический университет | 12,0 | 0,22 | 0,00 | 4 |
| Сургутский государственный педагогический университет | 12,0 | 0,22 | 0,02 | 4 |
| Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара | 11,1 | 0,20 | 0,02 | 4 |
| Борисоглебский государственный педагогический институт | 10,0 | 0,18 | 0,01 | 4 |
| Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина | 9,1 | 0,17 | 0,00 | 4 |
| Дальневосточный государственный гуманитарный университет | 9,0 | 0,17 | 0,00 | 4 |
| Таганрогский государственный педагогический институт | 9,5 | 0,17 | 0,02 | 4 |
| Елабужский государственный педагогический университет | 8,3 | 0,15 | 0,00 | 4 |
| Соликамский государственный педагогический институт | 8,3 | 0,15 | 0,02 | 4 |
| Оренбургский государственный педагогический университет | 7,1 | 0,13 | 0,00 | 4 |
| Нижегородский государственный педагогический университет | 7,1 | 0,13 | 0,05 | 4 |
| Кузбасская государственная педагогическая академия | 4,5 | 0,08 | 0,01 | 5 |
| Московский государственный областной социально-гуманитарный институт | 4,0 | 0,07 | 0,01 | 5 |
| Поволжская государственная социально-гуманитарная академия | 3,3 | 0,06 | 0,01 | 5 |
| Иркутский государственный лингвистический университет | 26,3 | 0,05 | 0,00 | 5 |
| Липецкий государственный педагогический университет | 2,6 | 0,05 | 0,00 | 5 |
| Армавирский государственный педагогический университет | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Волжский государственный инженерно-педагогический университет | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Коми государственный педагогический институт | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Московский государственный областной гуманитарный институт | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Набережночелнинский государственный педагогический институт | 0 | 0,00 | - | 5 |
| Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова | 0,00 | 0,00 | - | 5 |
| Мичуринский государственный педагогический институт | - | - | - | 5 |
| Чеченский государственный педагогический институт | - | - | - | 5 |

Сравнивать успешность вузов по их рангам не вполне правомерно.

Например, ранги Университета Российской академии образования и Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева отличаются на 1, а значения K_i – на 0,08. В то же время соседние по рангу Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого и Восточно-Сибирская государственная академия образования отличаются по значениям K_i на 0,01, то есть по этим показателям они почти одинаковы.

Для сравнения вузов следует ориентироваться не на полученные ими ранги, а на их коэффициенты K_i . При этом вузы, имеющие близкие по значению коэффициенты, целесообразно объединить в один класс. Задачу классификации объектов решает кластерный анализ.

Известно несколько методов кластеризации. Мы используем метод одиночной связи. Метод одиночной связи позволяет образовать любое заранее заданное число классов – кластеров. Именно это его свойство мы и используем.

Проранжируем вузы в порядке убывания K_i (в табл. 2 вузы уже перечислены в порядке убывания коэффициентов K_i).

Найдём разность между коэффициентами уровня профессионализации каждых двух соседних по рангу вузов: из большего коэффициента K_i вычитаем меньший K_{i+1} (табл. 2).

Группировать следует таким образом, чтобы объекты в каждом классе были более похожи друг на друга, чем на объекты других классов. В то же время естественно потребовать, чтобы каждый класс содержал не менее трёх объектов. Эти два требования могут войти в противоречие друг с другом. В рассматриваемой ситуации это противоречие имеется, и его придется разрешить.

Различия между соседними по рангу вузами определяется значением $K_i - K_{i+1}$. Чем больше это число, тем более значима разница между рассматриваемыми показателями данных двух вузов. Среди чисел $K_i - K_{i+1}$ выбираем наибольшее. Назовём его первым пограничным числом. Оно разбивает всю совокупность вузов на два класса: в первый класс войдут вузы ранга 1, 2, ..., i , во второй – все остальные. В на-

шем случае первое пограничное число равно 0,1. Оно определяет в первый класс всего один вуз – РГПУ им. А. И. Герцена, и этот класс должен составить один кластер. Так как каждый кластер должен содержать не менее трёх объектов, то следует объединить маленький кластер с соседним кластером и число 0,1 не считать пограничным. Второе по величине значение $K_i - K_{i+1}$ равно 0,08. Его можно считать пограничным числом, так как оно разбивает всю совокупность вузов на два класса, первый из которых содержит три объекта. Первый класс мы уже не можем разбивать, мы определяем его как первый кластер. В первый кластер входят: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Герценовский университет), Московский педагогический государственный университет, Университет Российской академии образования.

Оставшиеся вузы разобьём на два класса. Для этого среди значений разностей $K_i - K_{i+1}$ этих вузов выбираем наибольшее, оно равно 0,06. Это – новое пограничное число. Оно разбивает рассматриваемый класс на два класса, внутри каждого из них показатели $K_i - K_{i+1}$ меньше 0,06. Теперь у нас три класса вузов, один из которых представляет собой кластер, состоящий из трёх вузов. Два других класса содержат 43 и 25 вузов, и есть смысл разбить хотя бы один из них на два класса. Для этого ищем следующее пограничное число (наибольшее среди чисел $K_i - K_{i+1}$ внутри классов). Таким является 0,05, и оно присутствует в каждом из двух рассматриваемых классов. Каждый из них оно разбивает на два класса. Мы получили всего пять классов вузов. На этой цифре целесообразно закончить кластеризацию. Каждому вузу присвоим номер кластера (номер 1 получает кластер с лучшими показателями K_i). Номер кластера каждого вуза приведён в последнем столбце табл. 2.

Таким образом, первый кластер содержит 3 вуза, второй кластер – 10 вузов, третий – 15 вузов, четвёртый – 29 вузов, и, наконец, пятый кластер – 14 вузов.

Предложенная методика позволяет осуществить сравнительный анализ деятельности педагогических и гуманитарных университетов в сфере перехода на уровневое образование.

Список литературы

1. Национальный рейтинг университетов. URL: <http://univer-rating.ru/txt.asp?rbr=30&txt=Rbr50Text2378&lng=0> (дата обращения: 16.03.2011).

Статья поступила в редакцию 28.03.2012 г.

УДК: 316.1/.2
ББК 60.5 В75

Наталья Викторовна Немирова

кандидат социологических наук,

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nnemirova@yandex.ru*

Методология как предмет анализа в социологии русской школы неокантианства

Статья посвящена исследованию особенностей теоретико-методологических построений социального знания представителей отечественного неокантианства, в частности, А. С. Лаппо-Данилевского, Б. А. Кистяковского, В. М. Хвостова, Л. И. Петражицкого. В статье проведено сопоставление и уточнение основополагающих понятий неокантианской методологии (причинность, телеологизм, идеографический и номотетический подходы и др.), подняты важные научные проблемы, связанные с разграничением понятий «теория», «методология» и «метод», определена специфика социологического знания и поставлены вопросы разграничения наук по предмету и методу, исследован процесс образования социально-научных понятий. Новизна анализа данной проблематики состоит в том, что исследуемые научные понятия неокантианской методологии рассматривались не как разрозненные образования, составляющие специфику каждого из представителей неокантианской школы, а как единый теоретико-методологический комплекс мер по реформированию социологического знания, находившегося в глубоком кризисе на рубеже XIX–XX вв. Методологические изыскания неокантианцев в области социологической науки определили исходные принципы формирования новой парадигмы отечественной социальной мысли, созвучной мировым тенденциям развития социологии начала XX в.

Ключевые слова: русская социологическая школа неокантианства, методология, история социологии, образование понятий, классификация наук, телеологизм, причинность.

Natalia Viktorovna Nemirova

Candidate of Sociology,

*Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia), e-mail: nnemirova@yandex.ru*

Methodology as a Subject of Analysis in the Sociology of the Russian Neo-Kantian School

The article is devoted to the study of theoretical and methodological features of social knowledge by Russian representatives of neo-Kantianism, in particular A. S. Lappo-Danilevsky, B. A. Kistyakovsky, V. M. Khvostov, L. I. Petrazhitsky. The author compares and clarifies the fundamental concepts of neo-Kantian methodology (causality, teleologism, ideographic and nomothetic approaches, etc), discusses important scientific issues associated with the differentiation of the concepts of “theory”, “methodology” and “method” and describes the specificity of sociological knowledge and the question of sciences differentiation according to their objects and methods, as well as the formation of social and scientific concepts. The novelty of this problem lies in the fact that neo-Kantian methodology concepts are considered not as separate formations that represent individual scholars of the neo-Kantian school, but as a unified theoretical and methodological set of measures to reform sociological knowledge that was in deep crisis at the turn of the 19th-20th centuries. Methodological research in the field of neo-Kantian sociology has identified the original principles of the new paradigm of national social thought, in line with the world trends of the early 20th century sociology.

Keywords: Russian sociological school of neo-Kantianism, methodology, history of sociology, concept formation, classification of sciences, teleologism, causality.

В настоящее время отечественная наука испытывает острую потребность собственного переосмысления и выхода на новый уровень теоретико-методологического видения и понимания процессов социального развития, о чем свидетельствуют публикации в ведущих социологических изданиях. Социологами всё чаще поднимается вопрос об увеличении числа научных разработок как в области методологии социологического познания, так и в сфере изучения истории отечественной социологии. В связи с этим актуальным становится обращение к теоретико-методологическому опыту представителей русской социологической школы неокантианства. Этот аспект историко-социологического осмысления важен ещё и потому, что отечественное неокантианство было тесно связано с общеевропейской тенденцией развития социальной мысли, которая оказала огромное влияние на разработку целого комплекса проблем как теоретико-методологического характера, так и того, что связано с дальнейшим совершенствованием и расширением эмпирических исследований.

К числу общеметодологических проблем, поднятых представителями неокантианской социологии (безусловно, в том числе и отечественными учёными), относится глобальный вопрос о единстве и специфике естественно-научного и социального познания. Именно в это время, в конце XIX в., испытывая значительные теоретико-методологические трудности в объяснении характера общественной жизни и перспектив социально-исторического развития, позитивизм вступил в фазу глубокого кризиса. Антипозитивистская реакция в общественном сознании была усилена ещё и тем, что кризис позитивизма совпал со всеобъемлющим кризисом мировоззренческих оснований гуманитарного знания в целом.

В тот период специфика развития и становления социологии как самостоятельной науки, которая позиционировала себя и отождествляла с идеологией позитивизма, создавала почву для широкого роста недоверия к социологии как науке, которая к тому же не имела чётко определённого предмета, методов исследования и обоснованной системы понятий. Критический подход к позитивистской социологии способствовал поиску новых философских и логико-методологических принципов познания для социогуманитарных наук в целом. Это и стало основной задачей

научных изысканий социологической школы неокантианства. Поднятые неокантианцами проблемы методологии научного познания до сих пор не имеют единой трактовки и путей однозначного разрешения.

Социологическая методология – это учение о системе онтологических предпосылок, принципов, подходов, методов, объясняющих структуру социологического знания, способы его получения, приращения, развития и применения. Являясь способом самосознания социологии как науки, методология представляет собой особый вид рефлексии по поводу сущности, назначения, возможности и границ научного социологического познания. Посредством метода наука организует и конструирует себя, определяет пути и этапы исследования средств и приёмов научного познания. В таком понимании метод соответствует уровню методологии. Метод и теория при всем единстве отличаются друг от друга как формально, так и по существу. Их различие усматривают в порядке их расположения в поле познавательной деятельности. Для представителей неокантианской школы социологии характерно признание приоритета метода над теорией как предпосылки разработки и построения последней.

Представители неокантианства считали, что социология как молодая наука как никто другой нуждается в преобразовании методологических основ, поскольку научное социологическое знание состоит из огромного количества противоречивых и непроверенных теорий.

Так, А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что перед методологией стоит две задачи – основная и производственная. Основная заключается в том, чтобы установить те принципы, которые лежат в основе науки, за счёт которых она получает своё знание; задача производственная – дать систематическое учение о методах, при помощи которых что-либо изучается. Таким образом, он сделал попытку разграничить методологию от методики и техники. Лаппо-Данилевскому принадлежит идея разграничения методологии и теории познания. Методология, по его мнению, сохраняет интерес к действительности и пытается исходить из нужд конкретной науки. Гносеология же ставит своей задачей обоснование истины соответствующего знания, обеспечивает достоверность и общезначимость всякого научного знания, то есть разрабатывает исходящие принципы методологии. Для Лаппо-

Данилевского, как и для всех представителей неокантианской школы, главной характеристикой истинного знания является систематическое единство.

В. М. Хвостов, продолжая неокантианскую традицию определения гносеологии и методологии, выделяет несколько направлений, которые должна решить теория познания: во-первых, происхождение познания и его источники; во-вторых, обязательность познания; в-третьих, предмет познания. Науку он представляет как объект взаимодействия мышления и опыта. Опытные данные могут стать достоянием науки только в том случае, если они будут подвергнуты обработке мысли и получают вид логического единства. Логика для Хвостова является составной частью гносеологии – науки, занимающейся формальными приёмами правильного мышления.

Таким образом, главная задача построения знания есть единство его многообразия, которое нуждается как в расчленении разнородного, так и объединении многообразия. Представители неокантианства придавали особое содержательное, смыслообразующее и целеполагающее значение понятиям «методология» и «гносеология» и в своих работах уделяли значительное внимание доказательству необходимости методологии науки и критике противников методологического подхода в социальном познании [1, с. 31–47]. Они были уверены в том, что только методология сможет вывести социальные науки и, в частности, социологию из затянувшегося кризиса, осветить путь их дальнейшего развития. Б. А. Кистяковский считал методологию самосознанием и совестью науки.

Представители неокантианской школы не призывали к открытию чего-либо нового, они полагали, что отправной точкой должны служить уже имеющиеся теоретические знания, накопленные социальными науками, только их необходимо подвергнуть строгой критике. Кистяковский выделял три проблемы методологии: во-первых, проблему образования социально-научных понятий; во-вторых, проблему применимости причинных объяснений к социальным явлениям и, в-третьих, проблему обоснования роли и значения норм в социальной жизни. Их решение он рассматривал как основную предпосылку вывода социальной науки из кризиса и утверждения научной объективности социологии. При этом обязатель-

ным условием Кистяковский считал отделение социологии от социальной философии. Зависимость социальной науки от философии порождает первую и не даёт уверенности в объективной значимости результатов социально-научных исследований [2, с. 1–31; 7, с. 1–124]. Второе условие реформирования социологии, согласно Кистяковскому, – это отказ от господства излишнего психологизма.

В результате анализа понятия «методология» представители неокантианской школы социологии обозначили три основные темы теоретико-методологических исканий: проблема определения места социологии в системе наук, проблема соотношения причинного и телеологического объяснения социальных явлений и проблема образования социально-научных понятий. Как и западноевропейские представители неокантианства, отечественные мыслители главным образом сосредоточили своё внимание на первой проблеме – проблеме классификации научного знания. Наибольший вклад в её разработку на российской почве внесли А. С. Лаппо-Данилевский и В. М. Хвостов.

Для Лаппо-Данилевского целью гуманитарной науки является выяснение психического содержания социальных и культурных фактов, на основании которых происходит последовательное построение типологической конструкции. Причём сам процесс типологизации, в соответствии с методологической установкой неокантианства, соотносится с ценностями, которые могут выступать в качестве нормы, то есть иметь характер долженствования.

Основой для классификации научного знания Лаппо-Данилевский считает системность – главную отличительную черту любой науки. Он признаёт деление наук по предмету исследования на «науки о природе» и «науки о духе». Но этот подход, по его мнению, не отвечает основному требованию классификации и не соответствует сложным задачам познания, так как смешивает понятие о единстве с понятием о всеобщности. Разрешить данную проблему может помочь разделение наук по методу исследования, что и делает Лаппо-Данилевский, предлагая номотетический и идеографический подход к изучению действительности.

Суть номотетического метода у Лаппо-Данилевского сводится к понятию общего, ориентации на обобщение знания, но это не учитывает нормативный характер человеческого сознания, упускаются из виду конкретные

индивидуальные факты, таким образом происходит смешение нормативных законов и законов природы. Следовательно, этот метод не может удовлетворить интереса к социальной действительности, в отличие от идеографического подхода.

Суть идеографии сводится к понятию индивидуального, ориентации на изучение единственного в своем роде объекта. Самого же Лаппо-Данилевского в большей степени интересует понятие индивидуальности, которое, в отличие от индивидуального, наполнено единичным содержанием, оно связано с представлением о его значении. «Великая индивидуальность» выступает для Лаппо-Данилевского объектом исторической науки, стремящимся опознать систему абсолютных ценностей и осуществить её в истории [4, с. 1–279]. Абсолютные ценности выступают критерием необходимого в социально-исторических построениях. Таким образом, Лаппо-Данилевский обосновывает научность данного типа знаний. Метод отнесения к ценности, как известно, является центральной темой неокантианской методологии.

Как указывает Лаппо-Данилевский, любой исследователь может выступать сторонником как номотетического, так и идеографического подхода к науке, но в зависимости от избранной им позиции между социологией и историей будут складываться различные взаимосвязи. Так, номотетический метод не учитывает принципиальных различий между этими науками. Они отличаются лишь по степени обобщения, то есть социология выступает более общей наукой, чем история. Если исследователь стоит на позициях идеографического подхода, то социология и история выступают как две принципиально отличные науки. Обе являются «науками о духе», но социология строит общие понятия (законы о развитии общества и т. п.), а история, напротив, образует индивидуальные (единичное историческое целое и т. п.).

Сам Лаппо-Данилевский был сторонником идеографического подхода к построению исторического знания. Но несмотря на это, он указывает на принципиальное различие между данными подходами. Это разделение существует только в теории, в практическом применении они тесно переплетаются друг с другом, и учёный может изучать действительность с разных сторон. Ведь главная задача классификации научного знания – не его противопостав-

ление, а построение системы единого научного познания. То есть, как и большинство представителей неокантианства, Лаппо-Данилевский выступал за методологический синтез научного знания.

Однако было бы ошибкой сводить основную схему методологии Лаппо-Данилевского к пассивному изложению исходных тезисов представителей баденской школы: как видно из изложенного материала, он относился к ним достаточно критично. Часть исследователей научного творчества Лаппо-Данилевского скорее усматривают влияние на него Н. К. Михайловского с его теорией «борьбы за индивидуальность».

В целом взгляды Лаппо-Данилевского были поддержаны Хвостовым, который полагал, что только наличие правильной логической классификации даёт учёному возможность говорить о науке как о систематизированной совокупности знаний. Разделение и обособление наук складывается исторически: чем интенсивнее развивается знание, тем острее возникает потребность свести процесс разделения наук в строгую логическую схему. При этом Хвостов не ставит перед собой цель построить совершенно новую систему наук, и разрушить исторически сложившееся разделение.

В основу классификации наук, как и все представители неокантианства, Хвостов складывает тот факт, что опыт распадается на две области: мир физических объектов и мир духовных переживаний. Отличительными чертами физического мира являются протяжённость и пространственность, мир духовный протекает только во времени и не расположен в пространстве. Исследователь может измерить пространственные величины, психические же явления на язык цифр перевести нельзя. В результате Хвостов констатирует, что в мире духовных переживаний исследователь в большей степени имеет дела с качествами, а в физическом – с количествами.

Хвостов, как и все неокантианцы, разделяет науки по предмету на «науки о духе» и «науки о природе» и по методу – на «науки об индивидуальном» и «науки об общем». Одновременно с этим он вводит два промежуточных понятия: в деление наук по предмету – «науки о жизни», а в деление по методу – «типологические науки». В этих понятиях он пытается свести в одно непротиворечивое целое данные двух миров: природного и социального. Кате-

гория жизни отождествляется им с внутренними человеческими переживаниями и выступает в качестве исходного пункта сознания. Главной отличительной чертой, присущей живому существу, является целесообразная деятельность. Основной целью типологических наук является описание действительного мира с большей степенью полноты, чем наук об индивидуальном, но с меньшей степенью углубления, чем наук об общем.

Только та наука, по Хвостову, имеет право на отдельное существование, которая имеет достаточно обособленный и определённый круг явлений. К таким наукам он относит социологию, которую как и все представители неокантианства Хвостов считает номотетической наукой, наукой о духе. При этом он делит её на две части: основную социологию, или учение о социальной связи и о социальных законах, и социальную типологию, то есть учение о важнейших типах человеческих обществ. Социология как обобщающая наука имеет своей задачей выяснение природы человеческого общества и создание вечных и неизменных законов, действующих в общественной жизни. Однако она может быть построена только на психологической основе. Выступая на позициях психологизма, Хвостов иногда соединяет воедино социологию и социальную психологию. Так как в науках о духе на первом месте стоят качества, то социолог, изучая общественную жизнь, интересуется её качественным, идейным содержанием, следовательно, исследователю необходимо располагать особыми приёмами качественного анализа социальных явлений, который может осуществляться только путём детального обследования отдельных единичных фактов общественной жизни [8, с. 69–126]. Эта идея Хвостова особенно актуальна для современной социологической науки, которая переживает ренессанс качественных методов исследования.

Пытаясь построить единую систематизированную классификацию научного знания, совершив попытку отграничения социального знания от естественнонаучного по предмету и методу исследования, представители неокантианства выявили ещё одну основную проблему: в основе природных и социальных процессов лежат совершенно разные принципы, «причинность» (производство причиной следствия) и «телеологизм» (учение о цели или целесообразности). Поэтому второй проблемой

теоретико-методологического плана, которую пытались решить представители отечественного неокантианства, стала проблема соотношения этих двух принципов в социальном познании, главным образом на этой тематике сконцентрировали свое внимание В. М. Хвостов и Б. А. Кистяковский.

В основе каждого явления физической и духовной жизни заложена своя причина. По мнению Хвостова, понятие причины есть самое путаное и спорное понятие методологии, в особенности в вопросе соотношения причины и следствия. При этом в социальном мире следствия не содержатся в причине до конца, а отчасти даже являются новыми и никогда до этого не существовавшими, что позволяет Хвостову говорить о качественно-творческом характере причинности. Элемент творчества присутствует во всех актах духовной жизни, начиная с самых низших её проявлений. Между причинностью психического и физического мира Хвостов выявляет явные различия, но в то же время он выступает решительным противником изучения индивидуальной или исторической причинности, так как по своему понятию причинность может быть только общая и вся ценность причинных построений состоит именно в их всеобщности и неизменности.

Стремление к открытию причинной закономерности для Хвостова является целью научного знания. Но всеобщую причинность нельзя доказать средствами научного познания, всепроникающая мировая причинность не доказуема. Выход из этой ситуации Хвостов видит в том, что следует жить не только знанием, но и верой. Мировая причинность не должна подчиняться человеческому духу. Человек для Хвостова не только биологический организм, но и существо само ставящее себе цели. Таким образом, для реализации познавательных задач необходимо прибегать к помощи телеологических объяснений, которые носят объективный характер только в мире психических переживаний, в физическом мире к ним можно прибегать только в качестве методологических построений. Телеологизм и причинность не выступают у Хвостова как дуалистические понятия. В его концепции они не противоречат и не исключают друг друга. При телеологическом разборе исследователю приходится переворачивать причинные ряды и рассматривать их в обратном порядке.

Сложность телеологических построений связана, во-первых, с тем, что цели лежат только в будущем и поэтому гадательны; во-вторых, область сознательных человеческих действий всегда непредсказуема. Так, в человеческой психике постоянно происходит борьба между различными целями, в процессе которой производится оценка и принимается решение о цели. В области коллективного взаимодействия признаются общими те цели, которые имеют коллективную ценность. Таким образом, ценность для Хвостова, как и для любого представителя неокантианской школы, – это важнейший фактор общественного развития. На основании этого возникает вопрос об иерархии и масштабе целей, закономерностей выбора оценки. По Хвостову, законченное знание должно построить систему соотношения целей и выяснить конечную и высшую цель человеческой [9, с. 50–230; 10, с. 15–300] деятельности. Этим путём можно разрешить самый важный для человечества вопрос – о назначении человека в жизни Вселенной – и постараться дать ответы на морально-этические вопросы, что завершает процесс научного познания.

Поддерживая идеи Хвостова, Кистяковский, выступая с позиций методологического плюрализма, считал необходимым для построения новой модели социологического знания использовать как принципы всеобщей причинности, так и принципы телеологического рассмотрения. Выявление общезначимых причинных связей есть задача логики и методологии социального познания. При этом Кистяковский был противником привнесения причинного объяснения явлений из естествознания в социальные науки, за что он критиковал представителей органицистской и марксистской школ. Построение однозначных причинных соотношений в социальных науках, по его мнению, возможно только при использовании адекватных социально-научных понятий.

Проблема обоснования научности социального знания связана у Кистяковского с тремя категориями: общности, необходимости и долженствования. По его мнению, все вопросы логики и методологии социальных наук сконцентрированы в этих трёх основополагающих категориях, где центральное место занимает категория должного.

Кистяковский был уверен в том, что всё, касаемое людей, необходимо судить с нравственной точки зрения. Поэтому он применял

категорию справедливости. Категория необходимости есть категория познания, а категория справедливости есть категория оценки. Именно последняя позволяет социологической науке выйти на новый методологический уровень и раскрыть подлинную научную истину, отказавшись от одного лишь причинного объяснения. В этом Кистяковский и усматривает отличие естественнонаучного знания от социального. Первому достаточно установления причинной взаимосвязи, последнему необходимо быть обусловленным ещё и нормами, указывающими путь к достижению определённой цели [3, с. 125–630]. Таким образом, исследуя проблемы телеологизма, Кистяковский выступает как нормативист. Главной социальной и методологической проблемой он считает определение роли и значения норм в социальной жизни. Первостепенную роль он отдаёт нормам права.

Таким образом, концептуальные подходы к анализу специфики телеологического объяснения социокультурных реалий, предложенные представителями отечественного неокантианства, оказали заметное влияние на дальнейшее развитие социологической науки и не потеряли своей актуальности в настоящее время.

Третьей ключевой проблемой неокантианской методологии является проблема образования научных понятий в социальных науках, главным образом представленная в трудах Л. И. Петражицкого и Б. А. Кистяковского.

Понятие – это мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс объекты посредством указания на их общий отличительный признак. Образование понятий – естественный результат исторического развития знаний [6, с. 40–83]. Проблема образования понятийного аппарата является ключевой в структуре теоретико-методологических исканий каждой науки.

Так, по мнению Петражицкого, именно за счёт образования адекватных понятий наука достигает необходимой систематизации знания, а методология любой науки должна состоять из двух частей: во-первых, учения о познании конкретных научных явлений; во-вторых, учения о построении общих понятий и теорий. Он констатирует неудовлетворительное положение в социогуманитарных науках по этому вопросу, особенно в отношении общих понятий: «общество», «право» и т. п.

Под общим, или классовым, понятием, Петражицкий подразумевал все то, что мысли-

мо как обладающее известными признаками. Такой подход отвергал метод образования понятий, традиционно повторяющийся в учебниках логики. Петражицкий исходил из того, что необходимо разделять две проблемные области при образовании понятий. С одной стороны – это лингвистические проблемы, когда предмет изучения являются слова как особого рода символические знаки; с другой – собственно научные трудности, когда предметом изучения становятся явления, для которых и подбираются лингвистические названия, претендующие на статус понятия.

Особую сложность образования профессиональных понятий он видел в науках, где существенную роль играют психические факторы, с которыми как раз и сталкиваются гуманитарные науки. В этой сфере Петражицкий не исключал образования удачных понятий путём случайного угадывания. Хотя, безусловно, и здесь он настаивал на сознательной методической разработке научно обоснованных понятий.

Для того, чтобы при образовании классовых (общих) понятий избежать различных затруднений и порочных кругов, Петражицкий предлагает следовать схеме: всё, что обладает признаком «а», будет классовым понятием, а все мыслимые объекты, соответствующие данной идее, будут составлять класс. При этом он разработал правила, которым необходимо следовать при образовании подобного рода понятий.

Создавая логическую систему образования понятий, Петражицкий прежде всего задаётся вопросом, все ли они могут иметь ценность для получения научного знания? Он считал, что научному познанию будут удовлетворять только те классовые понятия, относительно которых уже существуют или могут быть образованы адекватные научные теории. В противоположность адекватным теориям Петражицкий приводит «прыгающие» (высказывающиеся о слишком широком классе объектов) и «хромающие» (высказывающиеся о слишком узком классе объектов). Примером наличия таких прыгающих, тем более конкурирующих друг с другом теорий, является, по мнению Петражицкого, социология. Отсюда социологическая наука, чтобы выйти из кризиса, должна подвергнуть критике существующие научные построения и руководствоваться главным методологическим принципом мышления, суть которого – конструирование адекватных теорий.

При всей актуальности и важности постановки проблем, связанных с образованием понятий в социальных науках, концептуальный подход к их применению, предложенный Петражицким, вызвал критику не только среди представителей различных школ и направлений, но и среди его коллег. Так, детальной критике теорию Петражицкого подверг Кистяковский, который также занимался разработкой системы образования научных понятий. Его критика сводилась к тому, что образование понятий у Петражицкого выступает началом и исходным пунктом научного знания, а не заключительным его звеном; образование понятий является делом простым и лёгким, Петражицкий не учитывает тысячелетний труд учёных в этой области.

Для самого Кистяковского понятия – это представления, которые в отличие от обычных представлений имеют строгую логическую основу, созданную путём правильного установления сходства и различия. При этом общие представления являются естественным продуктом, а понятия есть продукт искусства. Вместе с тем для образования научных понятий недостаточно лишь привлечения сходства и различия, необходимо установление правильных границ их применения, а поэтому возникает необходимость дополнения логических принципов методологическими приёмами. По Кистяковскому, при образовании понятий исследователь может преследовать две цели: с одной стороны – это называние, то есть фиксирование значения того слова, которым обозначается данное явление или предмет; с другой – это самостоятельная разработка понятия, то есть определение самого предмета исследования. Эти обе цели одинаково важны для науки, хотя и в неравной степени.

Понятие как целесообразно созданная форма мышления есть одно из основных орудий научного познания, поэтому для грамотного решения вопроса, как считает Кистяковский, необходимо знать цель, для которой создаётся данное понятие. Построение научных понятий всегда будет идти параллельно с развитием самой науки. Выработка истинных научных понятий происходит на стадии высокого уровня развития науки.

Наука на каждом витке своего развития ставит вопрос о формировании качественно новой терминологии, которая была бы адекватной для решения задач как теоретического,

так и эмпирического характера. Тема, поднятая неокантианцами относительно понятийной системы, актуальна и для сегодняшней социологической науки.

В результате последовательного рассмотрения трёх поставленных методологических проблем представители неокантианства разработали обширный план кардинального изменения социологической науки, который включал в себя следующие положения:

1) только методология может вывести социальные науки и, в частности, социологию из затянувшегося кризиса, именно методология играет особую содержательную, смыслообразующую, целеполагающую роль в социальном познании;

2) основными задачами познания является построение единого системообразующего и логически связанного знания, стремление к которому определяет весь ход развития науки;

3) реформирование науки заключается не в открытии чего-то нового, а в строгой критике уже накопленного социологией теоретического материала;

4) социология должна выработать свой, отличный от других наук и, прежде всего, от естествознания метод научного исследования, определяющей характеристикой которого должна стать возможность устранения неизбежной субъективности в истолковании духовных явлений;

5) все явления и процессы в социокультурной сфере необходимо изучать с нравственной точки зрения, а приоритетной целью социологического познания является ценность человеческой личности [5, с. 205–211].

Поставив на повестку дня разрешение таких кардинальных проблем теоретико-методологического характера, как «отнесения к ценности», соотношения «телеологизма и причинности», «должного и необходимого», «качественных и количественных измерений», «идеографических и номотетических методов» и др., представители неокантианской школы определили исходные принципы формирования новой парадигмы отечественной социальной мысли, созвучной мировым тенденциям развития социологии начала XX в.

Список литературы

1. Кистяковский Б. А. Методология и её значение для социальных наук и юриспруденции // Юридический вестник. 1917. Кн. XVIII (II) (III) (IV). С. 31–47.
2. Кистяковский Б. А. Проблема и задача социально-научного познания. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. 31 с.
3. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1916. 705 с.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Пг., 1923. 279 с.
5. Немирова Н. В. Русская социологическая школа неокантианства: теоретико-методологический анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. 232 с.
6. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908. 267 с.
7. Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. М.: Берег, 1922. 124 с.
8. Хвостов В. М. Классификация наук и место социологии в системе научного знания // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139–140 (IV–V). С. 69–126.
9. Хвостов В. М. Нравственная личность и общество. Очерки по этике и социологии. М.: Изд-во Ключкова, 1911. 230 с.
10. Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. М.: Тип. Вильде, 1914. 316 с.

Статья поступила в редакцию 14.01.2012 г.

Надежда Михайловна Сараева

доктор психологических наук, доцент,

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),

e-mail: saraiwa@mail.ru

Общее теоретическое представление о состоянии психики человека, проживающего в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды

В статье дано обоснование изменения состояния психики человека вследствие длительного влияния экологического неблагоприятия. Проблема сохранения потенциала психики в экологически деформированных условиях жизни приобрела особую актуальность в связи с экологическим кризисом, переживаемым в развитых странах. Реализация принципа системности в рамках эконпсихологического подхода к развитию психики – подхода, который учитывает и природные, и социальные факторы жизненной среды, – позволяет выявить тенденцию к общему снижению уровня психической активности людей на экологически неблагоприятных территориях. Тенденция есть проявление ослабления активации психической деятельности из-за необходимости обеспечения энергией, в первую очередь, биологического уровня системной организации человека в недостаточно адекватных условиях жизнедеятельности. В снижении психической активности проявляет себя также минимизирующая психологическая адаптация людей на экологически неблагоприятных территориях. Сниженные показатели состояния психики – это вариант региональной адаптационной нормы.

Ключевые слова: регион экологического неблагоприятия, жизненная среда, система «человек – жизненная среда», состояние психики, психологический статус, снижение уровня психической активности, минимизирующая психологическая адаптация.

Nadezhda Mikhailovna Sarayeva

Doctor of Psychology, associate professor, Zabaikalsky State Humanitarian

Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),

e-mail: saraiwa@mail.ru

General Theoretical Idea of Mentality Peculiar to a Person Living in Ecologically Unfriendly Environment

The article describes mental changes taking place in man's psyche as a result of long-term impact caused by ecologically unfavourable conditions. The problem to preserve mental potential has become urgent in ecologically deformed living conditions due to the ecological crisis facing the developed world. The principle of consistency in the eco-psychological approach to the development of mentality, an approach that takes into account both natural and social factors of living environment, reveals a general tendency to reduce the level of mental activity of people in ecologically unfavorable areas. This tendency is a manifestation of the weakening of mental activity due to the activation of the need for energy, in the first place, and the biological level of the systemic personality organization under inadequate living conditions. Lowering of mental activity also indicates the minimizing psychological adaptation of people, living in ecologically unfriendly regions. The lowered mentality indicators are a variant of regional adaptation norm.

Keywords: ecologically troubled region, living environment, "man-living environment" system, mentality, psychological status, reduced level of mental activity, minimizing psychological adaptation.

Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения в условиях глобального экологического кризиса физических и психических возможностей человека, составляющих, по большому счёту, главный ресурс развития любой страны, основу и гарантию её социальной безопасности. Более 60 % населения России [5] проживает

в регионах экологического неблагоприятия (РЭН), последствия длительного воздействия на психику человека деформированной природной среды на территориях, экологическое неблагоприятие которых связано с природно-климатическими условиями и профилем хозяйственной деятельности, нуждаются в специальном анализе.

Целью настоящей работы является теоретическое обоснование изменения состояния психики человека, постоянно проживающего на экологически неблагоприятной территории.

При общем признании значимости задачи выяснения последствий влияния экологического неблагоприятия на психику человека исследователи решают её на разных методологических основаниях, определяющих и разные, порой противоречивые, выводы исследований. Они фиксируют сам факт влияния (изменения, снижения показателей психической деятельности людей в РЭН). Но факторы, «мишени», степень и последствия влияния представляются исследователям по-разному. Не подвергая сомнению значимость проведённых исследований, отметим, что назрела необходимость в обобщении, объяснении имеющихся фактов, в создании общего представления о состоянии психики человека на территориях экологического неблагоприятия.

Новые перспективы открываются за рамками как монофакторного, так и комплексного подходов на основе реализации принципа системности и методологии экпсихологического подхода к развитию психики человека (В. И. Панов [15]) при изучении последствий длительного воздействия на психику в целом экологически неблагоприятной жизненной среды, т. е. среды, сочетающей в себе и природные (физико-химические), и социальные факторы и условия.

Гипотеза исследования состояла в следующем: системное рассмотрение психики в её связях с жизненной средой позволяет допустить, что на «загрязнённых» территориях возможно возникновение негативной тенденции к изменению характеристик состояния психики – общее снижение психической активности населения, родившегося и постоянно проживающего в условиях экологического неблагоприятия.

В разработке проблемы влияния на психику человека экологически неблагоприятной среды можно условно выделить три направления. Самым «насыщенным» является то, которое изучает воздействие массивных и малых доз радиации различного генеза на психику человека [2; 8; 10; 23 и др.].

Второе направление составляют работы, исследующие влияние других конкретных «загрязнителей» или целостной (без выделения отдельных вредных агентов) экологиче-

ски неблагоприятной природной (физической) среды, особых климатических условий на: а) психические процессы, состояния человека [7; 14], а также на интегральные психические образования, например, интеллект [6; 20]; б) личностные проявления и характеристики [12; 21].

Работы третьего направления посвящены изучению социально-психологических последствий проживания на экологически неблагоприятной территории, в том числе и радиационно заражённой [22 и др.].

Отдельно можно назвать работы, выполненные на стыке биологии и психологии, медицины и психологии [9].

Как показали эмпирические результаты многих ранее выполненных исследований и результаты эмпирической части нашей работы [17], существует генеральное отличие характеристик психической деятельности людей, проживающих на территориях с отличающимися экологическими условиями жизненной среды. Оно заключается в том, что большая или даже преобладающая часть показателей разных видов психической активности людей, живущих в условиях экологического неблагоприятия, смещена с границ так называемой «средней» психической, психологической нормы на переходные диапазоны между «средней» нормой и ненормативностью. Показатели этих диапазонов обычно называют показателями «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабыми», «пограничными» (например, в оценках результатов по тестам Д. Векслера, Р. Кэттелла, Дж. Равена и других).

Ответ на вопрос, каковы возможные механизмы изменения состояния психики (общего снижения психической активности) детского населения, проживающего на территории экологического неблагоприятия, по нашему мнению, следует искать в двух направлениях.

Первое направление – это анализ уровня общей активации психической деятельности людей, проживающих на экологически неблагоприятных территориях. Из-за неравного «распределения» энергии, получаемой человеком в качестве открытой самоорганизующейся системы (осуществляющей обмен со средой энергией, веществом и информацией), между различными уровнями его системной организации, и недостаточного энергетического обеспечения психологического и социального уровней общая активация психической дея-

тельности человека, проживающего на территориях экологического неблагополучия, оказывается сниженной.

Известно, что в процессе адаптации к природным условиям при одновременном осуществлении репродуктивных и соматических функций происходит конкуренция за энергию, запасы которой всегда ограничены [5]. Такая же конкуренция происходит при выполнении биологических и психических функций. В условиях экологического «загрязнения» природной (физической) среды адаптация к ней, а значит, и к жизненной среде в целом, затруднена и требует большего энергетического обеспечения, больших энергетических затрат, прежде всего, на биологическом уровне системной организации человека для поддержания, в первую очередь, физических, физиологических оснований его жизнедеятельности. Это влечет за собой недостаточность энергетического обеспечения на других уровнях – психологическом и социальном (личностном). Нейропсихологи называют это явление «энергетическим обкрадыванием» психической деятельности [19, с. 45]. В силу названных выше причин снижается уровень её активации, что и составляет реальную основу снижения параметров психологического статуса человека.

Второе направление поиска ответа на вопрос о механизмах общего снижения психической активности людей, которые проживают в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды, – анализ общих законов и механизмов адаптации. В отношении природных влияний эти механизмы известны и достаточно подробно изучены в биологии и медицине, в психологии же – только в отношении отдельных экстремальных воздействий. Мы полагаем, что те же самые адаптационные механизмы и процессы реализуются и на территориях экологического неблагополучия – в условиях не экстремальных, но хронических влияний на психику здоровых людей не вполне адекватной, экологически деформированной природной среды (как части среды жизненной). В этом аспекте адаптационные процессы и механизмы до сих пор не рассматривались.

Возможны два основных варианта влияния на человека неадекватной природной (физической) среды и, соответственно, последствий такого влияния. Они установлены, главным образом, для биологического уровня системной организации человека [16; 18]. Но те же направ-

ления средового влияния описываются и тогда, когда речь идёт о психологическом уровне [7; 13]. По сути, эти варианты характеризуют два механизма участия психики в жизнеобеспечении человека, проживающего на территории экологического неблагополучия.

Первый вариант соответствует ситуации, когда человек родился и живет в условиях значительного экологического неблагополучия, то есть когда человек оказывается в негативных средовых условиях с момента его зачатия и далее весь перинатальный период. При этом изначально возникает дефицитарность, слабость филогенетических программ гомеостатирования. Вследствие этого и организм человека в целом, и его нервная система, в частности, исходно развиваются в направлении снижения уровня функционирования, хотя благодаря пластичности филогенетических программ и не достигая в большинстве случаев границ патологии. Негативные средовые влияния изменяют нормальный процесс формирования субстрата психических функций – мозга, его филогенетически более ранних участков. Исходные изменения влекут за собой изменения надстраиваемых над ним механизмов. В результате и в психогенезе на уровне высших психических функций можно наблюдать картину разлитых, хотя, конечно, не тотальных и не радикальных изменений.

Поскольку биологические программы и основы жизнеобеспечения человека исходно изменены (ослаблены), то, соответственно, функционирование и развитие двух других уровней системной организации человека – психологического и социального – будет также изменённым. В негативных экологических условиях возникает дефицитарность также психического и психологического в человеке, родившемся и живущем на «загрязнённой» территории. Она и проявляет себя в снижении психической активности. Степень снижения показателей зависит от силы повреждающего средового фактора.

Известно, что при достаточном функциональном резерве кратковременное умеренное напряжение адаптивных систем в пределах физиологических реакций ведёт к росту уровня функционирования, и лишь с дальнейшим повышением степени напряжения адаптивных систем снижается уровень функционирования организма [1]. В этом случае преобладает мобилизационная стратегия адаптации.

Мы ведём речь об ином варианте влияния на человека неадекватной природной (физической) среды: не о разовом «адаптационном ударе» (В. И. Медведев), но о длительном, малыми дозами, негативном воздействии на организм и психику хотя и не экстремально, однако значительно «загрязнённой» среды.

В этих условиях возможна первичная слабость адаптационных ресурсов человека (и первичная слабость биологического «компенсаторного фонда») [4]. Затрачивая большие усилия на адаптацию, организм и психика изначально обладают меньшими функциональными возможностями. Если воздействия повреждающих средовых агентов длительны и/или попадают на ранние этапы онтогенеза человека, то возможно ослабление напряжённых адаптивных систем и снижение параметров психической активности, смещение её показателей в диапазон, не достигающий границ «средней» нормы, находящийся между «средней» нормой и ненормативностью – нижненормативный диапазон. Подобная феноменология может свидетельствовать о том, что в общем комплексе психических реакций человека на негативные средовые воздействия существует известный «перевес» реакций депрессивного характера, определяемых пониженной (экономной) функциональной активностью, над реакциями оптимальными. Из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижнему пределу адаптационной нормы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. Между тем, известно, что в этих случаях организм переходит на режим минимизации функций [3; 11]. При превращении любого стресса в хронический энергозатратная стратегия становится весьма расточительной и уступает место тропотропной, энергосберегающей. Это своего рода щадящий режим, реализующий принцип минимизации потерь. Он и является реальной биологической основой общего снижения психической активности (выявляемого по параметрам психологического статуса) человека в условиях экологического неблагополучия.

Сниженные показатели психологического статуса людей, проживающих на территориях экологического неблагополучия, – это проявление процесса минимизирующей адаптации. Такое состояние организма и психики – это особая форма адаптации и мера адаптированности человека к условиям длительного экологического неблагополучия с вынужденной высокой ценой за сохранение жизнедеятельности.

Известно [7], что существуют три основных стратегии адаптации, то есть общей направленности адаптивного ответа, способа достижения приспособительного эффекта: а) стратегия компенсации (гомеостатирования); б) эксплуатативная (мобилизационная) стратегия, обеспечивающая новые возможности адаптации за счёт перестройки гомеостатических систем; в) стратегия минимизации, или избегания, ухода, ареактивности. В общем снижении психической активности людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагополучия, часто проявляет себя третья стратегия адаптации.

Таким образом, ещё одно объяснение возникновения тенденции к изменению состояния психики людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагополучия, заключается в необходимости соблюдения принципа энергосбережения и минимизирующей адаптации.

Второй вариант влияния на психику человека неадекватной природной (физической) среды возникает тогда, когда человек, родившийся здоровым в условиях экологического благополучия, переезжает на значительно «загрязнённую» территорию и живёт здесь длительное время. Его базовые филогенетические программы изначально нормальны, и психическое развитие также соответствует норме. В условиях хронического негативного влияния экологически неблагоприятной среды существующие у человека системы адаптации работают с напряжением, поначалу обеспечивая привыкание [13]. Наличие в организме напряжённой системы, естественно, изменяет целостную деятельность всех других систем, что заставляет и психику, составляющую системное единство с жизненной средой, функционировать, хотя и в параметрах нормы, но часто не в границах «средней» нормы, а ниже её, поскольку многие биологические и психические процессы оказываются слишком «за-

тратными». Хронические негативные воздействия неадекватной физической среды требуют постоянного напряжения адаптивных систем. Их длительная работа с напряжением может вызвать истощение существующих программ жизнеобеспечения. Тогда они перестают быть оптимальными. Предупреждая истощение и срыв адаптации, организм снижает параметры своего функционирования. На вышележащих психологическом и личностном уровнях это также проявится изменением (общим снижением) психической активности, которое может быть установлено по параметрам психологического статуса человека.

В контексте общих закономерностей адаптации *первый вариант* изменения (общего снижения) психической активности, и, соответственно, показателей, составляющих параметры психологического статуса людей, следует трактовать в позитивном ключе: как адаптацию к данным средовым влияниям, как проявление на психологическом уровне компенсации изначального органического ослабления нервной и других систем организма. Общее снижение психической активности, проявлением которого служат сниженные психические и личностные показатели психологического статуса, выполняя компенсирующую функцию, является целесообразным для конкретных условий территории экологического неблагополучия.

В сниженных показателях, составляющих параметры психологического статуса коренных жителей территорий экологического неблагополучия, необходимо видеть позитивное проявление адаптационных процессов. Эти сниженные показатели есть вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в самых оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно не вполне адекватным условиям среды. Такова цена (в том числе энергетическая) психологической адаптации людей на данных территориях.

Механизм снижения показателей психической деятельности человека, родившегося на «чистой» территории, но затем после периода нормального функционирования оказавшегося в условиях длительного экологического неблагополучия, иной, чем в первом варианте, и трактовать это явление уже необходимо как негативное, как тенденцию к декомпенсации, истощению психических сил человека в неадекватных условиях. Второй вариант больше ха-

рактерен для взрослых людей зрелого возраста. Поскольку адаптивной нормой существования человека является социальная среда, то негативные последствия воздействия экологически неблагополучной природной (физической) среды могут быть усилены или компенсированы в зависимости от того, в какой социальной среде находится человек.

В случае социальной компенсации люди и в психологическом плане способны справиться с негативными воздействиями экологически неблагополучной среды, осуществляя все необходимые виды деятельности (правда, о продуктивности этой деятельности всё же следует говорить особо).

Системное единство психики с деформированной жизненной средой (в состав которой входит среда социальная) означает, что возможность человека быть активным без нарушения психического, психологического гомеостаза зависит не только от степени экологического «загрязнения» территории, имеющихся функциональных резервов, но и от обученности его рациональному расходованию и восстановлению энергии в процессе деятельности.

Сформулируем ряд выводов по материалам статьи. На основе применения экпсихологического подхода к развитию психики сформулировано общее теоретическое представление о состоянии психики людей, родившихся и постоянно проживающих на территориях с экологически неблагополучной жизненной средой.

Генеральным следствием длительного влияния на психику экологического неблагополучия является возникновение тенденции к изменению её состояния – общему снижению психической активности людей, родившихся и проживающих на территориях с деформированной жизненной средой.

Названная тенденция проявляется в психологическом статусе людей, проживающих в условиях экологически неблагополучной жизненной среды. По ряду своих параметров он отличается от психологического статуса людей, проживающих в условиях экологического благополучия. Наблюдается асимметрия распределения показателей психической активности испытуемых, проживающих на территориях экологического неблагополучия: смещение («дрейф») показателей с границ так называемой «средней» психической, психологической нормы в нижненормативные диапазоны (диапазоны «сниженной нормы», «ниже

среднего уровня», «слабые», «пограничные»). Объяснить этот сдвиг можно двояким образом. Во-первых, общим снижением активации психической деятельности вследствие «неравного распределения» энергии, получаемой человеком в качестве открытой самоорганизующейся системы, в пользу биологического уровня системной организации человека для поддержания в первую очередь физических, физиологических оснований его жизнедеятельности; изначально дефицитностью филогенетических программ гомеостатирования человека, родившегося и живущего в условиях экологического неблагополучия жизненной среды. Вследствие этого и развитие психики происходит на изменённой (ослабленной) биологической, физиологической основе, что проявляется в сниженных показателях психической активности.

Во-вторых, из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагополучной среды, и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижнему пределу адаптационной нор-

мы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. В таких случаях организм переходит на режим минимизации функций. Это щадящий режим минимизирующей адаптации. Он и является реальной биологической основой изменения (снижения) показателей и психического функционирования.

С позиций адаптологии это изменение состояния психики населения, родившегося и живущего на экологически неблагополучной территории, следует трактовать позитивно: как вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно неадекватным условиям среды. Такова цена психической, психологической адаптации людей на данных территориях.

Сила тенденции к изменению состояния психики людей на территориях с деформированной природной (физической) средой, степень подверженности изменению различных сфер психики различна в силу того, что адаптивной нормой существования человека является социальная среда с её возможностями социальной компенсации.

Список литературы

1. Баевский Р. М., Берсенева А. П. Донозологическая диагностика в оценке состояния здоровья // Валеология: диагностика, средства и практика обеспечения здоровья. СПб.: Наука, 1993. С. 33–48.
2. Богданов Е. Н., Иванов Г. П., Чикалов Н. А. Влияние условий радиационной загрязнённости местности на психическое развитие старшеклассников // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 19–25.
3. Викулов А. О. Доктрина диагноза, хронические заболевания и гипотеза минимизирующей адаптации. URL: // <http://www.avikulov.ru/list.htm> (дата обращения: 05.05.2006).
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6 т. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
5. Гичев Ю. П. Загрязнение окружающей среды и экологическая обусловленность патологии человека. Новосибирск, 2003. 136 с.
6. Грищенко П. А. Интеллектуальный потенциал подростков, проживающих в различных экологических условиях: дис. ... канд. психол. наук. М.: РГБ, 2005. 165 с.
7. Дзятковская Е. Н. Когнитивная сфера ребёнка: обусловленность климато-экологическими факторами // Сибирский психологический журнал. 1998. № 7. С. 56–58.
8. Екимова В. И. Особенности психического развития школьников в условиях экологического неблагополучия: дис. ... д-ра психол. наук. М.: РГБ, 2003. 281 с.
9. Ибрагимова Г. Р. Психофизиологический мониторинг чувствительности подростков к химическим загрязнителям атмосферы: дис. ... канд. биол. наук. М.: РГБ, 2005. 151 с.
10. Изучение психологических особенностей школьников, проживающих в зоне Чернобыльской аварии. Брянск, 1994. 90 с.
11. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

12. Лысенко Л. В. Комбинированные методы специализированной психологической помощи подросткам, проживающим в экологически неблагоприятной среде: дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2003. 167 с.
13. Медведев В. И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л., 1984. С. 3–16.
14. Михайлова О. П. Умственная работоспособность младших школьников, проживающих в условиях экологического неблагополучия, и пути её оптимизации: дис. ... канд. психол. наук. Иркутск: ИГПУ, 2007. 150 с.
15. Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.
16. Патологическая физиология: учебник / под ред. А. Д. Адо, М. А. Адо, В. И. Пыцкого, Г. В. Порядина, Ю. А. Владимиров. М.: Триада X, 2000. 574 с.
17. Сараева Н. М. Психологический статус человека, живущего на экологически неблагоприятной территории (в Читинской области): монография. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 176 с.
18. Саркисов Д. С., Пальцев М. А., Хитров Н. К. Общая патология человека. М.: Медицина, 1997. 608 с.
19. Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учеб. пособие. М.: Генезис, 2005. 319 с.
20. Суханов А. А. Влияние экологически неблагоприятной среды на интеллектуальное развитие детей: дис. ... канд. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2005. 150 с.
21. Терещенко Э. В. Психологическая оценка влияния эколого-химических факторов на личностно-характерологические особенности подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2002. 21 с.
22. Хащенко Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2002. 21 с.
23. Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М.: ВОТУМ – Ч, 1992. 253 с.

Статья поступила в редакцию 11.02.2012 г.

Анастасия Вячеславовна Суворова
аспирант,

Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: anastasia-su@yandex.ru

**Формирование здорового образа жизни в современном обществе
(на примере рекламы табака, табачных изделий и курительных принадлежностей)**

В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на здоровье и здоровый образ жизни. Результаты социологического исследования, проведённого в г. Барнаул среди молодёжи, показали актуальность проблемы табакокурения. Автор делает выводы о широкой распространённости табакокурения среди современной студенческой молодёжи. Для того чтобы заставить людей вести здоровый образ жизни, необходимо сформировать новую моду. Реклама как часть средств массовой информации является серьёзным каналом по формированию общественного мнения. Исследование показало, что реклама является одним из факторов, влияющих на здоровый образ жизни. Реклама сигарет занимает сильные позиции среди факторов, приводящих к началу курения. Отмечается, что социальная реклама должна быть направлена на формирование у молодёжи потребности в здоровом образе жизни.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, молодёжь, реклама, табакокурение.

Anastasiya Vyacheslavovna Suvorova
graduate student,

Gorno-Altai State University
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: anastasia-su@yandex.ru

**Forming a Healthy Life Style in Modern Society
(Illustrated by Tobacco Advertising, Tobacco Products and Smoking Accessories)**

The article discusses the factors that influence health and healthy lifestyles. The results of a sociological survey conducted in Barnaul among young people, showed the relevance of the problem of smoking. The author makes conclusions about the prevalence of smoking among today's college students. In order to get people to lead a healthy lifestyle, it's necessary to create a new fashion. Advertising, as part of the media, is an important channel for the formation of public opinion. The study shows that advertising is one of the factors affecting a healthy lifestyle. Advertising of cigarettes is in a strong position among the factors leading to the beginning of smoking. The author emphasizes that social advertising should be directed to the formation of youth needs in a healthy way of life.

Keywords: health, healthy lifestyle, youth, advertising, tobacco.

Важнейшей потребностью человека и общества в целом является укрепление и надёжное сохранение здоровья. Устав Всемирной Организации Здравоохранения определяет, что здоровье – это не отсутствие болезни как таковой или физических недостатков, а состояние полного физического, душевного и социального благополучия [3, с. 5].

Здоровье следует рассматривать как многофакторный социальный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов.

Проблемы здоровья и здорового образа жизни находятся в центре внимания представи-

телей различных наук. В связи с этим сформировалось множество подходов к определению понятия «здоровый образ жизни».

По нашему мнению, наиболее удачным является следующее определение: «здоровый образ жизни – совокупность духовных ценностей и фактических деятельностных форм по сохранению здоровья и обеспечению оптимального удовлетворения потребностей человека» [2, с. 9].

В соответствии с этим наиболее продуктивным для разработки и решения проблем здорового образа жизни является комплексный системный подход с применением потенциала различных наук, их технологий и аппарата. При

этом сам человек рассматривается как целостная система – упорядоченная определённым образом совокупность структурных и функциональных элементов, вещества, энергии, информации, образующих целое, обладающее особенностями и свойствами, которые отсутствуют у составляющих её элементов, взятых в отдельности.

Существует ряд факторов, влияющих на здоровье и здоровый образ жизни, среди них: факторы нездорового образа жизни; экологический фактор; социальный фактор; педагогический фактор; медицинский фактор [4, с. 23].

В социальный фактор входит реклама, которая выступает как «...информация, распространённая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [1, ст. 3].

Реклама оказывает влияние на общество, поэтому необходимо использовать её ресурсы и возможности в качестве средства по пропаганде «правильных» ценностей, в том числе здорового образа жизни.

Формирование здорового образа жизни – это целая система общественных и индивидуальных видов, способов, форм деятельности, активности, направленных на преодоление факторов риска возникновения и развития заболеваний, оптимального использования в интересах охраны и улучшения здоровья социальных, психологических и природных условий и факторов образа жизни.

Одним из важнейших направлений формирования здорового образа жизни является борьба с табакокурением. В том числе выявление и сокращение влияния рекламы на формирование этой вредной привычки.

В результате анкетирования студенческой молодёжи г. Барнаула с февраля по март 2010 г. (генеральная совокупность – студенты дневного отделения высших государственных учебных заведений г. Барнаула, выборка составила 31 121 студента) были получены следующие результаты.

Распространённость курения среди молодёжи очень высока. 27 % студенческой молодёжи г. Барнаула курят постоянно, 20 % курят иногда, 9 % бросили курить.

Количество выкуриваемых за день сигарет среди студентов, курящих постоянно, колеблется от 2 до 20 в день, в среднем этот показатель составляет 9 сигарет в день.

Такие факторы, как пол, материальное положение, успеваемость и уверенность в себе – не являются решающими в формировании такой вредной привычки, как табакокурение.

70 % студентов впервые попробовали курить из любопытства, руководствуясь собственным интересом, и лишь 30 % признались, что к этому решению их подтолкнуло влияние компании, друзей.

66 % постоянно курящих студентов хотели бы бросить курить, а 18 % не испытывают такого желания. Среди студентов, курящих от случая к случаю, желание бросить курить высказало лишь 60 %. 21 % не имело желания бросить курить.

Таким образом, только 2/3 студентов осознают пагубность своей привычки, но и осознание её является недостаточным, так как они продолжают курить.

Кроме физической потребности, главные причины, по которым студенты не могут бросить курить: 1) наличие «курящего» окружения, 2) отдых в клубе и потребление алкоголя, 3) стресс, 4) скука, 5) курение является частью образа. У каждого курящего студента хотя бы кто-то курит из близкого окружения.

Была выявлена взаимосвязанность потребления алкоголя и табака. Так среди непьющих студентов 90 % не курят, а среди часто употребляющих алкоголь 50 % курящих.

Непосредственные потребители сигарет даже на осознанном уровне признают влияние на них рекламы и признают, что под её воздействием вполне могут изменить свои потребительские предпочтения (так, 35 % курящих студентов попробуют ради любопытства новинки сигарет, только что вышедшие на рынок и активно рекламирующиеся).

Причина выбора данной марки сигарет среди постоянно курящих студентов: в 57 % случаев – это вкус табака, 24 % – цена, 15,5 % – престиж марки, 3 % – совет друзей, 0,5 % – широкая реклама марки.

Среди тех, кто курит от случая к случаю, большинство, а именно 41 % также руководствуются вкусом табака, 25 % – престижем марки, 20 % – советом друзей, 10 % – ценой, 4 % – широкой рекламой, в дополнение к вышеперечисленным причинам респонденты отметили «легкость» сигарет как фактор, влияющий на их выбор.

Марки сигарет, отмеченные студентами в качестве наиболее разрекламированных, совпа-

дают в ответах курящих и некурящих респондентов на 90 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что все студенты, даже те, кто не курит и не является прямым потребителем табачной продукции, подвержены воздействию рекламы табачных изделий.

Социальная реклама, направленная на борьбу с курением, существует и большинство студентов видят её. Но, сравнивая статистику среди курящих и некурящих опрошенных (среди курящих студентов такую рекламу видели 68 %, а среди некурящих 70 %), можно сделать вывод, что такая реклама практически не оказывает должного воздействия. Поэтому необходимо использовать социальную рекламу как часть целого комплекса мероприятий, направленных на борьбу с курением, а также пересмотреть технологию производства такой рекламы, сделать её более качественной.

Большинство курящих и некурящих студентов принимали участие в мероприятиях по борьбе с табакокурением. Но участие в таких мероприятиях не стало значимым при формировании отношения к вредной привычке.

Таким образом, высокая распространённость вредных привычек среди современной студенческой молодёжи с тенденцией роста при сглаживании традиционных различий среди представителей разного пола является неблагоприятным для прогноза здоровья подрастающего поколения в ближайшем будущем и является основой развития хронической патологии в последующем. Происходит дальнейшее распространение табакокурения по двум направлениям: некурящая молодёжь начинают

курить, а курящая часть молодёжи увеличивает количество потребляемых сигарет. Очевидно, что профилактические программы формирования устойчивых стереотипов здорового образа жизни должны начинаться в более ранних возрастных группах. Сформировалась выраженная потребность в конкретной помощи для отказа от курения, что требует работы психологов и медиков.

Исследование показало, что реклама сигарет, несмотря на все существующие законодательные ограничения, является активной и качественной. А по своей эффективности стоит на порядок выше рекламы здорового образа жизни. Очевидно, что реклама сигарет воздействует на сознание студенческой молодёжи и занимает не менее сильные позиции среди таких объективных факторов, приводящих к началу курения, как наличие курящих в семье, курение друзей и сверстников, низкая успеваемость, низкое материальное положение, отсутствие навыков противостояния давлению окружающих и т. д.

Важными представляются меры по снижению воздействия скрытой и явной рекламы в интересах производителей и поставщиков табачной продукции, организация и проведение просвещения подростков с целью формирования у них потребности в здоровом образе жизни, ответственного отношения к здоровью в учебных заведениях, учреждениях здравоохранения. Средства массовой информации, телевидение, Интернет должны формировать новую моду среди молодых – быть свободным от вредных привычек и здоровым.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».
2. Виноградов П. А., Паршиков А. Т., Паршикова Н. В., Мочёнов В. П., Брук Т. М. Здоровый образ жизни и профилактика наркомании. М.: Советский спорт, 2003. 120 с.
3. Всемирная организация здравоохранения. Основные документы. Изд. 38. Женева: Медицина, 1991. 221 с.
4. Мохнач Н. Н. Валеология: конспект лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 256 с.

Статья поступила в редакцию 15.05.2011 г.

Татьяна Владимировна Черепанова
кандидат социологических наук, доцент,
Приазовский государственный технический университет
(Мариуполь, Украина), e-mail: cherepan71@yahoo.com

Понятие и социокультурные факторы харизматического процесса

Статья посвящена исследованию харизматического лидерства и концептуализации категории «харизматический процесс» в социологической теории как особого типа социального процесса и выявлению его социокультурных детерминант. Разработана логическая схема харизматического процесса, включающая латентную и явную стадии. Латентная стадия определена как процесс формирования в обществе предпосылок к появлению харизматического лидера и включает в себя две составляющие. Первая – культурная легитимация харизмы, которая подразумевает наличие в культуре устойчивого, эмоционально окрашенного образа харизматического лидера. Вторая – кризисная, т. е. назревание необходимости разрешения острого социального кризиса. В кризисном обществе харизматический лидер выполняет функцию восстанавливающего механизма и служит гарантом символического порядка в социальной системе. Переход латентной стадии в явную связан с появлением такого лидера, который удовлетворял бы личностным критериям харизмы, т. е. олицетворял мифологический образ героя, способного разрешить острый кризис. Предложенная автором концептуальная схема харизматического процесса позволяет сделать предположение о возможности развёртывания в данном обществе харизматического процесса при сочетании всех вышеизложенных факторов.

Ключевые слова: харизма, харизматический процесс, социокультурные детерминанты харизматического процесса, латентная и явная стадия харизматического процесса.

Tatyana Vladimirovna Cherepanova
Candidate of Sociology, associate professor,
Pryazovsky State Technical University
(Mariupol, Ukraine), e-mail: cherepan71@yahoo.com

The Concept and Sociocultural Factors of Charismatic Process

The article is devoted to the study of charismatic leadership and the conceptualization of the category of “charismatic process” in sociological theory as a special type of social process and identification of its socio-cultural determinants. The study presents a logical scheme of charismatic process that includes the latent and the explicit stages. The latent stage is a social background urging the appearance of a social leader. It consists of two components. The first one is a cultural legitimating of charisma that implies the presence in the culture of a stable, emotionally colored image of a charismatic leader. The second one is a crisis, i.e. the maturing of the need to resolve the acute social crisis. During the crisis the charismatic leader acts as a restoring mechanism and serves as a symbolic social order guarantor. The latent stage turns into the explicit one when there appears such a leader who satisfies the criteria of personal charisma, i.e. personifies a mythological image of a hero who is capable of resolving the crisis. The conceptual framework suggested by the author allows detecting a charismatic process if all of the above-mentioned factors are evident.

Keywords: charisma, charismatic process, sociocultural determinants of charismatic process, latent and explicit stages of charismatic process.

Ушедший XX век стал веком великих харизматических личностей. На каком бы уровне не проявляла себя харизматическая личность, какой бы не была её направленность, последствия её деятельности всегда оставляют глубокий след в истории, оставляя многочисленные жертвы и внося заметные коррективы в соци-

альную и политическую жизнь. Завораживающее воздействие харизмы на психику отдельной личности и целых народных масс вызывает повышенный интерес как научной элиты, так и широкой общественности. Проявляясь в переломные моменты истории, харизма может служить консолидирующим элементом, сплаци-

вающим разрозненные силы для совместного разрешения кризиса. Также харизма сама может стать революционной силой, разрушающей стабильность и выстраивающей на её руинах свой уникальный порядок. Харизматическая личность, независимо от её направленности и последствий её деятельности, получает признание как великая, неординарная личность. В один ряд с пророками и полководцами-освободителями ставятся тираны и узурпаторы. Это говорит о спорности самого понятия харизмы, зыбкости её формулировки. Харизма несёт в себе признаки магического и демонического, свойственного потустороннему миру, той части бытия, постичь и проанализировать которую невозможно, по причине эфемерности и бездоказательности.

Слово харизма прочно вошло в повседневную жизнь. Связано это, прежде всего, с возросшим вниманием к загадочности и непредсказуемости фигуры носителя харизматического дара, а также последствий его деятельности. Изучение данной проблематики находится на стыке социологических, психологических и исторических наук, что определяет её категориальный аппарат. Принятая ранее в философских подходах установка на мистичность и потусторонность харизматического дара зачастую скрывала от исследователей её социальный смысл, выводя харизму в сферу непознаваемого и метафоричного. Однако, несмотря на неувязимость самого значения категории «харизма», данное понятие продолжает широко использоваться науке в качестве характеристики личности, чье влияние на исторические события весьма существенно. Интерес к выдающейся личности и тем переменам, которые влечёт за собой её активная деятельность в рамках харизматического процесса, можно считать вполне оправданным. Сложность и многомерность самого феномена харизмы обуславливает неоднозначность её трактовок, что и определяет отсутствие единого общепризнанного подхода к данной категории.

Целью исследования является определение социальной сущности харизмы через социодинамическую концепцию социального процесса. Концептуализация новой категории «харизматический процесс» позволит выявить социокультурные факторы появления харизматической личности, а также даст возможность управлять этим процессом в случае его деструктивного развёртывания.

Проблема выдающейся личности активно обсуждалась в античных и средневековых философских рассуждениях о героической личности и её роли в истории. Особенно остро встал вопрос о харизматической личности в период перехода от традиционной формы общества к индустриальной, когда в результате изменения всего привычного уклада жизни, традиционно подчиненной церкви, общество претерпевает коренные перемены не только в социальной и экономической сфере, но и психологическом состоянии. Именно тогда впервые среди западных учёных поднимается вопрос о взаимосвязи и, можно сказать, взаимообусловленности харизматической личности и массовых явлений. Некоторые учёные напрямую связывают явление массовления индустриального общества и приход к власти таких радикальных лидеров, как Ленин, Гитлер, Сталин.

Наиболее ранняя концепция харизмы отражена в религиозной литературе. Согласно религиозной концепции, харизматический лидер призван консолидировать последователей вокруг некоей религиозной доктрины. Целью лидера не может быть личный интерес или стремление властвовать в общине. Напротив, истинно харизматичным следует считать лидера, отвергшего себя ради божественной истины, которую он проповедует. Для религиозной концепции сам собой отпадает вопрос об истинности и ложности харизмы, поскольку в религиозном понимании этого слова харизма есть качество, благодать, дарованная Богом наиболее достойной личности – пророку, апостолу, учителю.

Принимая во внимание религиозную концепцию, социологи привлекают данное понятие в научные изыскания, что, несомненно, служит обогащению науки. В веберовской концепции типов господства за основу взяты некоторые положения религиозной концепции харизмы, но Вебер выводит её за рамки только лишь церкви. По Веберу, харизматический лидер может не являться высокодуховной личностью, забота о последователях редко входит в его достоинства. Тем не менее, веберовское определение харизмы остаётся в рамках внебыденного и сверхъестественного дара, происхождение которого он не анализирует, как и природу почитания харизматического лидера последователями. Однако, Вебер согласен с тем, что харизматическое лидерство основано на эмоциональной привязанности, выходящей за рамки рационального осмысления [1].

Веберовская трактовка харизматического господства в рамках легитимации особого вида власти явилась прорывом в разработке данной категории в социологической науке. Важно отметить, что концепция Вебера является на сегодняшний день одной из самых разработанных и авторитетных, хотя и имеет как своих последователей, так и критиков. Так или иначе, на данной концепции основывается большинство современных исследований харизмы у нас в стране и за рубежом, что делает труд Вебера особенно ценным.

Опираясь на различные концепции харизмы, разрабатываемые в психологии, философии, религиоведении, антропологии и т. д., мы придерживаемся точки зрения, что харизма, как качество личности, есть внутренняя черта личности, проявление воли, авторитета некоего лица, чьё влияние воспринимается окружающими как сверхъестественное, основанное на иррациональной вере в избранность харизматической личности. Концептуализируя данную категорию, мы исходим из того, что связь между лидером и последователями представляет собой эмоциональный союз особого рода, когда мнение лидера не вызывает дискуссий или осуждения. Полное принятие воли лидера и полное отречение от собственной приводит последователей в состояние эмоционального возбуждения, порождая особую атмосферу в харизматическом сообществе, т. е. такой группе, где развивается харизма лидера. Итак, харизма сама по себе есть лишь особое умение личности утверждать в среде окружающих свою волю, вводить свой уникальный порядок.

Итак, харизмой можно считать совокупность психофизиологических свойств личности, проявляющихся в определённых социально-политических условиях в процессе коммуникативного взаимодействия. Харизма, по нашему мнению, имеет исследовательский смысл как движущая сила развития общества. Харизма ценна не сама по себе как качество личности – её смысл в преобразованиях, инновациях, которые она декларирует. Следовательно, харизма есть качество, свойственное личности, деятельность которой приводит к качественным преобразованиям социального устройства. Если определить роль харизмы в консолидации последователей вокруг лидера и инициации социального изменения, то логично рассматривать харизму как социальный,

а точнее харизматический процесс, которому свойственны определённые закономерности. Исследование харизмы как особого процесса в социально-культурной сфере не становилось предметом исследований социологических наук. Это направление представляется наиболее перспективным в исследовательском плане. Мы склонны придерживаться того мнения, что на развёртывание харизматического процесса влияют, в первую очередь, особенности социокультурной среды.

Харизма, в нашем понимании, это совокупность всех граней общественной жизни. Нельзя на сегодняшний день однозначно выделить элемент, запускающий механизм харизмы. Лидерский или социальный детерминизм по отдельности вряд ли смогут обусловить харизматический процесс. Только совокупность этих составляющих способна привести к появлению такого социального феномена, как харизма.

Не ограничиваясь рассмотрением ценностного и мотивационного факторов харизмы, мы интерпретируем харизму как динамический процесс социальной реальности, наличие которого необходимо выделить в отдельную социологическую категорию. Харизма, таким образом, может быть исследована с позиций всех её составляющих: личность лидера, массовое сознание, социокультурный потенциал и т. д. Поскольку никакое социальное изменение невозможно без участия широких народных масс, харизматическая личность призвана пробудить массы к социальным действиям, представая катализатором в этих процессах. Харизма, таким образом, является важным элементом в социальном развитии, приводя к развитию социального процесса. Социальный процесс может выступить той категорией, которая объяснит всю совокупность социокультурных факторов, приводящих к макросоциальным изменениям. Харизматический лидер играет в данном процессе одну из главных ролей, наряду с культурной и социальной составляющими.

Анализ особенностей харизмы как социального явления в современную эпоху показывает, что для выяснения тех особенностей, которые являются значимыми для появления и прихода к власти харизматического лидера, необходимо ввести в научный оборот новую категорию, а именно «харизматический процесс», т. е. процесс социальных изменений, обусловленный, с одной стороны, потребностями общества в изменении, с другой, харизматическим лиде-

ром, способным реализовать эту потребность. Мы будем подходить к такому социальному изменению как социальному процессу, т. е. такому динамическому состоянию общества, при котором харизматический лидер представляется значимым как субъект исторических событий, социальной действительности, руководитель социальными процессами, объединяющий общественные силы на пути к социальным изменениям. Харизматический процесс как динамическая характеристика, выступает разновидностью социального процесса, в котором значимыми являются как внутренние качества личности, называемой харизматической, так и социокультурная характеристика общества, в котором развивается харизматический процесс.

Концептуализируя категорию харизматический процесс, мы предполагаем особую адекватность данной категории при анализе социокультурных процессов, происходящих под воздействием харизматической личности. Харизматический процесс – это такая разновидность социального процесса, в основе которого лежит процесс развёртывания харизматических качеств отдельной личности в масштабах, значимых в рамках всего общества.

Данная категория даёт возможность выявить закономерности и предпосылки развития харизматических процессов и расширяет возможности социологических знаний. Методы исследования социальных процессов, разработанные в науке, позволяют увидеть новые грани как самого феномена харизмы, так и социальных изменений, осуществляемых под руководством харизматической личности. Использование этих методов помогает выявить закономерности и особенности харизматического процесса, выявить уникальность и сходство каждого конкретного случая в истории.

Характеристика харизмы как процесса позволяет увидеть особые грани взаимодействия социальных субъектов. Научные подходы к исследованию социального процесса характеризуют источники, состояния и формы социального процесса, выявляя существенные различия и изменчивость черт и характеристик социальных явлений. Ориентируясь на основные трактовки социального процесса, можно считать, что социальный процесс представляет собой совокупность всех динамических изменений в поведении и отношении харизматических лидеров с массами. Категория «социальный процесс» фиксирует и раскрывает ту реальность,

которая складывается как в соответствии с сознательными намерениями харизматических лидеров, так и в результате многообразных стихийных воздействий. В этом смысле социальный процесс на основании харизматического лидерства исключает какую-либо заданность или предопределённость в развитии событий и делает акцент на практические изменения явления.

Категория социальный процесс раскрывает движение, динамику, эволюцию социальных явлений, конкретное изменение их состояния во времени и пространстве, обусловленное деятельностью харизматической личности.

В силу такой интерпретации социального процесса, его центральной характеристикой выступает *изменение*, которое означает любые модификации структуры и функций и других параметров социальных явлений. Изменения означают трансформацию или модификацию базовых или второстепенных элементов социальной среды, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния.

Классическое определение социального процесса как описание динамики объекта даёт П. Сорокин: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», короче говоря, любое изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик» [2, с. 80]. Социальные процессы, таким образом, это разновидность социальной динамики, социального изменения объекта в определённый временной промежуток.

Социальный процесс – целостное явление, при исследовании которого необходим анализ всех составляющих этого явления. В теоретических разработках социального процесса можно выделить два направления: социальный эволюционизм, основывающийся на движении к усложнению, дифференциации, движению от примитивных форм социальной жизни к более совершенным и сложным. Эта теория, возникшая на основе эволюционной теории биологических организмов Ч. Дарвина, получила развитие в работах Т. Парсонса. Вторая теоретическая модель социального изменения основана на историческом материализме, теории, разработанной К. Марксом. Маркс видел основные причины социальных изменений во влиянии экономических отношений. Согласно этой теории, рост

производительных сил вызывает напряжение в институтах надстройки, причём, усиление этих процессов настоятельно требует полной и коренной трансформации всего общества.

Таким образом, можно заключить, что социальные изменения нельзя объяснить с помощью какой-либо одной теории. Имеет значение для исследования социального процесса физические факторы (природные условия, географическое положение и т. д.); политическая организация, а также культурные факторы, на которые оказывают влияние религиозные традиции, стили мышления и сознания в данном обществе. Культурные факторы определяются также влиянием харизматической личности на социальные изменения. Нередко харизматический лидер является инициатором глобальных социальных процессов, но не маловажное значение также имеют условия социальной среды [3, с. 450–455].

Для выяснения оснований социальных процессов необходим полифакторный анализ. Так можно выделить такие причины социальных изменений, как природные, демографические, социокультурные, социально-политические, социально-психологические и другие, которые могут являться как внутренними, так и внешними по отношению к социальной системе. Современная наука отвергает возможность выделения доминирующих факторов, вызывающих социальные процессы. Все острее ставится вопрос о роли в детерминации социальных процессов деятельности отдельных индивидов.

Таким образом, мы подходим к дилемме: кто или что, какая сила – общественная или личностная является инициатором социальных изменений. Позиция, принимающая за первопричину изменений харизматического лидера и утверждающая, что именно личность является движущей силой истории, опирается на положения волюнтаризма и индивидуализма, нашедшей сторонников в научных кругах прошлого столетия. Эта позиция оставляет без ответа вопрос о том, в каком направлении развивались бы исторические события, встань на пути харизматического лидера непреодолима преграда: арест, убийство и т. д. Сторонники концепции героического детерминизма опираются на исторические факты, утверждают, что возможности великих личностей творить исторические события ограничиваются только предыдущими героями [4, с. 327].

Противоположной героическому детерминизму является концепция социального детерминизма. Её суть состоит в утверждении материалистической детерминанты всех социальных изменений. Ход исторических событий, согласно этой концепции, предопределяется внутренними побудительными силами общества к развитию. Личности в этом процессе отводится роль объекта изменений. Великие исторические личности и герои появляются в ответ на требования истории и следуют социальной необходимости. Согласно этой концепции, роль харизматической личности, призванной обеспечить социальные изменения, может сыграть любой человек, оказавшийся в необходимых условиях. Социальный детерминизм как движущая сила социальных изменений не раскрывает сущности таких исторических событий, когда в ответ на призыв времени не появлялся подходящий на роль харизматического лидера субъект [5, с. 21–22].

Современный социологический дискурс о двойственности природы социальных процессов развёртывается в русле сочетания субъективистского и объективистского видения реальности. Согласно этому подходу, социум представляет собой синтез субъективных усилий индивидуальных акторов, отражающих общие общественные тенденции. Социальный субъект вынужденно реагирует на общий социальный фон, и в случае возникновения особых затруднений реагирует на него либо приспособлением к ситуации, либо таким преобразованием системы, которое даёт возможность приспособить её к себе.

Наиболее адекватным представляется такой подход к объяснению социальных изменений, который П. Штомпка, вслед за А. Кребером и Р. Мертоном именуется «адаптивно-эволюционным» [4, с. 328]. Этот подход даёт возможность соотнесения значимости героического и социального детерминизма в социальном процессе. Согласно этому подходу, развитие социального процесса – это такое состояние общества, которое, находясь в динамическом развитии, последовательно проходит смену различных состояний или движений элементов социальной системы. Результатами социального процесса становится изменение всех или некоторых систем социального объекта, структурных или качественных характеристик системы. Социальные процессы затрагивают все сферы жизни общества, изменяют

политические, экономические, социокультурные и морально-нравственные характеристики общества и приводят к усложнению, упрощению, т. е. к изменению его внутренних и внешних свойств и характеристик.

Рассматривая структуру социального процесса, основанного на лидерстве, его можно описать как процесс взаимодействия между харизматическим лидером и массами, а также динамику этого явления. Структура социального процесса есть совокупность взаимодействий между акторами, а также логическая последовательность этого процесса. Последовательность социального процесса представляет собой стадийность в развитии социальных изменений. Социальный процесс состоит из определённых стадий, которые проходят в закономерной последовательности. Каждая стадия представляет собой минипроцесс, имеющий важное значение для конечного результата социального процесса в целом: приход героя, становление его как харизматического лидера, период активной деятельности, уход, рутинизация или канонизация харизматического героя. Количественные накопления каждой стадии определяют качественные изменения при переходе к следующей стадии харизматического процесса. Последовательность стадий определяется целью социального процесса, выражая оптимальность социальных изменений.

Социальные процессы подчинены определённым закономерностям, в которых реализуются требования объективных социальных законов. Основными закономерностями, проявляющимися как тенденции социальных процессов, являются направленность социальных изменений, результат которой – целесообразность деятельности, последовательное прохождение ряда стадий, а также многофакторность социального процесса.

Переходя к рассмотрению такой категории, как харизматический процесс, необходимо вновь обратиться к концепции харизмы и харизматической личности, взятой нами за основу. Харизма представляет собой особое качество личности, благодаря которому она может оказывать сильное влияние на людей. Это влияние основывается на эмоциональном воздействии личности, признаваемой в качестве лидера, вождя. Личность, признаваемая последователями харизматической, вызывает воодушевление, особый эмоциональный заряд, благодаря чему последователи готовы следо-

вать за ней. Харизматический лидер способен заразить последователей своей идеей, увлечь теориями. Он наверняка в совершенстве (осознанно или нет) обладает способностями к внушению, убеждению или гипнозу. Приводя своих последователей в состояние возбуждения, эмоциональной готовности к преобразованиям, харизматический лидер вводит в общество новую систему установок и ценностей. Он является преобразователем системы, утверждая свой уникальный порядок. Пользуясь поддержкой широких народных масс, харизматический лидер выступает в роли консолидирующего элемента, сплачивая и объединяя общественные силы и задавая им вектор развития.

Таким образом, харизму мы будем считать таким качеством личности, которое позволяет говорить об особом типе взаимодействия между лидером, которого считают харизматическим, и последователями, в рамках широкомасштабных исторических событий, социальных изменений. Масштаб этих влияний варьируется в зависимости от разных факторов, тем не менее, они оставляют глубокий след в сердцах людей – как современников, так и будущих поколений.

Деятельность харизматических личностей вносит существенное преобразование в социальное устройство. Так или иначе затрагиваются все сферы общественной жизни: как на макро так и на микроуровне. Стимул к развитию, задаваемый харизматической личностью, должен попасть на плодородную социальную почву: в обществе также необходимы внутренние потребности и стремления к изменению. Социальный процесс, который мы будем именовать как харизматический, направлен на изменение существующей системы социальных отношений и ценностей. Тип преобразований, инициируемый харизматическим лидером, может носить характер трансформаций, модернизаций, революции и др. Важно в этом случае присутствие в социальном процессе элемента новизны, ведущего к разрушению привычных форм социальных связей и проводящего к реформам.

Наглядно продемонстрировать данное утверждение можно, обратившись к социополитической сфере, когда накопление внутреннего недовольства приводит к росту социальной напряжённости, что провоцирует антиправительственные настроения среди населения. Давление на власть неизбежно вызывает по-

требность в поиске оптимального разрешения конфликтной ситуации. Внутри правящей элиты остро возникает борьба за лидерские позиции: на первые позиции выходят лидеры, способные взять власть в свои руки. Поиск лидера или лидерский процесс, обостряет политическую борьбу, что отражается на настроениях населения.

Таким образом, можно утверждать, что процесс поиска лидера является закономерной составляющей харизматического процесса. Среди претендентов на лидерство, готовых качественно изменить существующие основы общества, возникает ожесточённая борьба за голоса избирателей. Активно применяются PR-технологии, популистские методы и другие способы продвижения во власть. Победителем оказывается тот, кого электорат сочтёт самым авторитетным и наиболее отвечающим представлениям об идеальном лидере. Лидерский процесс переходит в харизматический тогда, когда общество не удовлетворено существующей властью, а социальный кризис требует скорейшего его разрешения. В эти моменты общество особенно остро реагирует на заявления потенциальных лидеров и их обещания. Именно в периоды социальных кризисов, когда рушатся привычные стандарты жизни и дискредитируется прежняя власть, перед обществом возникает идеальный образ харизматического лидера, обладающего сверхъестественными дарованиями, т. е. внемирскими, внеземными, потаёнными знаниями о должном порядке. Харизматическим лидером становится именно тот лидер, который способен внушить населению уверенность в своей уникальности и незаменимости как преобразователя системы. Особый эмоциональный накал, возникающий в среде последователей, достигает максимальных значений, выходя за рамки рационального осмысления. Особую значимость приобретает поддержка ближайшего окружения лидера, так называемой властной элиты. В её задачи входит информационное воздействие на электорат с целью создания благоприятного имиджа политика.

Итак, в условиях кризиса возникает острая потребность в личности, способной вывести из него. В этих условиях общество начинает искать наиболее благоприятные направления выхода из кризисной ситуации, и одним из них является поиск лидера. Возникает лидерский процесс, т. е. среди претендентов на власть

идёт борьба за голоса избирателей. Победит в этой борьбе тот лидер, который сможет повлиять на мотивацию, установки и поведение последователей, используя для этого весь арсенал технических и психологических средств. Значимыми в лидерском процессе являются ситуативные факторы, т. е. индивидуальные черты и ментальность последователей, а также фактор окружающей среды.

Таким образом, объективные условия, сложившиеся в обществе в определённое время, дополняются субъективными качествами и потребностями основной части населения, выражая количественные накопления, приводящие к лидерскому процессу. Именно в такие периоды максимального накопления «критической массы», харизматическая личность заявляет о себе как о великом субъекте исторического развития. Причём, если одним личностям не приходится прилагать усилия для достижения цели, «...они просто натываются на величие, оказавшись в нужное время в нужном месте и принимая верные решения, правильно используя открывшиеся возможности» [4, с. 335], то истинно харизматическая личность, по мнению Штомпки, в действительности обладает потенциалом для создания этих событий. Такая личность активно влияет на социальные процессы, буквально создавая историю. Штомпка выделяет в качестве значимых такие личностные черты харизматического лидера, как неординарный ум, талант руководителя и организатора, дальновидность и упорство в достижении целей. В представлениях окружающих такой лидер выделяется особым сверхъестественным могуществом, дарованным ему из высших источников. Харизматическая личность при этом ощущает свою избранность как великий творец истории. По словам Шилза «личности, которые обладают интенсивным субъективным ощущением собственного харизматического качества, и те, кому это качество приписывается другими, мы называем харизматическими» [4, с. 332]. Утверждаясь в качестве харизматического, лидер берёт на себя ответственность перед обществом, освобождая его от необходимости принимать решения по разрешению кризиса.

В развёртывании харизматического процесса как социокультурного изменения, можно выделить ряд стадий: латентную и явную, а также необходимых факторов: культурная легитимация харизмы; наличие в обществе кри-

зиса; принятие харизматического лидера. Важным фактором в развитии харизматического процесса являются особенности социокультурной эпохи, тип отношений в обществе, уровень развития коммуникационной среды.

При обращении к историческим фактам сложно чётко выделить факторы возникновения харизматического процесса. Социальный или лидерский детерминизм, как отдельно взятые условия, явно недостаточны для данной цели. Например, ни русский, ни германский народы не отличались особой склонностью к национализму и революциям, тем не менее, именно в этих странах были реализованы самые глобальные эксперименты XX в. – фашизм и социализм. Именно Ленин и Гитлер оказались «в нужном месте и в нужное время». Их появление в этих странах в начале XX в. соответствовало тем условиям, о которых П. Штомпка говорит как о социальном и героическом детерминизме в социальной истории, его срединном варианте, а именно эволюционно-адаптивном подходе [4, с. 326]. Этот подход рассматривает лидера и социум в диалектической взаимосвязи. В соответствии с этой концепцией, явно выраженный лидер не может определить развёртывание харизматического процесса, так же как и социальная составляющая, сама по себе, является лишь предпосылкой данного феномена. Важное место в харизматическом процессе имеет тип общества, состояние политической, экономической и социальной сферы общества, структура коммуникации в нём, степень цивилизационного развития и т. д.

В этой связи исследование состояния общественных структур, как в отдельности, так и в совокупности, даст возможность определить степень вероятности возникновения харизматического феномена и связанного с ним харизматического процесса, поскольку харизма глубоко социальна. Харизматическая личность только тогда может проявить себя как субъект социальных изменений, когда массы готовы к социальным преобразованиям. Массы играют в процессе становления и деятельности харизматического лидера важнейшую роль, поскольку для социальных изменений должны сложиться внутренние объективные условия. Харизматический лидер является в этом случае имманентной сущностью общества.

Харизматический процесс как социальное явление имеет временную характеристику – процесс развёртывания харизмы лидера огра-

ничен во времени и связан с продолжительностью активной преобразовательной деятельностью носителя харизмы. Ещё Вебер говорил о кратковременном характере харизматического лидерства, существующего только в момент установления господства, в дальнейшем рутинизирующегося и обретающего формы традиционного или рационального.

Р. Лепсьюз, исследовавший харизматический процесс, имевший место в Германии в период прихода Гитлера к власти, выделяет в нём два последовательных этапа: скрытую и явную харизматическую ситуацию [6, р. 53–54]. Первый этап – скрытый или латентный, поскольку сам по себе является лишь предпосылкой для харизматического процесса, но это не гарантирует, что он возникнет. Латентный этап включает культурную легитимацию харизмы и социальный опыт кризисных ситуаций, сочетание которых может привести к харизматическому процессу. Скрытая харизматическая ситуация переходит в явную только в случае появления подходящей фигуры лидера, которого общество принимает в качестве спасителя, наделяя его харизматическим ореолом иверя ему ответственность за судьбу общества. На наш взгляд, именно сочетание этих условий даёт возможность говорить о том, что развёрнувшийся лидерский процесс имеет черты харизматического, т. е. выступает разновидностью социального процесса, при котором социально значимыми становятся волевые усилия отдельного лидера.

Первая стадия харизматического процесса, обозначенная как латентная, заключается в объективных предпосылках появления харизматического лидера. Это культурная легитимация харизмы, т. е. присутствие в национально-этнической культуре данного народа яркого образа харизматической личности, национального героя или авторитарного лидера. Это особый тип этнической ментальности, основанный на почитании великого героя. Особенно ярко эта черта проявилась в германском и русском народах, в которых исторически сложился культ вождя или тирана. Анализ ментальности данных народов показал, что при некоторых объективных условиях образ харизматической личности заявит о себе, что послужит одним из факторов развёртывания харизматического процесса.

Однако, только культурная составляющая латентной харизматической ситуации не может быть достоверным признаком того, что эти на-

роды обречены на харизматический процесс. Необходимо проанализировать ещё один немаловажный фактор, а именно кризисную его составляющую. Субъективное переживание кризиса делает возможность прихода к власти харизматического лидера более актуальной. Опыт переживания социального кризиса, когда у членов общества ярко выражено чувство утраты связи с жизнеобразующим центром, регламентирующим связь с периферийными районами, приводит население к ощущению аномии, разрыву социальных связей, к экзистенциальной боли от утраты идентичности. Это ощущение порождает у населения обострённое стремление к поиску лица или силы, способной вернуть утраченное равновесие и устранить гнетущее чувство нестабильности. Поскольку, согласно рассуждениям Э. Шилза, близость к регламентирующему центру определяется харизмой, и наоборот, обладание харизмой приближает личность к центру [7]. Именно на такую личность и делает ставку большинство населения. Харизма служит легитимацией самой себя, что даёт её обладателю право считаться всемогущим в глазах последователей.

Таким образом, кризисный социум неизбежно попадает в зависимость от действий харизматической личности, способной заявить о себе в этот момент. О потребности кризисного сознания искать сильную личность много подробных рассуждений в психологической литературе конца XIX – начала XX вв. Особенно много внимания уделяется этому вопросу в работах З. Фрейда, К. Г. Юнга, а также в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Э. Шилза, К. Гирца, Ш. Айзенштадта.

Второй стадией является явная харизматическая ситуация, или собственно развертывание харизматического процесса. Её начало связано с появлением личности, заявляющей о себе как о спасителе нации. Претендент на харизматическое лидерство должен соответствовать требованиям кризисного общества и быть способным избавить от кризиса. При этом не важны его внешние данные, риторический талант и политические связи. Исследовав некоторых видных политических лидеров различных времен, мы не можем однозначно выделить у них определённого набора личностных черт, которые утвердительно делают его харизматичным. Напротив, эти черты и свойства характера скорее различны. Тем не менее, можно выделить особые характеристики этих лидеров, та-

кие как неврастеничность, жёсткость, стремление подавить чужую волю и утвердить свою, увлечённость идеями и т. д. Также выявляется и некоторая внешняя схожесть и похожесть в происхождении харизматических лидеров. Мы согласны с Юнгом и Фрейдом, утверждающими, что образ харизматического героя глубоко отпечатан в бессознательном народа, и всплывает в виде забытых образов, «имаго прошлого», в периоды, когда обращение к рациональным силам не способно представить адекватную картину кризисного мира.

Таким образом, харизматический герой олицетворяет высшие силы, воскресающие в моменты наивысшего кризиса с целью избавления от невыносимого чувства растерянности. Претендент на харизматическое лидерство, согласно мифологической трактовке, должен пройти ряд стадий своего становления, испытать инициацию, осуществить миссию спасения и погибнуть, что даст возможность его канонизации и возведения его образа в священное. Такая череда героических действий даст возможность герою вернуться на другом витке истории.

Необходимо также отметить сложность однозначного выделения в социальной жизни каких-либо абсолютно равнозначных явлений, особенно когда речь идёт о харизме. В каждом случае лидерского процесса имеют место как закономерности, так и особенности, характерные для той или иной страны или исторической эпохи. Можно также отметить присутствие в исторических событиях элемента случайности, непредсказуемости. Тем не менее, мы считаем, что, опираясь на научный анализ исторических событий, можно выделить некоторые общие явления социальной жизни, которые способны послужить условиями для потенциального харизматического процесса, и их типологизация позволит проанализировать каждое из них с точки зрения возможного харизматического процесса.

Выводы. Применение социодинамического подхода даёт возможность исследовать харизматический процесс на эмпирическом уровне, что позволит не только оценить сложившуюся социальную и политическую ситуацию, но и во многом поможет управлять харизматическим процессом в будущем.

Харизматический процесс можно определить как развертывание харизмы, т. е. особых качеств конкретного лидера, в действи-

ях и представлениях, значимых в масштабах общества в контексте возможных социокультурных изменений. Харизматический лидер в харизматическом процессе играет роль консолидирующего элемента, задающего вектор направлению социального процесса. Обладание таким качеством, как харизма, позволяет лидеру управлять общественными настроениями, увлекать идеями, вводить инновации. Последствиями харизматического процесса являются изменения в системе общественного устройства, изменение её структурных элементов. Важным моментом в разворачивании харизматического процесса является сочетание социокультурных факторов, включающих культурную легитимацию харизмы и факт острого социального кризиса с личностным, т. е. наличие яркого лидера, удовлетворяющего ожидания общества.

Выделение в харизматическом процессе общих закономерностей даст возможность

исследователям прогнозировать возможную реакцию населения на ту или иную ситуацию, особенно при прогнозировании данного явления. С этой целью необходимым представляется выделение социокультурных и кризисных условий харизматического процесса в отдельные социологические категории.

Особо отметим роль в развитии харизматических процессов в современных обществах информационных технологий и особого психологического состояния индивидов, сложившегося сейчас. Прямая зависимость населения от средств массовой коммуникации делает процесс формирования харизмы технологическим, а харизму управляемым свойством. Таким образом, истинная харизма в широком понимании этого значения, становится в современном обществе лишь видимостью, харизматическим имиджем того или иного политика, которое даёт возможность неограниченного влияния на население.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 710 с.
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика / пер. В. В. Сапов, СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
3. Гидденс Э. Социология / научн. ред. В. Я. Ядов; пер. В. Малышенко. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
5. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы / пер. с англ. В. И. Яковенко. М.: Вузовская книга, 2001. 280 с.
6. Lepsius R. Charismatic Leadership: Max Webers Model and Its Applicability to the Rule of Hitler // Changing Conceptions of Leadership, Springer Verlag, New York Inc., 1986. Chapter 4. P. 53.
7. Shils E. Charisma order and status // American sociological review. 1965. Vol. XXX. P. 199–213.

Статья поступила в редакцию 05.04.2012 г.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 364-7
ББК С55.47

Алексей Владимирович Копылов

*Начальник Управления организации социального обслуживания
Департамента социальной защиты населения г. Москвы
(Москва, Россия), e-mail: dszn01@mail.ru, dszn01@yandex.ru*

Инновационные формы нестационарного социального обслуживания населения на примере г. Москвы

Статья посвящена инновационным формам нестационарного социального обслуживания в контексте стратегии социальной модернизации. Статья описывает внедрение различных инновационных социальных услуг, таких как отделения социального патронажа, проекты программы «Лучшая половина жизни», «Мобильная социальная служба», новых коммуникативных и информационных технологий, платных социальных услуг, пилотного проекта по оптимизации социального обслуживания на дому и т. д. В статье представлены результаты мониторинга, где осуществлён анализ востребованности социальных услуг и состава клиентов, находящихся на домашнем социальном обслуживании, и определены возможности оптимизации сети домашних отделений. В заключение автор определяет ряд проблем, решение которых возможно только при условии активной разработки и внедрения новых форм и методов, и указывает направления дальнейшего развития нестационарных социальных услуг.

Ключевые слова: инновация, нестационарное социальное обслуживание, социальные практики, «Лучшая половина жизни», «Мобильная социальная служба», патронажные отделения.

Aleksei Vladimirovich Kopylov

*Head of the Agency for Social Services Organization,
Department of the Population's Social Welfare in Moscow
(Moscow, Russia), e-mail: dszn01@mail.ru, dszn01@yandex.ru*

Innovative Forms of Ambulatory Social Services for the Population in Moscow

The article is devoted to innovative forms of ambulatory social services in the context of social modernization strategy. The article describes the implementation of different innovative social services, such as departments of social patronage, draft programs *The Best Half of Life*, *Mobile Social Service*, new communication and information technologies, paid social services, a pilot project to optimize the social services at home, etc. The paper presents the results of the monitoring that analyzes the demand for social services, the composition of the customers who receive social services at home, and determines the opportunities to optimize the network of home-based offices. In conclusion, the author identifies a number of problems whose solution is possible only with the active development and introduction of new forms and methods, and indicates directions for further development of non-stationary social services.

Keywords: innovation, ambulatory social services, social practices, *The Best Half of Life*, *Mobile Social Service*, patronage departments.

Стратегический курс страны на модернизацию с инновационной составляющей определяет направления деятельности социального комплекса столицы. Нестационарное социальное обслуживание – одно из направлений деятельности учреждений по предоставлению социальных услуг населению.

Первый центр социального обслуживания был создан в 1989 г. К 1993 г. в Москве их было 38. Переломным стал 1996 г. когда постановлением Правительства Москвы № 709 от 03.09.96 г. была утверждена Программа развития центров социального обслуживания, поставившая задачу открытия их в каждом районе города.

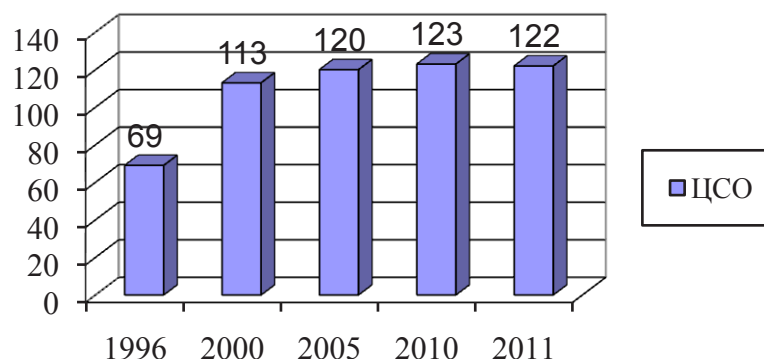
Анализ динамики развития центров социального обслуживания (ЦСО) показывает, что уже к 2000 г. Программа по развитию центров была практически выполнена. Однако следует отметить, что развитие сети учреждений социального обслуживания продолжается. В настоящее время в Москве функционируют свыше 300 учреждений различного профиля, в том числе 122 центра социального обслуживания (ЦСО).

Доступность социальных услуг определяет уровень технологизации московского социального пространства. Так как развитие системы зависит от состояния материальных, политических, финансовых и кадровых ресурсов общества; исторических условий, традиций и др., то она должна постоянно развиваться, совершенствовать формы, методы и средства обслуживания, т. е. технологии всегда должны сопровождаться модификациями. Это конкретизирует деятельность учреждений социального обслуживания по внедрению инновационных форм и методов работы с населением.

С точки зрения теории управления, внедрение инноваций – это процесс, требующий усилий и напряжения. Условия его результативности таковы:

- 1) процесс должен иметь конкретную и достижимую цель,
- 2) должны быть средства, которые позволили бы так оптимизировать действия субъекта, чтобы максимальный эффект достигался при минимуме усилий и времени.

Динамика развития центров социального обслуживания с 1996 года



Одним из важных направлений работы ЦСО является обслуживание на дому одиноких пожилых граждан и инвалидов.

Лицам, проживающим в семьях, предоставляются услуги социальных работников и медицинских сестер в случае, если члены семьи не могут обеспечить им помощь и уход по объективным причинам.

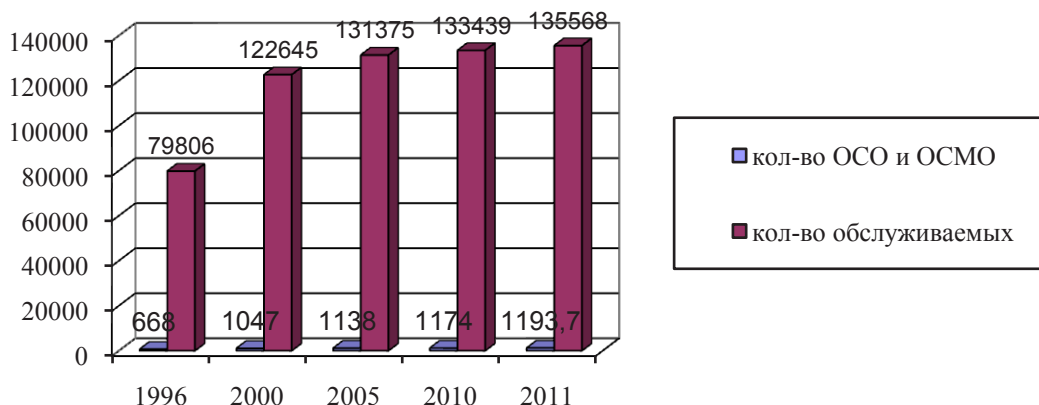
Порядок обслуживания определяется в зависимости от степени утраты гражданином способности к самообслуживанию и передвижению и нуждаемости в том или ином виде услуг. Более 135 тыс. лиц пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в постороннем ух-

де, получают помощь на дому, в том числе более 7 тыс. граждан пожилого возраста и инвалидам оказывается доврачебная медицинская помощь.

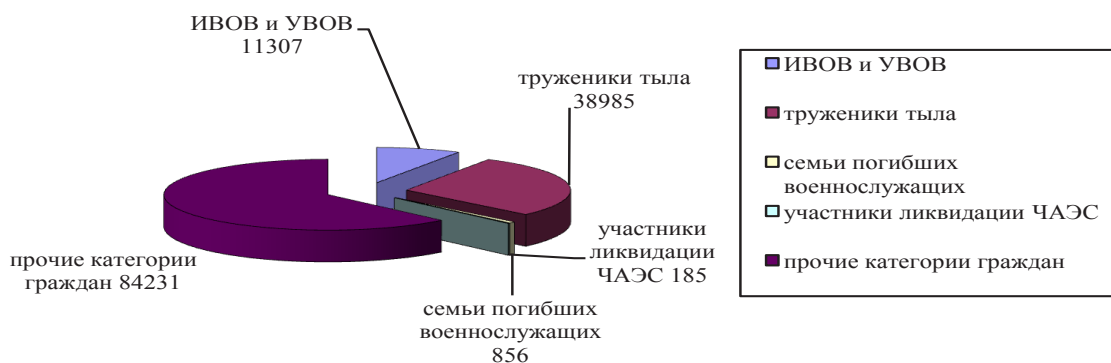
Социальная практика московских ЦСО включает новые эффективные методы и формы надомного обслуживания, создание принципиально новых видов учреждений, направленных на повышение качества и расширение видов услуг для различных категорий населения, деятельность по оптимизации и модернизации системы.

Инновации и нововведения в социальном обслуживании коснулись устоявшихся технологических процессов.

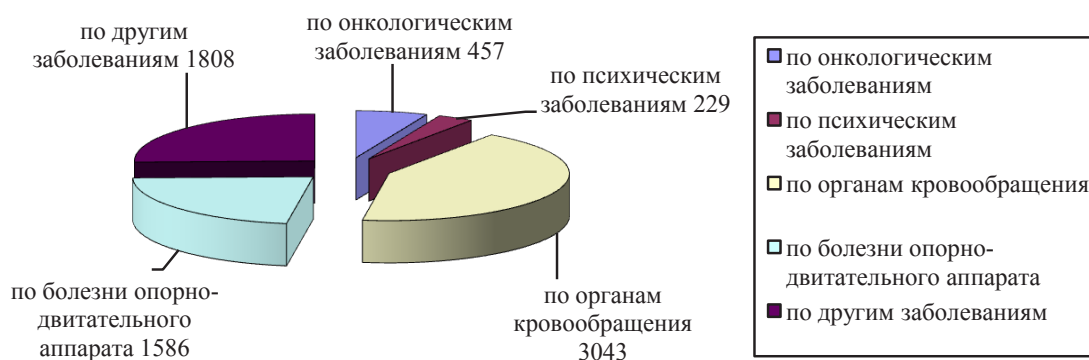
Количество граждан, состоящих на обслуживании в отделениях социального и социально-медицинского обслуживания на дому с 1996 года



Количество граждан, состоящих на обслуживании в отделениях социального и социально-медицинского обслуживания на дому по категориям



Количество граждан, состоящих на обслуживании в отделениях социально-медицинского обслуживания на дому по заболеваниям



Так, для расширения спектра социальных услуг, предоставляемых одиноким и одиноко проживающим гражданам пожилого возраста и инвалидам, которые по состоянию здоровья утратили способность к самообслуживанию и чье жилье не обременено юридическими обязательствами, с 2008 г. получили развитие от-

деления социального патронажа. В настоящее время в городе функционируют 13 отделений социального патронажа, которые осуществляют обслуживание 200 человек.

Дальнейшее совершенствование технологии социального патронажа, привело к тому, что особо нуждающимся одиноким и

одиноко проживающим пенсионерам и инвалидам, ветеранам ВОВ города Москвы, утратившим способность к самообслуживанию, предоставляются патронажные социальные и социально-медицинские услуги, а также санитарно-гигиенические услуги и услуги по комплексной уборке квартиры силами специализированных организаций, выигравших открытый конкурс государственного заказа на право заключения государственных контрактов на оказание услуг.

Значительную инновационную составляющую приобретают отделения дневного пребывания. Помимо предоставления бесплатного питания, оказания доврачебной помощи, многие отделения превратились в отделения по развитию ресурсов пожилых людей и инвалидов. Всего на базе ЦСО функционируют более 800 различных клубов и кружков: клубы мастеров и рукодельниц, клубы любителей шахмат, шашек, бильярда и других настольных игр, школы и клубы любителей цветоводства, видеосалоны для любителей современного и ретро-кино, кружки по интересам и многие другие специализированные объединения, в том числе такие, как Клубы общения для инвалидов по слуху, Клубы общения для инвалидов по зрению.

В рамках комплекса мер «Лучшая половина жизни» реализуется программа «Университет 3-го возраста» для лучшей адаптации в условиях современной политической и социально-экономической обстановки. Наиболее популярными факультетами данной программы являются факультеты информационных технологий, правовых знаний, медицинский и творческий. В качестве преподавателей на общественных началах привлекаются волонтеры из числа молодежи и людей пожилого возраста, а также специалисты различных областей. Работа организована во взаимодействии с общественными и некоммерческими организациями, учебными заведениями.

ЦСО активно внедряют программы коммуникативных технологий: проводится обучение пожилых граждан основам компьютерной грамотности. Данная работа была начата с 2004 г. в Юго-Восточном, Северо-Западном и Северо-Восточных административных округах.

Кроме этого, активное участие в этой работе принимают районные библиотеки и некоммерческие объединения. Обучение в таких клубах позволяет клиентам освоить базовые навыки компьютерной грамотности, научиться

общению посредством электронной почты, ориентироваться в информационных ресурсах Интернет, а также получать доступ к необходимой информации.

В соответствии с индивидуальными запросами пожилых граждан ежегодно развивается клубная работа в ЦСО. Работают литературные, танцевальные и музыкальные салоны. Даная работа направлена на развитие форм активизации внутреннего потенциала и самореализации клиентов, в том числе молодых инвалидов.

Проводятся литературно-поэтические и музыкальные вечера, представления новых печатных изданий, творческие выставки, с целью укрепления связи поколений, организуются встречи с детскими творческими коллективами. Танцевальные салоны позволяют гражданам пожилого возраста преодолевать психологические, моральные и социальные проблемы, реализовать свой творческий потенциал.

При 13 ЦСО созданы кружки по изучению иностранного языка для пенсионеров и инвалидов. В качестве преподавателей на общественных началах привлекаются волонтеры из числа молодежи и людей пожилого возраста, а также сотрудники центров.

Для вовлечения пожилых граждан в активные формы занятия спортом и физической культурой в ЦСО проводятся соревнования по шашкам, шахматам, дартсу и другим видам спорта.

Также в ЦСО реализуется программа, направленная на поддержку самостоятельного художественного творчества. В каждом центре действуют самостоятельные коллективы, которые выступают не только в центрах, но и представляют свои программы на творческих площадках района и города. Активное развитие самостоятельных коллективов позволяет проводить творческие фестивали.

Происходят серьезные инновационные изменения в обеспечении клиентов горячим питанием.

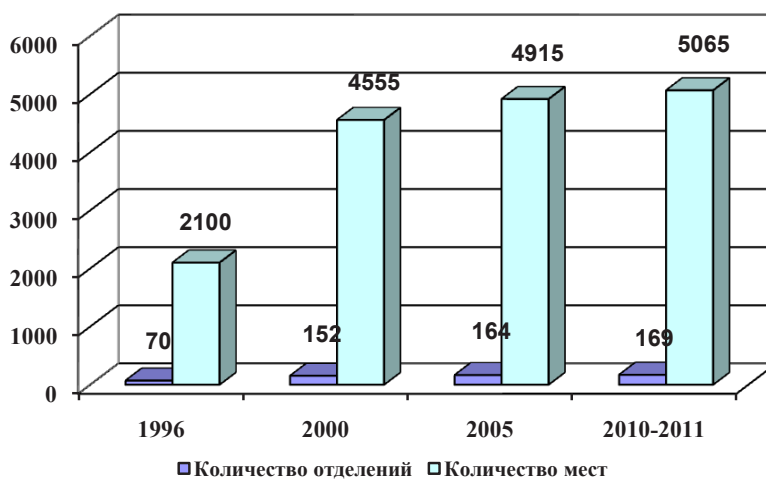
Так, в Зеленоградском административном округе города Москвы организована доставка горячих обедов с развозом на дом для 115 пенсионеров и инвалидов и через отделения срочного социального обслуживания центров социального обслуживания 90 человек ежемесячно получают горячее питание в столовой. Ежемесячно 400 малообеспеченных граждан через столовую благотворительного фонда «Теплый стан» получают бесплатное горячее питание.

Кроме того, 2,0 тыс. ветеранов ежемесячно обеспечиваются, горячим питанием в пунктах общественного питания.

Во всех ЦСО функционируют отделения срочного социального обслуживания, которые предназначены для оказания гражданам, остро нуждающимся в социальной поддержке, разовой неотложной помощи. В рамках программы «Лучшая половина жизни» в 96 центрах социального обслуживания на рабочих местах руководителей центров социального обслуживания и их структурных подразделений установлена система Skype и веб-камеры, в том числе и у подопечных на дому, что по-

зволяет обмениваться информацией с пенсионерами и инвалидами, практически не выходящими из дома, проводить индивидуальные консультации. Кроме этого, проводятся Web-конференции с участием органов исполнительной власти. В рамках программы «Электронная Москва» 57 центров общественного доступа установлены в 41 ЦСО. Установка центров общественного доступа позволяет клиентам центров социального обслуживания, в том числе не имеющим навыков работы на компьютере, в оперативном режиме знакомиться с деятельностью органов исполнительной власти города.

Динамика развития отделений дневного пребывания по годам



Управлением организации социального обслуживания ведётся работа по программному обеспечению центров социального обслуживания.

Продолжается автоматизация задач по первичному учёту лиц, нуждающихся в обслуживании, контролю сроков прохождения заявлений граждан на обслуживание в ЦСО и организации учёта предоставленных населению услуг, которые решаются с помощью информационной системы АСИО «ЦСО».

В 2010 г. совместно с ООО «КСТ» были произведены работы по модернизации АСИО «ЦСО»: в части разработок программного обеспечения по работе отделений социального и социально-медицинского обслуживания на дому, дневного пребывания, с «группой риска», справочника категорий обслуживаемых лиц в ЦСО. Произведена разработка программного обеспечения по «расчёту» категорий обслуживаемого лица в ЦСО на основании характеристик социального статуса.

С конца 2010 г. начата работа совместно с Центром информационных технологий по передаче данных между Управлениями социальной защиты населения районов и ЦСО по санаторно-курортному лечению, размеру оказанной материальной помощи. Планируется расширить обмен информацией по предоставлению инвалидам различных средств технической реабилитации.

С целью обеспечения безопасности одиноких и одиноко проживающих граждан пожилого возраста и инвалидов, предотвращения противоправных действий по отношению к ним, а также формирования единого банка данных о гражданах, относящихся к категории «группа риска» в учреждениях организована работа по выявлению и учёту одиноких неработающих пенсионеров и инвалидов, относящихся к этой категории.

В ходе ежемесячного обследования граждане предупреждаются о возможных незаконных действиях, им предоставляются справочные телефоны учреждений, по которым они

могут уточнить фактическое направление к ним сотрудников органов социальной защиты населения.

Увеличился спектр услуг, предоставляемых населению. Цель увеличения спектра услуг – внедрение инновационных технологий, что позволит высвободить рабочие места и сократить финансовые затраты, уменьшение очередности на стационарное социальное обслуживание и надомное социальное обслуживание, повышение качества предоставляемых услуг.

Так, для оказания разовых услуг социального обслуживания с 1 октября 2010 г. в каждом административном округе на базе одного из ЦСО создан сектор «Мобильная социальная служба», ориентированный на индивидуальные потребности ветеранов, инвалидов, семей с детьми. «Мобильная социальная служба» позволит сократить очередность на надомное социальное обслуживание.

Одним из перспективных направлений является реализация пилотного проекта по оптимизации системы социального обслуживания на дому, который стартовал в 2010 г.

Цель проекта – введение дифференциации услуг в надомном социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов и в специализации сотрудников, участвующих в надомном обслуживании.

Управлением организации социального обслуживания совместно с Институтом переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения города Москвы (ИПК ДСЗН), Управлениями социальной защиты населения Северо-Восточного и Зеленоградского административных округов, проведены плановые мероприятия по реализации пилотного проекта в центрах социального обслуживания «Ростокино» (СВАО) и «Крюково» (ЗелАО), в т. ч.:

- социальные работники прошли обучение в ИПК ДСЗН;
- выявлены индивидуальные потребности клиентов, их запросы;
- проведены встречи с поставщиками продукции и технологического оборудования, разработана информационная программа.

По результатам мониторинга были получены следующие данные. Среди всего перечня регулярно оказываемых услуг наиболее востребованными являются покупка и доставка продуктов питания и оказание помощи в приготовлении пищи. Среди услуг, оказанных не-

посредственно на дому, доминирует консультирование по безопасности и вопросам мошенничества, помощь в приготовлении пищи.

В качестве дополнительных услуг клиенты хотели бы получать следующую социально-бытовую помощь: комплексную уборку квартиры (67 %), чистку раковин на кухне и ванной комнате, чистку ванной и унитаза (41 %), стрижку волос (69 %).

В ходе реализации проекта разработаны нормативы, устанавливающие научно-обоснованные и практически подтвержденные количественные, качественные и временные показатели трудовой деятельности социальных работников; уточнены содержание трудовых функций и проработаны должностные инструкции.

В текущем году ЦСО провели анализ востребованности услуг и состава клиентов, находящихся на надомном социальном обслуживании, и определены возможности оптимизации сети надомных отделений.

Среди перечня услуг, регулярно оказываемых и наиболее востребованных, является (количество клиентов, определивших услугу, как наиболее важную и необходимую для них в % отношении):

- обеспечение продуктами питания и предметами первой необходимости – 98 %;
- обеспечение лекарствами и медикаментами по рецептам врача – 89 %;
- оплата коммунальных услуг – 67 %;
- вызов врача на дом, сопровождение в лечебные учреждения – 76 %.

Вместе с тем, как показывают результаты мониторинга, показатели эффективности труда социальных работников остаются низкими, требуется повышение качества социального обслуживания. Для этого предполагается введение новой системы оплаты труда.

Переход к дифференциации труда социальных работников и внедрение инновационных технологий позволит высвободить рабочие места и сократить затраты на обслуживание, повысить эффективность труда социальных работников и качество оказываемых услуг.

Для решения проблемы по сокращению очередности на стационарное социальное обслуживание, эффективное использование кадрового потенциала и материальных ресурсов стационарных учреждений, функционируют новые отделения дневного пребывания для граждан пожилого возраста и инвалидов со стационаром. Такие отделения созданы в четырёх ЦСО.

У так называемых «детских садах для пожилых» большая перспектива. Пенсионеры, пребывая в отделении с утра до позднего вечера, могут отдохнуть, получить горячее питание, получить возможность пройти различные оздоровительные процедуры, поучаствовать в работе различных кружков, клубов и секций.

Для решения проблемы оказания медико-социальной помощи на дому одиноким и одиноко проживающим гражданам, в том числе с психическими расстройствами, и в целях сокращения количества граждан, нуждающихся в социальном патронаже, в 2011 г. в структуре 8-и пансионатов для ветеранов труда и 3-х психоневрологических интернатов созданы патронажные отделения. Развитие новых патронажных отделений в стационарных учреждениях позволяет не только улучшить качество жизни граждан пожилого возраста и инвалидов (пребывание пожилых граждан и инвалидов в домашних условиях, привычной социальной среде и окружении), но и оптимизировать затраты бюджета.

В целях совершенствования работы и расширения спектра предоставления услуг постановлением Правительства Москвы от 12 октября 2010 г. № 919-ПП «О предоставлении гражданам платных социальных услуг государственными учреждениями нестационарного социального обслуживания города Москвы» утверждён порядок и условия оплаты гражданами платных социальных услуг, предоставляемых государственными учреждениями нестационарного социального обслуживания города Москвы.

Цель введения платных нестационарных социальных услуг – расширение категорий и спектра социальных услуг, развитие рынка социальных услуг, создание условий для реализации клиентам права выбора.

В настоящее время Управление организации социального обслуживания осуществляет совместно с Советом директоров ЦСО города Москвы разработку тарифов на предоставление услуг отделением социального патронажа и отделением дневного пребывания со стационаром.

Подводя итог, следует отметить, что система нестационарного социального обслужи-

вания населения в г. Москве динамично и целенаправленно развивается. Большую роль в этом играют инновации и нововведения.

Но как показывает анализ, существует целый ряд проблем, решение которых возможно только при условии активной разработки и внедрения новых форм и методов. Необходимо:

- разрабатывать новые формы и методы организации социального нестационарного обслуживания, в том числе:

- развернуть проект дистанционного патронажа граждан старшего поколения – «Тревожная кнопка»;

- предоставлять социальные услуги на дому с использованием IT-технологий, в том числе через создание диспетчерской службы;

- создать сервисную службу для оказания бытовых услуг и осуществления мелкого ремонта для одиноких ветеранов и пенсионеров.

Также необходимо развивать в ЦСО:

- отделения социального патронажа;

- отделения дневного пребывания граждан пожилого возраста со стационаром в центрах социального обслуживания;

- сектора «Мобильная социальная служба»;

- разработать тарифы на предоставление услуг отделением социального патронажа и отделением дневного пребывания со стационаром.

Необходимо активно реализовывать в ЦСО:

- образовательные программы по обучению граждан старшего поколения иностранным языкам «Школа иностранных языков»;

- клубные и образовательные программы «Университетов 3-го возраста»;

- культурно-досуговых программ, направленных на вовлечение пожилых граждан в активные формы отдыха «Активное долголетие»;

- программы, направленные на сохранение физического и психического здоровья пожилых граждан «Социальная геронтология»;

- программы по обучению граждан пожилого возраста основам компьютерной грамотности;

- танцевальные клубы и музыкальные салоны для пожилых граждан;

- активно внедрять модели оказания услуг социального обслуживания с использованием телекоммуникационных технологий (Skype и пр.).

Список литературы

1. Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2007. 132 с.
2. Рубцов А. В. Медико-социальная адаптация пожилых людей в учреждениях социального обслуживания населения. М.: Рос. гос. мед. ун-т, 2004. 289 с.
3. Инновационный подход к социальному обслуживанию пожилых людей. Кузбасская модель / отв. ред. И. Н. Бондаренко, О. В. Краснова. М.: Московская Швейцария, 2003. 192 с.
4. Проблемы содержания и организации участковой социальной службы // Инновационные технологии социального обслуживания населения (опыт районов Московской области). Московская область, 2006. 80 с.
5. Методические рекомендации по организации работы с семьей и детьми в комплексных центрах социального обслуживания. М.: Общественная академия проблем социальной работы, 2010. 76 с.
6. Система социально-психологической работы в учреждениях социального обслуживания семьи и детей: проблемы, возможности и перспективы: науч.-практ. конф.: сб. докл. Семья, 2008. 152 с.
7. Савина Л. Ю. Стандартизация социального обслуживания. Критерии эффективности и качества социальной работы: учеб.-метод. пособие. М.: ИПК ДСЗН, 2010. 97 с.
8. Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2008 (ГР УМО).
9. Холостова Е. И. Социальная работа: учеб. пособие. 6-е изд. М.: Дашков и К°, 2009 (ГР УМО).

Статья поступила в редакцию 25.09.2011 г.

Александр Николаевич Куряшкин
аспирант,

Горно-Алтайский государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия), e-mail: ria158@yandex.ru

Определение справедливых мер социальной поддержки для схожих групп льготных категорий

В статье автор анализирует меры социальной поддержки для таких групп льготных категорий, как семьи, имеющие детей, и инвалиды. Дана оценка предоставления мер социальной поддержки в схожих группах льготников. Доступ к социальным льготам крайне неравномерен. Применение льгот обусловлено наличием социального и экономического неравенства граждан. Льготы являются традиционным и проверенным средством оптимизации существования и взаимодействия социально или экономически неравных граждан. Показан принцип действия специально разработанной дисконтированной модели социальных льгот. Доказана необходимость использования данной модели, позволяющей сделать срез по группам льготников по количественному и качественному компоненту предоставления мер социальной поддержки, обеспечивающих целостность и справедливость назначенных льгот.

Ключевые слова: льготы, неравенство, льготники, трансформация, компенсации.

Alexander Nikolayevich Kuryashkin
graduate student,

Gorno-Altai State University
(Gorno-Altai, Russia), e-mail: ria158@yandex.ru

Determination of Fair Measures for Social Support to Similar Groups of Privileged Categories

The author analyzes the social support measures for such groups of benefit recipients, as families with children and the disabled and assesses the provision of social support in similar groups of benefit recipients. Access to social benefits is very uneven. The use of benefits is due to social and economic inequality of citizens. Benefits are a traditional and proven tool for optimizing the existence and interaction of socially or economically unequal citizens. The study shows the operating principle of a specially designed discounted model of social benefits and proves the necessity of using this model to analyze the groups of benefit recipients by quantitative and qualitative component of the provision of social support measures that ensure the integrity and fairness of assigned privileges.

Keywords: benefits, inequality, benefit recipients, transformation, compensations.

При любом реформировании, введении новой льготы или выплаты изменения в уже существующей системе вызывают дисбаланс в обществе, а в частности, не соблюдается равноправное предоставление льгот (выплат) определённым категориям населения, являющимся носителями льгот.

На сегодняшний день помощь от государства представлена в следующем виде. На уровне федеральных льготников это федеральные выплаты, льготы, социальный пакет. На уровне региональных льготополучателей – точно также – региональные выплаты, льготы, социальный пакет.

В данной статье решаются три задачи:
– оценка предоставления мер социальной поддержки в схожих группах льготников;
– показание принципов действия специально разработанной дисконтированной модели социальных льгот;
– ответить на вопрос: удалось ли реализовать один из главных принципов, заложенных в Федеральном законе № 122-ФЗ, – о повышении социальной защищённости населения и усилении адресности социальных программ. Решение указанных задач в рамках статьи будет идти параллельно.

Для решения указанных задач были проведены исследования 2-х групп схожих по составу льготников. А именно, рассмотрены семьи, имеющие детей, и инвалиды. В рамках данной концепции разработана дисконтированная модель социальных льгот, суть которой сводится к тому, что каждой льготе (выплате, компенсации, субсидии) присваивается определённый вес с учётом районных коэффициентов, прожиточного минимума и прочих факторов, влияющих на поддержание данных групп льготников.

К примеру, рассмотрим меры социальной поддержки, предоставляемые органами социальной защиты населения семьям, имеющим детей. Нижеприведенная таблица и диаграмма наглядно показывают, какие из категорий получают меньшую, а какие большую помощь от государства (см.: табл. 1, рис. 1).

Методика исследования предполагает построение сбалансированной помощи при рассмотрении схожих категорий населения. Примером может быть ниже приведённая таблица.

Методология данного исследования не пересчитывает льготы в денежные эквиваленты, а присваивает каждому виду социальной поддержки определённый вес, тем самым формируя средний коэффициент по группе льготников.

Таблица 1

Выплаты семьям, имеющим детей

| | <i>Категория детей, на которых назначается пособие</i> | <i>Коэффициент</i> |
|---|---|--------------------|
| 1 | Ребёнок до 16 лет; учащийся общеобразовательного учреждения до 18 лет | 1,2 |
| 2 | Ребёнок одинокой матери | 3,8 |
| 3 | Ребёнок, отец которого: находится на военной службе по призыву; является курсантом военного образовательного учреждения профессионального образования | 2,5 |
| 4 | Ребёнок, родитель(ли) которого уклоняется от уплаты алиментов, взыскиваемых по исполнительным листам, либо когда взыскание алиментов невозможно | 1,9 |
| 5 | Дети из многодетных семей (за исключением учащихся общеобразовательных учреждений) | 5,1 |
| 6 | Дети из многодетных семей – учащиеся общеобразовательных учреждений | 7,6 |

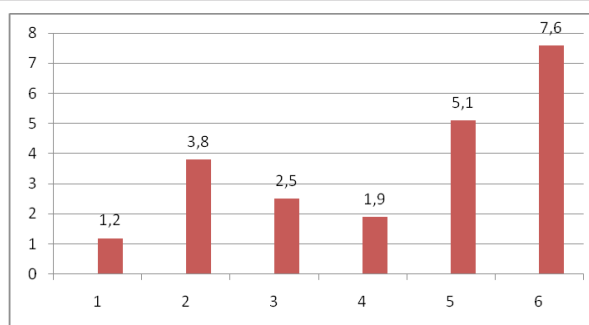


Рис. 1. Распределение коэффициентов по отдельным категориям семей

Из рис. 1 видно, что предоставление мер социальной поддержки крайне неравномерно. Так, дети из многодетных семей – учащиеся общеобразовательных учреждений пользуются большим количеством льгот, выплат и других мер. В то же время ребёнок до 16 лет, учащийся общеобразовательного учреждения до 18 лет пользуется наименьшими видами социальной помощи. Данные по определённым категориям можно уравнивать при помощи различных мер социальной поддержки. К примеру, тем же детям до 16 лет, учащимся общеобразовательных учреждений до 18 лет, а также детям, родитель(ли) которого уклоняется от уплаты алиментов, взыскиваемых по исполнительным листам, либо когда взыскание алиментов невозможно рекомендуется ввести бесплатный проезд на городском общественном транспорте. В данной группе льготников средний коэффициент получится в районе 3,5. Что будет способствовать приведению льгот к справедливому уровню для данной группы.

Второй группой, которую рассмотрим, – инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов. Итак, что имеем для группы льготников «инвалидов»:

1. Обеспечение проездными билетами, дающими право на льготный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта общего пользования (кроме такси), а также в пределах административного района проживания – автомобильным транспортом (кроме такси) внутрирайонного сообщения, по льготной цене.

2. Инвалидам, имеющим транспортные средства в соответствии с медицинскими показаниями: компенсация в размере 50 % уплаченной страховой премии по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

3. Скидка не ниже 50 % на оплату жилого помещения (в домах государственного или муниципального жилищного фонда) и оплату

коммунальных услуг (независимо от принадлежности жилищного фонда), а в жилых домах, не имеющих центрального отопления, на стоимость топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению.

В свою очередь, семьи, имеющие детей-инвалидов также имеют достаточно внушительный набор мер социальной поддержки, а именно:

1. Детям-инвалидам, имеющим транспортные средства в соответствии с медицинскими показаниями: компенсация страховой премии по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

2. Обеспечение проездными билетами, дающими право на льготный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта общего пользования (кроме такси), а также в пределах административного района проживания – автомобильным транспортом (кроме такси) внутрирайонного сообщения, ребёнку-инвалиду и лицу, осуществляющему уход за ребёнком-инвалидом, по льготной цене.

3. Скидка не ниже 50 % на оплату жилого помещения (в домах государственного или муниципального жилищного фонда) и оплату коммунальных услуг (независимо от принадлежности жилищного фонда), а в жилых домах, не имеющих центрального отопления, – на стоимость топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению.

Присвоив каждому показателю по 1, суммарный коэффициент мер социальной поддержки и для инвалидов, и для семей, имеющих детей-инвалидов будет равным. К чему и надо стремиться в каждой группе льгот. В примере с инвалидами удобство модели заключается в том, что данные меры социальной поддержки устанавливались для всех типов льготников в рамках одной группы одними и теми же законами. Но зачастую, наблюдается картина расхождения в предоставлении определённых выплат, льгот, субсидий и т. д. за счёт большого разнообразия нормативных документов и ещё большей дифференциации по дате принятия того или иного нормативного документа.

Польза данной дисконтированной модели заключается в том, что исследователь или чиновник может в любой момент времени сделать срез по группам льготников по количественному и качественному компоненту предоставления мер социальной поддержки, обеспечивающих целостность и справедливость назначенных

льгот. И прежде, чем перейти к непосредственному обсуждению результатов этих расчётов, следует отметить следующее. Поскольку как распределение льгот до реформы, так и распределение их денежного эквивалента в результате её реализации осуществлялось по категориальному принципу, то все далее приведённые в статье оценки эффективности программ выдачи населению денежных выплат вместо льгот носят, с одной стороны, чисто теоретический характер и могут рассматриваться именно в этом контексте. С другой стороны, поскольку органам государственной власти для принятия дальнейших решений в отношении проводимой реформы монетизации льгот важно иметь инструментарий для её оценки, то нижеследующие расчёты (и предлагаемые коэффициенты) имеют важное практическое значение.

Аналогично, рассматривая вопрос о социальной защищённости населения в целом, отметим, что под увеличением её уровня мы понимаем то, в какой мере бедные граждане (наиболее нуждающиеся в социальной поддержке) получают к ней больший доступ, чем не бедные. Анализ изменения величин дифференциальных коэффициентов показывает, что в Алтайском крае в зависимости от даты проводимого среза, получается, что самыми справедливыми в предоставлении льгот были 1995 и 2008 гг. Наблюдается такая зависимость: в это время было принято наибольшее число нормативных актов.

В условиях неопределённости принятия управленческих решений при реформировании системы социальных льгот необходимо знать, кто с большей долей вероятности может оказаться в числе участников новых социальных программ, т. е. как бедные могут претендовать на социальную помощь от государства.

Использование данной модели позволит выделить наиболее незащищённые слои населения со стороны законодательно-исполнительной власти. Изменение в нормативных документах, отменяющее или наоборот присваивающее определённой категории какую-либо выплату (компенсацию и т. д.), будет отражено в балансе мер социальной поддержки.

Данная модель на сегодняшний день позволяет увидеть те категории льготников, которые в большей степени нуждаются в мерах социальной поддержки. Таким образом, она носит прогностическую функцию в сфере построения эффективной системы социальной поддержки граждан.

Статья поступила в редакцию 14.10.2011 г.

Иван Вячеславович Малофеев
кандидат социологических наук, доцент,
Институт переподготовки и повышения квалификации
руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения
(Москва, Россия), e-mail: ipk-dszn@mail.ru

Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы

Статья посвящена современным особенностям развития сферы социальных услуг на стадии её трансформации в социальный институт. Статья включает системный анализ целей и функций системы социального обслуживания и указывает на слабые стороны методологических разработок. Обозначены системные функции сферы социального обслуживания. Статья также включает результаты социологического опроса получателей социальных услуг об их предпочтениях и потребностях. Проводя анализ опроса пожилых людей, следует отметить, что, несмотря на суммарное увеличение объёма услуг и численности их получателей, вопрос доступности услуг и учёта потребностей клиентов до конца не решён. Даны основанные на опросе рекомендации по комплексному улучшению системы социальных услуг, позволяющие решить актуальные социальные задачи.

Ключевые слова: социальные услуги, система социального обслуживания, социальный институт, платные услуги, качество услуг.

Ivan Vyacheslavovich Malofeev
Candidate of Sociology, associate professor, Institute of Retraining and Professional
Development of Managers and Specialists in Population's Social Protection System
(Moscow, Russia), e-mail: ipk-dszn@mail.ru

The Development of Social Services for the Population: Experience and Problems

The article is devoted to the modern features of social services sphere development at the stage of its transformation into a social institution. The article includes a systematic analysis of the purposes and functions of the social services system, points to the weaknesses of the methodological developments and designates the system functions of the sphere of social services. The article also includes the results of a survey on preferences and needs of social services recipients. Through the analysis of the survey of older people, it should be noted that despite the increase in the total number of services and their recipients, the issue of affordability and the needs of customers has not been fully resolved yet. Based on this survey, the author gives recommendations for the complex improvement of the social services system that provide solutions for the pressing social problems.

Keywords: social services, social services system, social institution, paid services, quality of services.

В современном российском обществе развитием социальных услуг занимается такой социальный институт, как система социального обслуживания. В нашей стране её становление приходится на начало 90-х гг. XX в., когда в ходе социально-экономических реформ большинство людей оказалось за чертой бедности и даже на грани выживания.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта показал, что Россия исторически отставала от других стран по темпам развития социальной сферы [5, с. 180].

Современное российское общество характеризуется значительным снижением компен-

саторных возможностей социальной сферы, что требует от системы социального обслуживания решения новых задач, главной сутью которых является не только отход от принципов патерналистской идеологии в отношении различных категорий населения, но и дифференцированное воздействие посредством либеральных идей на динамичных, адаптированных к рынку людей, ведущих активный образ жизни.

Социальное обслуживание населения в Российской Федерации становится одним из важнейших направлений социальной политики. Социальное обслуживание связано, прежде всего, с деятельностью органов управления со-

циальной защиты и соответствующих социальных служб, направленной на предоставление социальных услуг, осуществление социальной поддержки и адаптации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Социальное обслуживание как вид специфической социальной деятельности является сложнейшей системой, с многочисленными и разными по типу связями и взаимоотношениями между отдельными её компонентами, блоками и частями, со специфическими функциями, присущими только ей.

Связи между элементами этой формирующейся в России системы характеризуются определённым порядком, внутренней организацией, направленностью на выполнение функций по оказанию услуг, а также функций социальной адаптации, ресоциализации и социальной реабилитации, определённых законодательством.

Важное место раскрытию понятия и сущности системы социального обслуживания отводят в своих научных трудах такие исследователи, как Э. Л. Воробьева, В. И. Гембаренко, Л. И. Дурова, Р. И. Ерусланова, В. И. Жуков, Н. Д. Павленок, Г. П. Замараева, Г. И. Осадчая, М. Н. Максимова, К. Н. Новикова, М. А. Панов, Е. Р. Смирнова-Ярская, Л. Н. Савинов, Л. В. Топчий, Е. И. Холостова, М. В. Фирсов и др.

Основная цель социального обслуживания – обеспечить население доступными социальными услугами надлежащего качества, создающими благоприятные условия для развития «человеческого капитала», сохраняющими или изменяющими социальное положение личности, населения, составляющих его слоёв, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей, коллективов. Цели социального обслуживания определяются потребностями общества в целом и потребностями всех его отдельных уровней. Реализация целей социального обслуживания зависит от ряда факторов: социально-экономических, морально-этических, социально-психологических, политических, религиозных, демографических, экологических и др.

Основываясь на концепции системных потребностей социально-экономических структур в обществе в её применении к решению практических и организационных задач сферы социального обслуживания, М. В. Фирсов и Е. Г. Студёнова обозначили следующие системные функции этой сферы:

1) системные функции гуманности, включающие в себя: а) помощь неимущим, слабым, больным и людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; б) обеспечение выработки в «общественном организме» так называемых «энергетических излишков», т. е. потребность в ресурсах может резко измениться, например, во время войны или природных катаклизмов;

2) коррекция работы механизмов саморегуляции и саморегуляции в обществе, т. е. корректировка поведения людей в соответствии с интересами включающего их «общественного организма», т. е. таких институтов общества, как система образования и воспитания, религия, семья;

3) стимулирование развития общества, способствующее росту «уровня нормального потребления», особенно у социально неблагополучных групп населения, уровень потребления которых снижается в результате безработицы или таких болезней, как наркомания, алкоголизм и др. [3, с. 175–176].

Одновременно системный анализ показывает, что в научной литературе не закончен процесс начальной выработки единых определений, носящих принципиальный междисциплинарный характер. В настоящее время эта часть методологии социального обслуживания наименее разработана и освещена в работах социологов и теоретиков социальной работы. Подавляющее число публикаций не имеет достаточного научного обоснования, так как в них нет конкретных качественных характеристик объекта.

В научной литературе, на наш взгляд, недостаточно актуализированы аспекты системного подхода, которые бы раскрывали обусловленность процессов институционализации социального обслуживания, объективные и субъективные факторы его становления, а также методологические неточности в схеме: «социальная защита – социальное обслуживание – социальные услуги». Социальное обслуживание может стать социальным институтом в обществе только тогда, когда каждый человек сможет удовлетворить свои потребности в социальных услугах.

Организация социального обслуживания населения в настоящее время осуществляется в ситуации, когда меняется структура спроса на социальные услуги, всё более востребованными становятся их дорогостоящие виды. Постоянно складываются группы населения, которые готовы оплачивать дополнительные виды социальных услуг.

Как показывает анализ, десятилетие реформ принесло положительные результаты в системе социальных услуг. Законодательно установлено право на социальное обслуживание, быстрыми темпами развиваются социальные службы. Постоянно улучшаются их финансовое, материально-техническое обеспечение.

На работу в социальные службы приходят всё более профессиональные кадры. Постепенно внедряются методы индивидуальной оценки нуждаемости в помощи и социальных услугах. Развиваются инновационные технологии социальной работы с различными категориями населения.

Приоритетным становится повышение качества предоставляемых услуг, которое теперь должно определяться не возможностями социальных служб, а индивидуальными потребностями нуждающихся.

Проведённый автором социологический опрос в ряде регионов России (Москве, Московской области, Кировской области) показывает, что различные категории населения заинтересованы в расширении спектра предоставляемых социальных услуг, особенно в формах социодосуговой деятельности: клубах по интересам, посещениях театров, участии в самодеятельности, обучении компьютерной грамотности и т. д.

Большинство респондентов отдаёт предпочтение нестационарным и полустационарным формам социального обслуживания, они не хотели бы навсегда покидать стены родного дома. Для этого требуется расширение видов услуг, позволяющих им поддерживать свое здоровье, обеспечивать уборку помещения, устанавливать контакты с социальным окружением, обеспечивать жилье специальными приспособлениями и оборудованием для перемещения, проводить санитарно-гигиенические мероприятия.

Практически каждый третий респондент высказывался за расширение транспортных услуг для поездки в поликлиники, к родственникам, друзьям, за покупками.

Исследования показали, что развитие дополнительных услуг, в т. ч. и платных, становится всё более востребованным. Это является свидетельством того, что повышается уровень жизни пожилых людей и других респондентов.

По-прежнему одно из ведущих мест занимает потребность в социально-медицинских услугах. Более 50 % респондентов испытывают

в них потребность, так как не могут посещать поликлиники, стоять в очередях к врачам и в процедурные кабинеты. В связи с этим возникает необходимость расширения видов таких услуг.

Говоря о качестве услуг, пожилые люди отмечают, что оно оставляет желать лучшего.

По мнению пожилых людей, для повышения качества услуг важны:

- расширение существующего спектра услуг по уходу, помощи по дому, поддержке, а также предоставление соответствующих технических приспособлений, позволяющих лицам старшего возраста сохранять независимость;
- расширение предоставляемой информации об услугах;
- контроль качества оказываемых услуг;
- личные качества социальных работников (отзывчивость, сензитивность), проявляемые при оказании услуг;
- увеличение объёма услуг в случае необходимости;
- совершенствование планирования услуг по уходу.

Пожилые люди также указали дополнительные условия, способствующие повышению качества услуг:

- возможность пользоваться безопасным, доступным и дешевым транспортом;
- возможность выйти из дома;
- повышение качества услуг здравоохранения;
- общение;
- чувство безопасности и др.

Свыше 70 % респондентов хотели бы сами участвовать в планировании, организации и разработке оценочных показателей предоставления услуг.

Анализируя проведённый опрос пожилых людей, следует отметить, что несмотря на суммарное увеличение объёма услуг и численности их получателей, вопрос доступности услуг и учёта потребностей клиентов до конца не решён.

Развитие социального обслуживания населения, удовлетворяющее и в перспективе опережающее общественную потребность в этих услугах, возможно лишь при осуществлении комплексных мер институционального, технологического и ресурсного характера, обеспечивающих повышение доступности и качества социальных услуг по адаптации данной категории населения к новым условиям жизнедеятельности.

Представляется целесообразным:

– организовать разработку системы индивидуальной оценки нуждаемости в социальных услугах в зависимости от степени нуждаемости (всего 8–10 степеней), определяемой с учётом функционального состояния гражданина и социальных показаний, которой будет соответствовать определённый перечень социальных услуг (паспорт социальных услуг);

– разграничить сервисные услуги, индивидуальный уход и мероприятия по реабилитации получателей социальных услуг в целях высвобождения и перераспределения в пользу особо нуждающихся клиентов потенциала работников социальных служб, появления негосударственных поставщиков сервисных и других услуг;

– активнее внедрять эффективные социальные технологии (участковый, бригадный методы обслуживания на дому, мобильная социальная помощь гражданам, создание отделений социального обслуживания на дому для граждан с пониженным уровнем слуха).

Более 80 % пожилых людей высказываются за развитие специализированных отделений социально-медицинского обслуживания на дому, которые предоставляют услуги по уходу за тяжёлобольными пожилыми людьми и инвалидами (патронажные службы)

Указанная деятельность имеет высокую социальную эффективность, решая актуальные задачи:

– удовлетворение острой потребности в оказании услуг по паллиативному уходу;

– сохранение социально и индивидуально приемлемого качества жизни в течение терминального периода жизни пожилого больного;

– высвобождение больничных коек, длительно занимаемых лицами указанной категории;

– содействие семье в обеспечении ухода за неизлечимо больными умирающими родственниками и социально-психологическая помощь в переживании утраты;

– экономия трудового потенциала в связи с частичным высвобождением членов семьи, других родственников от выполнения обязанностей по длительному уходу за неизлечимо больными и умирающими родственниками;

– снижение социальной напряжённости в связи с острыми проблемами умирающих людей и их родственников.

Проведённое исследование свидетельствует, что становление системы социального обслуживания, начавшееся на рубеже XX–XXI вв., в России идёт эволюционным путём. Процесс развития системы социального обслуживания является промежуточным, переходным, это отражается, с одной стороны, в попытках представления социального обслуживания как части социального обеспечения, с другой – как части социального сервиса, с третьей – как агента социальных изменений, относящегося к традиционным секторам социальной сферы. Система социальных услуг в современных условиях выступает в качестве деятельности социального института, предназначенного для адаптации, социальной реабилитации лиц старшего поколения, инвалидов, семей «групп риска» и т. д.

Список литературы

1. Малофеев И. В. Развитие социальных услуг: теоретический аспект. М., 2010.
2. Новикова К. Н. Управление системой социальной защиты населения в условиях формирования новой социально-экономической среды в России. М., 2011.
3. Топчий Л. В. Организация социального обслуживания населения: учеб. пособие. М., 2010.
4. Холостова Е. И. Социальная работа: история, теория, практика: учебник. М., 2011.
5. Холостова Е. И., Дашкина А. Н., Малофеев И. В. Социальная работа за рубежом. М., 2011.

Статья поступила в редакцию 11.09.2011 г.

Владимир Аршакович Петросян

кандидат социологических наук,

*Департамент социальной защиты населения города Москвы
(Москва, Россия), e-mail: dszn01@mail.ru, dszn01@yandex.ru*

Социальная политика, определяющая интеграцию инвалидов

В статье анализируются двойственный социальный статус инвалидов, обладающих равными правами и одновременно являющихся объектами маргинализации, и барьеры инвалидности различных уровней. Обосновано применение социально-конструкционистского подхода как для проведения исследований социального статуса и уровня интеграции инвалидов в общество, так и для формирования социальной политики. Статья исследует объективные и субъективные факторы, влияющие на успешность интеграции инвалидов в общество, и показывает достоинства социально-конструкционистского подхода как основы для социальной политики, направленной на интеграцию инвалидов в социум. Рассмотрены содержание, ход и результаты процессов интеграции в общество инвалидов в городе Москве. Обоснованы основные направления социальной поддержки инвалидов.

Ключевые слова: социальная политика, интеграция инвалидов, социально-конструкционистский подход, барьеры инвалидности, социальное обслуживание.

Vladimir Arshakovich Petrosyan

Candidate of Sociology,

*Department of the Population's Social Welfare in Moscow
(Moscow, Russia), e-mail: dszn01@mail.ru, dszn01@yandex.ru*

Social Policy that Determines the Integration of the Disabled

The article analyzes the ambiguous social status of the disabled, who are the subjects of equal rights and at the same time of the objects of marginalization, and discusses the barriers of different levels of disability. The study justifies the application of social-constructionist approach to conduct research on the social status and the level of integration of the disabled into society, as well as on the formation of social policy. It examines objective and subjective factors that influence the success of the integration of the disabled into society and demonstrates the advantages of social-constructionist approach as a basis for the social policy aimed at integrating the disabled into society. The article explores the content, process and results of the processes of integration of the disabled into society in the city of Moscow and justifies the basic directions of social support for people with disabilities.

Keywords: social policy, integration of the disabled, social-constructionist approach, barriers of disability, social services.

Инвалиды, или люди с ограниченными возможностями здоровья – одна из многочисленных социальных групп, члены которой, с одной стороны, ввиду ограниченности своих физических, сенсорных, интеллектуальных и прочих возможностей, связанных с состоянием здоровья, нуждаются в организации специальных процессов и социальных технологий для своего полноценного существования. С другой стороны, это индивиды, которые номинально обладают всей полнотой прав человека, признаваемых современным общественным сознанием, и наделены «достоинством, присущим всем

членам человеческой семьи» [1]. Так сформулирован этот основополагающий принцип эгалитаризма во Всеобщей Декларации прав человека. Инвалиды неотделимо интегрированы в социальную действительность, в то же время они в той или иной степени подвергаются социальной эксклюзии, маргинализации.

Инвалидность, дефект здоровья, обуславливающий ограниченные возможности жизнедеятельности, является абсолютным фактором риска на индивидуальном уровне. Обеспечение индивидам достойной жизни требует значительно больших усилий, чем обеспечение нормаль-

ных условий жизнедеятельности на медианно-социальном уровне. Общество разрабатывает механизмы, определяющие возможность преодоления этих потенциальных препятствий – барьеров инвалидности.

Социальная защита, социальное обслуживание, гибкость и дружелюбность социума (общественное мнение, общественная поддержка, поощрение деятельности общественных объединений инвалидов или организаций, действующих в их пользу) могут целиком или отчасти компенсировать ограничения, повышают доступность равных возможностей для ведения достойной жизни.

Сегодня вопросы социальной поддержки населения и, соответственно, социальных нормативов, на основе которых оказывается данная поддержка, законодательно возложены в основном на субъекты Российской Федерации. При этом размер данной социальной поддержки зависит от возможностей региона и значительно варьируется от территории к территории. Соответственно, размер выплат может отличаться в несколько раз. Кроме того, самодостаточные регионы вводят собственные меры социальной поддержки, причём не только в виде пособий, компенсаций и денежных выплат.

Разнообразие теоретических моделей, на основе которых формируется социальная политика по отношению к инвалидам, подвижность и субъективность статуса инвалидности, весомость социальных факторов и последствий в процессе интеграции инвалидов – всё это свидетельствует о том, что в положении человека с ограниченными возможностями здоровья наличествует два фактора: реально существующая недостаточность здоровья и социальный конструкт инвалидности, который возникает на основе таких деструктивных по отношению к социальной интеграции элементов, как социально-средовые барьеры и барьеры, обусловленные отношением в обществе к инвалидам и отношением инвалидов к обществу.

Социально-конструкционистский подход обладает высоким эвристическим потенциалом как для проведения исследований социального статуса и уровня интеграции инвалидов в общество, так и для формирования социальной политики, нацеленной на максимально полноценную интеграцию инвалидов в общество.

Сложная структура социальной реальности современного общества содержит значительное количество объективных и субъек-

тивных факторов, позитивно, негативно или противоречиво влияющих на эффективность интеграции инвалидов. К числу указанных факторов относятся: социальная и этническая принадлежность, степень инкультурации, пол (гендер), образование, семейный статус, наличие трудовой занятости и т. п.

Действие данных факторов не является неизменным, оно зависит от социально-культурного контекста, уровня социально-экономического развития общества, характеристики социальной конструкции инвалидности, принятой в обществе.

Социальная политика, определяющая интеграцию инвалидов, базируется на институциональных основаниях, среди которых важное место занимают социально-правовые положения международных нормативных документов, базирующихся на модели социально-конструктивистского понимания инвалидности. В её рамках явление инвалидности рассматривается как социальная конструкция, формируемая на стыке нарушений здоровья и барьеров, обусловленных состоянием социальной среды и общественными отношениями и препятствующими нормальному функционированию человека, а в качестве цели социально-интеграционных процессов рассматривается достойная жизнь инвалида.

Конструирование инвалидности в социально-историческом контексте – комплексный процесс, основанный как на субъективной оценке людьми с инвалидностью своего места в обществе, так и на позиции общества по отношению к людям с инвалидностью. Рассмотрение образцов отношения к отклонениям здоровья и их носителям позволяет выявить их изменчивость в социально-историческом контексте и конструирование в современных условиях в социальные нормы.

Несмотря на номинально провозглашаемое согласие общества по вопросам интеграции инвалидов в общество, в социальной реальности существуют, возникают или устойчиво воспроизводятся деструктивные элементы, воспринимаемые как барьеры, препятствующие интеграции инвалидов. Демонстрируемое в последние годы стремление к реализации недискриминационной социальной практики обуславливает постепенный отход от требований к одностороннему приспособлению условий социальной среды к нуждам инвалидов и принятие требований универсального дизайна,

предусматривающего формирование среды, приемлемой для всех, вне зависимости от состояния здоровья.

Оценивая влияние качества жизни инвалидов Москвы на ход, результат и эффективность их интеграции, следует отметить, что к числу факторов, оказывающих значительно негативное влияние на процесс интеграции в общество, московские инвалиды относят: трудности в получении медицинской помощи и в лекарственном обеспечении; барьеры внешней среды и транспорта; барьеры восприятия окружающими людьми с инвалидностью и самоидентификации инвалидов; негативные социальные установки и стереотипы в отношении инвалидов; барьеры в сфере трудоустройства, образования.

Выявленные в процессе исследования суждения инвалидов по поводу социального обслуживания как важнейшего инструмента, способствующего интеграции (содержание и объём предоставляемых услуг, доступность, качественные характеристики, личностные факторы и т. д.), позволяет сделать вывод, что три четверти респондентов в совокупности удовлетворены работой органов социальной защиты населения; четыре пятых удовлетворены работой специалистов учреждений социального обслуживания; несколько менее трети удовлетворены объемом и качеством предоставляемых услуг. В то же время невысоко оценено качество помощи по критериям полноты и своевременности; информированность потребителей социальных услуг. Выявлены весьма значительные гендерные различия в восприятии и оценке различных аспектов социального обслуживания.

Анализ отражения практики интеграции инвалидов в бумажных и электронных сред-

ствах массовой информации (включая Интернет) даёт основания заключить, что в тех несчастных случаях, когда инвалиды выступают героями публикаций, их образы даются как повод для возбуждения сочувствия, жалости, возмущения жестокостью внешней среды. Как максимум – эмоциональное решение строится на контрасте телесной слабости и силы духа. Вместе с тем, достижения современных технологий и конструктивистский подход массовой культуры приводят к тому, что люди с протезами, слуховыми аппаратами, частями тела, заменёнными искусственными приспособлениями, не только не вызывают страха и отторжения, но воспринимаются как вариация многообразной нормы.

Кроме того, появление средств массовой информации, выпускаемых самими инвалидами, а также ресурсов в сети Интернет, на которых люди с ограниченными возможностями активно общаются, привело к устранению односторонности в восприятии инвалидами собственного статуса и предоставило возможность обществу более взвешенно воспринимать инвалидов.

Рассмотрение содержания, хода и результатов процессов интеграции в общество инвалидов в городе Москве позволило обосновать основные направления социальной поддержки инвалидов как условия их интеграции в общество. К их числу относятся: социальная поддержка, смягчающая для инвалидов наиболее острые моменты социально-экономического неравенства; социальная реабилитация как активная форма социальной защиты; предоставление других социальных услуг, обеспечивающих людям с ограниченными возможностями здоровья возможности для социального функционирования.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, 1948.
2. Наберушкина Э. К. Социальная политика в отношении инвалидов // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М.: ИНИОН РАН, 2002.
3. Ткаченко В. С. Общество и проблемы инвалидности: монография. Ставрополь, 2006.
4. Холостова Е. И. Социальная работа с инвалидами: учеб. пособие. М., 2009.
5. Штомпка П. Социологический анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

Статья поступила в редакцию 13.01.2012 г.

Виктор Викторович Харабет
кандидат педагогических наук, доцент,
Приазовский государственный технический университет
(Мариуполь, Украина), e-mail: Lanovenk@mail.ru

Подготовка специалистов социальной работы в контексте регулирования занятости молодёжи: региональный аспект

Проблема государственного регулирования занятости молодёжи, особенно молодых специалистов, в современных социально-экономических условиях очевидна, поскольку вопрос занятости молодёжи и населения в целом является ключевым в рыночной экономике. Особую актуальность приобретает подготовка и дальнейшее трудоустройство специалистов социальной работы. Были проанализированы следующие вопросы: проблемы социально-профессиональной адаптации молодёжи, нормативно-правовое обеспечение занятости этой категории населения; роль компетентности и квалификации в обеспечении адаптации молодых специалистов; специфика социальной работы в сфере занятости населения города Мариуполя; регулирование занятости выпускников высших учебных заведений на примере специальности «Социальная работа». На основе опыта открытия новой специальности, связанной с социальной работой, были рассмотрены особенности профориентационной деятельности, а также вопросы, касающиеся восприятия студентами новой специальности и утверждения её в регионе. Это позволило более комплексно рассмотреть проблемы регулирования занятости специалистов социальной работы в социально-экономических условиях промышленного региона. Полученные результаты могут быть интересными для теоретиков и практиков в сфере социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, занятость населения, молодой специалист, трудоустройство, конкурентоспособность, социальная служба.

Victor Victorovich Kharabet
Candidate of Pedagogy, associate professor,
Pryazovsky State Technical University
(Mariupol, Ukraine), e-mail: Lanovenk@mail.ru

Social Work Specialists' Training in the Context of Youth Employment Regulation: a Regional Aspect

The problem of state regulation of young people's, especially of young professionals' employment in today's socio-economic conditions is obvious, since the issue of youth and general population employment is the key to a market economy. It is important to consider social workers' training and further employment. This formulates the subject, the object, aims and objectives of this study. The author analyzes the following issues: social and professional adaptation of young people, legal regulation of this population category employment, the role of competency and qualification to ensure young specialists' adaptation, specific conditions of social work in the city of Mariupol employment sphere, regulation of employment of university graduates majoring in social work. The author describes particular career-oriented activities based on the experience of opening a new specialty related to social work, as well as issues related to the students' attitude to the new specialty and its efficiency in the region. The author gives a comprehensive review of the problem of social work specialists' employment regulation in socio-economic conditions of the industrial region. These results may be of interest to theorists and practitioners in the field of social work.

Keywords: social work, employment of the population, young specialist, employment, competitiveness, social service.

Проблема государственного регулирования занятости молодёжи в современных социально-экономических условиях очевидна, поскольку вопрос занятости молодёжи и населения в целом является ключевым в рыночной экономике.

Исследования данной проблемы возможно на комплексном подходе, охватывающем многосторонние аспекты социально-экономических условий жизнедеятельности человека. Теоретические и практические рекомендации каса-

ются разработок и реализации программ трудоустройства молодых специалистов, а следовательно, и обеспечения снижения уровня безработицы.

В украинской общественной мысли проблему взаимодействия личности и общества изучали Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. И. Новгородцев. Вопросы исследования принципов занятости и обеспечения нормативно-правовых условий

труда и занятости нашли отражение как в зарубежных, так и в отечественных разработках В. А. Глозмана, С. С. Кари, К. П. Уржинского.

Осуществляемый в Украине в настоящее время переход к рыночным отношениям связан с социально-экономическими проблемами, одной из которых является проблема занятости населения. Переход от централизованной экономической системы к рыночной обуславливает возникновение деформации в сфере социально-трудовых отношений и обострение проблемы занятости. Проблема занятости неразрывно связана с людьми и их производственной деятельностью.

Экономика рыночных отношений привела к высвобождению работников материальной и нематериальной сферы, а следовательно, и к появлению явной безработицы. Увеличивается и скрытая безработица. В складывающихся социально-экономических условиях в Украине принимаются программы занятости населения, в которых упор делается на совершенствование рыночных механизмов регулирования занятости населения.

Наиболее актуальной проблемой занятости является обеспечение первого рабочего места и социальная защита молодых специалистов. Факторами решения данной проблемы выступают:

- специальность и её соотношение с востребованностью в регионе;
- традиционность и популярность специальности среди населения;
- профессиональная преемственность поколений.

В условиях традиционности сложившихся специальностей в социально-экономических условиях региона, проблематичным является открытие новой специальности и её утверждение в общественной мысли.

Объектом настоящих исследований является занятость молодёжи в современных социально-экономических условиях Украины, и, в частности, Донецкой области, а предметом – государственное регулирование занятости молодёжи и, в частности, молодых специалистов не производственной сферы – социальных работников.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности подготовки специалистов социальной работы в контексте регулирования занятости молодёжи на региональном уровне.

В соответствии с объектом, предметом и целью исследования были определены следующие задачи:

– рассмотреть проблемы социально-профессиональной адаптации молодёжи, нормативно-правовое обеспечение занятости этой категории населения;

– проанализировать роль компетентности и квалификации в обеспечении адаптации молодых специалистов;

– изучить специфику социальной работы в сфере занятости населения города Мариуполя;

– провести исследования по изучению регулирования занятости выпускников высших учебных заведений на примере специальности «Социальная работа».

Закон Украины «О занятости населения» является комплексным законодательным актом, который содержит нормы права, социального обеспечения административного и трудового права. Занятость определяется как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных нужд, как правило, приносящая им доход в денежной или другой форме. Законом установлены дополнительные гарантии занятости для отдельных категорий населения. Речь идёт о трудоспособных гражданах в трудоспособном возрасте, которые нуждаются в социальной защите и не способные на равных конкурировать на рынке труда [2]. К этой категории граждан относится молодёжь, которой, согласно законодательству, предоставляется первое рабочее место [2].

Рассмотренные положения соответствующего Закона Украины направлены на обеспечения решения проблем занятости населения на законодательном уровне. Эти проблемы в полной мере касаются и молодёжи. Положение молодёжи, её место в системе экономических приоритетов и общественных ценностей – важный показатель уровня развития региона.

В кризисных условиях проблемы трудоустройства затрагивают не только работающее население, но и молодых специалистов, которые только начинают свою трудовую деятельность. Ужесточение требований к потенциальным кандидатам делает трудоустройство молодых специалистов весьма проблематичным. Поэтому одним из действенных положений их защиты выступают соответствующие законодательные акты.

Различают четыре основных вида занятости: полную; неполную (частичную – временную); рациональную и эффективную. На динамику занятости влияют следующие факторы: демографические, экономические, организационные и правовые. Приведённые факторы, вли-

яющие на динамику занятости населения, позволяют в полной мере представить сложность складывающихся условий, связанных с проблемами обеспечения занятости населения в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях и тем более в рыночных отношениях.

Решение проблемы трудоустройства как личностной проблемы связано, прежде всего, с уровнем профессиональной подготовки, выступающей фактором конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда. Базовое профессиональное образование является характеристикой достигнутого уровня квалификации молодого специалиста и компетентности его профессиональной деятельности. Однако в условиях ускоренного научно-технического развития и экономики возникает необходимость постоянного совершенствования профессиональных знаний и овладения инновационными технологиями производства работ, т. е. необходимость непрерывного профессионального образования.

С трудоустройством молодого специалиста процесс конкурентоспособности продолжается, что связано с его социально-профессиональной адаптацией, эффективным фактором которой является трудовая активность. Как показывают исследования, процесс социально-профессиональной адаптации является важной составляющей процесса профессионализации личности.

Рассмотрим проблемы регулирования занятости молодёжи в социально-экономических условиях крупнейшего промышленно развитого региона Украины – Донецкой области [1]. Количество студентов в Донецкой области достигает почти 200 тысяч, они обучаются по 280 специальностям. В связи с изменяющимися потребностями рынка труда происходит постоянная динамика в мире специальностей [3].

Мариуполь – высокоразвитый промышленный город Донецкой области с разветвлённой сетью государственных социальных служб и общественных организаций, связанных с решением социальных проблем населения города. В городе насчитывается более тридцати государственных социальных служб различной социальной направленности: центры занятости; управления пенсионного фонда; социальной защиты населения; отделы жилищных субсидий; центры социальных служб молодёжи; фонды социального страхования; территориальные центры обслуживания пенсионеров и одиноких нетрудоспособных граждан; службы

по делам несовершеннолетних. На крупных промышленных предприятиях действуют корпоративные службы социальной защиты рабочих и специалистов. В городе сложилась разветвлённая сеть социальных организаций, деятельность которых направлена на социальную защиту населения.

В условиях развития социально-экономических отношений возрастает роль социальных служб. Кадровый потенциал социальных служб сложился из числа специалистов, имеющих высшее образования, но не социальной направленности, так как за период советской системы образования данное направление подготовки специалистов не предусматривалось. Поэтому данные объективные обстоятельства выступают существенным фактором актуальности подготовки специалистов социальной работы.

Специальность «Социальная работа» – «молодая специальность» в системе образования Украины и Донецкой области. Приазовским государственным техническим университетом в 1999 г. была проявлена инициатива по лицензированию специальности «Социальная работа». В настоящее время кафедра социологии и социальной работы ведет подготовку бакалавров, специалистов и магистров социальной работы. 82,5 % населения города в той или иной мере заняты в промышленном производстве, поэтому и основной акцент специализации подготовки специалистов социальной работы основывается на специфике производственных предприятий как основных потребителей молодых специалистов.

Приазовский государственный технический университет 85 лет ведёт подготовку специалистов технических специальностей: металлургов, машиностроителей, энергетиков и электросварщиков. За данный период в городе и регионе сложилась определённая система профессиональной ориентации и престижности специальностей и семейных традиций в преемственности специальностей.

Открытие новых специальностей, и тем более не связанных с базовым направлением университета, требует глубокого анализа в период подготовки их к открытию, в процессе обучения и в период трудоустройства. Результаты анализа позволяют выявить ряд особенностей престижности специальности, её перспективность, а главное – конкурентоспособность в условиях сложившегося рынка потребностей специальности в регионе. В со-

психологическом исследовании регулирования занятости выпускников специальности «Социальная работа» приняли участие студенты, окончившие Приазовский государственный технический университет в 2008 и 2009 гг. Исследование проводилось поэтапно, следуя последовательности профессионализации личности молодого специалиста: профориентация, овладение специальностью и трудоустройство.

На этапе профориентации и выбора специальности были получены следующие результаты:

– 46 % респондентов показали, что наиболее сильным мотиватором к выбору специальности «Социальная работа» стали рекомендации родителей и друзей;

– 24 % респондентам «было всё равно, куда поступать» для получения высшего образования;

– 14 % респондентов целенаправленно выбирали данную специальность;

– 16 % составили респонденты, неопределившиеся в выборе будущей специальности.

Сравнительный анализ полученных результатов свидетельствует о существенной доле неопределившихся абитуриентов на момент подачи заявлений на данную специальность. Факторами данных показателей выступают, с одной стороны, уровень профориентационной работы среди молодёжи, а с другой – традиционная неуверенность и безразличие относительно будущего образования в жизни молодёжи (данный показатель характерен и для других специальностей). Как показывают результаты беседы со студентами первого курса, данные показатели следует отнести к нестабильности социально-экономических условий в регионе. Следует особо отметить не знание абитуриентами и родителями сущности новой специальности в регионе, а следовательно, и прогнозируемость её востребованности.

Следующий этап исследования связан с периодом обучения студентов в университете по выбранной специальности. Были получены следующие результаты:

– 64 % выпускников ответили, что за время обучения в Университете их отношение к выбранной специальности улучшилось;

– 11 % разочаровались в специальности;

– 25 % так и не определились в своем отношении к выбранной специальности.

Если сравнить данные показатели с показателями, полученными на этапе профориента-

ции, можно отметить следующее: студенты, которые разочаровались в выбранной специальности и не определились в своём отношении к данной специальности, это те абитуриенты, которым «было всё равно, куда поступать» и которые были не уверены в выборе своей будущей специальности.

Существенным фактором, который оказал влияние на уверенность в выбранной специальности, были личностные качества студентов, связанные с природными способностями и желанием общаться с людьми, т. е. они близки к специальности, относящейся к типу «человек-человек».

Следующие исследования касались третьего этапа – трудоустройства молодых специалистов:

– 78 % студентов на момент исследования трудоустроились.

Из числа трудоустроенных:

– у 72 % работа не совпадает с полученной специальностью;

– 77 % респондентов считают, что главной причиной, по которой им не удалось трудоустроиться по специальности, является низкая заработная плата, которая предлагается социальным работникам. По оценке студентов она совершенно не соответствует выполняемой работе согласно квалификационным требованиям и социально-экономическим потребностям молодого специалиста;

– 54 % трудоустроились на частных предприятиях;

– 24 % предпочли государственные предприятия и организации.

Исследовались также подходы студентов к решению проблем трудоустройства:

– 53 % респондентов выделили проблему возможности трудоустроиться по специальности как одну из главных, повлиявшей на желание работать по специальности;

– 32 % респондентов работу находили самостоятельно, на что потребовалось в среднем около месяца, а отдельных случаях – несколько месяцев;

– 8 % респондентов нашли рабочее место через кадровые агентства и Интернет;

– 7 % были трудоустроены службой трудоустройства студентов Университета.

Респонденты выделяют ряд факторов, оказавших влияние на трудоустройство:

– 38 % – указывают на личные качества;

– 32 % – отмечают значимость полезных связей и знакомства;

– 17 % – отмечают важность имеющегося трудового опыта;

– 13 % – не определились в решении данной проблемы.

В заключение был поставлен вопрос о роли субъектов, обеспечивающих трудоустройство молодых специалистов в современных социально-экономических условиях:

– 59 % респондентов считают, что главным субъектом, обеспечивающим решение проблем трудоустройства молодых специалистов, должно быть государство;

– 25 % – предполагают, что этим должны заниматься учебные заведения, через установление перспективных деловых связей с предприятиями и организациями;

– 16 % – респондентов полагаются только на собственные силы, считая своим долгом обеспечить себя первым рабочим местом самостоятельно, как наиболее эффективную и надежную форму решения проблемы.

Комплексный анализ полученных результатов исследования проблемы регулирования занятости молодёжи на региональном уровне позволяет сделать первоначальное обобщение, а также определить возможные подходы к совершенствованию профориентационной работы, учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов социальной работы и их трудоустройства.

Укомплектованность социальных служб специалистами-практиками не позволяет эффективно решать проблемы трудоустройства молодых специалистов социальной работы. К особенностям данной специальности следует отнести женский фактор. 85–90 % студентов составляют девушки, а в социальных службах – до 95 % составляет женский персонал. Как известно, данная категория отличается стабильностью в сохранении рабочего места, что также оказывает существенное влияние на трудоустройство молодых специалистов.

Важную роль в овладении рабочим местом играет квалификация и компетентность специалиста. Квалификация молодого специалиста определяется стандартом на подготовку соответствующего специалиста, нормативным документом которого выступает образовательно-квалификационная характеристика. Компетентность является характеристикой практического опыта специалиста, что для молодого специалиста весьма проблематично. Как показывают результаты отбора на определённую должность, работодатели предпочитают специалистов, имеющих определённый практический опыт в данном направлении. В данных ситуациях вступают в противоречия

уровень профессиональных знаний молодого специалиста социальной работы и отсутствие практического опыта.

В системе социальных служб Донецкой области трудоустройство вновь принимаемых социальных работников решается на уровне области через систему тестирования. Как показывают результаты конкурса молодых специалистов социальной работы, выпускники университета обладают высоким уровнем конкурентоспособности, показывая высокие результаты, и рекомендуются к приёму на работу.

Таким образом, трудоустройству молодых специалистов мешает отсутствие опыта практической деятельности, навыков поиска работы, общения с работодателями, а также недостаточная информированность молодых специалистов о рынке труда. В данных обстоятельствах важная роль в обеспечении первого рабочего места принадлежит государству как гаранту социальной защиты молодого специалиста.

Опыт работы кафедры социологии и социальной работы по популяризации специальности «Социальная работа» среди работодателей, социальных служб города и среди населения города, а следовательно, и содействие молодым специалистам в трудоустройстве заключается в следующих учебно-воспитательных мероприятиях. Организация и проведение ознакомительной, производственной и преддипломной практик. Именно данные формы учебно-воспитательного процесса являются наиболее эффективными в представлении студентов в социальных службах города, а студентам позволяют предметно познакомиться с деятельностью социальных служб.

Ознакомительная практика студентов организовывается таким образом, чтобы студенты могли познакомиться со структурой и профессиональной деятельностью различных социальных служб города. Как показывают результаты – это первые шаги студентов в профессионализации и определении своей будущей профессиональной деятельности. При определении базы производственной практики студенты выбирают те социальные службы, с которыми они с интересом познакомились во время ознакомительной практики. Как правило, преддипломная практика и темы дипломных работ связаны с деятельностью социальных служб, в которых студенты проходили ознакомительную и производственную практики.

Принятая система организации практик позволяет студентам более определённо выявить свои профессиональные способности относительно деятельности социальных служб

и проявить себя как специалиста, а социальным службам более обстоятельно оценить профессиональные способности студента как будущего работника социальной службы. В этой связи следует отметить, что практическая деятельность студентов в период практик выступает наиболее эффективной формой саморекомендации к трудоустройству. Как показывает практика, наиболее высокий процент трудоустройства связан именно с данной категорией студентов.

Одной из эффективных форм приобщения студентов к будущей социальной деятельности является волонтерское движение, которое благодаря инициативе преподавателей, активно развивается. Участие студентов в волонтерском движении позволяет не только получить первоначальные навыки работы с клиентами, но и сделать первые шаги в дальнейшем профессиональном самоопределении. Важным показателем участия студентов в волонтерском движении является возможность самореализации личности. Участие студентов в волонтерском движении определяет тематику будущих дипломных работ, содержание которых построено на фактической деятельности студентов.

Традиционно студенты специальности «Социальная работа» принимают участие в ежегодной «Ярмарке профессий», которую проводит Городской центр занятости населения. В ярмарке профессий принимают участие учащиеся и родители школ города. Участие студентов позволяет эффективно и результативно проводить профориентационную работу и тем самым популяризировать новую специальность среди населения города. Ежегодно кафедра проводит научно-практическую конференцию в рамках Международной научно-практической конференции университета. В конференции принимают участие студенты и преподаватели кафедры, руководители и специалисты социальных служб города и области и общеобразовательных школ города.

Завершающим этапом обучения студентов в вузе является защита дипломных работ. Следует отметить, что тематика дипломных работ специалистов в значительной части носит

практический характер, а магистров – научно-практический. Базой исследования выступают проблемы, непосредственно касающиеся деятельности социальных служб. На защиту дипломных работ приглашаются руководители и специалисты социальных служб.

Особое внимание на кафедре уделяется информационным средствам как наиболее эффективным средствам профессиональной ориентации и популяризации новой специальности. За период подготовки социальных работников в средствах массовой информации города был опубликован ряд статей о специальности, преподавателях и деятельности кафедры и студенческой молодежи. Были организованы передачи по телевидению. Результаты целенаправленной профориентационной работы проявляются в период приёмной комиссии и в процессе обучения в университете. Следует отметить, что с каждым годом популярность специальности возрастает, что проявляется в конкурсе и качественном отборе студентов на данную специальность и высоком уровне подготовки специалистов.

Опыт подготовки инновационной специальности «Социальная работа» в условиях промышленного региона с традиционной системой подготовки специалистов приводит к следующим выводам:

– открытие новой специальности требует всестороннего анализа социально-экономических условий региона с позиций кадрового обеспечения и востребованности инновационной специальности;

– одним из факторов востребованности специалистов социальной работы выступает специализация их подготовки в соответствии с производственными особенностями ведущих предприятий и организаций;

– необходимость проведения широкой компании популяризации новой специальности среди различных слоёв населения через средства массовой информации;

– качество подготовки специалистов выступает наиболее эффективным средством популяризации специальности и востребованности специалистов.

Список литературы

1. Донбасс: прошлое, настоящее, будущее // Формирование и развитие трудовых традиций: тезисы докладов и сообщений. Краматорск: НКМЗ, 1993. 290 с.
2. Про зайнятiсть населення: станом на 08.12.2009 р. / Про зайнятiсть населення. – Офіційний сайт Державної служби зайнятості. URL: www.dcz.gov.ua/doccatalog/document?id=26456 (дата обращения: 12.12.2011).
3. Социально-экономическое положение Донецкой области за первое полугодие 2010 года: стат. бюл. // М-во статистики Украины. Донецк. обл. упр. статистики. Донецк, 2009. 135 с.

Статья поступила в редакцию 10.03.2012 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316
ББК Ю 16

Маргарита Игоревна Варакина
кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: www.zabgu.ru

Формирование национальной идеи экологической культуры Китая

Статья посвящена исследованию формирования новой экологической культуры, которая способствует позитивному духовному преобразению личности. Анализ экологической культуры Китая показал, что в центре эколого-этической системы конфуцианства находится общественный человек, приверженец экологически морального поведения. Будущее Китая невозможно без устойчивого развития общества, где позитивные экологические императивы играют серьезнейшую роль. Показана роль китайского руководства в формировании новой радикальной и глобальной политики, предъявляющей новые требования к социальному мышлению, к проблемам экологического развития общества, к новой экологической стратегии. Выводы говорят о том, что посредством формирования экологической культуры может быть решена проблема выхода из экологического кризиса, т. к. экологическая культура вбирает в себя все материальные и духовные ценности, создаваемые человеком в процессе социоприродного взаимодействия.

Ключевые слова: экологическая культура, экологический императив, социоприродное взаимодействие, экологическое единение, экологические традиции, экологические принципы, экологическое развитие.

Margarita Igorevna Varakina
Candidate of Philosophy,
Trans-Baikal State University
(Chita, Russia), e-mail: www.zabgu.ru

The Formation of the National Idea of Chinese Ecological Culture

The article investigates the formation of a new environmental culture that promotes a positive spiritual transformation of the individual. The analysis of the ecological culture of China shows that in the center of the eco-ethical system of Confucianism is social man, follower of environmentally moral behavior. China's future is impossible without sustainable development of society, where positive environmental imperatives play a serious role. The paper shows the role of the Chinese leadership in the formation of a new radical and global policy that has new demands for social thinking, the problems of environmental development of society and the new environmental strategy. The findings suggest that the problem of getting out of the ecological crisis can be solved through the formation of ecological culture, as ecological culture absorbs all the material and spiritual values created by man in the process of socio-natural interactions.

Keywords: ecological culture, ecological imperative, socio-natural interaction, ecological unity, ecological traditions, ecological principles, environmental development.

Гармоничное будущее любой страны невозможно без экологической культуры общества как специфического способа оптимизации деятельности людей, имеющего целью гармонизацию отношений человека, общества с природой [6].

Многообразие и богатство экологической культуры требует глубокого и всестороннего изучения экологических традиций различных народов. В этой связи важное значение имеет анализ экологической культуры Китая, ориентированной на гуманный подход в решении экологических проблем. Говоря о культуре Китая, где экологическая культура занимает одно из важнейших мест, К. И. Шилин указывает на то, что китайская культура представляет собой фундаментальную основу для перехода от дисгармонично-катастрофичной современной реальности к гармоничному будущему Китая, России, мира» [11, с. 57].

Будущее Китая невозможно без нового осмысления компонентов экологической традиционной культуры, и на этой основе – формирования национальной идеи экологической культуры в новом модернизированном варианте, имеющей вышеуказанную цель. Однако процесс формирования такой культуры чрезвычайно сложен. Он включает в себя процессы социокультурной актуализации на основе познания и нравственного созидания человека как естественного природного звена в эволюции системы «человек – природа – общество». Именно эта проблема обсуждалась в 1990 г. в Китае на международной конференции, проводимой ЮНЕСКО.

На конференции поэтому было неоднократно отмечено, что поиск путей становления экологической культуры не может быть эффективен без обращения к традиционным философским учениям, а именно, к конфуцианской этике, в частности к провозглашаемым ею групповым ценностям, почитаемых истоками морали XXI в. Именно философская мысль аккумулирует варианты ответов на глобальные вопросы человеческой жизни о смерти и бессмертии, об абсолютных моральных ценностях и метафизическом устройстве мироздания, помогает в выборе стратегического пути устойчивого развития.

«Конфуцианцы делали акцент на групповых ценностях, считая их важнейшим средством и критерием воспитания идеальной личности. Конфуций призывал исходить из интересов народа. Мэн-цзы писал, что государство гибнет,

если все стремятся к индивидуальным ценностям, и процветает, если преобладает стремление к ценностям групповым, если господствует единство интересов. Если возникает конфликт индивидуальных и групповых ценностей, необходимо жертвовать первыми ради последних. Сюнь-цзы замечал, что человек, уступая быку в силе, а коню в резвости, тем не менее их превосходит, главным образом благодаря своей способности жить и действовать группой» [10, с. 23].

В конфуцианстве отношение человека к природе проявляется в опосредованном отношении людей друг к другу. Безнравственность в отношении к природе заключается в том, что, разрушая природную среду, человек наносит вред не только природе, но и другим людям, так как подрывает природную основу общественной жизни. Таким образом, этическое отношение людей друг к другу опосредовано отношением к природе. В центре эколого-этической системы конфуцианства – общественный человек, приверженец экологически морального поведения.

Анализируя отношения человека с обществом и природой в конфуцианстве, возможно предположить, что экологически моральное поведение, с точки зрения конфуцианцев, это не пассивно-созерцательное отношение человека к природе, а творчески-преобразующее, которое направлено на выявление производительных свойств вещества природы, их практическое использование и воспроизводство в качестве необходимого условия человеческой жизнедеятельности. Экологически моральное поведение определяется осознанным морально обоснованным воспитанием, которое, по мнению Конфуция и Лао-цзы, закладывалось в семье и зависело от социальных структур.

Между доктринами Конфуция и Лао-цзы существовали определённые различия, однако их нельзя назвать глубокими. «Китайская философия вообще не отличается стремлением к выработке точных понятий и законченных концепций. Эта проблема разрешилась наличием различных философских школ, каждая из которых находила своё место в системе целостной китайской культуры» [15, с. 18].

По мнению самих китайских учёных, «китайцы не придавали большого значения очевидным противоречиям между доктринами различных школ возможно потому, что на практике они убедились, что самое мудрое решение – более сложное и гибкое, чем может предложить любая доктрина» [13, с. 28].

И-Фу Цуань пишет, что в истории Китая следует видеть две культуры, различающиеся в экологических аспектах. Одна широко освещается в литературе и представлена в философии, поэзии и искусстве, но столь же реальна и другая культура – «горы, где вырублены леса, засорённые потоки, переполненные города и политические интриги» [15, с. 63]. «Средний» китаец, по мнению И-Фуцуаня, не знал даосизма, а обыденная культура масс требовала приземлённого быта, практических культов и потребительского утилитаризма. В целом, китайское общество в процессе своего развития нанесло окружающей среде значительный вред.

Поэтому обращение официальной власти в Китае к философии конфуцианства, которое во времена правления Мао Цзэдуна объявлялось реакционным феодальным учением, оправдано в целях восстановления преемственности. Оно даёт ответ на возникающие проблемы китайского общества, в котором происходят глубокие перемены под влиянием реформ и открытой политики: идейно-политический вакуум, возникающий из-за дискредитации и девальвации социалистической идеологии и практического строительства социализма в других странах; возрастающее западное влияние; перспективы политического плюрализма как следствия экономической плюрализации; рост социальной напряжённости, падение авторитета власти, разрушение семейных связей и т. д.

Конфуцианство импонирует китайскому руководству именно тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной, централизмом, а также ориентирует на социальный мир, гармонию и экологическое единство с природой. В своём мироощущении китайцы ставят природу выше искусства и всегда стремятся подчеркнуть её естественную красоту, не навязывая ей при этом свою волю.

«Конфуцианство проповедует примат государства и общества над личностью, послушание властям, приоритет эколого-коллективистских ценностей, упорный труд, учёбу и культ знаний. Высшая добродетель – “сыновья почтительность и почитание старшего брата” (сяо ти) предусматривает перенесение норм внутрисемейных отношений на социальную общность в целом, основой управления которой служат “нормы благопристойности” и достижение устойчивости общественного по-

рядка и “доверия (линь) народа по отношению к государю и государству”. Они призывали научиться “управлять Поднебесной” в соответствии с естественным законом развития “дао”. А для этого необходимо было научиться управлять собой, соблюдая принципы “срединности”» [1, с. 199].

В воззрениях крупных китайских политических деятелей, сыгравших ключевую роль в выработке стратегии страны, особенно в той её части, где используется традиционная философия и политическая мысль, роль «конфуцианского пласта» особенно велика.

Принцип «пренебрежения выгодой», доводимый до абсурда, наносил многим императорским династиям заметный экономический и экологический ущерб. Для «социалистической духовной цивилизации» отрицание материальной стороны жизни уже неприемлемо. Поэтому долг и выгода должны прийти к единству, к разумному сочетанию «и» и «ли». Для этого Китаю необходимо было вырваться из культурной изоляции, где он оказался благодаря «великой пролетарской культурной революции», мобилизовать национальные и духовные ресурсы.

А для этого необходимо было, прежде всего, вернуть стране утраченное право на конфуцианское наследие. И Дэн Сяопин возвращает страну в Конфуцианский культурный пласт. И в этом ему должно было помочь обращение к идеалу Сяокан. Впервые о Сяокан как цели реформ – “достижении уровня средней зажиточности” до 2000 г. Дэн Сяопин заявил в 1979 г., вскоре после исторического III-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, внесшего существенные изменения в методы строительства социализма.

Эта установка, была затем закреплена в важных государственных и партийно-правительственных документах КНР в 80–90 гг. Что же касается проблемы сугубо конфуцианской преемственности, то можно связать трактовку Дэн Сяопина с трактовкой Мэн-цзы, где подробно расписана экономическая составляющая Сяокан, направленная на достижение благосостояния народа.

Именно с Сяокан Дэн Сяопина в общественно-политических кругах КНР возрос интерес к конфуцианству, активизировались научные разработки в этой области, о чём свидетельствовала и проведённая в Пекине международная конференция, посвящённая 2550-й годовщине со дня рождения Конфуция.

Важнейшей особенностью «социалистической духовной цивилизации» является то, что традиционный эколого-этический принцип вновь становится абсолютным критерием ценности. Ряд фундаментальных особенностей китайской цивилизации: «стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая гомогенность населения и высокая этническая сплоченность ханьцев, высокая адаптивность и способность к “перевариванию” иностранного опыта» [2, с. 127] – несомненно позитивно способствует созданию новой национальной духовной культуры.

Обращение китайского руководства в конце XX в. к конфуцианскому населению является составной частью более широкой и радикальной глобальной политики, состоящей в том, чтобы перевести на язык традиционной культуры и интегрировать в неё и во внепартийную идейно-политическую, экономическую и экологическую платформу, которая в целом для этого созрела.

Как полагают в Пекине, подобная комплексная стратегия вдохнет новую жизнь в КПК и возглавляемый ею режим, укрепит историко-культурную легитимность партии, философские основы её практической деятельности и политики, экономическую и социально-политическую стабильность, оздоровит морально-психологический климат общества, создаст мощный заслон его вестернизации.

Если пренебрежение материальной стороной жизни ведёт к падению нравов, а повышение материального благосостояния к повышению нравственного уровня как личности, так и общества, то излишний меркантилизм приводит к духовному обнищанию. В истории китайской мысли «и» (долг) стал одной из основных категорий, в которую различные философы вкладывали разное содержание. Но наиболее распространено толкование, которое давали ему конфуцианцы, считавшие, что «и» – это главное, что отличает человека от животного.

Чувство долга и принцип всеобщего равенства, очень долго существовавший в Китае, влиял на сознание нации, приучая народ бережно и рационально относиться к природным ресурсам. В Китае говорят: «мы едим зерно, выращенное нашими предками, и обрекаем наших потомков на бедную жизнь» [12, с. 7].

Потребность людей в высококачественной среде предостерегает их от неосознанного шага, влекущего за собой серьёзные экологиче-

ские последствия. Для ценностной ориентации китайской экологии характерно «выполнение долга, пренебрежение выгодой» [15, с. 8].

Слова ханьского философа Дун Чжуншу, что «добродетельный человек исправляет свои чувства, а не помышляет о выгоде, познаёт свой путь, а не считает заслуги» [5, с. 5], могут и сегодня считаться основой китайской системы экологических ценностей, где проблема равновесия человека и биосферы, проблема сохранения природы занимает основное место.

В контексте философии китайских учёных, в частности философии Чжуан-цзы, в человеке «как в свирели из бамбука, звучит сама природа, на которую человек откликается не намеренно, а как бы непроизвольно, точно эхо» [4, с. 217].

Социально-экологические взгляды, идеи и концепции философов древности становятся органической частью современной культуры и философии Китая, где в настоящее время рассматриваются многочисленные проблемы, выходящие за пределы абстрактной философской теории и непосредственно смыкающиеся с рыночной практикой бытия конфуцианской цивилизации. Современный духовный мир китайской цивилизации уже не является обособленно-замкнутым в своих принципах. Взаимовлияние культур ныне обретает новое качество, оказывая воздействие на процесс становления общих жизненных ориентаций людей, которые диктуются изменением условий их бытия. Новые приоритеты и ценностные установки, где культурно-экологическая традиция занимает одно из ведущих мест, предъявляют новые требования к социальному мышлению, что объективно подталкивает к переосмыслению самого феномена культуры в понятии современных тенденций социального и духовного прогресса китайской нации.

В настоящее время китайское руководство ведёт речь о месте и роли духовной сферы в достижении качественно нового состояния китайского общества, где экология Китая займёт достойное место. Принципиально важно, что все эти вопросы рассматриваются в Пекине не просто параллельно с главными, стратегическими задачами социально-экономического развития страны, а как их неотъемлемые аспекты. Это подчёркивает неразрывное единство культуры материальной и духовной, тесное взаимодействие различных факторов духовной жизни, пристальное внимание ко всем сферам жизни общества, к ценностным установкам экологического развития.

Как считает пекинское руководство, приоритеты новой радикальной и глобальной политики предъявляют новые требования к социальному мышлению, к проблемам экологического развития общества, к новой экологической стратегии, что обусловлено изменениями, охватившими китайское общество, процессами оптимизации отношений «человек и природа», углублением экономических, социально-политических связей, взаимозависимостей между природной средой и уровнем развития общества, единством закономерностей и тенденций научно-технического прогресса, формирующих образ жизни людей, их духовные ориентации, экологический императив.

Перед Пекинским руководством встало объективное требование: учитывать уязвимость природной среды, не допускать превышения её «пределов прочности», глубже вникать в суть свойственных ей сложных и взаимосвязанных явлений, не вступать в противоречие с естественными закономерностями, дабы не вызвать необратимых процессов. В современном Китае с экологическим императивом считаются не только те, чья деятельность носит хозяйственный характер, но и политические лидеры, от действия которых зависят способы разрешения как внутри локальных, так и международных проблем.

Конфуцианское наследие, неся в себе опыт прошлых поколений, ориентирует личность в системе исторических координат мировой цивилизации и вместе с тем помогает личности вырабатывать твёрдую гражданскую позицию, без чего не может функционировать развитое общество.

До нашего времени китайская культура просуществовала как непрерывная традиция несколько тысячелетий и позволила китайскому народу пережить многочисленные внутренние бедствия и вторжение извне, доказала свою состоятельность и ныне заслуживает того, чтобы её сохранить.

«Для китайского традиционного мышления характерен интуитивизм. В чувственной сфере китайская традиция пренебрегает наблюдением и опытом, в сфере рациональной отказывается от логического анализа. Для китайского менталитета традиционно несвойственно движение от опыта через анализ к абстракции, он стремится схватить сущность объекта познания посредством ощущения, действия и веры. Интуитивизм стал одной из при-

чин, задержавших развитие в Китае современной науки, но он же способствовал созданию уникальной эстетической системы» [14, с. 29].

Показав свою жизнеспособность, китайская культура продемонстрировала своё желание к информационному обмену с другими культурами. В настоящее время среди китайских исследователей растёт вера в конвергенцию двух культур – восточной и западной, где важное место займет гармонизация общества и природы.

По мнению А. К. Пушкова, Китай как центр политической силы «сознательно проводит политику отказа от каких бы то ни было союзов» [6, с. 12–25]; но, тем не менее, в целом во внешнем мире уже сложилось представление о предрасположенности Китая как государства и отдельного культурно-цивилизированного образования к сближению с другими цивилизациями.

Тенденция к многополярности мира требует от Пекинского руководства такой культурной политики, которая бы, охраняя, развивая и обогащая культурное наследие собственного народа, способствовала взаимодействию с различными мировыми культурами, в частности, взаимодействию с экологическими культурами, их синтезу, выявлению всего позитивного, использованию этого позитивного ядра для осмысления окружающей жизни.

Вполне возможно, что синтез экологических культур человеческой цивилизации, где китайская экологическая культура занимает не последнее место, станет серьёзным шагом на пути к преодолению экологической проблемы. Что касается конкретных мер в решении вопросов охраны окружающей среды, Китай открыто заявляет, что нуждается в международном сотрудничестве.

Ответственный работник Государственного управления по вопросам охраны окружающей среды Чжан Шиган заявил, что Китай будет поощрять участие международных финансовых организаций, правительств зарубежных стран и частных предприятий в экологической деятельности на территории Китая и, наряду с привлечением иностранных инвестиций, взаимодействовать передовые зарубежные технологии, оборудование и методы управления в целях обеспечения продолжительного и одновременного развития экономики, социальной сферы и природоохранной отрасли.

Как известно, Китай уже заключил с 27 странами мира более 30 двусторонних и

многосторонних соглашений или меморандумов об охране окружающей среды, подписал с 10 странами соглашения о сотрудничестве в области ядерной безопасности. Он присоединился к 20 международным конвенциям, включая конвенцию о сохранении многообразия живого мира, рамочную конвенцию ООН о климатических изменениях, Венскую конвенцию об охране озоновой сферы и т. д. Все это является серьезным стимулом для расширения международного сотрудничества КНР в области охраны окружающей среды. Начиная с 1988 г., Китай и зарубежные страны наметили более 100 проектов научно-технического сотрудничества в области охраны окружающей среды. Такое сотрудничество и обмены способствовали значительному повышению научно-технического уровня контроля за экологической средой в Китае [2, с. 120].

Следуя по пути комплексного реформирования Китая, руководство страны направляет главные усилия на подъём экономики страны, на создание наиболее благоприятных внутренних и внешних условий для социально-экономического развития в интересах своего народа, что невозможно без государственного регулирования решения проблемы взаимоотношений общества и природы. Пекин исходит из того, что стабильное и позитивное решение экологической проблемы является важнейшим фактором обеспечения безопасности в глобальном и региональном масштабах. Основные принципы этого решения строятся на здоровом рациональном фундаменте с учётом идеологического и культурного компонента.

За годы реформ Китай преодолел значительную дистанцию в направлении построения основ правового государства улучшением положения с правами человека, соблюдением интересов молодёжи, предпринимателей, верующих, нацменьшинств и т. д.; и никогда ещё в истории Китая национальная культурно-экологическая традиция не была предметом столь обстоятельного и глубокого изучения.

Экологические взгляды, идеи и концепции, став частью современной культуры, оказывают существенное воздействие на все стороны жизнедеятельности человека и общества. Вот почему, наряду с углублением и расширением политического диалога, перед Пекином стоит серьёзная цель – поднять на качественно новый уровень экологический аспект – составляющую всех сфер общественной жизни.

К середине 80-х гг. в китайском общественном сознании чётко обозначилось самостоятельное и мощное направление, ориентированное на разработку различных аспектов, проблем экологической культуры.

Восточные мыслители, как свидетельствует Н. И. Конрад, «не подчиняли человека природе, не противопоставляли и природу человеку; они видели в них две силы, сосуществующие в одной и той же сфере – сфере жизни; силы не только сосуществующие, но и взаимодействующие» [7, с. 312].

Будучи «моделью успешных экономических преобразований» [8, с. 32], современный Китай вплотную подходит к пониманию того, что для достаточно эффективной реализации экологических задач необходимо создание экологической культуры, т. к. человек, овладевший экологической культурой, формирует способность соизмерять свои существование и потребности с природными возможностями.

Задача сегодняшнего времени, стоящая перед китайскими учёными, – это, прежде всего, формирование глубокого целостного видения человека в его единстве с культурой и природой.

Необходимым условием такого видения является новая экологическая культура. В её основе лежит концепция гармонии человека и природы, зафиксированная в таких религиозно-философских учениях, как даосизм и конфуцианство, «порождении и воплощении всего духовного опыта предшествующей национальной цивилизации» [3, с. 59]. Идеи глобальной экологической этики, так необходимые сегодня человечеству, и имеющие фундаментальное значение для формирования новой экологической культуры, содержатся в философии конфуцианства. Ведущую роль в экологическом содержании конфуцианства играет концепция «совпадающее единство Неба и Человека», которая в функциональном плане выражается тезисами: «совпадающая мораль Неба и Человека “и” взаимный отклик Неба и Человека». При этом подразумевается, что конфуцианская «гуманность» и «любовь» распространяются и на природу, качество которой определяет будущее человека. По мнению Мэн-цзы, нравственная система структурируется из двух составляющих – экологической нравственности («любить всё сущее») и межличностной («добродетель к народу», «родственные отношения»).

Сюнь-цзы в труде «Сильное государство» развивает идею Мэн-цзы и определяет отношения между экологической и межличностной нравственностью как отношения «внешнего» и «внутреннего».

По мнению современных китайских исследователей, конфуцианцы, придавая перво-степенное значение межличностной нравственности, саму нравственность распространяли до космической «тьмы вещей» («до всего сущего»), формулируя при этом экологическую концепцию «любовь к вещам».

Больше того, Сюнь-цзы настаивал на введении политического института для управления природными ресурсами. По его мнению, только создание специальной охранной структуры «создаёт систему власти правителя», что может стать надёжным гарантом экологических «законов правителя». Поэтому традиционные концепции не устарели, они имеют прямое отношение к настоящему [12, с. 2–7].

В октябре 1994 г. в Пекине состоялась II международная конференция, посвященная конфуцианству, продемонстрировавшая возрастающий в КНР интерес к традиционному учению. В многочисленных материалах со-

временной печати, посвященных наследию Конфуция, также неоднократно утверждается, что будущее Китая зависит от того, удастся ли органично соединить модернизацию, рынок с конфуцианством. Конфуцианское учение во всём своём многообразии импонирует современному китайскому руководству тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей политической ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной, централизмом в проведении экологической политики.

Нельзя сказать, что на данном этапе новая экологическая культура Китая уже сформирована и китайские учёные дают ей чёткое определение. Формирование экологической культуры – сложный и многоплановый процесс. Его необходимым условием является осознание социальной обусловленности человека и природы. Возможно, конфуцианство с его ярко выраженной социальной направленностью, выступит в качестве основной составляющей новой экологической культуры Китая, которая объединит в себе идеи и даосизма, и концепции современных западных и российских учёных.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). Чита: ЧитГТУ, 1998. 258 с.
2. Абрамова Н. А., Варакина М. И. Экологические проблемы КНР: традиционный аспект и современность. Чита: ЧитГУ, 2004. 132 с.
3. Головачёва Л. И. Цивилизация, Конфуций и будущее Китая // Проблемы Дальнего Востока. М., 1996. № 1. С. 111–127.
4. Долин А. А. Наука жизни древних даосов // Проблемы Дальнего Востока. М., 1989. № 2. С. 209–218.
5. Завадская Е. В. Ци Бай-ши. М.: Искусство, 1982. 285 с.
6. Кобылянский В. А. Экологическая культура и проблемы образования // Экологическая культура современного общества: материалы междунар. симпозиума. Новосибирск, 2000. С. 42–59.
7. Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1986. 910 с.
8. Портяков В. О. Опыт экономических реформ. Дэн Сяопин и политика реформ в Китае // Проблемы Дальнего Востока. М., 1994. № 6. С. 32–41.
9. Пушков А. К. Россия в новом миропорядке: рядом с Западом или сама по себе // Международная жизнь, 2000. № 10. С. 12–25.
10. Чэн Цзэнхунь. Создание морали XXI века и конфуцианская этика. Социальные и гуманитарные науки // Зарубежная литература. 1997. Вып. 3. С. 20–27.
11. Шилин К. И. Экософия постконфуцианства // Информационные материалы. М., 1997. С. 99–105.
12. Жу Дао. Чжихуэй юй дандай шэхуэй (Мудрость конфуцианства, даосизма и современное общество) / под ред. Гэ Жунцзиня. Бэйцзин, 1996. С. 2–7. Кит. яз.
13. Чжэн Фэн. Шэхуэйчжун цзиншэн веньмин цзяньшэ яньцзю цзуншу (Обобщение исследований стороительства социалистической духовной цивилизации) // Лилунь юй сяньдайхуа. 1997. № 8. С. 27–32.
14. Huang S. An Ancient Ethic Debate Revived Again: Mo versus Kung // J. of Chinese philosophy. Honolulu, 1983. Vol. 21. № 2. P. 6–18.
15. Yi-Fu Tuan. Op.cit. 105.

Статья поступила в редакцию 02.02.2012 г.

Владимир Станиславович Дробышевский
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: drobysh45@rabler.ru

Российское право в свете синергетического подхода

В статье рассмотрен вопрос о развитии российского права с философских позиций, с учётом теоретических посылок системного и особенно синергетического подхода. Правовая система представлена как разновидность смешанных систем. Системный подход с необходимостью приводит к синергетике. В статье раскрываются основные понятия синергетического подхода: «точка бифуркации», «флуктуация», «энтропия». Трудность применения синергетического подхода к анализу права состоит в том, что этот анализ должен предваряться анализом макросистемы – культуры. Действительное применение синергетического подхода по отношению к праву, правовой культуре, требует достаточно определённого выделения подсистем как права (правовой культуры данной страны), так и других культурных подсистем, которые, наряду с правовой культурой, образуют систему данной национальной культуры.

Ключевые слова: системный подход, система права, правовая система, правовая культура, синергетика, бифуркация.

Vladimir Stanislavovich Drobyshevsky
Doctor of Philosophy, professor,
Trans-Baikal State University
(Chita, Russia), e-mail: drobysh45@rabler.ru

Russian Law in Light of the Synergetic Approach

The article addresses the issue of Russian law development in philosophy with reference to the systemic and especially the synergetic approach. The legal system is presented as a kind of hybrid systems. The systemic approach necessarily leads to synergetics. The article describes the basic concepts of the synergetic approach, “bifurcation point”, “fluctuation”, and “entropy”. The difficulty in applying the synergetic approach to the analysis of law lies in the fact that it should follow the analysis of the macrosystem, i.e. culture. The actual application of the synergetic approach to the law and legal culture requires a rather specific selection of subsystems such as law (the legal culture of the country) and other cultural subsystems, which together with the legal culture, form a system of the national culture.

Keywords: systematic approach, law system, legal system, legal culture, synergy, bifurcation.

Формулировка Конституции Российской Конституции о формировании в нашей стране правового государства остаётся предметом научного анализа. Ещё при выработке вариантов, моделей Российской Конституции в сложнейшем 1993 г. возникли вопросы, значимость которых не снижается и по настоящее время. Разработанный видным российском юристом С. С. Алексеевым первый «ельциновский» вариант в силу известных событий 1993 г. был отклонён и заменен на тот, который и был принят в декабре 1993 г. Собственно сравнительно-правовой анализ данных документов был дан в многочисленных работах самого проф. С. С. Алексеева. Однако представляется необходимым рассмотреть вопрос о развитии

российского права с философских позиций, с учётом теоретических посылок системного и особенно синергетического подхода, поскольку сами юристы, начиная с П. И. Новгородцева – классика российской философии права, вполне определённо говорили о кризисе права.

В настоящее время наиболее часто среди методов общественных наук упоминается системный. Системный метод возник в связи с анализом не общественных, а других, биологических и механических, систем. Ряд учёных считает, что его применение для анализа общества дано К. Марксом в «Капитале» [см.: 9]. В настоящее время развитие этого метода в большей степени отождествляется с работами математиков и специалистов по теории систем.

Несмотря на достаточно длительную и имеющую определённые традиции в отечественной науке историю своего развития, системный подход¹, как считает ряд учёных, часто выступает в превращённых формах структурного, функционального и структурно-функционального подходов². Оригинальные разработки системного подхода связаны именно с исследованием проблем культуры [7]. Поскольку говорить о системах можно, прежде всего, в их самом общем разделении на механические, биологические, социальные, то в рамках социальных систем правильнее использовать понятия «принцип системности» или «системный подход». Впрочем, можно согласиться с М. С. Каганом, что при рассмотрении культуры как системы применяется «системный стиль мышления» как специфическая парадигма современной науки.

Несмотря на то, что системный метод даже как «системный стиль мышления» применим, строго говоря, лишь ко всей культурной системе, в правовой теории имеются попытки прямого применения системного подхода [см., напр.: 8]. Эти попытки связаны с определённой трактовкой имеющих в теории государства и права понятий, прежде всего, «система права» и «правовая система».

Системный анализ предполагает рассмотрение предмета исследования как единства элементов, взаимодействие которых обеспечивает появление интегративного свойства, придающего данному объекту (системе) качественную определённость. Традиционно понятие системы права исходит из того, что право состоит из совокупности норм, которые обладают определённым единством и одновременно подразделяются на отрасли и институты. Такой подход оказывается не вполне адекватным методу по ряду причин. Во-первых, постольку, поскольку системный анализ полагает рассмотрение всей системы общественных отношений. Понятие «система права» скорее ориентирует нас на включение права в систему общественных отношений. Однако это включение

не может быть осуществлено только в рамках юридических понятий. Кроме того, систему как целостность нельзя дробить до бесконечности, не разрушая её «автономности» [см.: 7].

Ряд исследователей считает наиболее перспективным рассмотрение правовой действительности в виде целостного образования, с их точки зрения, «правовая система даёт возможность не только охватить собой весь комплекс правовых явлений, но и представить в системной связи организацию и взаимодействие всего правового как особого феномена нашей жизни» [см., напр.: 10]. Правовая система при этом рассматривается как комплекс социально-юридических компонентов различной природы, характеризующийся относительной самостоятельностью и стабильностью, качественной определённостью (правовое регулирование).

Правовая система может рассматриваться как разновидность смешанных систем (системный комплекс). Целью, результатом действия правовых систем является упорядочение общественных отношений в соответствии с объективными требованиями, считают некоторые авторы. При этом процесс правового регулирования обеспечивается взаимодействием трёх компонентов: сознания – идеального; деятельности – реального; правил поведения – формализованных моделей, содержащихся в законодательстве или судебной практике.

Учитывая эту структуру и механизм функционирования правовой системы, включающий как объективные, так и субъективные факторы, можно отметить, что в этой структуре отсутствует язык, знаковая система, носящая объективно-субъективный характер. Право также имеет объективно-субъективную природу. В конечном счёте, право включается в культуру именно через определённую знаковую систему. Если же учесть, что, по определению Г. Г. Шпета, язык – вместилище значений, многофункциональная система, служащая целям выражения, сообщения, именованья³, то включение права в систему культуры может быть осуществлено через категорию правовой культуры, которая у нас в настоящее время используется в чрезвычайно узком значении, несмотря на её достаточно сложную структуру.

³Ещё более раскрывает роль языка, знаковой системы как интегратора всей культуры, не только как национальной, но именно как системы, подход П. Флоренского, а также Ю. Лотмана. См.: Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974.

¹В науке различаются понятия «принцип системности», «системный подход» и «системный метод». Мы применяем эти понятия практически как тождественные, с учётом тех замечаний, которые будут сделаны ниже.

²Структурный, функциональный и структурно-функциональный подходы имеют собственное познавательное значение, но отождествление их с системным подходом, на наш взгляд, неправильно.

Системный подход с необходимостью приводит к синергетике (от греч. «Synergia» – содействие, соучастие. Именно с его использованием и связаны наибольшие трудности.

Синергетический подход сравнительно нов для российской социальной философии, хотя его развитие связано с именами российских мыслителей¹.

Этот метод отражает особенности функционирования самоорганизующихся систем, которые переходят на другой уровень развития. Синергетический подход (синергетика) предоставляет категориальный аппарат для выражения переходных процессов от одной системы к другой. Его основными понятиями являются: «точка бифуркации», «флуктуация», «энтропия». На первый взгляд, различие между, например, понятиями «точка бифуркации» и «социальная революция» непринципиально. На самом деле роль случайности, свободы в точке бифуркации не просто велика, она фундаментальна, что полностью противоположно взгляду на развитие системы с позиций концепции социальной революции. Бифуркация – определённая фаза развития, для которой характерно исчезновение прежнего системного качества. Синергетический подход описывает развитие нестабильных, диссипативных систем² и предполагает непредсказуемость

¹Одним из главных теоретиков синергетики является И. Пригожин.

²Диссипативные структуры характеризуются следующими свойствами:

- они когерентны, т. е. ведут себя как единое целое и структурируются так, как если бы, например, каждая «молекула», входящая в макросистему, была «информирована» о состоянии системы в целом (своеобразная монадология Лейбница);

- флуктуации, происходящие в системе, вместо того, чтобы затухать, могут усиливаться, и система эволюционирует в направлении «спонтанной» самоорганизации;

- диссипативные структуры способны «запоминать» начальные условия своего формирования и, проходя через точки бифуркации, «выбирать» одно из нескольких возможных направлений дальнейшей эволюции;

- эволюция таких систем содержит как детерминистические, так и стохастические элементы, представлял собой сопряжение необходимости и случайности;

- неравновесность как исходное состояние представляет собой источник самодвижения системы;

- время оказывается не безразличным для системы внешним параметром, как это было в классической или квантовой механике, а внутренней характеристикой физических систем, выражающих необратимость процессов в этих системах.

результата этого развития. Данный подход является развитием нового рационализма. Существует достаточно аргументированная точка зрения, что синергетический метод неприменим в качестве метода в отдельной области науки специалистами только данной науки, поскольку он имеет междисциплинарный характер. «Синергетика представляет собой, скорее всего, некую программную методологическую установку, призванную объединить под своим флагом усилия специалистов разного профиля: физиков, математиков, химиков, биологов, лингвистов, социологов, занятых каждый в своей области исследованием процессов самоорганизации» [2]. Для права это замечание особенно важно, поскольку имеется не только отмеченная выше трудность включения правоведа в область других наук, но и наоборот. Если философы, политологи, социологи, психологи достаточно просто находят общий язык, то знаковая, понятийная система юриспруденции настолько специфична, настолько связана с формально-логическими методами, что предварительно требуется выработка общей знаковой системы. Можно предположить, что это может быть сделано только в результате осмысления общекультурных проблем и усиления в юриспруденции роли философии права. Поэтому, размышляя о применении синергетического подхода в праве, правильнее говорить о «стиле мышления», как в общем случае системного подхода.

Несмотря на то, что синергетический подход сравнительно молод, к тому же разработан преимущественно в жёстко формализованном, математизированном варианте [см.: 18], есть множество попыток использования его обществоведами. Имеются многочисленные варианты применения этого метода (стиля мышления) к анализу самых различных систем [см.: 12].

Поскольку право переживает момент качественного изменения, встаёт вопрос о применимости к нему синергетического подхода [3]. В связи с тем, что мы наблюдаем кризис культуры как определённой системы, с соответствующим изменением путей её развития [см., напр.: 13], изменением нравственных, политических, экономических и других принципов, то этот процесс захватывает и право как подсистему культуры. Трудность применения

синергетического подхода к анализу права, на наш взгляд, состоит в том, что этот анализ должен предваряться анализом макросистемы – культуры. Переход человеческой культуры как системы из одного состояния к другому также должен быть описан в терминах синергетики. Если же речь идёт о развитии национальной правовой культуры как подсистемы национальной культуры, то это относится и к подсистеме национальной культуры.

Следует учесть и замечание теоретика синергетики Хакена: «Во многих дисциплинах, мы часто наблюдаем, как кооперация отдельных частей системы приводит к макроскопическим структурам или функциям. Синергетика в её нынешнем состоянии фокусирует внимание на таких ситуациях, в которых структуры или функции систем переживают драматические изменения на уровне макромасштабов. В частности, синергетику особенно интересует вопрос о том, как именно подсистема или её части производят изменения, всецело обусловленные процессами самоорганизации» [19]. Этот вариант менее близок к холизму, но он также предполагает выход за рамки подсистемы, изучение влияния изменений предварительно выделенных подсистем на систему. Возрастает в новых условиях также и значение этики. Пригожин и Стенгерс замечают, что «старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо» [14]. Следовательно, действительное применение синергетического подхода по отношению к праву, правовой культуре, требует достаточно определённого выделения подсистем как права (правовой культуры данной страны), так и других культурных подсистем, которые, наряду с правовой культурой, образуют систему данной национальной культуры.

Существует ещё одна трудность применения синергетического подхода к правовой культуре. Известно предложенное Аршиновым и Свирским различие синергетики первого порядка (синергетика познаваемых систем) и второго порядка (синергетика познающих систем) [см.: 1]. В правовой культуре роль как субъекта, так и субъективного с объектом исследования не может не учитываться. Синергетический подход выдвигает ещё большие требования к самому исследователю, его этическим характеристикам, его мировоззрению. На первое место

выходит вопрос о духовности исследователя. «Мы присутствуем при переходе от науки, понимаемой как источник власти над миром (моноцентрическая модель), к науке, понимаемой как личный путь и внутреннее преобразование исследователя. Исследователь стремится не к власти, но к восстановлению внутренней связи с реальностью, Космосом, к восстановлению правильного, должного отношения к Миру и к передаче этого видения Мира-Реальности ищущим истину последователям (полицентрическая модель)» [15].

Этот центральный пункт синергетического подхода, определяющий качественное изменение рационализма старого типа в новый рационализм, при ближайшем рассмотрении оказывается одной из основных посылок русской философии права. Впрочем, не только философии права. Напомним, что Ф. Кони был одним из творцов так называемой судебной этики, которая исходила из посылки русской философии права о приоритете духовности.

Имеются довольно удачные попытки применения синергетического подхода к проблемам цивилизации, которые могут служить исходной моделью применения синергетического метода к анализу права.

Описание бифуркационной точки даёт Лотман. Бифуркация определяется им как «взрыв». «Настоящее – это вспышка ещё не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность... Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создаёт предсказуемую цепочку» [11].

Для права важное значение имеет проблема знаковой системы, понятийной модели, составленной из правовых терминов. Следует помнить, что «замкнутые пространства идеализированных конструкций, в которых действует «разрешающая» способность точной рациональности технологического типа, направленная на полное овладение идеализиро-

ваным предметом, на манипулирование им, являют собой «островки» в открытом океане не артикулируемой, не осваиваемой на этих принципах реальности» [20]. Понятийная система правовой науки всегда отличалась весьма высокой степенью артикулируемости. В условиях развития синергетического типа бифуркационной фазы, повышения частоты точек бифуркации требуется снижение степени артикулируемости, что может быть сделано опять-таки через установление диалога между философско-правовой знаковой системой и языком позитивного права.

В связи с этим в новых формах, на новом этапе развития культуры и права встаёт проблема внерациональных форм сознания, взаимоотношения религии и права. «Поскольку синергетическое видение реальности «разрешает» интуитивное достраивание бытия, характер такой достройки может иметь самостоятельный интерес» [5]. В связи с этим вопрос о развитии методологии права приобретает ещё более сложный характер, это вопрос о возможностях интуитивистского подхода в праве.

Выясним истоки идей синергетики. Отмечено, что при рассмотрении проблем синергетики мы попадаем в ситуацию «узнавания», «припоминания» синергетики. Оказывается, многие её основополагающие принципы были сформулированы задолго до естественно-научных открытий середины XX в. Но касались они отношения человека, стремящегося стать личностью, с Богом. В этой связи обращает на себя внимание опыт православного исихазма, в рамках которого понятие синергетики нашло глубокую проработку [см.: 4]. Исихазм сыграл большую роль в развитии православия. Ведущий свою историю ещё со времен Византии, он ставил вопрос о путях единения человека с богом. Если на ранних стадиях своего развития исихазм трактовался как этико-аскетическое учение, то в конце XIX – начале XX вв. исихазм приобрёл новое, философское звучание. Разработка Н. Ф. Федоровым философии общего дела, трактуемого как организация мировоздействия, привлекла внимание таких крупных религиозных мыслителей, как П. Флоренский, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий [см.: 17]. Переосмысление проблемы деятельности как «реального вхождения в недра Божественного Троиства», соединяемой

с идеей духовного перерождения, единства действий всех индивидуумов, по сути дела по-новому поставило проблему общественной системы и её саморегуляции. Неожиданные аспекты связи православия и синергетического подхода в русской философской мысли прослеживаются при рассмотрении вопроса о неклассическом рационализме.

«Открытая рациональность», – отмечает Швырёв, – не может быть обеспечена той степенью технологического методологизма, который возможен в ситуациях «закрытой рациональности». Это означает, что противопоставление научного и религиозного подходов к анализу общественных явлений и, прежде всего, его регулятивной сферы, права в частности, должно быть оставлено в XIX и XX вв.

Такой вывод ставит ряд новых проблем. Прежде всего, вопрос о возможности религиозного концептуального сознания. На этот счёт имеется следующая точка зрения: «любая форма рационализации, какой бы гибкой и утончённой она ни была, не может превратить религиозное сознание, взятое в напряжённости его личностного экзистенциального опыта, в концептуальное мышление с его четкими понятиями, обладающими объективированным содержанием» [21].

Для верующего человека особенности личностно-экзистенциального опыта выступают в контексте религиозной веры. Действительно, всякий живой опыт, всякая живая человеческая деятельность, как бы рационализированы и технологизированы они ни были, с необходимостью предполагают этот нередуцируемый к внешней данности момент личностного духовно-душевного усилия. А в нестандартных формах мироотношения, связанных с напряжённостью личностного экзистенциального опыта, указанные выше черты особенно бросаются в глаза.

Это отнюдь не исключает возможности осмысления с позиций рациональности этих форм опыта, во всяком случае, в смысле фиксации, так сказать, их граничных условий, их принципиальной структуры. Рационализацию определённого типа опыта представляет собой, к примеру, анализ соотношения рациональности и религиозной веры. «Это относится и к анализу в так называемой иррационалистической философии, в культурологических и когнитивных дисциплинах феноменов, не укладывающихся в привычные рамки рационального

сознания» [см.: 22]. Тем не менее, специфика работы рационального сознания заключается в том, что «объективация здесь никогда не может быть полной, исчерпывающей, в результате чего остается открытое пространство «загадки», «тайны».

Казалось бы, такой ход рассуждений должен полностью развести научное познание и религиозные формы постижения, несмотря на торжество «неклассической рациональности». По нашему мнению, следует учесть следующую характеристику нового рационального мышления, отмеченную представителями синергетического подхода. «Синергетическое видение реальности «разрешает» интуитивное достраивание бытия, характер такой достройки может иметь самостоятельный интерес» [5]. Само интуитивное достраивание возможно лишь на основе налаживания диалога между «монадами» – как индивидами, так и отраслями знания. Связи между индивидами требуют развития этических начал, прямое отношение к которым имеет религия, православие, в частности. Таким образом, православие помогает формированию самоорганизующейся системы в результате устранения конфликта (или возможности конфликта) знакового характера¹.

Синергетический подход предполагает саморазвитие, самосовершенствование субъекта, прежде всего на путях распространения этических начал на науку, научное познание², «слияние» субъекта с объектом познания. «Старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо» [14]. Этот тезис в настоящее время

находит все большее понимание и в западной науке. «Противопоставление моральных и интеллектуальных оценок, – считает С. Тулмин, – неоправданно: в обеих сферах критерии оценки должны быть связаны с ситуацией, в которой они применяются «экологически», а не привносятся априори» [16].

Свободное самосовершенствование в условиях осознания своей связанности с миром, ответственности за него, задолго до распространения синергетических подходов уже присутствовало в православной и буддистской религии. Эти идеи через православие вошли в понятийный арсенал русских философов права.

Для правоведов (мышление которых весьма специфично, поскольку имеет выраженный формально-логический характер) интуитивизм оказался чем-то неизвестным³. Однако постановка вопроса о новом рационализме, синергетическом подходе требует соответствующих разработок применительно к философии права.

В условиях усложнения общественной системы, приобретения ею свойств диссипативной системы, неустойчивой, с постоянно возникающими точками бифуркации и повышением непредсказуемости её развития, роль права как важнейшего элемента механизма самоорганизации общественной системы не может быть переоценена. Рассмотрение правовой системы России как системы переходного типа, находящейся в состоянии кризиса, создаёт возможность выработать реальные меры по преодолению этого кризиса.

Список литературы

1. Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 59.
2. Аршинов В. И., Казаков Н. Д. Синергетика как модель междисциплинарного синтеза // *Математика, естествознание и культура*. М., 1983. С. 59.
3. Венгеров А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // *Советское государство и право*. 1989. № 5.
4. Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 24.
5. Делокаров К. Х. Рационализм и социосинергетика // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 122.

¹ Именно П. Флоренскому принадлежит заслуга разработки семиотических проблем.

² «Определяющая ценностная установка, лежащая в основе идеи открытой рациональности, заключается, таким образом, в осознанной, как необходимое условие адекватного отношения к миру, готовности к постоянному совершенствованию оснований мироориентации человека как свободного и ответственного субъекта, контролирующего и проблематизирующего свои позиции по отношению к объемлющему его миру, который всегда превышает возможности «конечного» его освоения». См.: Делокаров К.Х. Указ. соч. С. 114.

³ Проблемы интуитивизма рассматривались в критическом аспекте в советской философско-правовой литературе. См., напр., работы В. А. Туманова.

6. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. С. 6–8.
7. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Тиунова Л. Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1987. № 3.
8. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 270–287.
9. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986.
10. Кудрявцев В. Н., Васильев А. М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 12; Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию права. Саратов, 1994 и др.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв... С. 28–29; Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974.
12. Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 103–115; Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974; Петров М. К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 79–92; Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991; Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. № 3; Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи. М., 1991; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992; Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995; Князева Е., Курдюмова С. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2; Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Быстрой Г. П., Пивоваров В. И. Неравновесные системы. Свердловск, 1989; Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4; Шевелева С. С. К становлению синергетической модели образования. Общественные науки и современность. 1997. № 1.
13. Моисеев Н. Человек и ноосфера. М., 1990; Моисеев Н. Н. Палитра цивилизаций: разнообразие и единство // Человек. 1992. № 3; Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 58–72.; Моисеев Н. Н. Социально-политический журнал. 1995. № 2; Моисеев Н. Н. Грядущие десятилетия: трудности и перспективы // Социально-политический журнал. 1994. № 2.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 386.
15. Сиверцев М. А. Влияние дискурса традиционных культур на становление полицентрического образа фундаментальной науки // Ориентация-поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 199.
16. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // От логического позитивизма к пост-позитивизму: Хрестоматия. М., 1993. С. 212.
17. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Соч. в 2 т. М., 1999; Флоренский П. Об имени Божию. Соч. в 2 т. М., 1999.
18. Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 2–3.
19. Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М.: Мир, 1990.
20. Швырёв В. С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 110.
21. Швырёв В. С. **Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 115.** Также: Никифоров А. Л. Соотношение свободы и рациональности в человеческой деятельности // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995. С. 111.
22. Швырёв В. С. Указ. соч. С. 116.

Статья поступила в редакцию 02.04.2012 г.

УДК 17
ББК Ю7

Виктория Николаевна Засухина
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: zasuha_72@mail.ru

Социально-аксиологическая роль биоэтики в науке и жизни современного общества¹

Социально-аксиологическая роль биоэтики в современном обществе выражается в формировании «аксиологии жизни» – иерархически организованной системы ценностей, главной их которых является жизнь человека, а в качестве подчиненных выступают те, которые наполняют жизнь смыслом, делают ее полноценной, дают нам силы и стимул жить (здоровье и благополучие, свобода и достоинство, справедливость и милосердие и др). Культивируя жизненно значимые ценности, биоэтика способствует процессу гуманизации современной науки и сферы здравоохранения. Автор отмечает, что биоэтика возникла из потребности общества и человека защитить себя от всего потенциально опасного, что несёт с собой развитие современной науки.

Ключевые слова: биоэтика, «аксиология жизни», ценность жизни человека, ценность здоровья человека, гуманизация современной науки и здравоохранения.

Victoria Nikolayevna Zasukhina
Candidate of Philosophy, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: zasuha_72@mail.ru

The Socio-axiological Role of Bioethics in Science and Life of Modern Society

The socio-axiological role of bioethics in modern society is reflected in the formation of “axiology of life” – a hierarchically organized system of values, the principal of which is human life, and subordinate ones fill life with meaning, make it a full and give us strength and motivation to live (health and well-being, freedom and dignity, justice and mercy, etc). By cultivating meaningful life values, bioethics contributes to the process of humanization of modern science and healthcare. The author notes that bioethics emerged from the needs of society and individuals to protect themselves from potentially dangerous things that are associated with the development of modern science.

Keywords: bioethics, “axiology of life”, the value of human life, the value of human health, humanization of modern science and health.

Роль биоэтики в науке и жизни современного общества выражается в том, что она способствует формированию в общественном сознании так называемой «аксиологии жизни», которая определяется автором как иерархически организованная система ценностей, главной их которых является жизнь человека, а в качестве подчинённых выступают те, которые наполняют жизнь смыслом, делают её полноценной, дают нам силы и стимул жить. Это такие ценности, как здоровье и благополучие, свобода и достоинство, справедливость и милосердие и др. Культивируя данные ценности, биоэтика

стимулирует процесс гуманизации современной науки и сферы здравоохранения. Данный процесс осуществляется в конкретных формах: биоэтика актуализирует в условиях современной действительности ценностное отношение к жизни и здоровью человека, формировавшееся с древности; активно привлекает для решения своих проблем опыт правозащитного движения; способствует наращению социальных функций медицины, экологизации общественного сознания, антропологизации и гуманитаризации научного и философского познания; интегрирует те знания естественных и социально-

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3701. 2011.

гуманитарных наук, которые могут быть полезными в защите жизни, здоровья и благополучия человека от всего опасного, что несут в себе открытия современной цивилизации.

Актуализация биоэтикой ценностного отношения к жизни и здоровью человека, формировавшегося с древности.

Столько же сколько существует профессиональное целительство, существует и медицинская этика. С древности в ней обозначились две главные проблемы: минимализация вреда, нанесённого пациенту в ходе лечения, а так же формирование высокого профессионального и нравственного уровня медицинского работника. Эти основополагающие пункты медицинской этики в настоящее время являются важнейшими элементами биоэтики – науки, которая приоритетными целями развития биомедицинских наук провозглашает благо человека и высокую этическую культуру научного сообщества.

Уже в письменных памятниках Древнего Востока мы находим руководства к должному поведению целителей. Так, регулятивные нормы деятельности врачей содержатся в Кодексе Хаммурапи. В Древней Индии врачи давали клятву ещё в 1500 г. до н. э. Большая часть древнеиндийской медицинской мудрости содержится в книге «Аюрведа» (буквально «Книга жизни»). Главное место в ней занимает образ врача.

Кодекс врачебной этики Древнего Тибета излагается в трактате «Жуд-ши», который был переведён на русский язык в конце прошлого века известным знатоком тибетской медицины, врачом П. А. Бадмаевым. Эта удивительная книга, являющаяся главным каноническим источником и главным руководством тибетской медицины пришла к нам из тысячелетней давности, но её правила могут стать прекрасным нравственным руководством и для современных медиков.

Рассмотрение традиций восточной медицинской этики, несомненно, важно для понимания истоков биоэтики. Но наиболее продуктивным нам представляется обращение к античности, так как биоэтика сформировалась в аксиологическом поле Западной цивилизации, колыбелью которой является античная культура. Обращаясь к античному наследию, мы можем говорить не только о медицинских, но и о философских и даже общекультурных истоках биоэтики.

Древнегреческая культура сформировала искусство жизни, которое опирается на особое видение человеческого естества. Древние греки культивировали красивое здоровое тело. Видя несовершенство и уязвимость плотского

начала в человеке, которое очень далеко от телесного совершенства олимпийских богов, они стали развивать практики управления телом посредством диеты и гимнастики. Это особое, ценностное отношение к телу и физическому здоровью человека позже было заимствовано европейским менталитетом, а в XX в. органично вошло в контекст биоэтики.

Ранняя греческая философия создаёт такой тип нравственного сознания, который сориентирован не на абстрактное философствование и декларирование обобщённых нравственных норм, а на реализацию конкретных рекомендаций, учитывающих особенности ситуации, время и место. Греческие мыслители этого периода часто используют приём наставления учителя своим ученикам. Это была передача личного опыта, можно даже сказать, инструкции по выживанию в мире, который полон соблазнов и опасностей. Современной биоэтики есть чему поучиться у такой философии, поскольку одним из важнейших принципов этой науки является ситуативность принятия нравственно правильных решений с опорой не на инструкции, букву закона или отвлечённое морализирование, а на жизненный опыт и соображения реальной пользы.

Античная классическая этика в лице Сократа, Аристотеля и Платона – это в каком-то смысле уже биоэтика. Добродетели естественным образом связаны у этих мыслителей с понятиями блага и счастья, а безнравственность с понятиями боли и страдания. Здоровье и благополучие человека они ставят в прямую зависимость от его морального состояния. Данное категориальное соотношение является одним из методологически и теоретически значимых пунктов биоэтики.

Интересен диалог Сократа и Алкивиада. Сократ, который никогда не отличался привлекательной внешностью, задаёт вопрос красивому и успешному Алкивиаду: «Скажи же, что это означает – прилежно заботиться о себе? Разве не бывает часто, что мы о себе не заботимся, хоть и думаем, что делаем это? В каких случаях человек делает это?» [5, с. 82]. Он спрашивал его о том, знает ли он, что есть истинная польза для человека. Речь идёт не об усилиях, затраченных на создание прекрасного облика или достижение успеха, а о духовно-нравственном здоровье. Риснём предположить, что это был вопрос первого биоэтика, то есть мыслителя, который понимал, что счастье человека, качество его жизни напрямую зави-

сят от добродетели. Сократ одним из первых указал путь к благополучию и здоровью через нравственность.

У Платона в его идеальном государстве всё направлено на сохранение и культивирование здоровья граждан. Платон также ставит здоровье и благополучие человека в прямую зависимость от нравственности. По его мнению, необходимо избегать излишеств и роскоши, употреблять только простую, но здоровую пищу. Пьянство совершенно недопустимо. Огромное воспитательное значение философ придавал гимнастике, призванной развивать в молодых людях благородство, стойкость и мужество. Сила и мужественность должны дополняться скромностью и сдержанностью. Порочного телом можно исцелить посредством души, но порочного душой уже не исправить, он должен быть умерщвлён. Очень высоко Платон оценивает в Государстве роль врачей [6]. Идеи Платона конечно же утопичные, но сам факт обращения к проблеме ответственности государства и общества за здоровье человека, понимание заботы о здоровье граждан как государственной необходимости следует признать замечательным.

Многие принципы, имеющие непосредственное отношение к биоэтике, сформировались в древней Греции в эпоху так называемой «храмовой медицины». Храмовая медицина (исторический синоним – «жреческая») возникла в период развития рабовладельческого общества в Древней Греции в VI в. до н. э., когда произошло усиление позиций религии. Именно к этому периоду относится строительство многочисленных храмов, в том числе и в честь Асклепия – бога-целителя. Культ этого бога был очень популярен, начиная с VII в. до н. э. Людей, относящихся к храмовым врачевателям, называли асклепиадами – потомками Асклепия. По окончании обучения они давали клятву – этическое обязательство, в котором в сжатом виде были сформулированы моральные нормы поведения врача. Текст данной клятвы, приписывают «отцу медицины» – Гиппократу (460–370 гг. до н. э.), который по преданию относился к асклепиадам.

«Клятва» Гиппократа считается одним из древнейших произведений медицинской этики и представляет собой адекватное выражение культуры своего времени. Несмотря на то, что «Клятва» имеет донаучный и доюридический характер, она может быть рассмотрена нами как важнейший исторический документ биоэтической направленности. Её исходящими принци-

пами являются отстаивание абсолютной ценности человеческой жизни и достоинства пациента, а также определение обязанностей врача. «Не навреди» – эти слова становятся главным девизом врачебной этики Гиппократа.

«Клятва» состоит из трёх частей. В первой автор обращается к Аполлону, Асклепию и другим божествам, которых берёт в свидетели, гарантируя тем самым свою искренность и ответственность за всё сказанное. Во второй, основной части содержится указание, как должно относиться к пациенту и наставнику, научившему врачеванию. В третьей части Гиппократ отмечает, что всякий целитель получит за свой труд вознаграждение: за хороший – благо, за плохой – проклятье.

«Клятва» Гиппократа оказала мощное влияние на последующее развитие всей медицинской философской мысли, начиная со Средневековья и вплоть до наших дней. Можно сказать, что все появившееся в медицинской этике, так или иначе связано с гиппократовской традицией и анализируется в соотнесённости с ней.

Текст «Клятвы» можно назвать «каноничным». По его образцу сделаны «Клятва» Азефа Бен Бераяху в Сирии (VI в.), «Обязанности врача» Махамеда Хазина (VIII в.) в Персии, а также знаменитая «Ежедневная молитва врача» Моше Маймонида (1135–1204) – выдающегося еврейского философа, теолога, раввина и разностороннего учёного. Помимо всего прочего, Моше Маймонид был гениальным врачом и теоретиком медицинской этики. В своей «Молитве» он указывал на то, что целительство является не просто ремеслом, но высоким искусством и служением Богу. Поэтому врач должен быть не только знающим и опытным специалистом, но и хорошим человеком, личностью, способной своими моральными качествами повлиять на скорейшее выздоровление больного.

Серьёзное влияние «Клятвы» Гиппократа оказала и на европейскую медицину. Впервые все труды Гиппократа – «Корпус Гиппократа» – были изданы в Европе, а именно в Швейцарии, Германии, Франции, уже в XVI в.

С XVI в. в Парижском университете студенты медицинского факультета произносили клятву, так называемое «Факультетское обещание» перед бюстом Гиппократа. Интересно отметить, что в своё время эту клятву давал известный французский писатель Франсуа Рабле. Во второй половине XIX в. эту же клятву, подражая французам, ввели и в России.

Несомненный вклад в развитие медицинской этики сделал знаменитый врач, естествоиспытатель, мистик Парацельс (1493–1541). Он был одним из самых известных и таинственных учёных XVI в. О нем ходили слухи, что он оккультист и чернокнижник – настолько чудодейственными казались его мастерство и умение избавлять людей от недугов.

В своих спорах об обновлении медицины он часто переходил на язык нравственного осмысления социально значимых проблем медицины. Боролся со стяжательством и злоупотреблениями аптекарей и врачей, которые действуют не во благо пациента, а используют свои профессиональные знания и навыки для личного обогащения и утверждения своего положения в обществе. Известна фраза Парацельса: «Врач не смеет быть ни мучителем, ни палачом, ни слугой палача». Суть созданной Парацельсом формы врачебной этики заключается в словах «делай добро». В сравнении с гиппократовской запретительной формулой, этот принцип стимулирует стремление к активной деятельности по отношению к пациенту. Для Парацельса цель врача заключается не только в том, чтобы сократить страдания больного, но и в том, чтобы содействовать его благополучию.

Парацельс был не только талантливым врачом и химиком, но и выдающимся реформатором медицины, поэтому вошел в историю как «*Лутер медицины*» (“*Luterus medicorum*”). Революционность его идей заключалась не только в отстаивании новых подходов в медицине. Будучи одним из гениальных умов Эпохи Реформации, когда наука, философия, религия были в плену догматизма и ханжества, Парацельс будоражил общество, выводил людей из состояния средневековой спячки. Всем своим образом жизни и своим учением призывал по-новому взглянуть на человека, социальные и духовные ценности.

Модель Парацельса в отличие от модели Гиппократовской формировалась в рамках христианской культуры, которая представляет собой диаметрально противоположную античной мировоззренческую систему. Но несмотря на это и на реформаторскую направленность взглядов Парацельса, он скорее не ломает, а продолжает гиппократовскую традицию.

В эпоху Просвещения настоящей жемужиной медицинской этики считается трактат английского врача из Манчестера *Т. Персиваля* (1740–1804) «Медицинская этика, или свод установленных правил применительно к про-

фессиональному поведению врачей и хирургов» (интересно заметить, что в те времена хирурги врачами не считались). Трактат *написан с опорой на гиппократовскую традицию, но при этом автор распространяет нравственные и общественные требования к врачу на весь медицинский персонал, в том числе и на фармацевтов. Таким образом, получается, что Персиваль первым расширил врачебную этику до общемедицинской. Особую ценность с точки зрения биоэтики представляет мысль Персиваля о том, что тема нравственности в сфере врачевания навсегда останется открытой, так как невозможно создать правила и предписания на все случаи жизни, которые встречаются в медицинской практике. Когда главным судьей служит мнение коллег и совесть самого доктора, писанные законы становятся не нужны. Персиваль первым указал на то, что врач имеет нравственные обязательства не только перед пациентом, но и перед обществом.*

На основе работ Т. Персиваля создан «Этический кодекс врача», принятый Американской Медицинской Ассоциацией, которая со времени её основания в 1847 г. является самой большой ассоциацией врачей в США (около 20 % всех практикующих врачей в Северной Америке являются членами этой Ассоциации)

Одним из первых, кто применили понятие «этика» применительно к деятельности врача был немецкий врач Молль Альберт (1862–1939). Таким образом его можно считать отцом-основателем профессиональной врачебной этики. Одна из его книг так и называется «Врачебная этика» (1902). В ней он рассматривает основные права и обязанности врача.

По аналогии с «Клятвой» Гиппократовской составлена сестринская «Клятва Флоренс Найтингейл». Флоренс Найтингейл в 1861 г. в Англии открыла первую в Европе школу сестринского дела (к слову заметим, что в России к этому времени такая школа уже существовала благодаря Н. И. Пирогову). В клятве говорится о профессиональных и нравственных обязательствах медицинской сестры перед лицом Бога и общества.

Много схожего с «Клятвой» Гиппократовской можно отыскать в Присяге врача Российской империи и Женевской декларации Всемирной медицинской ассоциации, которая провозглашает: «Здоровье моего пациента будет моим первым вознаградением». Эти же строчки мы находим и в Клятве медицинской сестры России.

Влияние Гиппократов на этические принципы медицины не потеряют своей актуальности никогда. Его «Клятва» останется непревзойдённой классикой столько, сколько будет существовать врачебная деятельность.

Таким образом, одним из главных источников биоэтики, как мы уже отмечали выше, является медицинская этика. «Не навреди», абсолютная профессиональная отдача, бескорыстность, высокая нравственная и социальная требовательность врача к себе, провозглашение высшим законом своей деятельности благо больного, осознание того, что врачевание – это не просто ремесло, а священное служение Богу и людям, что личностные качества доктора важны подчас больше, чем профессиональные знания и мастерство – эти и другие положения медицинской этики, берущие начало от Гиппократов, развитые и дополненные впоследствии многими выдающимися умами, актуализируются в настоящее время биоэтикой с учётом современных реалий.

Используя всё, что накоплено медицинской этикой за долгие века, биоэтика, тем не менее, содержит в себе существенные отличия в осмыслении нравственных аспектов медицины. Так, например, медицинская этика – это форма профессиональной этики. Она корпоративна, то есть её функциональность ограничена границами одной профессиональной группы. Биоэтика же привлекает внимание общества к тому, что врач не обладает и не может обладать всей полнотой профессионального мастерства, знаний и нравственной компетенции. Она выводит обсуждение моральных проблем медицины за рамки корпоративной этики. Медицинская этика традиционна. А биоэтика ориентируется на новые подходы к решению нравственных проблем медицины.

Привлечение биоэтикой для решения своих проблем опыта правозащитного движения. Возникновение правозащитного движения было реакцией на использование людей в экспериментальных целях.

В конце XIX столетия образованные люди с восторгом ожидали наступление нового века, предвкушая его веком прогресса и гуманизма. Но, как это ни страшно признавать, именно XX в. стал самым кровавым в истории человечества. Апогеем бесчеловечности «цивилизованного» мира стала Вторая мировая война, в ходе которой ценность человеческой жизни была приравнена практически к нулю.

На Нюрнбергском процессе мир узнал жестокую правду о преступлениях нацистских врачей. Немного позже стали известны такого же рода бесчеловечные медицинские опыты, проводимые во время Второй мировой войны японскими врачами («Отряд 731»). В этом смысле возникновение биоэтики следует считать живой памятью о кровавой истории первой половины XX в., когда релятивация человеческой жизни прогрессировала с ужасающей скоростью. Нюрнбергский процесс можно считать отправной точкой развития биоэтики.

К сожалению, опыт страшной войны не был усвоен. Так, например, в США в 50-х – начале 70-х гг. стали известны вопиющие случаи злоупотреблений в области экспериментирования на человеке. В 50-х гг. американские военные медики у себя в стране рассеивали над небольшими городками радиоактивные аэрозоли для исследования динамики накопления радионуклидов в окружающей среде, почве, организме человека и домашних животных. Стали также известны случаи, когда в США создавались «контрольные» группы для изучения естественного, то есть исключаящего лечение, течения сифилиса [9]. В 1963 г. в одной из бруклинских больниц престарелым пациентам с целью эксперимента были введены раковые клетки. С 1965 по 1971 гг. в Государственной больнице Уиллоубрук в Нью-Йорке проводились исследования вирусного гепатита, в ходе которых вирус этой болезни вводился находившимся в этой больнице детям с физическими недостатками. В связи с этими происшествиями в США событиями прошли скандальные судебные процессы. Знаменательно то, что произошло все это в стране, которая сыграла не последнюю роль в разоблачении злодеяний нацистских преступников, которая всегда гордилась своими правами человека.

Аналогичные случаи бесчеловечных экспериментов над социально незащищёнными людьми фиксировались и в других странах. Например, во Франции проституток в исследовательских целях умышленно заражали венерическими болезнями [9].

Наша страна, к сожалению, не является счастливым исключением. В 90-е гг. в СМИ стала всплывать отрывочная информация о случаях экспериментов, в том числе и массовых, на людях. Человека очень легко превратить в «лабораторную зверюшку». Причём,

далеко не всегда человек об этом даже догадается. Примеров этого мы имеем множество: от ужасающих, описанных выше, до рутинных – заборы крови, биопсии, пункции и др. исследования, которые делаются не во имя клинических интересов пациента, а во имя научных интересов врача. Впервые данные о том, что исследования новых вакцин проводятся на наших практически здоровых детях, обобщены в Докладе-сборнике «Вакцинопрофилактика и права человека» Российского национального комитета Российской академии наук (РНКБ РАН) [1].

Впрочем, в России говорить на эту тему открыто и широко её обсуждать не принято до сих пор. На Западе же все вышеописанные события заставили наиболее мобильную часть общественности из среды учёных, мыслителей, юристов, врачей сфокусироваться на проблеме правовой защиты человеческой жизни и здоровья.

В 60-е гг. правозащитное движение буквально захлестнуло Западную Европу и Соединенные Штаты Америки. В его рамках был поставлен ряд серьёзных проблем, в том числе и таких, которые имеют четкую биоэтическую направленность:

– проблема общественных приоритетов: что значимее для общества – научные интересы или же здоровье и благополучие отдельно взятого человека;

– проблема защиты прав и свобод отдельно взятого человека вне зависимости от его социальной, религиозной или национальной принадлежности к какой-либо группе – защиты в том числе и от произвола со стороны экспериментирующих учёных.

Правозащитниками было чётко определено, что человек сам хозяин своего тела и своей жизни. Он ни при каких обстоятельствах не может быть бессловесным объектом каких-либо терапевтических действий или научных исследований.

Именно в рамках правозащитного движения были сформированы два важнейших для биоэтики принципа: «добровольное информированное согласие» и «автономия личности».

Результатом деятельности правозащитного движения стала принятая 18-й Всемирной Медицинской Ассамблеей Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации (июнь 1964, Финляндия). Хельсинкская декларация ВМА стала первым этическим кодексом международного уровня, призванным регулировать научное экспериментирование на людях.

Необходимо выделить две нормативных линии, которые определились в сфере биоэтики со времен Нюрнбергского процесса. Во-первых, это определение прав человека и прививка правового сознания современному человечеству. Во-вторых, это создание кодексов профессиональной медицинской этики, которые принимаются такими международными организациями, как Всемирная медицинская ассоциация и Совет международных организаций медицинских наук. Данные нормативы постоянно приводятся в соответствие с сегодняшним днём. И первое, и второе должно, по всей видимости, способствовать формированию чётких нравственных и юридических регулятивов человека в области науки, закреплению их как на институциональном, так и на индивидуальном уровне в обществе.

Биоэтика способствует наращению социальных функций медицины.

В середине прошлого века появился, если можно так сказать, социальный заказ на такую науку, как биоэтика. Начинают обращать внимание на то, что здоровье – это феномен не чисто медицинский, а включающий в себя помимо психофизиологических компонентов ещё и социальные. Возникают понятия «социальное здоровье» и «социальные предпосылки физического здоровья».

В США, а затем в Европейских странах начинают много писать о том, что к пациентам надо относиться не как к случайному объекту врачебной практики, который, попав в поле внимания доктора, является всего лишь эпизодом в его практике. Пациент – это личность и, общаясь с ним, врач должен помнить о его социальных характеристиках: семейном статусе, наличии или отсутствии детей, профессиональной, национальной или религиозной принадлежности и т. п. Публикуются книги на эту тему. Например, «Пациент как личность (Изучение социальных аспектов болезни)» (1940), автором которой является Кэнди Робинсон – доктор медицинских, юридических и биологических наук, преподаватель Университета Джона Хопкинса в Балтиморе (штат Мэриленд); «Пациенты имеют семьи» (1943) доктора медицинских наук Генри Ричардсона.

Наращение социальных функций медицины повлияло на возникновение как социальной медицины, так и биоэтики (о соотношении двух этих наук речь пойдёт далее).

Поворот к тому, что от медицины стали ожидать реализации не только лечебных, но и общественных функций как нельзя более поспособствовало процессу гуманизации медицины: в её задачи стало входить не только избавление пациента от недуга, но и создание максимально комфортных в бытовом и психологическом отношении условий лечения. Здравоохранение стало рассматриваться как синоним справедливости в том смысле, что справедливость есть равенство пациентов в праве на человеческое сострадание, высокий уровень медицинского обслуживания, хорошие условия пребывания в лечебном заведении и уважении достоинства личности.

Биоэтика способствует экологизации общественного сознания.

Экологическое, или «зелёное» движение появилось в 1970-х гг. и было вызвано кризисом во взаимоотношениях между обществом и природной средой.

В XX столетии наблюдался стремительный рост производства, особенно усилившийся в 1950–1960-х гг. Развитие «экономики ради экономики», «производства ради производства» и «потребления ради потребления» подстегивалось стремлением к извлечению максимальной прибыли или же политическими соображениями: увеличением могущества государства. Результатом стали опасные для жизни и здоровья людей загрязнение воды, воздуха и почвы промышленными и бытовыми отходами, истребление многих естественных ресурсов, возникновение ряда эффектов, угрожающих поддержанию экологического равновесия: изменение глобального климата, сокращение озонового слоя, катастрофическая эрозия почв и др.; наконец, разрушение природного и биологического разнообразия как основы жизни на планете. С конца 1960-х гг. В Европе и Америке начали отмечать массовую гибель живых организмов в водоёмах (результат выбросов ядовитых стоков), впервые в глобальном масштабе фиксировались явления кислотных дождей, которые оставляли после себя сгоревшую черную траву и листву на деревьях, начались процессы стремительного опустынивания земель, в 1979 г., когда произошла авария на американской атомной электростанции в Тримэйл-Айленде, наметились первые проявления парникового эффекта. Только за последнее столетие по вине человека с лица Земли исчезло 300 видов животных и растений.

Все это положило конец оптимистичному отношению к научно-техническому прогрессу, который, как оказалось, несёт человечеству не только блага цивилизации, но и, как это не прискорбно, разрушение естественной среды обитания всех живых существ планеты, в том числе и человека. Стало понятно, что для выхода из экологического кризиса необходимо по-новому взглянуть на отношения между обществом и природой.

Проблема формирования в обществе экологического мышления актуализировалось в середине XX в. как в экологической науке, так и в биосферной этике (глобальной биоэтике), ставшей наряду с биомедицинской этикой одним из разделов биоэтики.

Биоэтика способствует антропологизации и гуманитаризации научного и философского познания.

Антропологизация науки связана с антропологическим поворотом в философии, который произошел в XIX в., начиная с Л. Фейербаха, а в русской философии с Н. Г. Чернышевского. Начиная с них, введение человекоцентристских и человекоориентированных установок и аргументов, поворот к человеку размерным ценностям становится перспективным в творчестве многих мыслителей и учёных, в том числе и русских: Ф. М. Достоевского, И. П. Павлова и др. У Павлова, например, этот поворот науки на человека связан с эволюционным «принципом непрерывности жизни от ничтожной бактерии до человека» [4, с. 127], который «охватить жизнь всю целиком без исключения» [4, с. 127]. В итоге, как пишет академик, от «торжества естественнонаучного ума, которое он завоевал в деле изучения мертвой природы» наука перейдёт к столь же успешному изучению живой природы, венцом которой является человек – это будет, по словам Павлова, научная «слава XX века» [4, с. 127].

Поворот науки и философии к человеку невозможен без гуманитаризации естествознания. О необходимости гуманитаризации и «человеко размерности» естественных наук очень хорошо написал английский богослов и физик-теоретик Джон Полкинхорн: «Наука имеет дело лишь с небольшим участком обширного человеческого опыта, поскольку она предпочитает ограничивать себя областью внеличного знания о мире, то есть мире как объекте (как «оно»). Она говорит о световой волне определенной длины, а не о цвете, о вибрации возду-

ха, а не о музыке, о причинной необходимости, а не о моральном императиве. Однако одна из фундаментальных составляющих человеческого опыта – субъективное общение с реальностью (как с «ты»). И оно включает не только общение между людьми и трансцендентное общение с божеством, но и восприятие мира в целом как обладающего ценностью. Нет оснований полагать, что такие субъективные аспекты реальности менее важны, чем объективные аспекты, изучаемые наукой» [7, с. 91].

Ценностный аспект и «человекообразность» пренебрегаются классическим естествознанием, но становятся востребованными в постнеклассической науке (последняя треть XX в.). Она выводит на научную авансцену непривычные для классической науки идеалы и ценности: благо человека, долг и ответственность за результаты своих исследований, вводит понятия «человеческого измерения», «человекообразных объектов», «гуманитарной экспертизы»; наполняет научные контексты ценностными ориентирами и гуманитарными параметрами. Этот процесс является одной из главных характеристик. Биоэтика, зародившаяся в контексте постнеклассической науки, также обращается к этим аспектам: «гуманитарная реальность» [7, с. 91] для неё не менее важна, чем естественнонаучная.

Под влиянием антропологизации и гуманитаризации в науке и философии формируются новые методологические подходы и принципы. Целью науки становится не только научная истина, но и её соотнесённость с нравственностью и безопасностью человека. Главным становится сближение естественно-научного, социального и гуманитарного знания.

Биоэтика интегрирует те знания естественных и социально-гуманитарных наук, которые могут быть полезными в защите жизни, здоровья и благополучия человека от всего опасного, что несут в себе открытия современной цивилизации.

Сближение естественнонаучного, социального и гуманитарного в процессе познания приводит к появлению междисциплинарных стратегий развития науки. Развитие современной науки стимулирует постоянное движение философской мысли в направлении поиска новых методов и способов, которые были бы пригодны для решения самого широкого спектра проблем или даже для целой системы знаний. Как пишет Б. В. Марков: «Назрела острая не-

обходимость пересмотра жёстких методологических разделений, поиска новых форм взаимодействия наук, считающихся несоединимыми по причине методологических и мировоззренческих различий» [3, с. 11]. Все это открывает перспективу создания междисциплинарного, интегративного научного пространства, которое заполняется такими науками, как биоэтика.

Междисциплинарность и интегративный подход оправданы и детерминированы, как уже было сказано выше, антропологическим поворотом в науке. В действительности человек по своей природе включает в себя все уровни бытия – от молекулы до понятийного и оценочного. Они не связаны друг с другом механически, но представляю единство – слитное и нераздельное. Тем не менее, каждый из них изучается своими методами. Как выстроить диалог о человеке? Попытка соединения различных по своим методологическим приёмам наук приводит нас к необходимости задуматься над вопросом о специфике естественнонаучного и социально-гуманитарного знания и о совмещении альтернативных подходов, которые могут быть даже в одной науке. Самым простым вариантом является следующий: каждая наука изучает свой срез. Результатом этого является появление всё новых и новых наук со своим предметом. Но дело не в количестве наук, а в их интегративности и в открытости друг другу. Нельзя игнорировать тот простой факт, что те уровни человеческого бытия, которые разделены между науками, в действительности взаимосвязаны. Например, болезнь и исцеление зависят не только от физиологических причин, но и от социальных, духовно-нравственных, даже интеллектуальных.

Разные аспекты человеческого сущности и существования разделены для изучения между разными исследовательскими сферами, которые в классической науке между собой взаимосвязаны либо мало, либо почти никак (человек в истории и анатомия человека, например). А для адекватного понимания человека нужно создать целостную науку. Но можем ли мы говорить о том, что у современной науки накоплено достаточно знаний для целостной концепции человека. Если «да», то для этой концепции нужны интегративные знания, собранные из всех наук, так или иначе изучающие человека.

Взаимодействие различных по своим методологическим приёмам дисциплин расши-

ряет перспективы изучения человека и делает возможным совмещение альтернативных подходов, существующих в разных областях знаний о человеке: эволюционная теория и креационизм, антропный принцип в физике и космологические представления древнерусских книжников, например.

Речь идёт не о создании универсалистской теории человека, а о поиске новых форм сотрудничества между разными подходами к его изучению. В формировании этого нового подхода невозможно простое соединение частей и отрывочных знаний из разных областей знаний о человеке. Глупо было бы разделять сложное на простое, а затем составлять новую целостность из простых частей.

Главное понять, что междисциплинарность, интегративность, комплексность является не созданием единого субстрата науки, а установлением гибких связей между их взаимодействием, которое станет результатом развития специалистов со сложно-системным мышлением.

Биоэтика является такого рода наукой, которая интегрирует те знания естественных и социально-гуманитарных наук, которые могут быть полезными в защите жизни, здоровья и благополучия человека от всего опасного, что несёт в себе открытия современной цивилизации.

Биоэтика, обосновывающая и защищающая жизнь и здоровье человека как ценность, ищет средства для формирования предпосылок к тому, чтобы нравственный, правовой, социальный уровень общества был достаточным для использования научных достижений и воз-

можностей современной науки и медицины во благо, а не во вред. Недоверие к научному прогрессу порождает страх перед ним. Мы задаёмся вопросом: «Сумеет ли человек обуздать себя или в упоении от собственной мощи, своего разума и своей науки он опрокинет на себя Вселенную и погибнет под её обломками?» [8, с. 70]. Биоэтика способна помочь в преодолении этого страха.

Французский писатель Жан Дорст во введении к своей книге «До того, как умрёт природа» пишет: «Каждому из нас иной раз кажется, что мы мчимся в неуправляемом поезде и не можем из него выйти. Мы не знаем, куда мы мчимся. Может быть к величайшему благосостоянию, а может быть, в тупик, иначе говоря, к катастрофе... Человек вызвал к жизни процессы, которыми он уже не всегда может управлять. ... Степень цивилизованности измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Она измеряется также рядом моральных и духовных критериев, мудростью людей,двигающих вперед цивилизацию в полной гармонии с законами природы, от которых человек никогда не освободится» [2].

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что биоэтика является конкретной формой социальной философии, которая возникла из потребности общества и человека защитить себя от всего потенциально опасного, что несёт с собой развитие современной науки. Как науку выживания определял биоэтику её отец-основатель В. Р. Поттер (*the science of survival* [10, с. 1]), а выживание – главной целью мудрости (*survival as a goal for wisdom* [10, с. 183]).

Список литературы

1. Вакцинопрофилактика и права человека: доклад Российского национального комитета по биоэтике / отв. ред. проф. Б. Г. Юдин; РНКБ, РАН. М., 1994. 112 (4) с.
2. Дорст Ж. До того как умрёт природа. М.: Прогресс, 1968. 415 с.
3. Марков Б. В. Философская антропология. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
4. Павлов И. П. Основа культуры животных и человека // Иван Петрович Павлов. Рефлекс свободы. СПб.: Питер; М.; Харьков; Минск, 2001. Серия «Психология-классика». С. 126–145.
5. Платон. Алквиад I // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 46–96.
6. Платон. Государство // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, С. 560–571.
7. Полкинхорн Дж. Наука и богословие. Введение. Серия «Богословие и наука». М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 2004. 153 с.
8. Фесенкова Л. В. Евгеника и утопическое сознание (к вопросу об экологических перспективах человечества) // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности. М.: Канон+, 2005 (Современная философия). С. 52–71.
9. Jay Katz The Regulation of Human Experimentation in the United States – A Personal Odyssey // IRB: A Review of Human Subject Research vol. 9, Number 1, pp.1–6 // Онлайн Энциклопедия «Кругосвет» 2001–2009. URL: www.krugosvet.ru/.../BIOETIKA.html
10. Potter V. R. Bioetika bridge to the future. USA. By Prentice-Hall., Inc., Englewood Cliffs, New Jersey. 1971. 205 p.

Статья поступила в редакцию 11.02.2012 г.

Елена Юрьевна Захарова

кандидат философских наук, доцент,

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет

им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),

e-mail: aglena_72@mail.ru

Соционатурэкосистема: содержание и механизмы управления¹

В статье автором рассматриваются содержание и механизмы управления соционатурэкосистемой, которая определяется как единство и взаимодействие центрального объекта и экосреды, где центральным объектом является социосистема, экосредой – натурсистема. Соционатурэкосистема – это социоориентированный вариант экосистемы. Функционирование соционатурэкосистемы определяется задачей оптимизации социоприродного взаимодействия. Автором акцентируется внимание на том, что на первоначальных этапах своего возникновения соционатурэкосистема характеризовалась тем, что могла саморегулироваться; на современном этапе функционирования, вследствие возрастания субъективного фактора, возникают процессы, вызывающие её неравновесность и, следовательно, возникает потребность в её управлении. В статье автор опирался на теорию единства, взаимодействия и соподчиненности природы и общества как отличных и взаимопроникающих образований, теорию экологии и её направлений (В. А. Кобылянский), которая на основе разграничения экоориентированного и экологического подходов к исследованию экосистем позволила выявить структуру соционатурэкосистемы.

Ключевые слова: экосистема, соционатурэкосистема, социосистема, натурсистема, социоприродное взаимодействие, управление соционатурэкосистемой, ноосфера.

Elena Yuryevna Zakharova

Candidate of Philosophy, associate professor,

Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University

named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),

e-mail: aglena_72@mail.ru

Socio-natural Ecosystem: Contents and Controlling Mechanisms

The paper discusses the content and management of socio-natural ecosystem which is defined as unity and cooperation of the central object and eco-environment, where the central object is the socio-system and the eco-environment is the natural system. The socio-natural ecosystem is a socially orientated variant of the ecosystem. The functioning of the socio-natural ecosystem depends on the optimization of socio-natural interaction. The author focuses on the fact that at the initial stages of its formation the socio-natural ecosystem was characterized by its self-regulation, at the present stage of its operation, due to the increase of the subjective factor, there are processes that cause lack of equilibrium and, hence, there is a need for its management. The author relies on the theory of unity, cooperation and subordination of nature and society as distinct and interpenetrating structures, on ecology theory and its areas (V. A. Kobylyansky) which on the basis of distinction of ecologically oriented and ecological approaches to the study of ecosystems, let the author reveal the structure of the socio-natural ecosystem.

Keywords: eco-system, socio-natural ecosystem, socio-system, nature-system, socio-natural interactions, socio-natural ecosystem management, noosphere.

Экологическая ситуация, сложившаяся в настоящее время, вывела на передний план проблемы взаимодействия общества и природы, остро поставив вопрос об оптимизации функционирования соционатурэкосистемы. Прогресс, происходящий в науке и технике на современном этапе, открывая возможности и

перспективы по овладению природой для ускоренного роста темпов и масштабов производства, сопровождается рядом негативных моментов во взаимовлиянии общества и природы, как основных компонентов соционатурэкосистемы. Тревогу вызывает загрязнение окружающей среды, изменение в благоприятную сторону

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ № 6.3634. 2011.

динамического равновесия в приповерхностной оболочке планеты, упрощение биотического разнообразия планеты, необратимые изменения в генетической структуре живых организмов, а также истощение запасов природных ресурсов. Несмотря на постоянную актуализацию данных проблем на международном, федеральном и региональном уровнях, угроза для жизнедеятельности человека, порождённая их нерешённостью, продолжает нарастать. Постепенно возникло осознание необходимости создания концептуальной базы для изучения проблем функционирования соционатурэкосистемы.

Понятие «экосистема» является исходным для осмысления проблем общей теории экологии [11]. Экосистемы являются комплексными системами. Они представляют собой единство и взаимодействие центральной системы (центрального объекта) и среды (экосреды), образуя полисистемный комплекс. Особой разновидностью экосистем являются экологические системы, в которых взаимодействующий центральный объект и экосреда занимают качественно различные (высший и низший уровни). Именно экологические системы, заключая в себе сферы собственно экологических отношений, выступают адекватной моделью исследования экологических проблем.

Экологическое взаимодействие определяет качественный характер экосистемы в целом. Выступая основой классификации экологического знания, типология данного взаимодействия оказывается основой соответствующей типологии экосистем. Аналогично выделению гео-, био-, социо-, антропоэкологического взаимодействия выделяются геоэкоцистема, биоэкоцистема, социоэкоцистема, антропоэкоцистема. Однако, в данном случае каждая экосистема получает своё специфическое обозначение только от названия входящего в него центрального объекта, взаимодействующего с определённой экосредой. Так же необходимо конкретизировать то, что является экосредой, поэтому экосистемы характеризуются более сложными названиями (например, геобиоэкоцистема, биогеоэкоцистема, соционатурэкоцистема и т. п.) и более точно отражают то, что подобного рода экосистемы включают в себя не просто экоориентированные, а экологические взаимодействия, имеющие межуровневый характер.

Первый компонент соционатурэкоцистеми – природа как относительно самостоятельный её компонент отождествляется с естествен-

ной природой. В философской и естественнонаучной литературе природа часто понимается в узком смысле слова, как то, что противопоставляется человеку и результатам его целесообразной, сознательной деятельности. Именно так нами понимается естественная природа. Человек выступает компонентом естественной природы в той мере, в какой он является существом, действующим бессознательно. Способом бытия естественной природы является взаимодействие «слепых, бессознательных сил» (К. Маркс). Человек вне связей с природой – это такой же «абстракт», как и человек вне связей с обществом. С возникновением человека и общества естественная природа начинает выступать в двух модификациях – первозданно-девственной и материально-изменённой обществом [11].

Второй компонент соционатурэкоцистеми – общество как относительно самостоятельный её компонент – выявляется на основе исследования низших подчинённых форм в социальной форме движения материи, что означает исследование самого перехода от специфически природного (естественного) к специфически общественному (социальному). Данный переход свидетельствует о наличии не только историко-генетической, но и структурной связи между природным и общественным. Уточнение различий между низшими подчинёнными побочными формами движения позволяет отграничить природную основу общества от внешнего природного окружения, изменённого деятельностью человека. Возрастание степени развитости социальной формы движения сопряжено с относительным сокращением сопровождающих её побочных форм. Этому способствует, в частности, всё более глубокое осознание людьми необходимости всемерной экономии энергии, сырья, материалов, широкое использование на благо человека отходов производства и потребления.

Сознательная деятельность человека неотделима от его социальной, она является её особой формой и выражает собой общественное отношение человека к человеку, когда человека можно рассматривать не только как человечески-природное существо, но и как социальное.

Третий компонент соционатурэкоцистеми – социоприродное взаимодействие – отождествляется с очеловеченной природой, частью природы, которая непосредственно включена в процесс деятельности сознатель-

ного существа. Способом бытия очеловеченной природы является целесообразная, сознательная деятельность людей (материальная и духовная). Сферу очеловеченной природы образуют сам человек как качественно особое природное существо, средства и предметы его деятельности.

Очеловеченная природа, согласно К. Марксу, «природный материал, превращённый в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельностью в природе» [14, с. 215]. Сходные мысли об очеловечивании природы в деятельности человека высказывают С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский, стоявшие на позициях, отличавшихся от Маркса. С. Н. Булгаков в труде «Философия хозяйства» писал: «Природа, с господствующим в ней слепым интеллектом или инстинктом, только в человеке осознаёт себя, становится зрячею. Природа очеловечивается, она способна стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нём сознавая себя». Она «вступает в новую эпоху своего существования», «естественное» заменяется «искусственным», т. е. хозяйственно-сознательным» [2, с. 133]. По мнению С. Н. Булгакова, хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный от всех остальных сил природы. Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее.

Согласно П. А. Флоренскому, очеловеченная природа находит своё природное воплощение в технике. «Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум» [16, с. 56] – писал он. П. А. Флоренский обращал внимание на то, что мы видим на небе не просто звёзды, а нечто, что уже имеет культурную форму. Звёзды – это уже форма, приданная природе культурой. Здесь обнаруживает себя ряд предусловий созерцания – понятий, схем, теорий, методов, выработанных культурой.

У всех авторов, при всём различии в обосновании, фактором, обеспечивающим бытие очеловеченной природы, так или иначе выступает человек, его сознательная (разумная) деятельность.

Как продукт деятельности человека очеловеченная природа выступает также предпосылкой этой деятельности и, таким образом, саморазвиваясь, приобретает исторический характер. Круг предметов и явлений очеловеченной природы есть круг предметов и явлений

природы, способом существования и развития которых является целесообразная, сознательная деятельность человека [1]. Сюда входят сам человек как качественно особое природное существо, средства и предметы его деятельности. Для обозначения рассматриваемой области объективной действительности в современной литературе употребляются и другие термины – «вторая», «искусственная», «рационализованная» природа и т. п.

Проблема выявления специфики очеловеченной (искусственной) природы, её соотношения с естественной природой особенно актуализировалось в последнее время.

В современной отечественной философии в понятие «естественное» вкладываются разные смыслы в зависимости от того, в какую логическую оппозицию оно включено: «естественное – социальное» или «естественное – искусственное» [17].

По мнению, например, В. А. Кутырева, «отношение естественного и искусственного является самым фундаментальным вопросом нашего выживания, а следовательно, и своего рода основным вопросом философии» [12, с. 5]. Под миром естественного им подразумевается то, что сохраняется и «может существовать без человека, растёт и рождается», а под миром искусственного то, что «приобрело невиданную значимость и собственные законы развития, то, что им создано, функционирует и изобретается» [12, с. 3]. Академик Б. М. Кедров даёт следующие определения «естественной» и «искусственной» природы. «Употребляя первое понятие, мы подразумеваем, – пишет он, – что отсутствует или устраняется наше вмешательство в дела природы, наше субъективное влияние на течение её процессов... Напротив, употребляя второе понятие, мы имеем в виду существующие вне нас вещи и явления подвергались с нашей стороны определённому воздействию, что они изменены нами в соответствии с нашими потребностями и приспособлены к ним» [10, с. 18]. Данный подход прослеживается в той или иной мере во многих других интерпретациях проблемы «естественного» и «искусственного».

Например, аналогичное определение «естественного» и «искусственного» даёт А. С. Мамзиным. «Естественное – природно-детерминированное, т. е. вызванное законами природы и развёртывающееся в условиях, складывающихся стихийно, (т. е. без вмеша-

тельства человека). Искусственное – природно детерминированное, т. е. вызванное законами природы и развёртывающееся в условиях, когда определённое сочетание законов, ограниченное действие одних и развёрнутое действие других определяется сознательно направленной деятельностью человека» [13, с. 131–132]. Им особо подчёркивается, что противостояние естественного и искусственного не абсолютно, а относительно.

Согласно Б. А. Вороновичу, все предметы объективной действительности, источник возникновения которых связан с трудом человека, образуют искусственную среду. Предметы же, возникшие без вмешательства человека, составляют естественную среду. Искусственная или «вторая» природа рассматривается им как целесообразный, рациональный результат воздействия общества на природу. В дальнейшем Б. А. Воронович прямо отождествляет природные процессы с рациональными процессами, вводя понятие «рационализованный действительность», под которой понимает целесообразно преобразованную действительность, где материализованы идеи и цели человека, осуществлены его замыслы и планы [5].

Рассмотрение воздействия человека на природу с точки зрения целесообразного результата встречается у Ю. А. Жданова. Он отмечает: «вторая форма объективного процесса (сознательная деятельность людей) создаёт и воспроизводит вещественное тело цивилизации, включающее как самого человека, так и преобразованный его трудом мир» [9, с. 23]. Автор выделяет следующие виды воздействия человека на предметы природы: 1) использование готовых природных форм и процессов; 2) изменение природных объектов, влекущее за собой создание форм, аналогичных естественным; 3) придание предметам новых черт, не вытекающих из их внутреннего саморазвития; 4) наложение на предметы и явления черт, присущих человеку. Ю. А. Жданов отмечает, что человек не навязывает природе своих законов, но с появлением человека природа переходит на более высокую ступень собственного развития, поэтому неправильно было бы считать, что вторая природа не имеет собственных закономерностей.

С. С. Товмасын обращает внимание на необходимость рассмотрения воздействия второй формы объективного процесса на природу в двух аспектах: 1) по горизонтали, когда фикси-

руется прогрессивное распространение областей действительности, вовлечённых в процесс «очеловечивания», и 2) по вертикали, когда появляется возможность наблюдать ход углубления человеческого воздействия на вещество природы [18, с. 110].

Общим у названных выше авторов является то, что они рассматривают «искусственную» (очеловеченную) природу как целесообразный результат материального преобразования вне-человеческой природы, признают особую её специфику, а соответственно и особые закономерности её функционирования и развития.

Имеются и другие варианты решения проблемы соотношения естественного и искусственного. Например, согласно Г. М. Воропаевой, мир искусственного, одной из важных характеристик которого является его подчинение целям человека, включает в себя три подсистемы: полностью подчинённую целям человека (техносферу); подчинённую целям человека в той или иной мере, в общем направлении развития (географическую среду); являющуюся результатом стихийного неосознанного нецелесообразного воздействия (природную среду) [5, с. 193]. При данном подходе не устанавливается принципиальное различие между целесообразным и нецелесообразным результатом воздействия общества на природу; каждое из них отличается степенью подчинённости целям человека. Однако, на наш взгляд, можно говорить о полном подчинении целям человека.

Ряд авторов специально останавливаются на двояком характере человеческого воздействия на природу, сопровождающегося получением целесообразного и нецелесообразного результатов. Так, Ф. Н. Мильков выделяет «прямые антропогенные ландшафты», возникающие в результате целенаправленной деятельности человека (возделанные поля, сады и т. п.); «сопутствующие антропогенные ландшафты», которые непосредственно не создаются человеком, они есть результат процессов, часто нежелательных, которые были активизированы или вызваны к жизни деятельностью человека (овраги на полях, болота и т. п.) [15, с. 13]. Они хоть и созданы человеком, однако развиваются согласно природным закономерностям. Согласно данному подходу, целесообразное сводится к нецелесообразному.

Ценными для изучения специфики проблемы соотношения естественного и социального можно назвать труды географа Ю. К. Ефремова

[8]. Различая сферы природного и культурного ландшафта, критерий их разграничения, он видел в том, что в первой господствуют природные законы, а во второй – законы, определяемые деятельностью человека, при подчинённом проявлении прочих закономерностей. В сферу природного ландшафта автором включается «тронутая» и «нетронутая» природа, в которую входят все случаи непосредственного и опосредованного влияния человека на природу. Сфера культурного ландшафта рассматривается как единство техносферы (здания, дороги и т. п.), агросферы (поля, сады и т. п.). Агросфера отличается от техносферы меньшей подчинённостью общественным законам и большей долей значения законов физико-химических и биологических. Аналогичной позиции придерживается Б. П. Высоцкий, который, будучи геологом, основное внимание концентрирует на техническом воздействии человека на природу [6, с. 145–146]. Он выделяет две группы природных процессов, связанных с деятельностью человека: техногенные (от греч. *genes* – рождённый) и техноплагенные (от лат. *plaga* – толчок). Первые означают непосредственное техническое воздействие на природу и прямые его следствия (добыча руд, выделение технического тепла и т. п.), вторые – стихийно развивающиеся за счёт природных сил, но возникшие вследствие технического воздействия. Мы согласны с мнением В. А. Кобылянского, что данные понятия весьма удачны для характеристики технического воздействия человека на природу.

На первоначальных этапах своего возникновения соционатурэкосистема характеризовалась тем, что могла саморегулироваться; на современном этапе функционирования, вследствие возрастания субъективного фактора, возникают процессы, вызывающие её неравновесность и, следовательно, возникает потребность в её управлении.

Экологическая опасность как возможность разрушения среды обитания и условий существования человека и всего живого в результате естественных и антропогенных воздействий возрастает с развитием современного научно-технического прогресса. Экологический кризис – результат сознательной, агрессивной по отношению к окружающей среде деятельности; он понимается автором как кризис не только и не столько взаимодействия людей с природой, сколько как кризис общественных отношений и общественного сознания.

Таким образом, на современном этапе возросла роль субъективного фактора, что обусловило возникновение неравновесности соционатурэкосистемы и вызвало потребность в её управлении и, в то же время, обусловило саму возможность сознательного регулирования социоприродных процессов. Субъективный фактор – человеческое сообщество как субъект деятельности в контексте социоприродного взаимодействия.

Как известно, идеи управления соционатурэкосистемой первоначально были связаны с понятием ноосферы. Понятие было введено Э. Леруа для обозначения оболочки Земли (включая человеческое общество) в 1927 г. Он предложил рассматривать ноосферу как закономерный этап развития биосферы, на котором произошло вмешательство человеческой деятельности во все природные процессы [20, р. 195–196]. В. Н. Вернадский использовал понятие ноосферы для обозначения будущего этапа в развитии биосферы, когда станет возможным объединение всего человечества на основе гуманистических принципов, когда коллективный разум человечества будет выступать доминирующим фактором дальнейшей эволюции человечества в органическом единстве с природой [4].

Идея сознательного регулирования социоприродными процессами получила яркое выражение в русском космизме, в частности, в учении Н. Ф. Федорова эта идея имеет нравственно-религиозное обоснование [19]. В данном контексте очевидна актуальность рассмотрения проблем управления функционированием соционатурэкосистемы, направленных на оптимизацию социоприродного взаимодействия. Так, оптимизация социоприродного взаимодействия, по А. А. Горелову, «это наилучшая стратегия по достижению гармонии в социоприродном взаимодействии» [7, с. 60].

Таким образом, соционатурэкосистема, включающая три сферы действительности, на современном этапе из-за возрастания роли субъективного фактора нуждается в управлении. Одновременно при развитии «сознательных сил» биосферы возможности и эффективность управления взаимодействием также возрастают. Управление социоэкологическим взаимодействием и соционатурэкосистемой в целом не означает их подчинения абсолютной воле людей, а предполагает достижение возможно в современных условиях коэволюционного

развития на основе коллективного взаимодействия. Выводы, полученные в данном научном исследовании, вносят вклад в современную социальную философию, философию экологии, философию и методологию науки, позволяют расширить и углубить научные представления о соционатурэко системе и социоприродном взаимодействии.

Список литературы

1. Батенин С. С. Человек в его истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 296 с.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1993. 267 с.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Воронович Б. А. Философские проблемы взаимодействия природы и общества. М.: Мысль, 1982. 210 с.
5. Воропаева Г. М. Методологические аспекты проблемы естественного и искусственного // Человек и природа. М.: Наука, 1980. С. 190–209.
6. Высоцкий Б. П. Об основных проблемах геологии социосферы // Природа и общество. М.: Наука, 1968. С. 145–146.
7. Горелов А. А. Человек – гармония – природа. М.: Наука, 1990. 192 с.
8. Ефремов Ю. К. Ландшафтная сфера и географическая среда // Природа и общество. М.: Наука, 1968. С. 82–91.
9. Жданов Ю. А. О двух формах объективного процесса // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д, 2008. С. 32–48.
10. Кедров Б. М. «Естественное» и «искусственное» в познании и в деятельности человека // Вопросы философии. 1958. № 11. С. 14–26.
11. Кобылянский В. А. Философия экологии. М.: Академический проект, 2010. 632 с.
12. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. 2-е изд. Н. Новгород, 2010. 199 с.
13. Мамзин А. С. Биология в системе культуры. СПб.: Лань, 2010. 286 с.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов: Первоначальный вариант «Капитала» // Маркс К., Фридрих Э. Соч. 2-е изд. Т. 46. В 2 ч.
15. Мильков Ф. Н. Рукотворные ландшафты. Рассказ об антропологических комплексах. 2-е изд. М.: Мысль, 2000. 248 с.
16. Половинкин С. М., Флоренский П. А. Логос против хаоса. М., 1989. 195 с.
17. Субботина Н. Д. Проблема «естественного состояния» в теории Томаса Гоббса и социально-философский анализ категории «естественное» // Философские науки. 2009. № 11. С. 88–98.
18. Товмасян С. С. Философские проблемы труда и техники. 2-е изд. М.: Мысль, 1992. 248 с.
19. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М., 1992. 215 с.
20. Le Ruy E. L'exigens idealiste et le fait l'evolution. Paris, 1927. P. 189.

Статья поступила в редакцию 15.01.2012 г.

УДК 316:13
ББК С5в

Юлия Валентиновна Иванова

*доктор философских наук,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: Ivanovayuv@gmail.com*

Оксана Валерьевна Иванова

*кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: onomax@yandex.ru*

Социальная гармония в современном сетевом обществе

В данной статье рассматривается проблема интерпретации социальной гармонии в современном сетевом обществе. В обществе существуют универсальные закономерности бытия, позволяющие социальной системе и её представителям выжить. Позитивная сущность социальной гармонии выражается закономерностями динамического равновесия социальной системы. Сетевое общество предлагает новые возможности гармонизации общественных отношений, способствуя достижению социальной гармонии. Авторы акцентируют внимание на особенностях интерпретации и понимания социальной гармонии. На основе структурно-функционального подхода они выделяют уровни гармонизации, такие как межличностный, межгрупповой, глобальный и т. д. Особое внимание уделено системному подходу анализа социальной гармонии во взаимосвязи с интерпретациями понятия «общество». Статья посвящена построению модели гармоничного общества, а сеть, в свою очередь, позволяет рассматривать новые возможности гармонизации общественных отношений.

Ключевые слова: социальная гармония, гармонизация, современное общество, сетевое общество.

Yuliya Valentinovna Ivanova

*Doctor of Philosophy,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: Ivanovayuv@gmail.com*

Oksana Valerievna Ivanova

*Candidate of Philosophy, assistant professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: onomax@yandex.ru*

Social Harmony in Modern Network Society

The article discusses the problem of social harmony interpretation in modern network society. In society, there are universal laws of being, allowing the social system and its members to survive. The positive nature of social harmony reflects the laws of dynamic equilibrium of the social system. Network society offers new opportunities for the harmonization of public relations, helping to achieve social harmony. The authors focus on the interpretation and definition of social harmony. On the basis of structural-functional approach, they identify the levels of harmonization, such as interpersonal, intergroup, global, etc. Particular attention is paid to the systematic approach to the analysis of social harmony in the relationship with the interpretations of the concept of «society». The article is devoted to constructing a model of a harmonious society, and the network, in turn, allows considering new possibilities for harmonizing social relations.

Keywords: social harmony, harmonization, modern society, network society.

Социально-философский анализ социальной гармонии базируется на системных представлениях об обществе. Системный подход позволяет рассматривать общество как целостность, элементы которой определённым образом упорядочены и связаны между собой. Объектом системного анализа может быть не только общество в целом, но и многие его фрагменты и свойства. Разные уровни социальной реальности, множество социальных явлений, вовлечённых в непрерывное взаимодействие и изменение: индивиды, группы, семьи, бюрократия, государство и другие – представляют собой разнообразие, составляющее социальный мир. Системные представления об обществе открывают возможность для выявления принципов его устойчивого функционирования, квинтэссенция которого и выражается в понятии социальной гармонии. Сложная архитектура системности общества предопределяет широкий диапазон бытования социальной гармонии, видоизменяющейся качественно и количественно в зависимости от уровня рассмотрения и конкретной специфики социальных систем. Понимание социальной гармонии зависит также от понимания самой категории «общество».

Общество – базовая категория социальной философии, категория, фиксирующая предмет данной науки, включающая в себя всю полноту философского дискурса и предполагающая множество уровней рассмотрения и широкий спектр разнообразных трактовок. К. Х. Момджян выделяет следующие четыре основные научные трактовки категории «общество» [6, с. 82–83]:

1) общество как конкретный самодостаточный социальный организм, имеющий вполне определённые координаты в пространственно-временном континууме человеческой истории (российское, бельгийское или монгольское общество);

2) общество как исторически-конкретный тип социальной организации («феодалное общество», «капиталистическое общество» и т. д.);

3) общество вообще, как логическая модель, как идеальный тип, интегрирующий существенные свойства и признаки любого самодостаточного социального коллектива, существовавшего, существующего или способного существовать в истории независимо от её стадийных и региональных характеристик;

4) общество в наиболее широком понимании (социум в терминологии К. Х. Мом-

джяна), как альтернатива природе, как модель социальности вообще, т. е. системная совокупность свойств и признаков, присущих явлениям и коллективной, и индивидуальной жизни людей, благодаря которым они включаются в особый мир, выделенный из природы и от природы отличный.

Указанные трактовки категории «общество», очевидно, относятся к различным уровням абстракции или, в терминологии М. Вебера, к разным видам идеально-типических конструкций: генетическим (первая трактовка) либо чистым (остальные трактовки). В зависимости от выбора интерпретации категории «общество» соответственно трансформируется и понимание социальной гармонии, меняется уровень (степень абстрактности) её рассмотрения и её полюса (элементы системы, взаимосвязям которых присуща гармония). Разные уровни общества относятся к предметным сферам разных наук, поэтому, соответственно, может меняться и понимание гармонии.

Так, если рассматривать общество в первом смысле как конкретный самодостаточный социальный организм (например, монгольское общество), то социальная гармония может быть интерпретирована на этом уровне как характеристика спокойных эпох в развитии данного общества, периодов без революций, войн, общественных потрясений или, словами Э. Дюркгейма и Р. Мертон, без аномии. Определением и анализом таких периодов в развитии конкретных обществ занимается история.

Понимая общество во втором смысле, как исторически-конкретный тип социальной организации (например, феодальное общество), социальную гармонию принято искать, прежде всего, в отношениях между классами – ведущими социальными силами данной общественной формации. Антагонистический характер ряда общественных формаций заставляет говорить об отсутствии социальной гармонии такого вида на протяжении длительных этапов человеческой истории, о непрекращающейся классовой борьбе. Такая проблематика, в первую очередь, попадает в поле зрения философии истории и политологии.

Третий вариант понимания общества (как общество вообще, как логическая модель, как идеальный тип, интегрирующий существенные свойства и признаки любого самодостаточного социального коллектива) открывает возможности для наиболее систематического,

последовательного и детального изучения социальной гармонии, выявления сфер её бытования и уровней. Полюсами социальной гармонии здесь становятся элементы различных социальных подсистем. Именно такой анализ представляется нам наиболее перспективным, поскольку он непосредственно входит в предметную область социальной философии.

В четвёртом случае, когда общество понимается наиболее широко, как альтернатива природе, полюсами гармонии становятся сами природа и общество, в связи с чем гармония получает природно-социальное звучание и изучается на уровне экологии, геополитики, миротемного анализа (И. Валлерстайн).

Итак, при социально-философском рассмотрении социальной гармонии предпочтительно понимать категорию «общество» в третьем смысле из вышеперечисленных, а именно как логическую модель, как идеальный тип, интегрирующий существенные свойства и признаки любого самодостаточного социального коллектива. При таком подходе общество представляет собой системную совокупность социальных групп и индивидов, выступает как субъект и объект интегративного процесса общественной жизни, её основных сфер. Субстанциональность общества как системы предполагает наличие особых механизмов самосохранения и саморазвития системной целостности, при котором всё многообразие частей, свойств и состояний системы имеет единый источник, сводится к единому основанию. С общесистемной точки зрения развитие человеческого общества – это естественный эволюционный процесс. Единое течение мировой эволюции направляется действующими законами природы и выступает следствием принципиальной неравновесности, царящей в нашем мире, и факторов, непрерывно разрушающих возникающие равновесные состояния [5, с. 34].

Исходя из представлений о гармонии как согласованном взаимодействии элементов и частей систем различной природы, способствующем сохранению и оптимальному функционированию систем, можно сказать, что гармония способствует их самоорганизации, т. е. спонтанному возникновению упорядоченных устойчивых структур, функций и форм движения из первоначально неупорядоченных, нерегулируемых форм без специальных внешних воздействий. Как известно, изучением процессов самоорганизации структур самой различ-

ной природы занимается синергетика – научное направление, исследования в котором ведутся силами и средствами многих современных наук. Синергетика – специфическая и самостоятельная область системно-структурных исследований, изучающая конкретные механизмы и принципы самоstructuring систем.

Самоорганизация в синергетике эксплицируется при помощи таких понятий, как хаос, порядок и беспорядок; бифуркация, флуктуация, «дарвиновская триада», диссипативная структура, странный аттрактор, принцип подчинения, параметры порядка, неравновесные фазовые переходы и других. Трактовка гармонии как согласованного взаимодействия элементов и частей систем различной природы делает очевидной взаимосвязь гармонии с ключевыми понятиями синергетики – порядка и хаоса. Тем самым открывается теоретическая возможность изучения проблематики гармонии в русле синергетической парадигмы. Социальная гармония в синергетическом смысле может быть понята как аттрактор (некоторое состояние, к которому стремится общество как динамическая система в процессе своей самоорганизации), как будущее состояние системы, которое «притягивает к себе» настоящее, тем самым, обеспечивая, в конечном счете, победу свободно избираемых действий, отвечающих потребностям будущего.

По мнению Э. Гидденса, социальные системы включают в себя три структурных компонента: 1) коды, составляющие сигнификацию (правила кодирования поведения); 2) отношения господства (включая взаимосвязи между полномочиями и распределением); 3) способы легитимации (способы и теории нормативной регуляции). Существовая во времени и пространстве, социальные системы состоят из воспроизводимых практик, которые призваны выступать (через двойственность структуры) «точками артикуляции» между субъектом деятельности и структурами [2, с. 77–83].

В обществе наблюдается социальная и системная интеграция, обеспечиваемая процессами взаимодействия. Социальная интеграция – это взаимодействие между субъектами действия, т. е. системность на личном уровне, при пространственном и временном соприсутствии взаимодействующих агентов. Системную интеграцию составляет взаимодействие групп и коллективов, простирающееся в пространстве и во времени, вне условий совмест-

ного присутствия и обеспечивающее системность общества [2, с. 501]. Формы системной интеграции жёстко институционализированы.

В результате взаимодействия людей создаются социальные институты, т. е. стандартизированные способы поведения, которые воспроизводят правила и ресурсы. Социальные институты играют основную роль в пространственно-временной организации социальных систем. Средствами такой организации и воспроизводства выступают различные условия, правила, средства и т. д. (институциональные характеристики систем социального воздействия).

В самом общем виде социальную гармонию можно понимать как высокую степень упорядоченности процесса организации и воспроизводства социальных систем. Гармония социальных систем складывается из гармоничности социальных практик, т. е. способов организации и воспроизводства социальной системы. Субъектами социальных практик являются социальные агенты и группы, нацеленные на собственное развитие и изменение общества. Объект социальных практик – это способы жизнедеятельности людей. В настоящее время анализируются экономические, научные, политические, культурные, бытовые и др. практики, т. е. любого рода виды деятельности, в рамках которых и посредством которых осуществляется производство человеческих феноменов, социальное производство в широком смысле.

Субстанцией социальных практик выступает деятельность, или целенаправленная, адаптивно-адаптирующая активность человеческих индивидов и групп. Применяя субстанциальный подход к пониманию человеческой деятельности, К. Х. Момджян определяет деятельность не только как способ существования, но и как закон внутренней организации общества. В деятельности фиксируется самозарождающееся и саморазвивающееся качество социального, преобразуются свойства любых принадлежащих к ней явлений, вовлекаемых в систему специфически социальных связей, налагающих на них определённые социальные функционирования [6, гл. 1, § 4].

Особенностями деятельности являются сознание, целеполагание, универсальность, открытость, свобода, а носителем – коллективный и индивидуальный субъект. Деятельность опосредуется использованием соответствующих правил и средств и складывается из со-

циальных действий. Социальное действие, по М. Веберу, – это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу относится с действием других людей и ориентируется на него» [1, с. 603]. Можно предположить, что социальная гармония создаётся такими социальными действиями, которые имеют социально полезный (гуманный, прогрессивный, конструктивный, способствующий возрастанию сущностных сил человека) смысл и рассчитаны на (или реально вызывают) аналогичную реакцию других людей.

В этом смысле можно согласиться с представителями феноменологии и этнометодологии, которые считают, что люди своими действиями, собственными усилиями ежедневно создают, конструируют социальную реальность (а вместе с нею социальную гармонию). Совокупность резонирующих колебаний различных конфигураций практик плетёт ткань социальности, сложный рисунок которой уже не может быть объяснён в рамках традиционных схем причинно-следственных отношений. Для внешнего наблюдателя подобный контур представляет собой определённый социальный институт.

Институты создаются и существуют ради удовлетворения определённых социальных потребностей. Каждый институт выполняет множество функций: воспроизводит и закрепляет общественные отношения; регулирует взаимоотношения между членами общества путём выработки шаблонов поведения; способствует сплочению, взаимозависимости и взаимответственности членов социальных групп, происходящих под воздействием институционализированных норм, правил, санкций и систем ролей; передаёт социальный опыт посредством социализации; производит информацию, распространяя её как внутри института с целью управления и контроля за соблюдением норм, так и во взаимодействиях между институтами и т. д.

Стабильность социальных институтов относительна: любой социальный порядок имеет подвижный характер. Исходя из этого, социальная гармония должна мыслиться как динамичное состояние, требующее усилий для его поддержания, тот самый эквilibrium, о котором говорил В. Парето. В то же время нельзя говорить о случайности и мимолётности социальной гармонии: она – наиболее естественное

и разумное состояние для общества, аттрактор, к которому общество стремится, состояние, в которое общество постоянно возвращается хотя бы на некоторых уровнях социальной организации.

Повышение уровня социальной гармонии связано с понятием «социальный прогресс». Различают постепенный (эволюционный, реформистский) и скачкообразный (революционный) виды социального прогресса. Реформы это частичные усовершенствования каких-либо сфер общественной жизни, которые не затрагивают основ существующего социального строя. Их субъектом, как правило, выступают правящие слои общества. Революции, наоборот, характеризуют комплексное, коренное изменение всех сторон общественной жизни, преобразующее общественный строй.

Огромная роль в достижении социальной гармонии принадлежит социальному управлению, которое осуществляется на самых различных уровнях общественной организации. Регулятивные функции могут возникать даже в самых малых, случайных и непостоянных социальных группах. Например, в семье всегда присутствует распределение власти, принимающее самые различные формы: от авторитарной до демократической. Социальное управление обеспечивает нормальное функционирование школ, фабрик, библиотек и других организаций, управление которыми носит административный характер. Объектом такого управления являются так называемые «формальные группы», деятельность которых регламентируется чёткими предписаниями, уставами, определяющими их структуру, порядок членства, права и обязанности членов и т. д.

Другим фактором укрепления социальной гармонии можно считать идеологию. Примером могут служить небезуспешные попытки «гармонизировать» экономику с помощью доктрины «человеческих отношений», создающей «семейный дух», корпоративную этику на малых и больших предприятиях. В конфликтологической парадигме своеобразным фактором поддержания гармонии считается конфликт как средство разрешения противоречий ради восстановления социального равновесия. Гармонизирующими факторами являются также традиции, культура народа, однотипность повседневных практик индивидов, условия их жизнедеятельности.

Благодаря социальному управлению и другим значимым факторам, социальная гармония

в большей или меньшей степени пронизывает общество на всех уровнях его организации: социальном, формационном, национально-государственном, общинно-групповом, вплоть до малых социальных групп и самих индивидов, на основе изучения особенностей взаимодействия человека с его средой (личное окружение человека), мезосредой (социокультурная среда) и макросредой (общество). Это получает выражение и конкретизацию в таких уровнях гармонии (в порядке возрастания масштаба), как, например:

- внутриличностный – согласованность установок, целей, идеалов, статусных и ролевых позиций общественного индивида;

- общинный (уровень малых групп) – сплочённость, эмоционально-психологический комфорт, созвучие ценностных ориентаций индивидов и продуктивность совместной деятельности;

- территориально-поселенческий (уровень городских и сельских сообществ) – своевременное решение проблем населения, развитие территорий с учётом баланса экономики и экологии, согласованность ориентаций центра и периферии;

- этнический – сохранение национальной идентичности и толерантного отношения к другим этносам, комплиментарность взаимоотношений этносов, этнокультурное и этнополитическое сотрудничество, сбалансированность этнических процессов, предотвращение этнической сепарации и парциации общества;

- общественно-политический – социальное партнёрство и сотрудничество, национальная безопасность, снижение степени социальной поляризации;

- международный – экономическое, политическое, культурное сотрудничество правительств и народов разных стран, стремление к поиску компромиссов, разрешение противоречий и конфликтов мирным путём;

- глобальный – равноускоренное устойчивое развитие континентов и цивилизаций, совместное решение глобальных проблем человечества и т. д.

Рассматривая социально-исторический процесс развития человечества, следует признать, что расширение общественной кооперации и коммуникации раздвигает границы социальных систем, а значит, возрастает масштаб социальной гармонии. Глобализационные процессы ставят перед человечеством новые

цели и задачи. Происходящие национальные, религиозные, политические, экономические процессы требуют нового качественного миропорядка, который достигим путём гармонизации, подразумевающей международное сотрудничество, взаимопонимание между культурами, проявление терпимости и уважения, формирование полиэтничной многополярной мировой общности с усиливающейся ролью международных и этнокультурных общественных организаций.

Наиболее полное исследование структуры современного общества принадлежит М. Кастельсу. Если его предшественники определяли новый общественный строй во многом через отрицание (постиндустриальное – после индустриального), то Кастельс дал ему развёрнутое позитивное определение – как общества, основанного на информационных технологиях. Самым известным результатом его исследований стал трёхтомный труд «Информационный век: экономика, общество и культура».

Согласно Кастельсу, новые технологии, связанные с производством информации как нематериальных благ, формируют принципиально новое, информационное общество. Возможности информационных технологий приводят к зарождению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир. Информационная эпоха порождает общество, которое, как полагает Кастельс, является не только глобальным, но ещё и сетевым (*network society*) – оно развивается спонтанно, в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей.

Интернетизация всего мира стала первым глобальным проектом, в котором распределённые несогласованные усилия множества компаний позволили построить надгосударственную структуру всемирного масштаба. Построенная сеть стала символом гармоничного взаимодействия участников в процессе строительства нового информационного общества.

Для пользователя сеть необозрима, её ресурсы превышают его возможности на порядки. Подключаясь к сети, он получает неограниченные возможности выбирать: как бы ни были специфичны его интересы, сеть предлагает ему множество людей с такими же интересами. Он попадает в среду единомышленников, среду, которая способна квалифицированно оценить его достижения, предложить помощь и мотивацию заниматься любимым делом, представить его

профессиональным игрокам в этой области человеческой жизнедеятельности. Человек сетевой заново открывает мир. И мир открывается ему. Пользователь сети получает возможность выбирать, он больше не ограничен рамками окружающего его мирка. Переоценить эту роль сети в гармонизации жизни конкретного человека вряд ли возможно.

Проблема самоидентификации человека во многом представляет собой проблему «смысла жизни». Человек в сети ищет новые формы социальной активности, новые сценарии жизненного развития, новые пути самовыражения, истину. Он создаёт собственную идентичность, выбирает свой стиль и стратегию жизни. Созданное мультикультурное, многовариативное, непредсказуемое по своему характеру социальное «поле» становится одним из условий социокультурной гармонизации – «единства в многообразии».

Интернет пронизан миллионами горизонтальных связей и в этом качестве он представляет собой новый прямой канал самопрезентации: резюме, доступное всему миру. Сеть действует как уравниватель шансов и социальный лифт, сметая искусственные ограничения прежнего мира и делая ставку на информационные ценности: талант, умения, знания.

Благодаря богатству выбора, единый мир на наших глазах распадается на мозаику небольших строго специализированных сообществ (малые миры), каждое из которых имеет собственную систему ценностей. Глобальная сеть порождает противоядие против глобализации. Эти компактные группы – лучший способ культивировать локальные ценности, развивать самобытность субкультур, объединять разнообразные меньшинства. Для малых групп сеть работает как отдельное пространство коммуникаций, представляя идеальный инструмент для поддержания целостности малой группы, своего рода информационный скелет сообщества.

Разнообразие глобальной сети стимулирует освоение её участниками основных коммуникативных сценариев, глубокое понимание механизма правил выводит пользователя сети на мета-уровень, добавляя в процесс коммуникации элемент осознанной игры. Этот культурный механизм адаптации к существованию в условиях множественных систем ценностей позволяет не абсолютизировать окружающую действительность, воспринимать её лишь как

один из возможных вариантов. Такой взгляд на мир содержит в себе огромный преобразовательный потенциал, формирует пристальный интерес к другим системам ценностей.

Интернет – новое средство массовой коммуникации. Любые традиционные СМИ представляют собой инструмент фильтрации событий. И это не только цензура или пропаганда во всех её разновидностях, но и множественные пространственно-временные ограничения традиционных СМИ: канал любой телевизионной станции не может вместить всё разнообразие событий, газета не может опубликовать больше, чем позволяет её объем, никакое СМИ не способно быть в курсе всех событий. Ему приходится определять свои приоритеты, создавая фильтры для отсева информации. Интернет устраняет все эти ограничения, предоставляя альтернативный канал прямого обмена информацией. Он – эффективный инструмент культурного обмена между представителями разных стран и народов.

Репутация и постфактумные оценки являются способами минимизации специфического вида затрат, которые называются транзакционными издержками, затратами, связанными с созданием и поддержанием связей между экономическими акторами. Основатели теории транс-

акционных издержек (Р. Коуз и О. Уильямсон) выделяли три основных способа формирования доверия между участниками: внесистемное доверие, которое основано на актах взаимодействия за пределами системы; культура сообщества, свод неписанных правил, которых придерживается сообщество и которые регламентируют деятельность её участников, и репутация, специфическая форма социального капитала, которая существенно увеличивает предсказуемость действий участников. Минимизация издержек через удешевление и увеличение быстрого действия каналов связи, эффективная поддержка механизмов формирования доверия позволяет не только повысить эффективность существующих организационных форм, именно они делают возможными формы организации, которые были немыслимы прежде.

Сеть имеет огромный инновационный потенциал. Глобальный рынок сбыта, минимальные транзакционные издержки, ключевая роль знания в структуре современного производства и низкие первоначальные издержки делают Интернет идеальным местом для стартапов. Сеть полна идеями, она – креативная питательная среда, в которой рождается будущее, формируется социальная гармония нового типа.

Список литературы

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. Оксфорд: Blackwell Publishers, 1996–1998. Т. 1–3.
5. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
6. Момджян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Высшая школа; КД «Университет», 1997. 448 с.

Статья поступила в редакцию 13.01.2012 г.

Дмитрий Валентинович Сергеев
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Атрибуты и характеристики культурного смысла

В работе выявляются и анализируются основные аспекты бытия смысла. Они представлены неизменными атрибутами, сохраняющимися в процессе трансформации культурного смысла, и изменяющимися характеристиками. Выделение атрибутов и характеристик было реализовано на основе анализа философской литературы, где были вычленены и проанализированы различные состояния культурного смысла. В качестве атрибутов культурного смысла выступают идеальность, интересубъективность и антропоцентричность. Признаки были оформлены в качестве пяти бинарных пар, указывающих на возможность обладания смыслом противоположными характеристиками. Интенсивность проявления каждого признака из выделенных оппозиций зависит от разнообразных факторов. Личностный уровень факторов определяется степенью социализации и инкультурации, профессиональной и культурной принадлежностью субъекта смысловых процессов. Социально-культурная группа факторов представлена уровнем развития социальных отношений, типом господствующего мировоззрения, наличием разнообразных семиотических систем.

Ключевые слова: онтология, культурный смысл, атрибуты и характеристики смысла, культурная семантика, семиотика культуры, знаковые системы.

Dmitry Valentinovich Sergeyev
Candidate of Culturology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Attributes and Characteristics of Cultural Sense

The article identifies and analyzes the main aspects of sense being. They are invariable attributes that remain the same in the transformation process of cultural sense, and variable characteristics. The author distinguishes the attributes and characteristics on the basis of philosophical literature that presents the analysis of different cultural sense states. The attributes of cultural sense are ideality, intersubjectivity and anthropocentricity. The characteristics are grouped into five binary pairs, indicating the possibility of sense to possess opposite qualities. The intensity of each sense characteristic in the distinguished oppositions depends on various factors. The personal aspect of these factors is determined by the degree of socialization and enculturation, professional and cultural affiliation of the subject of semantic processes. The socio-cultural group of factors includes the level of social relations development, the type of dominant ideology and the presence of a variety of semiotic systems.

Keywords: ontology, cultural sense, sense attributes and characteristics, cultural semantics, semiotics of culture, semiotic systems.

Теоретико-методологические основания исследования. В связи с многообразием определений термина «смысл», предлагаемых исследователями в разных науках, возникает необходимость обобщения его содержания в контексте его социально-культурной природы. При этом приходится сталкиваться с парадоксальной ситуацией, когда вычленяются характеристики

явления, противоречащие друг другу: «Смысл многолик, он поворачивается к исследователю (к разным исследователям) различными своими гранями, и разные его определения и описания оказываются противоречащими друг другу» [17, с. 107]. С одной стороны, это позволяет констатировать диалектическую природу смысла как любого другого социально-культурного яв-

ния, находящегося в постоянном процессе становления, роль которого, по меткому замечанию П. Рикёра, заключается в том, «чтобы показывать, скрывая» [24, с. 50]. С другой стороны, настоятельно подтверждается необходимость социально-культурного анализа смысла, проявляющего определённые признаки на конкретном историческом отрезке времени. Данная проблема решается разными исследователями, но зачастую это происходит в неявном виде, поскольку учёные озадачены проблематикой собственных научных поисков. Необходимость отдельного описания и объяснения противоречивых характеристик культурного смысла определяет актуальность данной работы.

Описание бытия культурного смысла требует установления его атрибутов, определяющих его постоянство во времени (что позволяет в разных состояниях идентифицировать его в качестве тождественного себе культурного смысла), и признаков, отражающих уровень и степень его трансформации.

Парадоксальность предмета нашего исследования учёные пытались объяснить разными причинами. Некоторые, например, М. М. Бахтин, пытались объяснить это свойство смысла универсальной незавершённостью мира, поскольку, «пока мир не завершён, смысл каждого слова в нём может быть преобразён» [4, с. 157]. Его мнение разделяют и психологи, для которых смысл есть «пограничное образование, в нём сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» [7, с. 129]. Другие, как В. В. Налимов, утверждают практическую непознаваемость самого смысла: «Но смыслы (а следовательно, и природа человека) устроены так, что чем ближе мы приближаемся к ним, тем дальше они удаляются от нас. А наш удел – беспрестанно устремляться к смыслам» [22, с. 8].

Наша позиция близка позиции первой группы исследователей, поскольку изменение определённой совокупности признаков смысла – при сохранении их атрибутов – зависит от изменений социальных отношений и культурно-исторического контекста.

Выделение характеристик смысла проводилось на основе обобщения результатов исследования в различных областях философской и гуманитарной мысли, что позволило выделить неизменяемые в процессе развития культуры и общества атрибуты смысла и его признаки. К атрибутам смысла мы отнесём три

главных неизменяемых в процессе эволюции признака: идеальность, интерсубъективность и антропоцентричность. Признаки были оформлены в качестве бинарных пар, указывающих на возможность обладания смыслом разными – порой прямо противоположными – характеристиками. Интенсивность проявления каждого признака из выделенных оппозиций и их зависимость от социально-культурной ситуации будет раскрыта в дальнейшем.

Атрибуты культурного смысла. Прежде всего, во всех определениях отмечается *идеальность* смысла. Смысл и есть «идеальное содержание, идея» [5, с. 628]. Это то, что выступает внутренней, не материальной сущностью предмета, явления, процесса, действия и то, с чем взаимодействует человеческое сознание. Более того, все, что есть, существует, можно описать как смысл.

Идеальность смысла многие исследователи в анализируемых определениях усиливают терминами «субъективная связь», «способ», «форма взаимодействия», «стихия», «состояние», «суть познавательного процесса», «функция», «идеальная ипостась». Ж. Делез утверждает: «Смысл – это нечто “нейтральное”, ему всецело безразлично как специфическое, так и общее, как единичное, так и универсальное, как личное, так и безличное <...> У него нет ни физического, ни ментального существования» [12, с. 39].

Тем не менее, смысл явлен в культурных текстах, которые могут принимать весьма разнообразные формы. Л. С. Выготский свёл всё многообразие проявлений смысла к трём основным формам его бытия – деятельность, общение и действие, а далее определил средства и результаты его опредмечивания – естественный язык, отражённые и порождённые образы, метафоры, символы, мифы и т. д. [10].

Следующим атрибутом смысла является *интерсубъективность*, которая определяет в свою очередь его полевое функционирование. Интерсубъективный характер бытия смысла проявляется, по мысли французского философа В. Декомба, в том, что «смысл существует не вне человечества вообще, не вне сознаний, а именно *между сознаниями*» [11, с. 73]. С философами соглашаются психологи. В частности А. Ю. Агафонов сформулировал психологические аксиомы смысла, среди которых отмечается неточечная, неатомарная, континуальная, недискретная, полевая структура смысла [1, с. 76–84].

В научной литературе можно найти немало исследований, посвящённых анализу форм межсубъектного существования культурного смысла: коллективные представления, архетипы, символы, символемы, мифологемы, коллективная ментальность, концепты и т. д. Теоретизирование в разных отраслях науки приводит к пониманию ключевой роли соотношения индивидуальной и социально-культурной реальностей. Культура и общество выступают межличностным пространством, генерирующим опыт предыдущих поколений и выполняющим императивную роль по отношению к личности, которая, тем не менее, сохраняет творческие возможности. Таковым является понимание смысла в психологии: «Коллективное смысловое поле, присущее определённой социальной общности или культуре (субкультуре), влияет на формирование смысловой сферы членов этой общности, но и оно само, в свою очередь, изменяется под воздействием диалога и координации смыслов как внутри этой общности, так и в общении с другими культурами» [17, с. 372–373].

Наконец, смысл всегда *антропоцентричен*, а, следовательно, социален и культурен. Только человек может и должен создавать смыслы, для того, чтобы чувствовать себя «человеком» в этом мире. Все смыслы, даже те, которые относятся к казавшейся бы дикой природе, порождены сознанием человека. А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко отмечают: «Мы всегда имеем дело не с природными реалиями как таковыми, а с репрезентирующими их культурными смыслами» [24, с. 11]. Именно сознание человека выступает генератором, где рождаются, прочитываются и интерпретируются все смыслы.

Итак, идеальность, интерсубъективность, антропоцентричность представляют основу бытия смысла во множестве форм его проявления. Они не изменяются в процессе социальных, культурных, исторических и прочих трансформаций, определяя, тем самым, преемственность культурного смысла, его идентичность и тождественность самому себе в процессе разнообразных метаморфоз. Далее следует подробно остановиться на признаках, которые оформлены в качестве бинарных оппозиций, что позволит понять противоречивую сущность культурного смысла, необходимую для его развития в процессе социально-культурной эволюции.

Характеристики культурного смысла.

Концептуальность – контекстуальность. С одной стороны, смысл выступает средством обобщения опыта коллектива, а, следовательно, поддаётся концептуализации, с другой, он, будучи явленным в определённых культурных текстах, контекстуален. Действительно, он может существовать только в контексте, поскольку это та среда, где смыслы обретают сами себя. В контексте актуализируются и разворачиваются определённые уровни и стороны смысла, проявляется потенциальность его внутреннего многообразия, поскольку контекст задаёт «поясняющие обстоятельства» [31, с. 88–89]. Однако отмечается, что широта контекста может способствовать не только конкретизации представляемой смысловом ситуации, но и её семантическому насыщению. Это связано с тем, что смысл порождается всей наличной ситуацией, всеми конъюнктурными элементами, присутствующими в данный момент, а не только правилами или традициями. П. Рикёр считает, что в таком случае речь идёт о глубоко символическом языке, когда «контекст делает возможным (и даже обеспечивает) одновременное существование нескольких измерений, на манер того, как разные тексты наслаиваются друг на друга на палимпсесте» [25, с. 156].

С другой стороны, смысл и его модификации, образующие сознание одного человека или одной культуры, ничем не отличаются от смысла и его модификаций, детерминирующих сознание другого человека или другой культуры. В антропологии подобные идеи высказывались ещё эволюционистами. Э. Б. Тайлором был уверен в психологическом единстве всего человечества: «При рассмотрении с более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений» [27, с. 21]. К таким же выводам приводят идеи Б. Малиновского, основателя функциональной теории, для которого культура есть система способов удовлетворения потребностей человека, прежде всего, как биологического существа [20]. Единство потребностей определяет сущностное единство способов их удовлетворения, при кажущемся разнообразии форм их проявлений. Суть питания остаётся одинаковой во всех культурах и обществах независимо от того, что вы едите, чем и как. Хотя семантика еды может различаться в большом диапазоне.

Можно выдвинуть тезис о наличии в культурах и обществах одинакового набора смыслов, которые в сущности являют примерно одно и то же. Объяснение заключается в парадигматическом сходстве культур и обществ, вытекающем не только из антропологического единства человечества, – общеродовые свойства личности, обозначенные в форме витальных ценностей; универсальность биологической природы человека, проявленная в одинаковых функциях общества, но по-разному оформленная в культурах – но и общего этапа социально-культурного развития. В. А. Тишков, говоря об осмыслении культурного пространства, утверждает, что при всём архитектурном различии пространственные смыслы могут быть схожими, «что в трехэтажном особняке, что в монгольской юрте» [28, с. 20]. Ярким примером является структурная теория К. Леви-Стросса, которую он создаёт на анализе мифов народов Южной Америки. Он показал, что формально несхожие элементы мифов у разных племён в смысловом отношении обозначают одно и то же. Доказательством универсальности смыслов в разных культурах является возможность осуществления перевода с одного языка на другой. Если бы они в разных культурах отличались радикально, то и процесс перевода, в принципе, был бы невозможен.

Следовательно, культурные и исторические особенности определённой социальной группы детерминируют некоторую различность культурных смыслов, которыми пользуются человеческие сообщества и коллективы. В данном случае речь идёт уже не столько о различии культурных признаков, которые, в частности, лежат в основании культурного позиционирования Востока и Запада, но о других сущностных, в том числе семантических, признаках, определяющих принадлежность общества к одной парадигмальной группе. Если С. И. Великовский, говоря, что цивилизации отличаются друг от друга «способом полагания смысла» [9, с. 673], подразумевает всё-таки культурное различие обществ, то для нас различие способа задания смысла – что и отразится в проявлении его отдельных характеристик бинарной оппозиции с большей или меньшей интенсивностью – определяется различием законов функционирования смысла в обществах, принадлежащих к определённым парадигмам. Несводимость парадигм друг к другу определит неодинаковость развития общества и со-

ответствующего ему типа культуры. В какой степени, приходится говорить не об онтологии смысла, а об онтологиях смысла, поскольку при смене парадигм они не сводимы друг к другу.

Аффективность – рациональность. Уникальность смысла и возможность его личностной детерминации указывают на *аффективность*. В научной литературе отмечается, что существовала опасность отождествления смысла с эмоцией, растворение первого в содержании второго. Однако между этими явлениями есть различие. Д. А. Леонтьев указывает пять основных отличий эмоции и смысла, среди которых можно выделить социально-культурное объяснение, поскольку «эмоция является главной, но не единственной формой субъективной презентации в образе личностного смысла объектов и явлений» [17, с. 162]. Такая тесная связь позволяет характеризовать предмет нашего исследования как насыщенно эмоциональный, что делает его хорошо усваиваемым в процессах социализации, инкультурации и аккультурации. «Эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [17, с. 164–165]. Такой симбиоз предоставляет возможность смыслу быть интенциональным, он не просто пассивно существует, но активно проявляется во всевозможных аффективно насыщенных формах. Следовательно, обоснован вывод об эмоции как чувственной ткани смысла [8, с. 5–19].

Поскольку смысл призван выполнять социально-культурные функции – адаптации, регуляции, трансляции, познания и пр., ему необходимо в определённой степени быть рационально выверенным. Безусловно, уровень развития общества определяет различную степень и глубину выверенности. В любом случае приходится констатировать, что культурный смысл, особенно отдельные его уровни в эволюционно-динамическом аспекте, – продукт определённой рационализации. Кроме того, эмоциональность не является обычно характеристикой, присущей информационно насыщенной системе. Примером служит ситуация повседневности: «Хорошо знакомая нам ситуация, привычные встречи, отношения, разговоры, события не вызывают волнения, за-

ставляют наши чувства дремать, бездействовать. Человек, одной и той же дорогой ходящий на работу, выполняющий постоянно одни и те же поручения, имеющий строго определённый круг знакомств и привязанностей, почти не расходует энергии своих чувств. Но стоит в его привычном круговороте появиться чему-то неординарному, новому, поразительному, как эмоциональный всплеск окажется близким к штормовому» [15, с. 157]. Верно и обратное. Информационный дефицит компенсируется эмоциями, что иногда задаётся особенностью предмета. Особенно наглядно это проявляется в специфике искусства: «Чтобы мы эмоционально реагировали на передаваемую произведением искусства информацию как на жизненно реальную, необходимо, чтобы мы получали эту информацию не целиком в готовом виде... система, а в нашем случае произведение искусства должно обладать известным дефицитом этой информации, поэтому и содержание его мы словно открываем самостоятельно» [15, с. 157]. Таким образом, интенсивность проявления характеристик смысла «аффективность – рациональность» зависит не только от исторического контекста (ср.: первобытное общество с аффективно насыщенным мировосприятием и индустриальное общество с рациональным мировоззрением), но и от возрастных особенностей субъекта смысла и его социальных видов деятельности (ср.: учёный и художник).

Алогичность – логичность. Взаимоотношения смысла и логики также характеризуются неоднозначностью. Логика отвечает не просто за непротиворечивость внутренней синтагмы, а за её соотнесённость с внешней реальностью (физической, природной, социальной, культурной). Смысл откреплён от реальности и функционирует как чисто ментальная структура, что позволяет ему быть логически свободным и, до определённой степени, логически противоречивым. История развития логики как науки и её многообразных направлений тому доказательство [см. 16].

Смысл никогда не распадается на части, конституирующие его. Так, смысл предложения не может быть редуцирован к отдельным смыслам слов, составляющих его. Следовательно, предложение, состоящее, скажем, из пяти слов, не обладает пятью смыслами; подобное предложение может иметь один, два или бесконечное количество смыслов. В принципе они с трудом поддаются числовому выражению. При

включении данного предложения в контекст целостного произведения количество смыслов, которые можно ему приписать, значительно увеличивается. Более того, само литературное произведение «не столько строится из общепринятого смысла слов, сколько способствует его изменению» [21, с. 235]. Другое проявление нелогичности смысла можно обнаружить в том факте, что любая бессмыслица или абсурд могут быть осмыслены, в них можно, при желании, тоже отыскать семантические закономерности или даже приписать их.

В некоторых теориях бессмыслица рассматривается как резерв, «из которого мы черпаем, дабы произвести смысл» [11, с. 93–94]. Если продолжить эту цепочку рассуждений, то «смысл есть следствие бессмыслицы» [11, с. 94]. А. Ф. Лосев вообще увязывает проявление смысла с бессмыслицей: лишь только на фоне бессмыслицы смысл и может себя проявить в полной мере, бессмыслица определяет смысл: «Смысл есть свет, и бессмыслие – тьма. Смысл в себе, в своей абсолютной природе, – абсолютен и не имеет очертания; это – стихия и бесконечная сила света. Бессмыслие – меон, отсутствие смысла; оно – окружает смысл и тем оформляет его, даёт ему очертание и образ. Сущий смысл и не-сущее бессмыслие взаимопределяют друг друга и дают определённый образ в результате такого взаимопределения» [18, с. 653–654].

Однако, если мы пытаемся установить социально-культурную зависимость бытия смысла, то для нашего исследования логика есть необходимость существования смысла. Логика и/или совокупность логик – отражение определённого этапа социально-исторического уровня развития конкретного общества. Логичным, равно как и осмысленным, может быть лишь такая часть реальности, которая включена в определённые социальные взаимоотношения.

Доказательством могут служить работы лингвокультурологов. Б. Уорф критикует несостоятельность «старой» классической формальной логики при анализе языков индейцев Северной Америки [29]. Даже если не принимать спорную теорию Сепира–Уорфа о детерминированности мышления людей языком, то приходится согласиться с теми выводами, к которым приходит учёный, сопоставляя примеры английского языка и языка шауни. Язык, являясь отражением функционирования категорий мышления, свидетельствует, что при переходе

от одной культуры к другой происходит своеобразная смена логик. Так, в языке шауни нет форм, обозначающих категорий субъекта, объекта и предиката, оформляющего их взаимоотношения, которые привычны для европейского мышления. Хотя при этом главная логическая задача – определение истинности высказывания – достигается.

А. Ф. Лосев также показывает соотношение логики и архаического типа мышления: «В колымском диалекте одульского (юкагирского) языка мы имеем такую фразу *asaуol-sogomoh*, где *asa* означает “олень”, *уol* “видение”, *sogomoh* “человек”. Другими словами, это есть “олень-видение-человек”, что в переводе на русский язык означает “человек увидел оленя”... Отсутствие морфологии в инкорпорированном грамматическом строе свидетельствует о том, что инкорпорированное мышление оперирует исключительно только бесформенными, расплывчатыми, неанализируемыми чувственными пятнами... Отсутствие частей речи в языке соответствует отсутствию логических категорий в мышлении, а отсутствие логических категорий в мышлении есть отсутствие для такого мышления и в самой действительности подобного же рода противопоставления вещей и их свойств, качественных и количественных, их действий и др.» [Цит. по: 26, с. 135–136].

Логика как отношение высказывания к реальности показало свою социокультурную детерминированность. То, что считается истинным в одной культурной ситуации, в другой системе культурных координат – нелогично. Культуры и общества, а точнее их принадлежность к определённой семантической парадигме, выступают по отношению друг к другу логикой с семантикой возможных миров. Непроницаемость социального опыта одного коллектива определяет потенциальность или невозможность, т. е. нелогичность, для другого. В этом отношении традиции других культур кажутся нам зачастую нелогичными, непонятными, странными, чуждыми.

Итак, нелогичность определённых семантических структур определяется или их принадлежностью чуждому обществу и культуре, или другой парадигме смысла, что делает данную нелогичность относительной и социально-культурно детерминируемой.

Оформленность / завершенность – процессуальность / динамичность Философы указывают на обретение смыслом свойств про-

цесса [2, с. 149–150]. Психолог Д. А. Леонтьев увязывает онтологический аспект смысла с его динамикой: «Жизненный смысл и отражающаяся в нём динамика жизненных отношений – это онтологический аспект смысла» [17, с. 113]. Семиотик У. Эко рассматривает смысл как процесс взаимодействия референции и символа [31, с. 65]. Культурологи А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко говорят о культуре как о пространстве «активного динамического смыслообразования» [24, с. 15].

Однако процесс становления смысла человеком не воспринимается. Для личности он всегда представляется как нечто завершённое, как данность, наличность; «смысл *уже* завершён, им постулируется некое знание, некое прошлое, некая память» [3, с. 242]. В противном случае взаимодействие человека с миром было бы невозможно.

В. В. Налимов связывал с динамической природой смысла спонтанность. «Смыслы неразрывно связаны со спонтанностью их появления» [22, с. 206], поскольку они находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Спонтанность указывает на структурное родство смысла и события, которое подробно было проанализировано Ж. Делёзом [12]. Спонтанность снимает угрозу абсолютной детерминации смысла со стороны культуры и общества, вносит необходимый элемент свободы человеческого выбора, предоставляет вариативность культурного развития, предлагает сразу несколько направлений социо- и культурогенеза. В. В. Налимов, характеризуя природу смысла, говорит: «Смыслы по самой своей природе должны быть свободными. Их природа должна быть философски анархичной» [22, с. 69].

Единство смысла и события, семантическая динамичность указывают на потенциальную неиссякаемость смысла, его бесконечную незаконченность. Возможно, в этом можно усмотреть семантическое богатство, которое накапливается в процессе исторического существования знака.

Проблема взаимоотношения смысла и формы была особенно актуальна для постструктуралистских и постмодернистских исследователей. Поскольку они занимались вопросами распределения власти в обществе, то многоуровневая форма смысла рассматривалась в качестве возможного «оплота» идеологии. Будучи наследником структуралистов, Ж. Деррида соглашается с К. Леви-Строссом

в том, что наличие формы уже предполагает существование смысла: «Форма – всегда уже форма смысла» [13, с. 129]. Смыслу необходима такая фиксированная форма, которую можно легко воспринимать, которой можно легко манипулировать. Р. Барт представляет эти взаимоотношения таким образом: «При превращении смысла в форму из него удаляется всё случайное; он опустошается, обедняется, из него испаряется всякая история, остается лишь голая буквальность» [3, с. 232]. Это нужно помнить при анализе любого уровня знаковой системы, поскольку содержание всегда оказывается несравненно богаче, нежели его форма, внешняя оболочка, означаемое. Форма устраняет семантические потенциально и реально существующие дополнительные уровни, но «форма не уничтожает смысл, а лишь обедняет, дистанцирует, держит в своей власти» [3, с. 243]. Подобные манипуляции нужны ей для того, чтобы иметь «подручный запас истории... форма постоянно нуждается в том, чтобы вновь пустить корни в смысл и напитаться его природностью, а главное, она нуждается в нем как в укрытии». В свою очередь, смысл «богат и покорён, его можно то приближать, то удалять, стремительно чередуя одно и другое» [3, с. 242]. Так происходит взаимодействие смысла и формы, которое находит своё выражение в структуре, так как «структура – это *формальное* единство смысла и формы» [14, с. 12].

В социально-философском исследовании форма презентации смысла представляет интерес для анализа в качестве средства взаимодействия человека и мира. Важно учесть, что динамизм и оформленность не означают быстроту протекания семантических процессов или их окончательную завершённость. Речь идёт о состоянии общества, об определённой степени рефлексии со стороны субъектов семантических процессов и его представленности на различных уровнях социального и индивидуального бытия.

Богатство форм презентации смысла и их культурной оформленности напрямую влияют на качество культурных текстов. Чем их больше, тем лучше и качественнее исследовательский анализ по поводу тех или иных социально-культурных процессов. Проявленность культурных смыслов зависит от выразительных потенциалов знаковых систем культуры, которые задают «смысловое пространство культуры» [24, с. 64]. Всё остальное, что не может быть

выражено в действующих знаковых системах, культура игнорирует, она просто не имеет возможностей это увидеть. «Неосмысленные значения опыта трансформируются и подгоняются под уже имеющиеся знаковые формы» [24, с. 64]. Таким образом, культура пытается объяснить что-либо ей не известное через уже известное. Об этом писал Ю. М. Лотман: «Напрасно думать, что мы окружены от природы не-семиотическим миром и в нём покоится озеро семиотики. Мы действительно окружены не-семиотическим миром, но мы не видим его. Мы видим тот мир, который создаём – семиотический мир не-семиотического мира» [19, с. 458]. Но такое положение вещей подталкивает общество и культуру к порождению новых знаковых систем, в которых новый опыт мог бы полнее себя выразить. Смысл может быть выражен в любой знаковой системе, придуманной человеком. Собственно, главная функция любой семиотики является выражение идеального содержания в чувственно воспринимаемой форме. Движение и эволюция общества и культуры отражается на природе и характеристиках знаковых систем, которые, в свою очередь, обусловлены уровнем и характером социальных и культурных отношений. Это позволяет всякому культурному тексту самоизменяться, поскольку он «*живёт* за счёт всё новых восприятий, актуализаций, интерпретаций, суждений, расширений или новых трансформаций его смысловых акцентов в ходе историко-культурных перемен» [30, с. 36].

Однако отношения между смыслами и знаковой системой являются взаимонаправленными. Здесь следует говорить о взаимной обусловленности или, как говорит В. В. Налимов: «Смыслы – это есть то, что делает знаковую систему текстом» [22, с. 107]. Смысл всегда отсылает человека во внешний мир, к тому предмету, явлению или процессу, внутренним содержанием которого он является.

Таким образом, культурные тексты позволяют увидеть очертание культурного и социального опыта определённого сообщества. Они отражают уровень развития, характер социальных отношений, позволяют констатировать определённые выводы о способах и формах социально-культурной деятельности. В качестве примера можно привести следующие факты из истории первобытной культуры: «Известно, что древние люди и в Сибири, и в Африке, и во Франции часто наносили новые

рисунки поверх более древних так, как будто их совсем не было. Они словно рисовали на абсолютно чистой поверхности... Выходит, ранее созданные изображения были для более поздних поколений пустым местом, не имели смысла, ничего не значили, хотя подчас вновь изображались или те же животные, или близкие им по виду. Всё это, очевидно, может быть объяснено тем, что и для туарегов африканского плоскогорья Тассили и для древних людей, пришедших на смену своим ещё более древним предкам, данные изображения не имели художественного значения. Это были царапины, контуры, цветные пятна, даже фигурки зверей, наконец, но не произведения искусства! Они не оживляли в их мыслях и чувствах, не волновали их, не имели для них никакого значения» [15, с. 125]. Представители исторически более поздней или просто другой культуры не обладают полнотой социального опыта предыдущей или другой культуры, что делает для них культурные тексты и правила их построения бессмысленными.

Объективность – субъективность. Данная бинарная оппозиция наиболее рельефно отражает всю противоречивость бытия смысла. Можно утверждать, что они аккумулируют содержание всех вышеперечисленных пар. Взгляд учёных на соотношение данных характеристик зависит не только от принадлежности конкретной отрасли знаний: очевидно, что психолога интересует, прежде всего, личностный уровень бытия смысла, в то время как социального философа и культуролога, скорее – объективный. Во многом стремление определённого мыслителя связывать ту или другую характеристику в качестве главной с онтологией смысла отсылает к главному вопросу философии.

Так, позиция В. В. Налимов в терминологии основного вопроса философии можно назвать идеалистичной, а ещё точнее платоновской. Философ утверждает наличие Мира смыслов, обладающего самостоятельной реальностью [23, с. 29]. Более того, он утверждает, что «потенциально все смыслы изначально существуют во Вселенной. Человек своей демиургической силой создаёт из них тексты, и не только словесные, но и цветовые, и музыкальные. Так возникают культуры – различные варианты Мира смыслов» [23, с. 230]. В контексте таких рассуждений становится понятным, и даже логичным, утверждение автора: «Нам представляется, что смыс-

лам надо придать право на самостоятельное существование. Это своя особая реальность» [22, с. 244].

Противоположной точкой зрения придерживается В. Декомб, утверждающий, что изначальных смыслов, заложенных в самом мироздании, нет, и что человек играет главную роль в процессе смыслопорождения. «Мир не имеет смысла, – говорит французский философ, – (смысл ему нужно придать)» [11, с. 63].

Однако способность смысла к объективации позволяет личности наладить ту личностно переживаемую связь между людьми и предметами и явлениями [6, с. 429]. В этом функция смысла – способствовать целостному восприятию мира, помогать личности видеть этот мир без разрывов. Это также позволяет использовать его как средство функционирования социально-культурных отношений на определённом историческом отрезке времени.

Своего рода примеряющей позицией является взгляд М. Мерло-Понти, по мнению которого люди «приговорены к смыслу» [21, с. 20]. Мы должны найти смысл, который сами и объективировали, спроецировали во внешнюю реальность, и теперь «всё имеет смысл, за всеми отношениями мы находим одну и ту же структуру бытия» [21, с. 19]. Такой же промежуточной позиции придерживаются А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко. В их концепции смысл – трансцендентное образование. Область трансцендентного – «это та сумма потенциальных смыслов, которой может быть наделён объект» [24, с. 39]. Однако его появление связано с рефлексией, результатом деятельности которой стало расчленение мира на субъект и объект.

Выводы. Итак, описанные атрибуты онтологии культурного смысла представлены тремя основными признаками – идеальность, интересубъективность, антропоцентричность, – которые не изменяются в процессе социального и культурного развития. Они обеспечивают устойчивость смысла, который, таким образом, сохраняет в процессе социальной эволюции свои сущностные признаки, поддерживает собственную идентичность в качестве единого и тождественного себе культурного явления на всём протяжении изменений человечества. Характеристики изменяемых признаков смысла представлены в качестве бинарных оппозиций: концептуальность – контекстуальность, аффективность – рациональность, алогичность – логичность, процессуальность / дина-

мичность – оформленность / завершённость, объективность – субъективность. Они позволяют описать противоречивую природу смысла и показать диалектику его существования, необходимую для понимания законов семантиче-

ских трансформаций. Проявление определённых характеристик зависит от уровня развития социальных отношений, их культурной оформленности и представленности на определённом уровне социально-культурной системы.

Список литературы

1. Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара: БАХРАХ – М, 2000. 336 с.
2. Аршинов В. И., Свирский Я. И. От смыслопрочтения к смыслопорождению // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 145–152.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
4. Бахтин М. М. Дополнение и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 134–164.
5. Большая Советская Энциклопедия. Т. 23. М.: Советская Энциклопедия, 1976. 640 с.
6. Братусь Б. С. Психология личности // Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. Самара: БАХРАХ – М, 2000. С. 385–456.
7. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
8. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
9. Великовский С. И. Умозрение и словесность. Очерки французской культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 711 с.
10. Выготский Л. С. Психология. М.: ЭКСМО – Пресс, 2000. 1008 с.
11. Декомб В. Современная французская философия. М.: Весь Мир, 2000. 344 с.
12. Делёз Ж. Логика смысла. Екатеринбург: Раритет, 1998. 480 с.
13. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
14. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. 495 с.
15. Еремеев А. Ф. Происхождение искусства. Теоретические очерки. М.: Молодая гвардия, 1970. 272 с.
16. Кронгауз М. А. Семантика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 339 с.
17. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
18. Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
19. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. 480 с.
20. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
21. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 606 с.
22. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
23. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.
24. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
25. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
26. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. Ч. II. М.: Аграф, 2000. 432 с.
27. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
28. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. М.: УОП Института этнологии и антропологии РАН 2003. С. 16–24.
29. Уорф Б. Лингвистика и логика // Лингвистика XX века: система и структура языка: Хрестоматия. Ч. I / сост. Е. А. Красина. М.: Изд-во РУДН, 2004. С. 156–169.
30. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24–39.
31. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

Статья поступила в редакцию 12.03.2012 г.

Надежда Дмитриевна Субботина
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: dialectica@yand

**Триада «Справедливость – Зависть – Мечь»
как результат естественной и социальной эволюции¹**

В статье рассматриваются общественные феномены: справедливость, зависть и мечь как совместный результат естественной и социальной эволюции. Показываются их естественные и социальные предпосылки, их взаимосвязь, а также негативная и позитивная роли в обществе. Предлагаются уточнённые определения этих феноменов. Отмечается, что главной функцией феномена справедливости является самосохранение группы. Предлагается классификация субъектов, предметов зависти и её разновидностей. Социальными последствиями зависти могут быть не только конфликты и преступления, но даже революции и войны. В то же время, искоренение зависти уничтожит стремление к соревновательности и лишит тем самым человечество одного из стимулов развития. Показано отличие мести, обусловленной несправедливостью, от мести, основанной на зависти. Анализируется связанное с мечью явление ressentiment, выявляются его естественные и социальные предпосылки. Отмечается, что задержка реакции, возникающая при ressentimente – продукт эволюции.

Ключевые слова: справедливость, зависть, мечь, злорадство, ressentiment, естественные предпосылки, психика.

Nadezhda Dmitrievna Subbotina
Doctor of Philosophy, professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: dialectica@yand

“Justice – Envy – Revenge” Triad as a Result of Natural and Social Evolution

The article deals with such social phenomena as justice, envy and revenge which are considered a result of natural and social evolution. The author reveals their natural and social background, their correlation as well as negative and positive roles in social evolution, offers precise definitions of these phenomena and underlines that the main function of justice phenomenon is self-preservation of a group. The author offers a classification of subjects, objects of envy and its varieties. Conflicts and crimes as well as revolutions and wars are social consequences of envy. At the same time, eradication of envy will neutralize the desire for competition and deprive humanity of one of the incentives for development. The author differentiates between revenge, caused by injustice, and revenge, caused by envy. In addition, the author analyzes the phenomenon of resentment, its social and natural background and notes that the delay of reaction that occurs during resentment is a product of evolution.

Keywords: justice, envy, revenge, malice, resentment, natural backgrounds, mentality.

Предмет исследования данной статьи – три общественных феномена: справедливость, зависть и мечь, изучаемые разными науками, в большей степени психологией и этикой. В последнее время они глубоко исследуются физиологией и генетикой. С социально-философской

точки зрения, на наш взгляд, проблема заключается в определении эволюционной сущности данных феноменов, анализе их взаимосвязи и выявлении противоречий их естественной и социальной сторон. Справедливость, зависть и мечь связаны друг с другом, хотя и не одно-

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3701.2011.

значно. Прежде всего, понятия, отражающие эти явления, не относятся к одному ряду. Справедливость / несправедливость – это норма или оценка человеческих отношений. Зависть – это эмоция или чувство, в зависимости от того, насколько она овладела человеком. А месть – это действие. При этом справедливость и месть – это социальные явления, имеющие естественные предпосылки, а зависть – чисто естественный феномен, так как психика человека естественна, но поскольку человек находится в системе общественных отношений, последствия мести, её оценка, её объекты и её предметы носят социальный характер.

Первый элемент выделенной нами триады – *справедливость*.

В Философском словаре в статье А. А. Гусейнова отмечается, что справедливость – «общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренная, главным образом, под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей; способ обоснования и их совместного существования в рамках единого социального пространства» [7, с. 536]. При этом различаются широкое и узкое значения данного понятия. В широком смысле справедливость – «разумность общественной жизни», являющаяся «основной добродетелью» и совпадающая с нравственностью. «В специальном, узком смысле слова справедливость есть нравственно санкционированная соразмерность в распределении выгод и тягот совместной жизни людей, степень совершенства самого способа кооперирования деятельности и взаимного уравнивания конфликтующих интересов» [7, с. 536].

Для уточнения нашей позиции в отношении справедливости необходимо хотя бы очень кратко напомнить историю формирования представлений о ней. Следует отметить, прежде всего, Аристотеля, который выделял *распределительную* (дистрибутивную) и *уравнивающую* (ретрибутивную) справедливость. Первая исходит из достоинства лица и проявляется в распределении, с одной стороны, благ, в которые он включал имущество, почести и т. п., с другой – тяготы и обязанности. Причём распределять можно или поровну, или по заслугам, или по потребностям. (Думается, что *истинная справедливость*, основанная на естественной составляющей человеческих отношений, – это распределение по заслугам). Уравнивающая справедливость проявляется вне

зависимости от достоинства человека. Под ней философ понимал или обмен вещей (или рыночные отношения, справедливые в том случае, если плата за них соответствует их ценности) или наказание, осуществляемое независимо от имущественного или социального статуса совершившего преступление [1]. Уравнивающая справедливость также, на наш взгляд, соответствует истинной справедливости. Остальные проявления справедливости, выделенные Аристотелем, основаны на представлениях о ней в сословном обществе.

Когда большие группы людей стали осознавать, что их неравенство с другими большими группами несправедливо, стали возникать теории, в которых преобладает, по терминологии Аристотеля, стремление к уравнивающей справедливости. Основное время возникновения таких теорий – вторая половина XX в. В 1965 г. Дж. Адамс опубликовал свою теорию справедливости, согласно которой люди хотят того, чтобы их вклад («вход») в дело и доход («выход») были равнозначны вкладу и доходу других людей. Под вкладом он понимал время, потраченное на дело, квалификацию и т. д., а под доходом – зарплату, карьеру и т. д. [23, с. 267–299]. Как видим, понятие справедливости он применял только к производственным отношениям. Адамс отмечает, что для того, чтобы определить, соответствует ли наш доход вкладу, то есть справедлив ли он, мы сравниваем его с вкладом и доходом других людей, принадлежащих к той же группе, что и мы. Эта группа получила у него название «группа сравнения».

Близка этой теории концепция «обделённости» (relative deprivation theory) Ф. Кросби [24], обратившего внимание на то, что чувство обделённости возникает, прежде всего, из-за обнаруженной разницы между тем, что получаем мы и получают другие члены группы, с которой мы себя сравниваем». На основании этих теорий в США проведено множество исследований, выясняющих, кто с кем себя сравнивает и как оценивают результаты сравнения: как справедливость, или как обделённость. Об относительной депривации писали также И. Уолкер и Х. Дж. Смит [25].

Й. Галтунг предложил понятие «социальная несправедливость» – то есть неравенство в распределении ресурсов, а также неравенство в распределении жизненных шансов. Следовательно, справедливость при этом должна выгля-

деть полной противоположностью. Здесь мы видим более широкое понимание справедливости, чем у Адамса, но опять-таки неполное.

Проблему претворения принципов справедливости на уровне государства решал известный теоретик Дж. Роулс (Ролз), утверждавший, что справедливость – главное достоинство социальных институтов, также как истина – достоинство систем мышления [16]. Опять-таки он решал проблему справедливости не в общепhilosophическом смысле, а со стороны равенства распределения первичных благ.

Объяснение любого явления невозможно без анализа его возникновения, его предпосылок. На наш взгляд, естественные предпосылки справедливости выражались в неживой природе в стихийном стремлении к гармонии, симметрии и порядку, в живой – в стихийном стремлении популяций и особенно малых групп животных (стад, стай) к самосохранению, которое невозможно без соблюдения опять-таки стихийно возникших инстинктивных норм взаимоотношений.

Важно то, что представления о справедливости возникают у людей отчасти независимо от господствующих этических и правовых норм, и зачастую народные представления значительно отличаются от этих норм, что, безусловно, говорит о наличии у них естественных предпосылок.

А. И. Фет отмечает, что в основе социального поведения лежат два инстинкта, открытые биологами: инстинкт внутривидовой агрессии К. Лоренца и социальный инстинкт, о котором писал Ч. Дарвин [21]. Этот социальный инстинкт и является основной естественной предпосылкой справедливости. Фет считает, что инстинкт социальной справедливости направлен против людей, уклоняющихся от участия в полезном труде. Р. Г. Хлебопрос уточняет, что «первоначальный инстинкт социальной справедливости доисторического человека был направлен и против права распоряжаться результатами своего собственного труда» [22, с. 5–6].

Данный социальный инстинкт порождает естественную потребность в таких отношениях, которые можно было бы назвать справедливыми, а также, на наш взгляд, потребность в том, чтобы окружающие осознали справедливость наших поступков или несправедливость негативного отношения к нам. Естественно также желание человека в уважении к нему окружающих и потребность в самоуважении.

С. В. Герасимов уверен, что «первоначальная, древняя справедливость была средством унижения слабейшего и использовалась для поддержания иерархии в стаде» [6, с. 120]. Действительно, одним из проявлений «справедливости» (возьмём в данном случае это слово в кавычки) были (да и есть) *унижение слабейшего и поддержание иерархии* в стаде (или сейчас – в группе). Наблюдение за стадными животными показывает, как находящиеся на более низкой ступени хищники (например, самки льва) отдают часть своей добычи «высшим» и как наказываются те особи, которые забывают о своём подчиненном положении. Общество придаёт иерархии социальную форму. Наличие всевозможных статусов, рангов, степеней, званий и т. п. вызывает уже социальную потребность в их достижении. В то же время в человеческом обществе благодаря социальному воздействию, развитию нравственности, идей гуманизма, демократии и толерантности, иерархия становится не такой жёсткой, хотя едва ли будет когда-либо преодолена полностью.

Таким образом, одна из функций справедливости – поддержка иерархии, но её «суперзадача», по нашему убеждению, – *самосохранение группы, поэтому отношение группы к индивиду является справедливым* в том случае, если оно адекватно его поведению. Следовательно, функция справедливости не сводится к наказанию тех, кто нарушил иерархию.

Естественной предпосылкой справедливости является и *стремление к равенству*, на которое указывали Аристотель, Дж. Роулс и многие другие. Об этом стремлении пишет, например, А. К. Оганесян, отмечающий, что в человеческой душе заложено глубокое стремление к равенству, что в ней ещё первобытным каменным топором была высечена нестираемая надпись: всем поровну [13].

Думается, что это стремление зародилось ещё в дочеловеческих группах (стаях, стадах), где отношения регулируются двумя противоположными потребностями: стремлением всех особей соблюдать равенство и стремлением отдельных сильных особей стать вождями. Завоевать власть сложно, но когда она завоевана, все члены группы на определённое время признают эту власть и требование равенства распространяют на остальных членов, стоящих на одной ступени иерархии. Это стремление в человеческом обществе породило общинный принцип, который ещё не преодолен, по край-

ней мере, в нашей стране – «не высывайся». Община и род могли существовать только при соблюдении равенства за исключением вождей и шаманов. На наш взгляд, именно естественным стремлением поддерживать сложившуюся систему иерархии объясняется то, что люди сравнивают свои доходы и другие преимущества с теми, кто стоит с ними на одной ступени: рабочий – с другим рабочим, учитель – с другим учителем и т. д.

Современные исследования обнаружили *химический механизм* справедливости. Группа учёных под руководством нейропсихолога Молли Крокетт (Molly Crockett) из Кембриджа (University of Cambridge) показала связь нехватки гормона серотонина с представлением о справедливости. Было выявлено, что низкое содержание серотонина «подействовало на склонность людей отвергать несправедливые на их взгляд предложения» [2].

Другими исследователями из Стокгольмской школы экономики и Массачусетского технологического института совместно с учёными из шведского Каролинского института был исследован уже *генетический механизм* справедливости. «Было обнаружено, что порог ощущения справедливости у однояйцевых близнецов намного ближе друг к другу, чем у разнояйцевых, хотя последние также росли в одинаковых условиях и воспитывались вместе. «Статистический анализ результатов экспериментов показывает, что как минимум 40 % вариативности в оценке справедливости определяется генами. Отсюда, правда, не следует, что остальные 60 % зависят от воспитания – учёные явно утверждают, что роль общего воспитания и совместного проживания очень скромна» [5].

На основе сказанного сформулируем следующее определение: *справедливость есть отношение к людям, адекватное поведению этих людей, основанное на групповой естественной потребности к самосохранению и на индивидуальном стремлении человека к равенству, имеющее генетический и химический механизм*. При этом адекватность в разные времена и у разных людей, живущих в одно и то же время, понимается по-разному, к примеру, рабовладелец считает справедливым наказание и даже убийство раба за ничтожную провинность.

Потребности в индивидуальном самосохранении и в лидерстве противоположны потребности в коллективном самосохранении и равенстве, поэтому они ведут к нарушению от-

ношений справедливости. Несоблюдение принципа справедливости – *несправедливость* – одна из наиболее весомых причин конфликтов, как в межличностных отношениях, так и на государственном и межгосударственном уровне. Конфликты на межгосударственном уровне могут быть следствием и субъективного представления о несправедливости, если такие представления овладеют властными структурами или народом в целом. Например, жителям некоторых стран может показаться несправедливым то, что у других стран имеется большая территория, более богатые природные ресурсы, выход к морю и т. п.

Условием уменьшения несправедливости является, по нашему мнению, её осознание, которое более успешно осуществляется на Западе. Например, Шорн Бурн показывает рост осознания гендерной несправедливости в США [3]. Осознанная несправедливость является вызовом человеку, а значит и стимулом развития. А. Тойнби назвал такие формы несправедливости, как бедность, дискриминация эмигрантов, рабство, кастовое неравенство, религиозная дискриминация, стимулом социального ущемления. К этому можно добавить дискриминацию по половому и возрастному признакам. В то же время достижение абсолютной справедливости невозможно из-за конфликта интересов субъектов истории, которые, зачастую, имеют диаметрально противоположные представления о ней.

Следующий элемент нашей триады – *зависть* – очень сильное чувство, поэтому её анализу всегда уделялось большое внимание. Уже Аристотель, а позднее И. Кант обращали внимание на её естественный характер. На основании этого Аристотель считал её этически нейтральной страстью. Если же человека огорчает любой, даже заслуженный успех окружающих, то это уже порочное свойство характера – завистливость. Кант добавлял к этому, что при переходе к пороку зависть приобретает стремление лишить соперника его преимущества и становится активной. Многие обращают внимание на связь зависти с агрессией. Одна из крайних характеристик зависти принадлежит А. Шопенгауэру, который считал её продуктом человеконенавистничества.

В литературе отмечается, что завистники стремятся преуменьшить заслуги тех, кому завидуют, объясняя их успех везением. В «Новой философской энциклопедии» в статье

А. В. Прокофьева зависть определяется как «чувство досады или горечи, возникающее при виде того, что другой обладает благом или преимуществом, которые отсутствуют у завистника, и сопровождающееся желанием лишить их соперника» [14, с. 32–33]. На наш взгляд, это определение верное, но не полное и мы к нему вернёмся позднее.

Попробуем более подробно рассмотреть естественные основы зависти и её связь с остальными членами триады. Для этого необходимо проанализировать её причины (или предпосылки), связанную с причинами сущность, создать классификации структуры объектов, предметов зависти и её разновидностей.

Причины и сущность зависти.

Психологи и философы, анализирующие зависть, предлагают классификации факторов её возникновения. Обычно выделяют внутренние и внешние факторы, мы же, исходя из темы статьи, попробуем добавить естественные и социальные факторы.

Те факторы, которые называются исследователями зависти внутренними, в большинстве своём *естественные*. Эгоизм и себялюбие – проявление *инстинкта самосохранения*, который мало сдерживается у людей, генетически лишённых эмпатии, или обладающих ею в малой степени. Тщеславие и чрезмерное честолюбие – проявление *естественной потребности в высоком месте в групповой иерархии*. Естественным фактором является также *потребность в комфортной жизни*. Каждый биотический организм стремится экономить свою энергию, которая может пригодиться в экстремальной ситуации, поэтому человек может завидовать тому, чья жизнь более комфортна и здесь уже естественный фактор дополняется социальным.

Наиболее часто зависть является следствием неудовлетворения *естественной потребности в собственности*. Если человек хочет иметь нечто, что никому не принадлежит, он просто мечтает. Зависть возникает только тогда, когда человек может наблюдать, или знать, что кто-то обладает предметами его мечтаний. То есть зависть, также как ощущение справедливости или несправедливости, всегда возникает при сравнении себя с другими. Предметы собственности других людей, которыми желает обладать завидующий, становятся предметами зависти. В основном это социальные предметы: предметы комфорта, средства передвиже-

ния, деньги и т. п. При этом люди, обладающие этими предметами, начинают вызывать негативные эмоции.

Другими естественными причинами зависти является неудовлетворение *половой потребности, потребности в гармоничной семейной жизни, материнского и отцовского инстинкта*. В затруднённых условиях жизни причинами зависти становятся неудовлетворённые *витальные потребности* – в пище, воде, тепле, безопасности. В данной ситуации зависть, овладевшая большими группами населения, чревата социальными потрясениями.

Одной из естественных причин зависти является то, что завидующие люди *стремятся принадлежать к более сильной группе* (или более привлекательной), обладающей большими благами, более высоким рейтингом и страдают от того, что им это недоступно. Принадлежность к такой группе – естественная потребность, необходимая для выживания.

Социальные факторы в основном внешние. Основные из них – уважение, почитание тех, кто достиг больших успехов и социальная потребность других в таком уважении. То есть завистник недоволен тем, что уважение испытывают не к нему, а к тем, которых он считает не более, а порой и менее достойными.

Выше отмечалось, что зависть возникает при сравнении своего положения с положением других. Как отмечают многие философы и психологи, сравнение осуществляется, как отмечал ещё Аристотель, именно с представителями группы, имеющими одинаковый статус. Е. П. Ильин говорит, что «близость создаёт лучшие условия для сравнения, делает жизнь другого человека более обозримой. При этом, чем меньше дистанция между завидующим и объектом зависти, тем сильнее зависть» [9, с. 218]. В таком сравнении есть и естественная и социальная стороны. Потребности – те же самые, о которых говорилось выше, а обида больше, потому что цель кажется более достижимой.

Но и большая разница в социальной лестнице может вызывать зависть. Ильин совершенно справедливо пишет: «Как избежать зависти ребёнку из малообеспеченной семьи, который видит, насколько велика разница между его ограниченными возможностями и перспективами, открывающимися перед другими детьми? Может ли безработный юноша смотреть без зависти на отпрысков солидной богатой семьи, посещающих частную школу? Возможно

ли, чтобы рабочие и ремесленники не завидовали учащимся институтам и университетам, которые просыпаются, когда им угодно, располагают досугом для чтения, для размышления, пользуются случаем, чтобы поучаствовать в дискуссии и заявить о своей политической позиции?» [9, с. 218]. Всё это социальные факторы зависти, хотя тут могут сыграть роль и естественные различия в способностях.

Зависть связана с чувством справедливости, но разные авторы эту связь видят по-разному. Например, Анна Фенько, пишет «Во всех культурах зависть считается чувством постыдным, а стремление к справедливости, наоборот, высоким и гуманным. Однако между благородной жадностью справедливости и подлым чувством зависти много общего. ... Все признают, что зависть – чувство неприятное, постыдное и разрушительное. Это признак слабости, и мало кто из людей открыто признаётся, что он завистник. С другой стороны, зависть есть ощущение допущенной по отношению к человеку несправедливости. <...> Если основой зависти является стремление восстановить справедливость, то её следовало бы признать вполне допустимым и даже благородным чувством. В том, как все культуры единодушно осуждают зависть и так же единодушно превозносят справедливость, содержится парадокс. Одно из двух: либо зависть не так плоха, либо справедливость не так хороша» [20].

Однако связь между завистью и справедливостью нам видится иначе. В данном примере речь идёт не о справедливости, а о зависти, которую завистники в самооправдание воспринимают как несправедливость. Чаще всего они добросовестно ошибаются. Но порой они частично правы – в тех ситуациях, когда удача выпала кому-то случайно; но «несправедливость», возникающая здесь, идёт не от других людей, а от случая, как говорят, от судьбы. Обида на счастливых в такой ситуации не будет иметь оснований. Поэтому понятия «справедливость / несправедливость» следует относить только к человеческим отношениям.

О естественных предпосылках зависти и о её роли в развитии говорят и генетики. Наиболее известна работа испанского биолога Джона Медины «Ген и семь смертных грехов». Медина утверждает, что «сопротивляться грехам бесполезно, потому что в наших проступках ощущаются отголоски животных инстинктов, которые и по сей день живут в человеческом

сознании» [19]. *Данная точка зрения уже является крайностью, потому что понятие «грех» возникло из потребности общества подчинить контролю те естественные составляющие стороны психики человека, которые можно назвать «антисоциальными». Признание их естественной составляющей позволяет понять эти стороны, но не оправдать.*

Медина отождествляет зависть с ревностью. Он называет этот «смертный грех»: «зависть (ревность)» [19]. Однако это разные чувства. Хотя завидуют человеку, но сама зависть направлена не на человека, а на некоторые предметы, которыми обладает этот человек, на его успехи, статус. Таким предметом зависти может быть и человек, которым хотелось бы обладать (порой также как вещью). При этом испытывают негативные эмоции к объекту зависти – обладателю этих предметов или статуса. Ревнуют же человека (и только человека, но не вещь), того, кого считают своей собственностью, даже тогда, когда с ним расстались. Ревность распространяется не только на возлюбленных. Очень часто родители ревнуют своих взрослых детей к их супругам, многие ревнуют друзей к новым знакомым, ревнуют лидера группы, когда он начинает приближать к себе других и т. п.

Структура зависти.

К. Муздыбаев выделяет ряд детерминант зависти, которые можно рассматривать и как её составные части: «В основе возникновения чувства зависти всегда лежит *социальное сравнение*. <...> Процесс социального сравнения выявляет вторую детерминанту зависти – наличие *превосходства другого человека* и осознание субъектом более низкого собственного положения. <...>. Завидующий интерпретирует чужой успех как своё поражение...» [12, с. 4-5]. Е. П. Ильин считает, что в данной структуре «упущен главный компонент зависти. Ведь зависть возникает не просто к тому, кто располагает тем, чего нет у завидующего. Она возникает только по поводу того, к чему у человека имеется пристальный интерес, что им высоко ценится и *в чем у него имеется потребность*» [9, с. 319].

Соглашаясь с Ильиным, хочется добавить, что необходимо учитывать ещё один компонент зависти, без которого она бы не возникла: это её естественные предпосылки, о которых говорилось выше. Следует также добавить, что упоминаемые многими авторами как со-

ставные элементы зависти желание или причинение объекту зависти вреда присутствуют не всегда. Для «белой» зависти характерно, напротив, восхищение. И не все люди в своей «чёрной» зависти, переходят на ступень деятельности. Менее решительные держат зависть в себе, молча переживая, или же их деятельность ограничивается разговорами с другими людьми о том, что с ними поступили несправедливо или же о том, что «объект зависти» (вслух эти слова не произносятся) недостоин того, что получил. Когда же такие слова (часто в грубой форме) обращены непосредственно объекту зависти, их можно уже рассматривать как деятельность, направленную на реальное лишение объекта зависти «его предмета превосходства». А деятельность как результат «белой» зависти заключается в самосовершенствовании.

Классификация субъектов, объектов и предметов зависти.

Когда говорят об объектах зависти, часто имеют в виду и того человека или тех людей, которым завидуют и то, чем обладают эти люди, вызывая зависть. Для удобства оставим название «объект зависти» только для людей, а то, чем хотел бы обладать субъект – завистник, обозначим как «предмет зависти». Можно предложить следующую классификацию групп субъектов зависти, используя естественные и социальные критерии. Для каждой группы характерны определённые объекты и предметы зависти.

Одним из естественных критериев такой классификации может быть *половая принадлежность*. Например, женщины, не имеющие детей, довольно часто завидуют тем, кто их имеет. Руководитель московского тренингового центра PsyExLab Галина Тимошенко пишет: «замечено, что мужчины чаще завидуют материальному положению другого, женщины – красоте и семейному благополучию» [18]. То есть здесь проявляется зависимость структуры предметов зависти от естественного полового разделения.

В понимании этого вопроса встречаются и крайности. Так, юный гений-женоненавистник Отто Вейнингер считал, что только женщина стремится к тому, чтобы вызвать зависть у подруг: «Женщина горда тем, что её любят, она хвастается своей любовью перед другими женщинами для того, чтобы вызвать в них зависть. Мужчина воспринимает любовь к себе другого человека, как внимание к его истинной ценности, как более глубокое понимание

его сущности. <...> Все женщины, вероятно, завистливы. <...> Даже зависть матерей по поводу того, что дочери других женщин успели раньше выйти замуж, чем её собственные, есть симптом действительной низости. Эта зависть, как и всякая другая, предполагает позднейшее отсутствие чувства справедливости. <...> Без справедливости нет общества. Зависть, напротив, абсолютно несоциальное свойство. Действительно, женщина совершенно несоциальна» [4, с. 109–110].

Таким образом, если Анна Фенько почти отождествляет зависть и справедливость, то Вейнингер их абсолютно противопоставлял. У данного автора нет полутонов; скорее всего, он был абсолютно внушаем в детстве, в результате чего у него сложилась чёрно-белая система оценок чувств: «справедливость – это хорошо, зависть – очень плохо, поэтому завидовать могут только очень плохие люди, с которыми у меня нет ничего общего, т. е. женщины. Значит, те чувства, которые я иногда испытываю, не могут быть завистью, это – стремление к справедливости». Конечно, полной уверенности в таком ходе рассуждений Вейнингера нет, но это бы многое объясняло как в его взглядах, так и в причине его самоубийства в 23-летнем возрасте.

Существуют и *возрастные* особенности зависти: Ильин пишет: «В онтогенезе зависть появляется довольно поздно как результат морального эгоцентризма ребёнка, соревновательного характера игр, неудовлетворения потребности в признании. Часто зависть возникает к братьям и сёстрам. Младшие завидуют превосходству старших, а те, в свою очередь, завидуют младшим, потому что родители относятся к ним с большим вниманием, трепетом» [9, с. 322]. Если дети порой завидуют силе и другим преимуществам, которые даёт возраст, то для зрелых и пожилых предметы зависти – молодость и здоровье.

Здоровье может быть и предметом зависти для молодых, но в данном случае критерием будет *различие в генетических и приобретённых особенностях организма*. По данному критерию предметом зависти могут быть сила и красота, хотя в наше время эти *естественные феномены* могут быть достаточно легко *социально* скорректированы.

Зависть могут испытывать и к влюблённым, и к тем, кого любят, так как *любовь* приносит позитивные эмоции.

Структура субъектов, объектов и предметов зависти зависит и от такого естественного фактора, как *проживание в конкретном географическом регионе*. Северянин, не планирующий переезд на Юг, не будет завидовать владельцу яхты, а южанин – хозяину снегохода.

Итак, группы субъектов зависти, условно объединённые по различным естественным критериям, имеют достаточно чётко выявляемые «предпочтения» объектов и предметов зависти. Однако не меньшее значение имеют и социальные основы классификации объектов зависти. Это, прежде всего – принадлежность к разным странам, разным эпохам и разным социальным слоям.

Структура *социальных* предметов зависти в большинстве своём имеет естественные предпосылки – инстинкт самосохранения, стремление к собственности, в том числе к собственности на территорию, на близких, стремление к успешности, стремление принадлежать к сильной группе. Следовательно, предметами такой зависти будут деньги, комфортные условия существования, предметы быта, средства передвижения, проживание в местности, обладающей высоким рейтингом (например, многие россияне хотят проживать в Москве или за рубежом), жена (муж), дети, карьера, успешность детей, друзья, принадлежность к сильной группе, статус, власть.

Всё перечисленное – предметы гордости одних и предметы зависти других.

Классификация типов зависти.

В философской и психологической литературе приводятся и различные классификации разновидностей зависти.

Зависть различается, во-первых, *по целям*, которые ставит перед собой завистник. Здесь наиболее известна позиция И. Канта, который выделял чёрную (ещё её называют злобной) зависть, сопровождающуюся стремлением лишить блага другого и просто недоброжелательность. Очень популярно выделение «белой» (или восхищённой, соревновательной, раздражительной) зависти. О различии целей «чёрной» и «белой» говорил Дж. Нью (J. Neu): «В случае злобной зависти человек хочет унижить другого (до собственного уровня или ниже); в случае восхищённой зависти человек желает возвысить себя (стать таким же, как другой человек)» [Цит. по: 9, с. 321–322].

Важное отличие причин и целей «белой» и «чёрной» зависти отмечает Ильин: «Наличие

злобной зависти свидетельствует о неспособности завидующего достичь того уровня, на котором находится другой человек; это проявление своего бессилия. Ещё одна причина «чёрной» зависти – «каузальное заблуждение» (Schoeck, 1969), т. е. восприятие человека, имеющего превосходство, как причины собственных неудач и униженного положения» [9, с. 321].

По поводу злобной зависти С. В. Герасимов пишет: «Человек, обиженный жизнью, ощущает желание справедливо мстить ей – то есть, мстить всему миру. Глупый будет ненавидеть умных. Злой – добрых. Бедный – богатых. Одинокий – любимчиков женщин» [6, с. 120]. Однако, в таком изложении практически все люди предстают завистниками. Это не так. Высоко нравственные люди радуются успехам других, или, по крайней мере, расстраиваясь от чужих успехов, понимают, что эти успехи заслуженные и стремятся достигнуть того же. Следует различать завидующих в определённый момент и тех, кто завидует постоянно, потому что к первым принадлежат, на наш взгляд, все люди. Каждый из нас временами завидует, это естественно, и здоровая, «белая» зависть служит прекрасным стимулом развития. А люди, которые делают зависть смыслом жизни, никогда не смогут быть счастливыми. Или испытывают патологическую форму счастья, узнав о неудачах своих соперников. Это явление называют *злорадством*.

Г. Тимошенко отмечает иное проявление злорадства: «злорадствуют – испытывают удовольствие от зависти других – обычно люди с пониженной самооценкой» [15]. Отметим, что такой тип злорадства, на наш взгляд, может возникнуть только у тех, кто ранее сам испытывал зависть и унижение. Теперь же, достигнув успехов, он злорадствует потому, что другие таких успехов не достигли и вынуждены завидовать в свою очередь. То есть злорадство может быть испытано при неудачах других или при собственных успехах, достигнутых после реального или воображаемого унижения.

Говоря о «белой» и «чёрной» зависти, хочется уточнить, что речь, скорее всего, должна идти об одном и том же психологическом эволюционном механизме, различающемся только по степени проявления, которая в свою очередь зависит от темперамента и психологического склада в целом, а также от степени податливости человека воспитанию.

Последствия зависти.

Естественными составляющими зависти и её последствиями являются негативные физиологические и психологические реакции. П. Куттер отмечает, что «Зависть может выродиться в самобичевание. <...> Интенсивное самобичевание может вызывать физические симптомы. Человек “бледнеет от зависти”, поскольку сжимаются кровеносные сосуды и повышается кровяное давление; человек “желтеет от зависти”, поскольку кровь насыщается желчью» [11].

Противоположные чувства удовольствия испытывают объекты зависти оттого, что окружающие знают их истинный рейтинг и уважают их за это. А карьерист полное удовлетворение получает тогда, когда ему завидуют, он испытывает потребность в зависти других. Такие люди никогда не будут скрывать своих достижений и благ, заслуженных или нет. Желание поделиться своими достижениями при переходе границы меры превращается в *хвастовство*. Хвастаясь, человек стремится подтвердить свой статус, или высказывает претензию на более высокий статус. А то, что люди часто хвастаются не только собственными успехами, но и успехами своих близких и друзей, объясняется потребностью принадлежать к группе, обладающей более высоким статусом.

Если же человек скрывает свои достижения или богатство, то одной из причин этого может быть страх перед завистью других, в результате которой можно потерять свои преимущества. Но причиной может быть и воспитание, настаивающее на том, что хвастовство – плохая черта и человеку трудно определить, будет ли сообщение о своих победах хвастовством или просто информацией. Сам же запрет на хвастовство – следствие общинного требования не выделяться из группы, основанного на её естественной потребности в самосохранении.

Социальными последствиями зависти являются не просто оскорбления более успешных людей, но и преступления (кражи, грабежи, убийства). Социально-политические последствиями зависти (когда её начинают испытывать не отдельные личности, а большие группы, классы) – различные революционные учения, политические доктрины эгалитаризма, приводящие, в свою очередь, к бунтам, революциям, войнам.

Таким образом, учитывая все основные причины, основные последствия зависти и

её сущность, можно дополнить определение А. В. Прокофьева, приведённое выше: «Зависть – эмоция или чувство досады или горечи, возникающее при виде того, что другой обладает благом или преимуществом, которые отсутствуют у завистника, порождающее осознание неудовлетворённости естественных и социальных потребностей, в ряде случаев сопровождающееся желанием лишить их соперника»¹.

Существуют ли люди, полностью лишённые зависти? Исходя из того, что это эволюционное, генетически присущее человеку качество, то можно однозначно ответить, что нет. Хотя существует разный уровень зависти, который определяется генетически. Воспитание не может снизить этот уровень, сможет только приучить бороться со своей завистью и не выказывать её открыто. Если же представить человека полностью лишённого этого чувства, то он будет примером генетической аномалии, не обладающим стимулом развития.

Обратимся к третьему элементу триады – *мести*. Как было сказано в начале статьи, месть – уже не чувство, как зависть или ощущение несправедливости, а действие. Но данные чувства являются двумя основными причинами мести, и в этом проявляется их взаимосвязь. В то же время, далеко не всегда эти чувства вызывают месть.

Стремление бороться с собственной завистью достойно уважения. Эта чисто социальная потребность – результат воспитания – накладывает ограничение на естественную потребность немедленно изменить ситуацию, вызывающую зависть. Однако у обладателей «чёрной» зависти возникает потребность в мести. Как уже было сказано, зависть, как и ощущение несправедливости, вызывает страдания. Возможно, здесь проявляется один и тот же психолого-физиологический механизм: любое проявление преимущества других вначале воспринимается как несправедливость. Различие состоит в том, что анализ, основанный на логике и социальном воспитании, приводит порой к выводу о том, что преимущества справедливы. Если же индивид считает преимущество несправедливым, то в зависимости от степени чувства и уровня самооценки он может испытать или чувство унижения и слабости, или недоброжелательность к оппоненту, или желание мести.

¹Мною дополненные в определение слова выделены курсивом.

Поскольку ощущение несправедливости мучительно, постольку ясно, что оно связано с биохимическими процессами в организме. То же самое можно сказать и о чувстве облегчения в результате восстановления справедливости, или возникающем порой чувстве злорадства по отношению к тем, кто допускал ранее несправедливость. Желание восстановить справедливость зачастую бывает очень сильно, порождая злопамятность и потребность в мести. Естественная основа злопамятности была недавно обнаружена швейцарскими неврологами, которые выявили связь между злопамятностью и геном, отвечающим за работу гормона норадреналина, – ADRA2B [5].

П. Куттер даёт такое определение мести: «Мечь – это особая форма враждебности, для которой характерна задержка в проявлении непосредственной агрессии. Цель мести – отплатить за причинённые страдания. Поэтому есть основания утверждать, что лейтмотивом ненависти, которую испытывают молодые люди к старшим и женщины к мужчинам, является мечь. Чем серьезнее нанесённое оскорбление, тем сильнее желание за него отомстить. Подобные чувства вполне оправданны и понятны» [11].

Непонятно только, почему здесь говорится только о молодёжи и женщинах? Всем известно, что и мужская мечь тоже бывает с задержкой. Конечно, с психологической точки зрения можно объяснить, почему мужчина чаще мстит сразу после оскорбления или после острого переживания зависти, а женщина может ждать удобного случая годами. Всё дело в гормонах, которые различны у мужчин и женщин. Возможно поэтому женская мечь бывает хотя и намного более редкой, чем мужская, но более изощрённой и поэтому более запоминаемой. В то же время, задержка мести может оказаться полезной: многие постепенно «остывают», прощают обидчиков, желание мести проходит и лишь очень сильная обида или зависть поддерживает это желание.

Здесь следует проанализировать понятие *рессентимент*, введённое в философию Ф. Ницше, под которым понимается новое переживание прежнего негативного чувства, вследствие чего прежнее чувство усиливается. Ницше считал, что главной причиной рессентимента является слабость, порождающая рабскую мораль.

По нашему мнению, явление рессентимента вызывает сложная структура причин. Первая естественная причина – это потребность ответить либо на агрессию, либо на несправедли-

вость; или потребность наказать того человека, который вызывает мучительную зависть. Вторая – осознание своей слабости по сравнению с желаемым объектом агрессии. Эта слабость может быть физической, или заключаться в более низкой ступени общественной иерархии, так что здесь может присутствовать и социальная предпосылка. Противоречие между этими факторами приводит к рессентименту. Сама по себе отсрочка реакции – эволюционный продукт, так как особь, пытающаяся напасть на более сильного, редко даёт потомство. Дальнейшая судьба чувства зависит от особенностей психики человека. Его нереализованная агрессия может перейти в рессентимент, а может постепенно сойти на нет. Поскольку это очень важно, повторим, что только часть задержанных реакций переходит в рессентимент и в этом тоже есть эволюционное приобретение.

К естественным причинам данного феномена присоединяется и социальная. Общественная мораль, подавляя внутривидовую агрессию, по сути, способствует рессентименту, хотя такой цели не ставит. Мораль требует любить ближнего, но если обида сильна, человек вынужден её скрывать. Однако и эта социальная причина имеет естественную предпосылку, поскольку, как мы знаем, в животном мире существует инстинктивный запрет на внутривидовую агрессию.

На основании вышеизложенного можно предложить такое определение: *Мечь – это задержанная реакция – ответ на страдания, вызванные несправедливостью или завистью и непреодолимые никаким иным способом, кроме агрессии.*

Итак, все выделенные нами феномены сложным образом связаны друг с другом, имеют как социальную, так и естественную составляющую, и у всех трёх присутствуют эволюционные положительные свойства. Стремление к *справедливости* поддерживает мораль. Чем больше люди будут соблюдать совместно выработанные принципы справедливости, тем совершеннее, гуманнее будет общество. *Зависть* даёт человеку и общественным группам мотивацию для самосовершенствования, является естественной основой соревновательности и конкуренции и тем самым – мощным стимулом развития во всех сферах общества (науки, промышленности, искусства, создании предметов комфорта и т. п.). Но зависть, чрезмерно овладевшая человеком по закону перехода количе-

ственных изменений в качественные, становится «чёрной» и приводит либо к психосоматическим заболеваниям, либо к мести. *Месть*, как было сказано, имеет две причины. Первая – нарушение принципа справедливости. В этом случае положительная роль будет заключаться в том, что её возможность будет во многих случаях останавливать тех, кто намерен поступать несправедливо. Хотя общество выработало более цивилизованные, чем месть, способы наказания за несправедливость, они не всегда

действенны. Вторая причина мести – «чёрная» зависть, и у неё нет никаких положительных сторон, однако преодолеть её будет невозможно из-за её естественного характера, если только человечество не начнёт использовать методы генной инженерии. Но в таком случае возникает опасность гибели человечества, так как, уничтожая стремление к мести, «инженеры» уничтожат и «белую» зависть – стремление к соревновательности и лишат человечество одного из важнейших стимулов развития.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. М.: АСТ, 2002. 393 с.
2. Британские учёные расшифровали химию справедливости. URL: <http://www.membrana.ru/lenta/?8292> (дата обращения: 01.02.2011).
3. Бурн Ш. Гендерная психология. URL: <http://www.1gay.ru/books/genderps.zip> (дата обращения: 09.01.2011).
4. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Латард, 1997. 357 с.
5. Ген велел делиться: URL: <http://mygenome.ru/articles/55/> (дата обращения 15.02.2010).
6. Герасимов С. В. Психология зла. 2007. 167 с. URL: <http://knigosite.ru/7360-psixologiya-zla-gerasimov-sergej.html> (дата обращения: 18.01.2011).
7. Гусейнов А. А. Справедливость // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
8. Злопамятный ген. URL: http://www.gazeta.ru/science/2007/07/31_a_1970916.shtml (дата обращения: 19.07.2010).
9. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с. с ил. (Серия «Мастера психологии»).
10. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. д-ра филос. наук Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 344 с.
11. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / пер. с нем. С. С. Панкова. СПб.: Б.С.К., 2004. URL: http://www.psychol-ok.ru/lib/kutter_p/.../lnzr_01.html (дата обращения: 18.01.2011).
12. Муздыбаев К. Психология зависти // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 6. С. 3–11.
13. Оганесян А. К. Равенство и справедливость (Концепции Д. Роулса и Д. Белла // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / под ред. А. А. Гусейнова. М., 1990. С. 214–228.
14. Прокофьев А. В. Зависть // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. М.: Мысль. 2010. 634 с.
15. Психологический центр Галины Тимошенко. URL: http://askort.com/?item_id=7659 (дата обращения 11.10.2010).
16. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. и науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 535 с.
17. Теория справедливости Дж. Адамса. URL: http://secmotiv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31:teoriya (дата обращения: 16.01.2011).
18. Тимошенко Г. Психологическое агентство. Алгоритмы счастья. URL: www.psygt.ru/ (дата обращения 11.10.2010).
19. Учёные оправдали семь смертных грехов. URL: <http://www.kp.ru/daily/23606/46311/> (дата обращения: 20.01.2011).
20. Фенько А. Зависть как двигатель прогресса // Журнал «Власть» № 40 (391) от 10.10.2000. URL: <http://www.Kommersant/vlast/> (дата обращения: 12.07.2010).
21. Фет А. И. Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск: Сова, 2005. 652 с.
22. Хлебопрос Р. Г. Предисловие / Фет А. И. Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск: Сова, 2005. С. 3–8.
23. Adams J. S. Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed), *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press. Vol. 2. 1965. Pp. 267–299.
24. Crosby F. J. *Relative deprivation and working women*. New York: Oxford University Press. 1982.
25. Walker Iain, Smith Heather Jean. *Relative deprivation: specification, development, and integration* // Saybruk Graduate School. Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 23.03.2012 г.

**Требования к статьям,
публикуемым в научном журнале
«Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского»**

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

| Жанр | Минимальный объём |
|--|------------------------------------|
| Статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>) | 0, 5 п.л. (<i>20 000 знаков</i>) |
| Научные сообщения, доклады | 0, 3 п.л. (<i>12 000 знаков</i>) |
| Научные обзоры, рецензии | 0,2 п.л. (<i>8 000 знаков</i>) |

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

2. Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

3. Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, *если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.*

5. Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языке. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языке строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём 100–250 слов) на русском и английском языке. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языке.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. *На последней странице указывается*, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

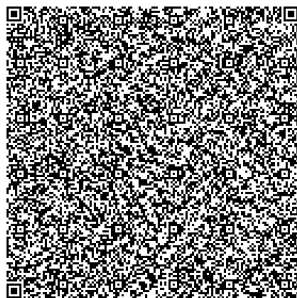
Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора / авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.



Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, для «Объединённой редакционной коллегии научных журналов ЗабГГПУ».

Редактор И. А. Романов,
Т. Р. Шевчук
Вёрстка И. Н. Аргуновой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой
Переводчик Е. В. Наказная

Подписано в печать 27.04.2012.
Формат 60×84¹/₈.
Гарнитура «Times New Roman».
Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 15,0. Уч. изд. л. 30,0.
Заказ № 08912. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Managing editor I. A. Romanov,
T. R. Shevchuk
Make-up I. N. Argunova
Cover design M. R. Koptelova
Translator E. V. Nakaznaya

Signed to print 27.04.2012.
Format 60×84¹/₈.
Headset «Times New Roman»
Operative printing
Conv. quires 15,0. Ed.-print quires 30,0.
Order № 08912. Circulation 1000 copies.

Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky
672007, Chita, 129 Babushkin St.